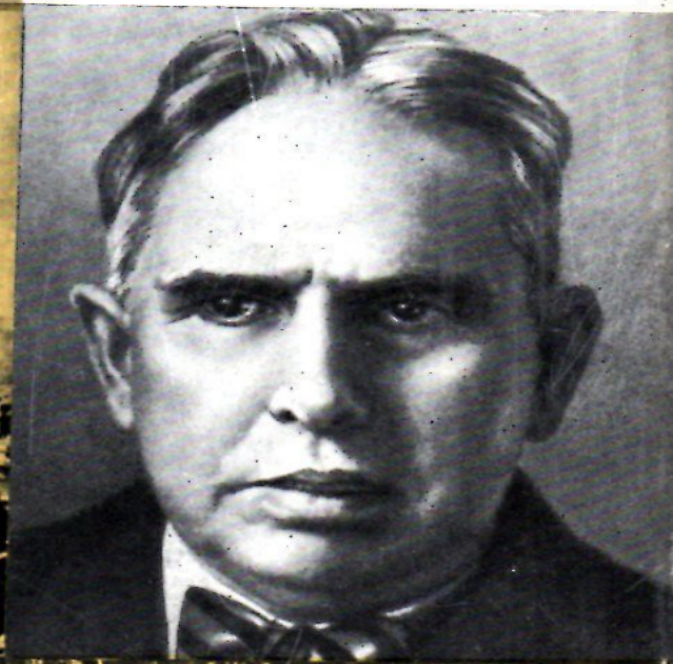
ДРАЙЗЕР



С. Батурин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

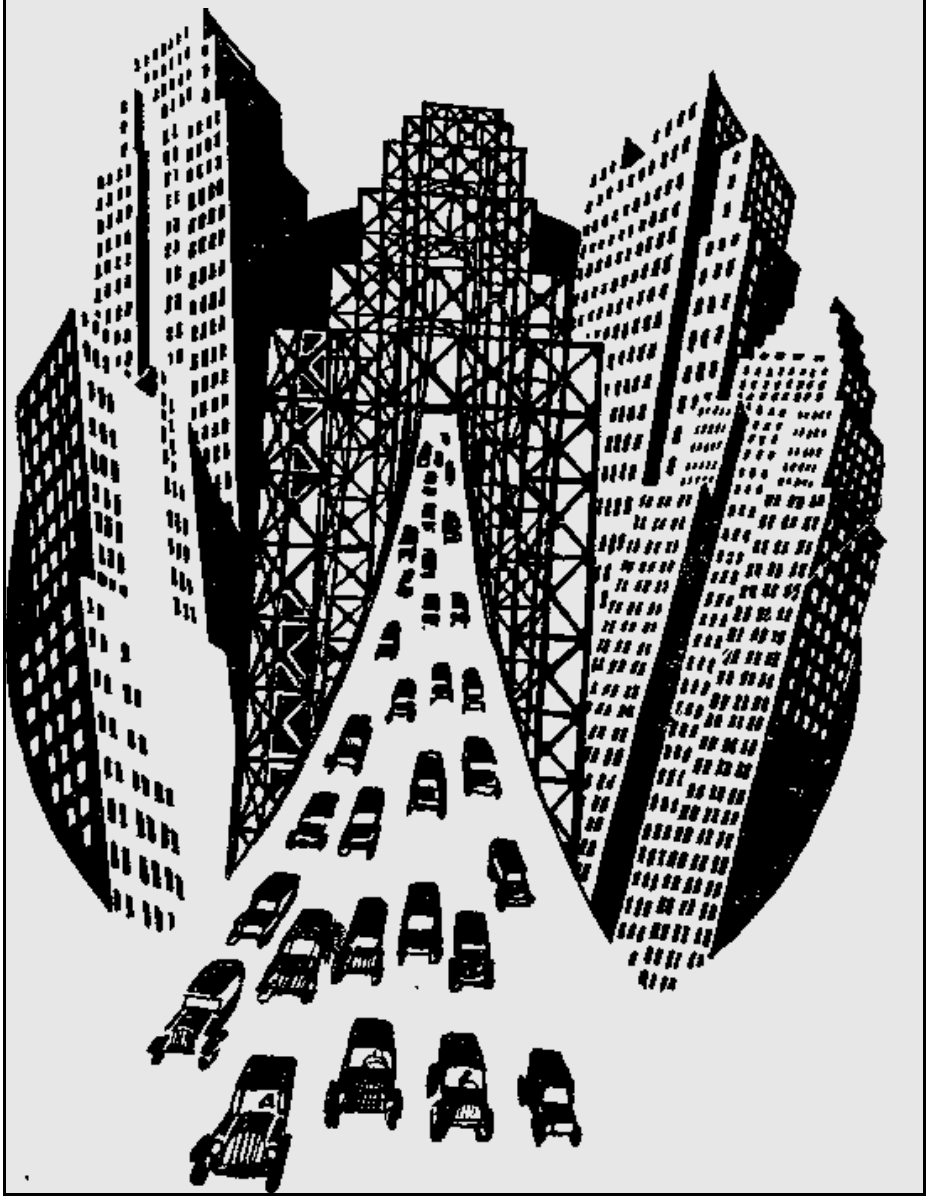
Annotation

Эта книга о крупнейшем американском писателе и общественном деятеле Теодоре Драйзере. В своих романах Драйзер разрушает миф о «свободном мире», показывает, что в Америке рядом с богатством существует беспросветная нужда, рядом с комфортом и бездельем — безработица и голод. Великая Октябрьская социалистическая революция в России явилась поворотным пунктом в жизни и творчестве Драйзера. «С глубочайшим интересом наблюдал я зарождение и рост СССР, — писал он в 1934 году, — думаю, что оставаться при этом внутренне безучастным… невозможно». В 1927–1928 годах Драйзер посетил Советский Союз. До конца своей жизни он остался большим другом нашей страны.

- Часть I
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
- Часть II
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
- Часть III
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
- Часть IV
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
- Часть V
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

Theodore Dreiser

Часть I



Глава 1
РОДИТЕЛИ, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

Американский Средний Запад издавна привлекал переселенцев своими плодородными землями, богатыми залежами полезных ископаемых, хорошими климатическими условиями. Ежегодно сюда прибывали новые переселенцы из районов Новой Англии и из Европы. Одних гнала нужда, других притягивали новые земли, третьи бежали от призывов в армию из беспрерывно воевавших между собой стран Европы, четвертые отправлялись за океан в поисках «новой мечты», ими двигали религиозные искания. Заметим, кстати, что именно эта группа переселенцев по убеждениям составила ту социальную среду, на базе которой возникло оппозиционное движение, побуждавшее лучших представителей колоний к просветительской деятельности. Наиболее смекалистые и предприимчивые иммигранты разводили скот и открывали шахты, скупали землю и строили железные дороги. Одним везло, и они богатели, другие — таких было подавляющее большинство — всю жизнь безропотно тянули лямку, не вылезая из нужды.

Наплыв иммигрантов из Европы особенно возрос в конце 40-х годов XIX века. Тому способствовали разные причины: поражение революции 1848 года в Европе, голод в Ирландии, открытие больших залежей золота в Калифорнии.

В 1844 году среди новых переселенцев был и двадцатитрехлетний Джон Поль Драйзер, покинувший родную Германию, чтобы избежать призыва на военную службу. Какое-то время он работал в Нью-Йорке и в штате Коннектикут, но вскоре в поисках счастья подался на Средний Запад. Во время своих скитаний с одного места на другое он встретил красавицу Сару Марию Шёнёб, дочь зажиточных фермеров. Молодые люди полюбили друг друга, но родители Сары, члены небольшой религиозной секты, воспротивились браку дочери с католиком. Семнадцатилетняя девушка в новогоднюю ночь 1851 года тайком покидает дом и выходит замуж за Джона Поля Драйзера, который к этому времени работал на шерстопрядильной фабрике в городе Дайтон (штат Огайо). Разгневанный отец Сары заявил, что он не желает больше видеть свою дочь, и этого решения не нарушил до конца своей жизни.

Молодожены через какое-то время перебрались в штат Индиана, который вошел в союз североамериканских штатов в 1816 году. Название свое Индиана получила потому, что

подавляющее большинство ее жителей в то время составляли индейцы. Впоследствии, когда в поисках «земли обетованной» через штат двинулись переселенцы на Запад, Индиану стали называть «американским перекрестком». Историки отмечают, что в первой половине XIX века население штата приобрело особые характерные черты, которые сохранились надолго: деревенскую простоту, стремление к независимости и известной изоляции, консерватизм и непроизвольный идеализм.

Вначале судьба благоприятствовала Драйзерам, и вскоре они стали совладельцами шелкопрядильни. Но их благополучие продолжалось недолго: пожар уничтожил фабрику и запасы шерсти. Вскоре самого Джона Драйзера тяжело покалечило на стройке, где он работал. В довершение всех несчастий один за другим умерли трое старших сыновей. Все эти беды сломили силы и дух Джона Поля Драйзера, и для семьи наступили тяжелые годы скитаний и бедствий.

Летом 1871 года Драйзеры жили в Терре-Хот — типичном провинциальном городишке американского Среднего Запада, расположенном на реке Уобаш, в нескольких милях от границы со штатом Иллинойс. Угольные шахты, винокуренный завод, железнодорожное депо и сталелитейня служили местом работы для жителей города и его окрестностей. В 70-х годах прошлого века в Терре-Хот проживало около 17 тысяч человек, и более 90 процентов из них существовало на весьма скромные заработки, которые приносил им двенадцатичасовой рабочий день. Местные богачи, в том числе один миллионер, жили в особняках с остроконечными крышами на авеню Уобаш, и бедняцкая детвора с завистью посматривала на обширные зеленые лужайки перед особняками, клумбы цветов, усыпанные речным песком дорожки. Авеню Уобаш было настоящим оазисом в пыльном, закопченном городке одноэтажных деревянных домов.

Драйзеры — отец, мать и их восьмеро детей — занимали домик на 9-й улице, в самом бедном районе города. Нищета не называлась здесь своим настоящим именем только потому, что она существовала повсеместно и считалась общепринятым явлением.

27 августа 1871 года в семье родился девятый ребенок — мальчик, которому дали имя Герман Теодор. Впоследствии будущий писатель не раз слышал рассказ матери о том, что его появление на свет было отмечено чудесным знамением — через комнату, где лежала роженица, якобы прошествовали три смеющиеся феи с цветами на голове.

Раннее детство писателя было наполнено мистическими рассказами и религиозными предрассудками, голодом и холодом.

Его окружали бедность и невежество, тяжкий труд. Лишь любовь и ласки матери скрашивали полуголодное существование хилого, болезненного Теодора. Угрюмый, погруженный в религиозные думы, отец перестал быть опорой семьи, и вся тяжесть забот о пропитании детей свалилась на плечи матери. Она не чуралась никакой работы, лишь бы спасти детей от смерти, — стирала, убирала в местной гостинице, помогала другим по хозяйству, сдавала комнаты и готовила обеды одиноким рабочим.

Дети любили мать и старались помочь ей чем только могли. Пятилетний Теодор вместе с братьями частенько собирал уголь на железной дороге, чтобы в доме было тепло. Когда стал постарше — вместе с сестрой разносил заказчикам пакеты с бельем, которое выстирала и отутюжила их мать. «Как ни был я мал, я все же сознавал страдания, выпавшие на долю моей матери, — писал он впоследствии об этих годах. — Мне вспоминаются долгие, мрачные, серые, холодные дни; скудная еда, состоящая из картошки или чечевицы. Ребенком, в особенности в эти годы, я не однажды бывал голоден…»

Тяжелый труд матери спасал Драйзеров от голода, но не от кредиторов. Долги росли, нечем было платить за квартиру, и семья вынуждена была переезжать из одного полуразрушенного дома в другой. По свидетельству писателя, в Терре-Хот они переезжали с места на место не менее пяти-шести раз. Крайне тяжелые материальные условия все же не могли лишить родителей желания дать своим детям хотя бы какое-то образование. Мать стремилась отдать детей в бесплатную общественную школу, но отец настоял на платной католической — он уже представлял одного из своих сыновей в роли священника. Первым в католическую школу был отправлен старший сын Поль. Но к этому времени тот уже имел твердо определившуюся склонность к пению и стихам. Церковная муштра пришлась ему не по душе, он сбежал из школы, но не вернулся домой, а вступил в одну из бродячих театральных трупп. Не проявлял никаких склонностей к учебе и второй брат — Ром, которого привлекала недоступная ему легкая жизнь, азартные игры, спиртное. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы Ром оказывал посильную помощь родителям, его самого то и дело приходилось выручать из затруднительных положений.

Теодор рос любознательным, серьезным ребенком, склонным внимательно вслушиваться в беседы взрослых. Отец любил брать Теодора с собой на прогулки и с удовольствием отвечал на его бесконечные вопросы. Впечатлительный мальчик быстро все схватывал и рано научился понимать истинное положение дел в семье. Его доводил до слез один вид рваных туфель матери, и он

изо всех сил стремился помочь ей в хлопотах по хозяйству. Если летом Драйзеры еще кое-как ухитрялись сводить концы с концами, то наступление холодов являлось для них настоящим бедствием. «Долгие годы, — писал спустя много лет Драйзер, — даже когда мне уже было лет 35 пли 40, приближение зимы неизменно наполняло меня каким-то неопределенным и крайне угнетающим страхом…»

В шестилетнем возрасте Теодора отдали в небольшую немецкую католическую школу, расположенную на той же 9-й улице. Неподалеку, буквально за углом, находилась бесплатная общественная школа, но отец по-прежнему и слышать не хотел, чтобы его дети посещали какую-либо другую школу, кроме церковной. В памяти писателя от этих первых ученических лет остались долгие часы тягостных служб, зубрежка катехизиса, недоброжелательные лица церковников. С удовольствием он вспоминал только красочные картинки из букваря да краткие минуты игр со сверстниками. Уже в те годы Теодор понимал, что он, его родители, братья и сестры гораздо беднее других. Он страдал, что его одежда и обувь были намного изношеннее, чем у других школьников, что почти все смотрели на него свысока. Разнося по вечерам пакеты с бельем, он старался выбрать улицы потемнее, чтобы не попадаться на глаза знакомым ребятам.

Между тем материальное положение Драйзеров все ухудшалось, отец почти не работал, а самоотверженных усилий матери было явно недостаточно, чтобы прокормить такую большую семью. Было решено временно разъехаться и попытать счастья в другом месте. Мать с тремя младшими детьми — шестилетним Эдом, семилетним Теодором и девятилетней Кларой — покинула Терре-Хот и по приглашению знакомых уехала в небольшой городок Винсенс. Глава семьи и четыре старшие дочери остались на месте, им всем удалось устроиться в мастерские по производству ковров, и они намеревались часть заработка высылать матеря. Одиннадцатилетнего Эла определили работать на ферму. Что же касается двух старших сыновей — Поля и Рома, то от них не было ни слуху ни духу.

Расположенный километрах в восьмидесяти к югу от Терре-Хот Винсенс, по словам писателя, представлял собой «странный, но очень интересный для меня американо-французский городок, совершенно непохожий на Терре-Хот. Улочки его были узкими и извилистыми, на них доминировали красные и белые цвета, так любимые французами. Высокие французские окна домов и магазинов на ночь закрывались массивными деревянными ставнями. Улицы были вымощены булыжником, совсем как во Франции… Река Уобаш здесь протекала в нескольких милях от

города, не как в Терре-Хот, и ее можно было лишь разглядывать с близлежащей высотки»..»

Приютившее мать и детей Драйзеров семейство Тинби занимало часть второго этажа дома, в котором размещалась местная пожарная команда. На первом этаже была конюшня, стояли насосы со шлангами, лестницы и бочки с водой, второй и третий этажи были отведены под комнаты для пожарных. Тинби, молодой сильный мужчина, служил в качестве капитана пожарной команды. Он и его жена благожелательно встретили Драйзеров. На маленького Теодора городок произвол неизгладимое впечатление. Он любил стоять у окна дома пожарной команды и подолгу любоваться городом. «Нервная дрожь, вызванная бурными грозовыми раскатами и косыми потоками дождя, низвергающимися на улицы; пляска многочисленных зонтиков на тротуарах внизу, под окном. И яркий, чистый дом пожарной команды, полный красочного и блестящего оборудования, людей в форме, подобранных по масти пар лошадей — то гнедых, то черных, то серых, — стоящих в глубине окрашенных в красное стойл. И всюду полнейший порядок и готовность к действиям. Около десятка пожарных на дежурстве, в красных рубахах, синих форменных штанах и куртках с металлическими пуговицами. Их огромные резиновые плащи, шляпы и сапоги ждут своей очереди в отведенных им местах на бочках и насосах. В моих глазах все это было подлинным чудом!» С таким же изумлением любознательный мальчик наблюдал и за работой установленного при доме телефона.

Словом, в Винсенсе Теодору понравилось. Однако их пребывание в этом городе продолжалось лишь несколько недель, а затем мать с детьми переехала в Салливан, город, в котором она с мужем когда-то знавала лучшие времена. С помощью старых знакомых летом 1879 года ей удалось снять недорогой коттедж с небольшим участком, и она снова начала зарабатывать на жизнь стиркой и уборкой. Дети по-прежнему разносили пакеты с бельем, собирали на железной дороге уголь, помогали матери выращивать овощи. Они продолжали ходить в школу, хотя матери стоило немалых трудов одеть их и особенно обуть. Однажды зимой учитель отправил Теодора и Эда из школы домой, так как сидеть в классе босыми было слишком холодно. Пришлось матери брать дополнительную стирку, чтобы оплатить ботинки. Семья жила в голоде и холоде, но зато как горд бывал поздними вечерами девятилетний Теодор, когда он вместе с сестрой обучал мать письму. Радовалась и мать: всю жизнь ей хотелось научиться писать, и вот теперь наконец-то младшие дети пришли ей на

помощь.

Несмотря на нужду, эти годы писатель вспоминал с благодарностью: «Если бы меня попросили указать какой-то период моей юности или даже всей жизни, о котором я мог бы сказать, что он представлял собой единство простоты, чудес, красоты, при почти полном отсутствии знания о добре и зле или чувств, ими вызванных, я бы остановился на двух-трех годах, которые прошли в простом небольшом белом домишке, приютившем нас в Салливане». Неподалеку от дома Драйзеров располагалась железнодорожная станция, через которую проходили поезда. И основная прелесть Салливана для мальчика заключалась именно в этом зримом движении поездов через станцию. «О, когда же наконец я отправлюсь на таком поезде поглядеть мир?» — думал Теодор.

В ожидании этих лучших времен девятилетний Теодор наслаждался тем немногим, что имел. «Сидя в кресле-качалке у одного из окон нашей гостиной и лаская на коленях небольшого черно-белого щенка, одного из троих, приставших к нам, я часами раскачивался, напевал песенки, наслаждаясь утренними лучами солнца. Из окна открывался вид на широкое поле клевера, которое мне всегда представлялось то небольшим озером, то целым морем красок». В другие дни он вставал еще до восхода солнца и любовался его первыми лучами, а затем отправлялся со своим щенком в длительные прогулки по окрестным полям и рощам. Он любил сидеть у небольшого озера где-нибудь в лесу, смотреть, как отражаются в воде небо, деревья, или следить за полетом птиц. Сначала мать беспокоили его отлучки из дома, но постепенно она привыкла к ним, хотя и находила поведение Теодора несколько странным.

Беды никак не обходили Драйзеров. Зимой 1880/81 года закрылась местная шахта, и несколько человек, столовавшихся у Драйзеров, покинули город, не уплатив им за питание. Продуктовые лавки одна за другой отказывали в кредите, счета за коттедж были давно просрочены. И вот в феврале 1881 года наступил день, когда в доме не было ни корки хлеба, семья ожидала, что с минуты на минуту разгневанный хозяин прикажет выбросить их на улицу.

И тут, словно в рождественской сказке, произошло чудо. Поздним вечером раздался стук в дверь, и на пороге появился давным-давно покинувший отчий дом старший сын Поль. Уже один его вид — шелковый цилиндр, пальто с меховым воротником — говорил если не о процветании, то о полном благополучии. И действительно, певец, актер и композитор, известный под псевдонимом Дрессер, Поль имел успех и хорошо

зарабатывал. Начав свою карьеру в качестве музыканта и комика, актера странствующих театральных трупп, он вскоре стал известен как автор популярных песенок. Сначала он исполнял свои песни с подмостков бродячих театров, затем начал публиковать их за подписью Поль Дрессер. Первую известность ему принесли баллады «Письмо, которое так и не пришло», «Я верю этому, ибо так сказала моя мать». Подавляющее большинство баллад Поля Дрессера посвящены вечной теме материнской любви к детям. Драйзер считал, что из всех детей именно Поль был ближе всех к матери по характеру — он обладал такой же «мягкостью и симпатией», проявлял, как и мать, большую терпимость к человеческим «слабостям и ошибкам», излучал какое-то «успокаивающее тепло».

И на этот раз появление Поля, писал Драйзер, было для всей семьи подобно появлению «солнца или теплого, бодрящего пламени», в течение какого-то часа все в доме изменилось. Поль снабдил мать необходимыми средствами, а затем до самой ее смерти еженедельно присылал ей деньги. Вскоре при содействии Поля Драйзеры поселились в небольшом городке Эвансвилле.

Наконец-то семья перестала нищенствовать, однако у матери забот не убавилось. Другие дети не слишком радовали ее. Вскоре в Эвансвилле появился Ром. Он выпрашивал у матери, братьев и сестер деньги, попал в тюрьму по обвинению в подделке чеков, откуда его выручил все тот же Поль, устроил дома пьяный скандал и снова исчез надолго. Две старших сестры имели неудачные романы с богатыми любовниками, и матери пришлось выручать их из беды.

Теодор в Эвансвилле посещал церковноприходскую школу, хотя все его существо протестовало против господствовавших в ней начетничества, системы телесных наказаний за малейшую провинность, тупости и жестокости учителей. В свободное время он с увлечением читал сентиментальные истории «с продолжением», печатавшиеся в местных газетах, приключенческие романы и другие книги, совершенно непохожие на скучные католические учебники. Мальчик гордился своим знаменитым братом, чей портрет не сходил с афиш на главной улице городка. На всю жизнь он запомнил первое посещение театра, со сцены которого выступал Поль. В местной газете «Эвансвилльский Аргус» еженедельно появлялись написанные Полем фельетоны, и Теодор с радостью узнавал, что они перепечатываются многими газетами в других городах.

Изредка семью навещал отец. В эти свои короткие приезды он не столько интересовался успехами младших детей в учебе, сколько тем, регулярно ли посещают они церковь. Забота о

благополучии семьи по-прежнему лежала на плечах матери, к которой все дети шли и со своими радостями, и со своими бедами.

Вскоре Поль снова вступает в бродячую труппу. Драйзеры покидают Эвансвилль и переезжают в Чикаго, где обосновались старшие сестры — Мэм, Эмма и Тереза.

«Что за удовольствие еще ребенком увидеть, как растет современный город!» Чикаго в конце прошлого века рос буквально не по дням, а по часам. Тринадцатилетний Теодор бродил по городским улицам, с упоением наблюдая за строящимся гигантом. На всю жизнь полюбил он этот город, чтобы впоследствии воздать ему должное в своих книгах.

«Город, подобный ревущему пламени, город — символ Америки, город-поэт в штанах из оленьей кожи, суровый, неотесанный Титан, Бернс среди городов! — таким описывал он Чикаго в романе «Титан». — На берегу мерцающего озера лежит этот город-король в лохмотьях и заплатах, город-мечтатель, ленивый оборванец, слагающий легенды, — бродяга с дерзаниями Цезаря, с творческой силой Еврипида. Город-бард — о великих чаяниях и великих достижениях поет он, увязнув грубыми башмаками в трясине обыденного».

Мальчишке хотелось принять посильное участие в кипучей деятельности гигантского города, который так отличался от всего, что он видел раньше, города его мечты, которого, по его собственным словам, «никогда реально не существовало ни на суше, ни на море, и если описание напомнит его реальные очертания, то они явятся лишь бледной тенью того величия, которым он был наделен в моем мозгу». Но первое же соприкосновение с реальностью городской жизни потрясло и огорчило Теодора. Мать определила его мальчиком в магазин по соседству. Непрекращающийся поток покупателей, многочисленные поручения продавцов, беспрерывная беготня, шум, суета так подействовали на ребенка, что к концу дня он возвращался домой с тяжелой головной болью. На этом и закончилось первое хождение Теодора «в люди». Через некоторое время вместе с младшим братишкой Эдом он начал торговать газетами.

Вскоре в Чикаго приехал отец, снова потерявший работу, и Теодор становится его постоянным спутником в разъездах и хождениях по городу в поисках работы. Эти поездки дали ему «более ясное представление о размерах и характере города… Я видел, как росли Нью-Йорк и Лос-Анджелес — неистово, если хотите, — прибавляя за год пятьдесят, если не сто, тысяч жителей, новые жилые дома, магазины. Но впечатления быстроты

роста, поразившие меня в то время в Чикаго, не могли сравниться ни с чем, что я видел в других городах».

С одинаково обостренным вниманием Теодор вслушивался в доносившиеся по вечерам из сада звуки музыки и всматривался в вагоны проносившейся по улицам конки, разглядывал витрины роскошных магазинов и мрачные колодцы-дворы в районах городских трущоб, прислушивался к домашним разговорам о нехватке денег и выдерживал поучения отца.

Однако вскоре оказалось, что жизнь в Чикаго требует значительно больше средств, чем их имела семья. Было решено опять переехать в какой-нибудь небольшой город, где и жилье и питание стоили значительно дешевле. Выбор на этот раз пал на город Варшаву в штате Индиана, неподалеку от которого после смерти отца Сары ей в наследство достался небольшой участок земли.

Расположенный на берегу реки между тремя небольшими озерами, городок утопал в зелени, его пляжи и парки были хорошо известны в окрестности. «Поистине, озера и реки в Варшаве, ее ухоженные рощи и продуваемые ветрами с озер аллеи, красивые школьные здания и яркие площади напоминают мне теперь о наиболее поэтических и волнующих из моих юношеских впечатлений… После Чикаго… этот городок предлагал не только уверенность в завтрашнем дне, но и вызывал к жизни чувства прекрасного и неизведанного».

«Мне всегда приятно сознавать, что именно здесь — наконец-то — жизнь нашей семьи стала простой, консервативной, хорошо ухоженной — такой, как того больше всего хотелось моей матери». Перемены эти коснулись и младших детей — все трое впервые были отданы не в церковную, а в муниципальную городскую школу. «Именно в этой школе, — вспоминал Драйзер, — я впервые отчетливо осознал — и с каким облегчением! — что именно все это время угнетало меня и задерживало мое развитие — догматическое и устрашающее господство католической церкви и школы».

Новая школа и учителя произвели на подростка очень сильное впечатление, тем более что в душе и он, и его брат Эд не ожидали ничего хорошего и от этой школы. Но стоило Теодору войти в класс и увидеть на месте учителя «вместо отдающей безразличным тоном приказания мрачной монахини девушку лет двадцати с копной ярких волос, ниспадающих непослушными локонами вокруг головы, чьи смеющиеся коричневые глаза говорили о добрых намерениях и любви к жизни», как все его страхи словно рукой сняло. Поддержка учителей, их забота, внимание позволили Теодору быстро войти в новую для него

атмосферу школы, наверстать упущенное по отдельным предметам. Его успехи в языке и литературе были отмечены по достоинству, и он с гордостью и радостью под поручительство учительницы записывается в городскую библиотеку и начинает читать произведения Диккенса, Лонгфелло, По, увлекается романами Купера и Скотта, Готорна и Кингсли, Теккерея.

«Книги, которыми я теперь увлекался, подняли меня до совершенно другого состояния, привили новый взгляд на жизнь и до известной степени помогли лучше понять и выразить самого себя… Они заставили осознать, что многое можно сделать и есть множество путей научиться этому… Книги! Книги! Книги! Такие прекрасные, захватывающие, открывающие новые миры!.. Горизонты моих книг были неизменно голубыми», — писал впоследствии Драйзер.

Однако Теодор замечал, что и он, и его брат и сестра одеты значительно хуже своих сверстников. У них не было ни лыж, ни коньков, ни тем более красивой собственной лодки, предмета гордости многих других ребят. Вызванное этим чувство собственной неполноценности сковывало его, не позволяло до конца раскрыться заложенным в нем способностям, по временам делало его мрачным и нелюдимым. В довершение ко всему семейные неурядицы давали себя знать и теперь. Вновь появился Ром, который не преминул в первый же день напиться «до чертиков». Назавтра весь город знал, что у Драйзеров старший брат — пропойца и дебошир. Из Чикаго приехали сестры Эмма и Сильвия, и вскоре в городе стало известно, что, кроме сына-пьяницы, у Драйзеров еще имеются две дочери, «не знающие ни стыда, ни совести». Все это оказало сильное воздействие на впечатлительного и застенчивого Теодора, он стал избегать сверстников, ушел в себя, с горечью сожалея о том, что ему уже не семь или восемь лет. Любовь матери, сочувствие и понимание школьных учителей помогли ему перенести эти трудные месяцы.

Последний год в средней школе Теодор усиленно занимался, по вечерам изучал немецкий язык, много читал и по-английски, и по-немецки, знакомился в оригиналах с произведениями Шиллера, Гёте, Гейне. Этот год многое ему дал, расширил кругозор, заставил повнимательнее взглянуть на окружающее, задуматься о смысле жизни. Его классное сочинение — описание города и окрестностей — получило высшую оценку учителей, которые всячески стремились укрепить веру Теодора в свои силы, обращали внимание на его явное литературное дарование. По совету учителей будущий писатель изучает историю, внимательно читает и перечитывает творения Шекспира. Его волнуют искания Гамлета, потрясает трагедия Отелло, он всей

душой сочувствует королю Лиру, с неослабевающим вниманием следит за судьбой Юлия Цезаря, Антония и Клеопатры. «Гонки выигрывают быстрейшие, битвы — сильнейшие» — к такому выводу приходит Теодор. И в свете открывшихся ему знаний о человечестве и мире все семейные невзгоды стали казаться такими мелкими, не заслуживающими внимания! В мыслях он уже строил свое не зависимое ни от кого будущее. Каким оно будет? Этого юноша еще не знал, но он уже начинал верить в свои силы, в свою звезду.

И вот наступил тот весенний вечер 1887 года, когда на торжественной церемонии в местном театре выпускникам вручили свидетельства об окончании средней школы. Строго говоря, чтобы получить полное среднее образование, Теодору следовало бы проучиться еще три года. Но для чего? Ответа на этот вопрос не мог дать никто. Его любимые учителя покинули город и переехали в другие места, посоветоваться было не с кем. Летом Теодор решает помогать матери и поступает разнорабочим на одну из близлежащих ферм. Но двенадцатичасовой рабочий день под палящими лучами солнца оказался не под силу хилому юноше, после полутора дней работы управляющий вручил изможденному Теодору 50 центов и отправил его домой.

— Тео, ты не смог выдержать это? — встретила его ласково мать.

— Солнце пекло так, что сердце готово было выскочить из груди, — сын протянул матери свой заработок.

— О, целых полдоллара! Ты действительно заслужил их! Разве это не радость? Я уверена, что наступит день, когда ты заработаешь намного больше, — с улыбкой похвалила мать.

Так закончилась первая попытка Теодора приобщиться к физическому труду и оказать посильную помощь матери. Он проводил дни в саду за домом или гулял по городу, наблюдая за многочисленными группами экскурсантов, привлекаемых сюда чудесными пейзажами, водными прогулками, аттракционами. «Меня постепенно начал захватывать американский дух материального успеха… Не желать разбогатеть или не стремиться и не мочь работать ради богатства значило самому списать себя со счетов, как полное ничтожество. Материальное приобретение уже являлось и целью и сущностью большинства американцев…»

Глава 2
ПЕРВЫЕ ШАГИ В ЧИКАГО

Газеты были переполнены различными сообщениями из Чикаго — там строились новые фабрики, прокладывались трамвайные линии, создавались новые улицы и целые кварталы. «Если бы мы смогли возвратиться в Чикаго! — думал я. — Там нашим соседям не было бы никакого дела до того, кто мы и что мы. И тот факт, что кто-нибудь из нас поступил бы не так, как того ожидало общество, или что мы не пришлись бы ко двору — чего мне так хотелось, — не мог там быть поставлен мне в упрек. Я смог бы получить работу, мы бы все смогли. В Чикаго было множество людей, возможностей, театров, библиотек, музеев — целый огромный мир!»

Как это часто бывает, юношу подтолкнула к действиям на первый взгляд незначительная заметка в воскресной газете о переменах на одной из чикагских улиц, которую он хорошо помнил. Полный решимости, Теодор вошел в дом и прямо с порога объявил:

— Мама, я отправляюсь в Чикаго.

— О чем ты говоришь? Когда?

— Сегодня!

— Зачем?

— Я хочу попытаться найти работу. Я устал от жизни здесь. Если ты дашь мне деньги на билет и три доллара, я уеду сегодня же. Я смогу добиться чего-то. Я знаю — я смогу. В газетах полно объявлений о том, что требуются работники. — Голос шестнадцатилетнего юноши был преисполнен уверенности.

— Ты действительно хочешь уехать? — переспросила мать.

— Да, я уверен, что смогу получить работу. Я не хочу больше слоняться здесь без дела. Мы ничего здесь не достигнем, люди только и знают, что судачат о нас.

— Что же, может быть, ты и прав. — Мать опустилась в кресло и пристально взглянула на сына. — Но нельзя уезжать так сразу. Почему бы тебе не обождать несколько дней и хорошенько обдумать все? Ты еще слишком молод. Мне бы хотелось, чтобы ты продолжил учебу.

— Я и там смогу получить образование. Я очень многое узнал из книг.

— Но ты недолго протянешь на три доллара.

— Ничего, протяну! Позволь мне попытать счастья. Чикаго — лишь в трех часах езды. Если я получу работу, я смогу помогать

тебе.

— Может быть, может быть, — она немного призадумалась. — Действительно, туда всего три часа езды на поезде, и у тебя там есть сестры. Я дам тебе шесть долларов, и, если тебе еще потребуются деньги, ты напишешь мне. Во всяком случае, ты всегда сможешь вернуться домой. Мне не хотелось бы мешать тебе.

Теодор отправился с трехчасовым поездом в Чикаго. «Это путешествие в Чикаго было наиболее волнующим и прекрасным в моей жизни… Поезд стремился вперед через леса, поля, населенные пункты, которые, хотя я и проделал уже этот путь три года назад, выглядели теперь совершенно по-новому. И подумать только, никогда прежде я не путешествовал по железной дороге в одиночку, а теперь вот он я — с чемоданом в руке следую в Чикаго и предаюсь мыслям о том, что я должен буду предпринять, где остановлюсь, как долго пробуду там».

Полный решимости и уверенности в себе, он не поехал к сестрам, а решил обосноваться отдельно, сняв на первых порах недорогую комнату в каком-нибудь из знакомых ему районов. Юноше повезло — вскоре он нанял небольшую чистую комнату на втором этаже. Умывшись и почистившись после дороги, он с увлечением начал рассматривать растянувшуюся перед домом длинную улицу, маленькую частицу этого огромного города. Чикаго в эти минуты предстал перед молодым Драйзером как олицетворение человеческого духа, вместилище человеческих радостей и горестей, гордости и богатства, голода и болезней, энтузиазма и мечты. Город заключал в себе одновременно и все прелести рая, и ужасы ада; люди в нем любили и ненавидели, создавали и разрушали, богатели и разорялись. Человек становился здесь частицей города, и в то же время сам город был неотъемлемой частью каждого жителя. Он звал к себе новичков, втягивал их в омут своей многоликой деятельности, немногих выталкивал наверх — к богатству и славе, а большинство сваливал в преисподнюю своих трущоб и помоек.

На следующее утро преисполненный самых радужных надежд Теодор отправился на поиски работы. Благо первые дни ему нечего было заботиться о пище насущной — приготовленной матерью провизии хватило на три дня. Все эти дни с раннего утра до позднего вечера он ходил по городу, улица за улицей, заходил на фабрики и в магазины, пытаясь найти какую-нибудь подходящую работу. Он не мечтал о многом, шесть-семь долларов в неделю вполне бы устроили его. Но с каждым часом, каждым новым посещением очередной фабрики или мастерской радужные мечты растворялись в холодном неприветливом воздухе

приемных, в которых юношу ожидал один и тот же ответ: «Работники не нужны!»

Чтобы сэкономить время, он стал внимательно просматривать объявления в газетах и, к своему удивлению, обнаружил, что всюду требовались работники, имеющие опыт. Теодор бросился по тем немногим адресам, где готовы были нанять «неопытного мальчика». Но и там уже ожидали десятки претендентов на одно-единственное место. С помощью знакомых он попытался поступить мойщиком железнодорожных вагонов, но уже к середине первого дня понял, что эта тяжелая работа ему не под силу. Еще через день у него остался лишь 1 доллар и 90 центов (обратный билет стоит 1 доллар 75 центов). Но тут пришло письмо от матери и в нем еще 2 доллара. А главное — мать писала, что и она подумывает о переезде в Чикаго. Приунывший было Теодор с новыми силами принялся за поиски работы. Вскоре ему удалось устроиться уборщиком, мойщиком посуды и посыльным в захудалый ресторан, хозяином которого был грек по имени Джон Парадизо. Пять долларов в неделю плюс бесплатное питание — на таких условиях началась трудовая жизнь Теодора Драйзера в душной, грязной и дымной кухне дешевого ресторана.

Не о такой работе мечтал он, стремясь в Чикаго. Но другого выхода но было, с раннего утра до позднего вечера он чистил овощи, мыл посуду, выносил отбросы, таскал уголь и дрова. По ночам его продолжал преследовать тяжелый запах испорченных продуктов, ибо хозяин по дешевке покупал оптом все то, что уже не могло быть продано магазинам для розничной продажи. Положенное ему трехразовое бесплатное питание не лезло в глотку. Именно в эти месяцы он на всю жизнь испортил себе желудок.

Наконец-то он собрался повидать своих сестер, но не рассказал им правду о своем положении, а с наигранной гордостью сообщил, что якобы работает продавцом в хорошем магазине мужской одежды и зарабатывает 7 долларов в неделю. Он так расхваливал свое место, что приехавший к этому времени в Чикаго старший брат Ал попросил дать ему адрес этого магазина, ибо он также хотел попытать там счастья. Смущенному Теодору пришлось по секрету рассказать брату всю правду. Вскоре в Чикаго переехала мать с остальными детьми, снова большая часть семьи собралась вместе. Но и на этот раз они с трудом сводили концы с концами, хотя четверо детей имели постоянную работу.

Мать возлагала большие надежды на Теодора, но именно ему-то и не везло больше всех. Через несколько месяцев он не

выдержал тяжелых условий работы в ресторане и снова оказался безработным. Время от времени с помощью родственников ему удавалось наняться то мальчиком в художественную студию, то сортировщиком вагонов на железную дорогу. Но нигде его не держали больше нескольких дней. Наконец ему везет, и он поступает подносчиком на оптовый склад скобяных товаров за 5 долларов в неделю. И эта работа не привлекает его, но он старается удержаться на ней, со страхом вспоминая те дни, когда он безуспешно бродил по городу в поисках заработка. Единственная его радость — редкие посещения чикагского оперного театра. Он по-прежнему рвется к знаниям, читает урывками и мечтает о лучшем будущем. Он с интересом наблюдает за стремительным ростом города, внимательно читает газеты, рассказывающие о перестройке Чикагского университета, о развитии сетей трамвайных линий Чарлзом Т. Йеркесом, об открытии новых фабрик, контор, магазинов.

Так проходит почти два года. Но однажды летним днем 1889 года Теодора вызывают со склада, где он работает, в приемную фирмы, и он с радостным изумлением видит ожидающую его Милдред Филдинг, любимую учительницу из варшавской средней школы. Оказывается, она теперь является директором средней школы в Чикаго и хочет помочь Теодору продолжить учебу. После переговоров с Сарой Драйзер принимается решение направить Теодора на один год на учебу в Индианский университет. Все расходы — 300 долларов — Филдинг берет на себя.

Так осенью 1889 года Теодор становится студентом университета в старинном тихом городе Блумингтон. Он изучает латинский язык, философию, геометрию, алгебру, но больше всего увлекается литературой и историей. С особым вниманием присматривается он к жизни университета. Застенчивый, робкий, бедно одетый юноша сходится лишь с соседом по комнате да парой-другой студентов-однокурсников, оставаясь больше молчаливым наблюдателем, чем активным участником бурной студенческой жизни. Свободное время он посвящает чтению и долгим обсуждениям с одним из студентов различных философских проблем. Он зачитывается произведениями Льва Толстого, серьезно знакомится с его религиозно-философскими взглядами, изучает теорию происхождения видов Чарлза Дарвина, интересуется книгами Спенсера, Гексли, Драйпера, стремившегося примирить науку с религией, работами других философов.

Особенно сильное впечатление на молодого студента, как и на многих других американцев, произвела статья Льва Толстого «Так что же нам делать?». Американский писатель Уильям Дин

Хоуэллс в рецензии на эту статью Толстого отмечал: «После того как вы прочли ее, вы не можете оставаться тем же человеком, что были до этого; вы или станете лучше, если примете ее правду близко к сердцу, или хуже, если ожесточите свое сердце против нее». Вместе с другим студентом Драйзер читал статью Толстого вслух и горячо обсуждал затронутые в ней проблемы бедности и нищеты, нравственного самоусовершенствования — проблемы, так хорошо знакомые ему по своему собственному опыту.

Однажды вместе с другими студентами Теодор принимает участие в геолого-археологической экспедиции, которая настолько заинтересовала его, что через некоторое время он вместе с товарищем отправляется исследовать те же самые подземные пещеры.

Наблюдательный юноша хорошо понимал, что вся жизнь в университете направляется по общепринятым моральным и религиозным стандартам, что профессора читают свои лекции с оглядкой на так называемое общественное мнение.

В конце года Теодор успешно сдал экзамены по всем предметам, но о продолжении учебы нечего было и думать. Простившись с немногими друзьями, он возвращается в Чикаго и вскоре устраивается клерком в контору по торговле недвижимым имуществом.

Именно в этот период жизнь нанесла Теодору тяжелый удар — 14 ноября 1890 года у него на руках скончалась мать. Девятнадцатилетний Теодор теперь был полностью предоставлен самому себе; братья и сестры, да и отец не могли заменить мать, единственную родственную ему душу в семье. Контора, где он числился клерком, перестала существовать, и юноша оказался один лицом к лицу с огромным, недружелюбным миром большого города.

Полагая, что служба в конторе по торговле недвижимым имуществом дала ему право называть себя «человеком с опытом», Теодор быстро находит работу по объявлению в газете: он становится возчиком фургона одной из прачечных, собирает грязное белье и развозит чистое. За восемь долларов он работает шесть дней в неделю с шести утра до восьми вечера, а по субботам — до полуночи. Он увидел жизнь большого города с черного хода. Ему приходилось иметь дело с сотнями людей, стоящих на самых различных ступеньках общественной лестницы — от прачек до преуспевающих бизнесменов. Перед его глазами проходила жизнь во всем ее разнообразии — от убогого существования в жалких халупах многочисленных трущоб до роскоши фешенебельных особняков на людном бульваре Вашингтона. «Эти различные группы людей, сама манера, с

которой они оплачивали счета, сдавали и получали свое белье, являлись таким уроком человеческой психологии, который я никогда не забывал».

Иногда по воскресеньям его приглашала в гости М. Филдинг. Она говорила о ценностях интеллектуального развития, советовала побольше читать, накапливать знания. Теодор снова увлекается чтением. Особенно сильное впечатление на него производят «Крейцерова соната» и «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого. Он впервые задумывается о том, чтобы посвятить себя литературе, чтобы так же правдиво, как Лев Толстой, описать так хорошо знакомые ему нравы американской жизни. Он начинает более внимательно вчитываться в газетные статьи и очерки, обращает внимание на их форму и стиль. Особенно привлекают его газетные репортажи и комментарии на темы городской жизни, он буквально зачитывается материалами из раздела «Диезы и бемоли», принадлежащими перу известного чикагского репортера Юджина Филда и регулярно печатавшимися в газете «Дейли-ньюс».

Денег по-прежнему не хватает, семья Драйзеров никак не может расплатиться с долгами, сделанными в связи с расходами на похороны матери. На этой почве дома все чаще возникают ссоры, Теодор вместе с братом Эдом и сестрой Кларой переезжает на отдельную от других членов семьи квартиру, а вскоре поселяется один. По рекомендации одной из своих клиенток ему удается получить значительно лучше оплачиваемую работу — он становится сборщиком взносов для фирмы, продающей вещи в рассрочку, и получает теперь 14 долларов в неделю. Новая работа помогает ему еще более углубить знание жизни большого города, раскрывает перед ним разнообразные стороны человеческих отношений. Он много ходит по городу пешком, вынужден в поисках неплательщиков бывать в самых грязных притонах, не однажды подвергается грубым оскорблениям и угрозам.

Теперь у него значительно больше свободного времени, и он проводит его в Институте искусств или в городской публичной библиотеке. Под свежим впечатлением от своих путешествий по городу Теодор пишет ряд небольших зарисовок из городской жизни и посылает их Юджину Филду. С трепетом ждет мнения своего кумира, но не получает в ответ ни строчки.

Глава 3
БУДНИ ГАЗЕТЧИКА

В декабре 1891 года Теодор снова остается без работы. На этот раз он решает любыми средствами устроиться в газету. Поначалу судьба благоприятствует ему — газете «Чикаго геральд» требуется служащий для раздачи рождественских подарков детям бедняков. Хотя работа временная и не совсем та, что хотелось бы, Теодор берется за нее в надежде в скором будущем стать репортером. Но и на этот раз его постигает неудача — кончаются рождественские праздники, и снова Теодор ходит по городу в поисках работы. Теперь он в основном посещает редакции газет, твердо решив испробовать силы в качестве репортера.

В мечтах он уже видит себя интервьюирующим сильных мира сего. «Больше всего меня интересовали банкиры, миллионеры, артисты, управляющие, политические лидеры — подлинные владыки мира». А в жизни ему снова приходится довольствоваться местом сборщика взносов другой фирмы по продаже вещей в рассрочку. Но он полон радужных надежд. Его веру в свои силы укрепляет благосклонное внимание симпатичной Луис, приятельницы его сестры Клары.

Сэкономив немного денег, в апреле 1892 года он уходит с работы и начинает новый тур обивания порогов редакций. Поняв вскоре, что без опыта репортерской работы устроиться в ведущие газеты не удастся, он останавливается на второразрядной «Дейли глоб» и проводит там целые дни. Наконец на него обращают внимание и дают первое поручение — распродать 120 экземпляров книги (автор — один из редакторов газеты), которая очень плохо расходится. Поручение это приходится не совсем по душе молодому Драйзеру, но другого выхода нет. После десяти дней непрестанных усилий он докладывает о выполнении поручения, и его зачисляют временно учеником репортера с оплатой 15 долларов в неделю.

«Дейли глоб» была захудалой газетенкой, разместившейся в невзрачных, плохо обставленных комнатах. Ее постоянные сотрудники состояли в основном из неудачников и пьяниц, людей с непрочными моральными устоями. Если репортеры ведущих городских газет передавали новости из Нью-Йорка, Вашингтона и даже из Африки, то газетчики из «Дейли глоб» зарабатывали свой кусок хлеба и кружку пива репортажами из городских ночлежек и притонов. Были и среди них люди не без таланта, стремящиеся помочь начинающему коллеге. Литературный редактор Джон

Максвелл посвящал Теодора в тайны политического репортажа, рассказывал, как следует строить статью, где и у кого можно раздобыть необходимые сведения, чего ждут от таких материалов владельцы газет.

Повседневная рутина газетной жизни, дружеские беседы с другими репортерами, собственные наблюдения на многое открыли глаза будущему писателю. Он твердо усвоил, что газеты отнюдь не стремятся донести правду жизни до своих читателей, как он думал раньше, а стараются привить читателям определенные убеждения, заставить их думать и поступать так, как того хотят владельцы газеты. Являясь отъявленным циником, Максвелл утверждал, что обман, порок, двуличие являются обычными жизненными явлениями и что многие известные люди — всего лишь преуспевшие плуты и обманщики. И он же советовал Теодору внимательнее наблюдать жизнь, читать произведения Шопенгауэра, Спенсера, Вольтера.

Летом 1892 года в Чикаго проходил очередной Национальный съезд демократической партии. Теодору в числе других репортеров было поручено освещать его, интервьюировать делегатов съезда, давать комментарии и оценки происходящим событиям. На этот раз молодому репортеру действительно повезло — он сумел первым сообщить, что демократы выдвинут кандидатом в президенты Г. Кливленда. В газете его статье было отведено целых две колонки, и даже скептически настроенный Максвелл заявил во всеуслышание: «Похоже, что ты знаешь, как выудить настоящую новость и как лучше написать о ней!»

Так Драйзер стал полноправным репортером «Дейли глоб», теперь ему поручали большие статьи для воскресных выпусков, в которых он мог не только сообщать голые факты, но и передавать настроения людей, давать полные впечатляющих деталей описания повседневных картин городской жизни. Здесь ему пригодилось прекрасное знание города, его подноготной. В поисках материала он не боялся по ночам бродить среди пьяниц, наркоманов и проституток, забираться в самые глухие уголки трущоб. Его материалы о различных сторонах жизни города отличались знанием предмета, точностью фактов, глубиной анализа и скрупулезным описанием мельчайших деталей. «Знаешь, Теодор, — говорил Максвелл, — у тебя, конечно, есть свои недостатки, но ты умеешь наблюдать… Тебе суждено быть писателем, а не только простым газетным репортером».

Написанная Драйзером по поручению газеты серия репортажей: о мошенничествах в группе магазинов, торговавших поддельными драгоценностями, явилась поводом для закрытия этих магазинов полицией. Теодору пытались дать взятку, но

друзья-газетчики помогли ему разоблачить взяткодателя и написать еще одну привлекшую внимание публики статью.

В это же время в его статьях можно найти и размышления на отвлеченные темы. Герой одного из таких эссе, «Возвращение гения», оказавшийся в искусственных условиях «башни из слоновой кости», задумывается над смыслом жизни. «Что такое величие и слава, если не наслаждение?» — спрашивает он бога, который обещал ему славу только при условии, что сам он никогда не услышит о ней. Бог пытается его убедить, что, если он смешается с простыми людьми, слава его не переживет его смерти. «Я исчезну в толпе и стану одним из простых людей. Они ближе мне, чем все серебро и злато… Я снова возвращаюсь к человечеству». Таким образом, уже в этом раннем своем эссе Драйзер без обиняков обнародовал свое философское кредо — истинное величие заключается в служении человечеству, простым людям. И сам он начинал по мере сил и возможностей служить им своими статьями.

Добившись устойчивого положения чикагского репортера, Драйзер начинает подумывать о лучшей работе. Один из более опытных коллег порекомендовал его в респектабельную провинциальную газету, и ноябрьским вечером 1892 года он сошел с чикагского поезда на станции Сент-Луис, чтобы попытать счастья в местной газете «Глоб-демократ».

Драйзеру уже шел двадцать второй год. От матери он унаследовал сочувствие к людям, трудолюбие и мечтательность, от отца — серьезность, честолюбие и упрямство. По временам эти черты характера сталкивались, и их обладатель сам не мог понять, чего же он хочет. Ему одновременно хотелось быть святым и повесой, поэтом, бессребреником и промышленным магнатом.

Он по-прежнему часто задумывался над смыслом жизни, пытался понять предназначение человека в этом мире, искал свою собственную «теорию существования». Эти нравственно-психологические искания молодого журналиста то приводили его к чтению работ Ницше, то толкали к более глубокому познанию окружающей его жизни, заставляли пристальнее вглядываться в хитросплетение человеческих взаимоотношений, размышлять о проблемах богатства и бедности, труда и безделья, любви и ненависти. Его ищущая натура искала выхода, и он находил его в упорном труде.

Знакомство с Сент-Луисом и сравнение с Чикаго было явно не в пользу первого — запущенные тротуары, сонные жители, расслабляющая атмосфера глубокой провинциальности, хотя город в то время насчитывал уже около полумиллиона жителей.

Однако возвращаться назад было поздно, Теодор отправился в редакцию. «Глоб-демократ» был ведущей городской утренней газетой, стоявшей на платформе республиканской партии. Восьмиэтажное здание редакции и типографии выглядело довольно внушительно.

Новый репортер сразу же с головой окунулся в работу. Прошло совсем немного времени, и ему доверили вести в газете постоянную рубрику «Услышано в коридорах», авторами которой всегда были журналисты с опытом и воображением. Мало-помалу Драйзер установил дружеские отношения с некоторыми сотрудниками газеты — репортером Бобом Хазардом, художниками Петером Маккордом и Ричардом Вудом. Особенно сильное впечатление произвели на него двое последних, какое-то время он пытался подражать им и в манерах, и в одежде, любил проводить вечера в их совместной квартире-студии или сопровождать их в походах по злачным местам.

Работа в газете шла своим чередом. Теодор освещал убийства и ограбления, брал интервью у заезжих знаменитостей, вел умные многозначительные беседы с местными политическими деятелями. Случалось, что в один и тот же вечер он писал репортажи с веселого городского бала, а часом позже, как был — в вечернем костюме, в белоснежной рубашке, с накрахмаленной манишкой, — уже находился в грязной комнате, на месте очередного убийства, и забыв обо всем, страдал над описанием только что увиденной трагедии.

Однажды он получил письмо от своей близкой приятельницы из Чикаго, с которой он не удосужился попрощаться перед отъездом. «Прошлой ночью я стояла у окна и смотрела на улицу. Ярко сияла луна, а безжизненные зимой деревья гнулись от ветра. Я видела отражение луны в небольшом озере неподалеку. Оно отливало серебром. О Тео, мне так хочется умереть». Через двадцать лет в одном из своих романов он процитирует это письмо почти дословно, но теперь он даже не ответил на него.

Работа в газете нравилась Теодору, и он не жалел ни времени, ни усилий, чтобы раздобыть интересный материал. В январе 1893 года он оказался единственным газетчиком, сумевшим вовремя прибыть на место большой железнодорожной катастрофы. Он помогал пострадавшим, вместе с ними укрывался от все еще взрывавшихся цистерн с бензином, расспрашивал очевидцев, а затем с попутным поездом добирался до города и до полуночи писал свой репортаж, который утром на первой странице газеты читал весь город.

— Отличная работа, — похвалил его редактор, выдал 20 долларов в качестве премии и повысил зарплату до 25 долларов в

неделю.

Ободренный успехом, Драйзер вскоре просит, чтобы его назначили на освободившееся место театрального критика. Редактор соглашается с условием, что он по-прежнему будет выполнять и все другие задания. Теперь Теодор по вечерам ходит в театр и на концерты, пишет для газеты короткие отчеты о новых спектаклях, чувствует себя своим человеком в мире актеров и актрис. Не обходится без неприятностей. Увлеченный пением негритянской актрисы С. Джоунс, которую поклонники сравнивали со знаменитой Патти, он пишет восторженный отчет о ее концерте, а на следующий день, к своему удивлению, читает в конкурирующих газетах издевательские намеки на то, что его редактор является «большим покровителем искусства черных».

Вскоре Драйзер попадает в настоящую беду. Однажды вечером он должен был дать отчет о трех новых постановках приезжих театральных трупп. Но так получилось, что за несколько часов до начала спектаклей редактор послал его в отдаленный район города дать репортаж о сенсационном ограблении. Вместо того чтобы отказаться от написания театральных отчетов, Теодор решает сделать их по имеющимся у него рекламным материалам, а затем, поздно вечером, сверить написанное, забежав на несколько минут в каждый из театров. Но выезд на место преступления занял значительно больше времени, чем предполагалось, и по возвращении идти в театры было уже поздно. На следующее утро театральные отчеты были напечатаны в газете слово в слово, как их написал Драйзер. А изумленный автор узнал из других газет, что ни один из спектаклей в действительности не состоялся, так как театральные труппы не смогли вовремя прибыть в город из-за размывов пути на железной дороге.

Теодор не посмел идти объясняться с редактором, тайком собрал свое имущество и покинул редакцию. На следующий день ни одна из городских газет не преминула высмеять «полеты мысли» и «сверхъестественные способности» редактора «Глоб-демократа». Об истинном же авторе отчетов в газетах не было ни слова. Тем не менее Теодор опасался показаться в облюбованном журналистами баре Хаккетта, чтобы не вызвать насмешек и издевок.

Неделю он сидел фактически взаперти, а затем, оставшись без денег, набрался храбрости и отправился просить работы в конкурирующую с «Глоб-демократ» газету «Рипаблик». К его удивлению, редактор отдела городской жизни добродушно посмеялся над всей историей и тут же взял его репортером с оплатой 18 долларов в неделю. Теодор не мог не радоваться, что

все обошлось так просто.

Снова он с головой уходит в работу, стремится показать, на что он способен. Редактор, как правило, дает ему неплохие задания и почти всегда остается доволен его работой. «Описывай все детали, которые знаешь, — советует редактор, — следуй за фактами, как бы далеко они тебя ни увели… И помни, как работали Золя и Бальзак, мой мальчик, помни Золя и Бальзака. В подобных случаях нужны и голые факты, и щедрое описание места происшествия, комнаты, общей атмосферы, участников, улицы и тому подобного. Ты меня понял?» Теодор согласно кивал головой, хотя он никогда раньше не читал ни Золя, ни Бальзака. Он уже хорошо усвоил, что знание и понимание фактов, а также точное описание деталей очень важны в работе газетчика. В душе он обещает себе обязательно прочесть книги Золя и Бальзака, о которых так высоко отзывается редактор.

Круг его обязанностей в газете расширяется, ему поручают освещение важных событий в других городах штата. Он пишет и репортажи со съездов учителей, и отчеты о крупных футбольных матчах, и очерки о строительстве водопровода. По-прежнему приходится ему освещать и ограбления, и убийства. Его материалы хвалят, но прибавки к зарплате не дают.

Теодор внимательно присматривается к окружающим его в газете людям. Ему нравится обходительный, способный репортер Кларк, привлекает поэтически настроенный быстрый Роденбергер. Но Кларк однажды исчезает, и только через несколько недель в одном из своих походов в поисках материала Теодор встречает его, опустившегося, нищего, в грязном притоне. Оказывается, что и весельчак Роденбергер пьет и к тому же питает страсть к наркотикам. Эти и другие известные ему случаи заставляют Теодора задуматься над тем, что же толкает таких людей навстречу своей гибели, какая сила парализует их волю и бросает на самое дно жизни. Куда же смотрит бог-создатель, как он может допустить такую несправедливость? Его религиозные убеждения постепенно тают под давлением неоспоримых фактов жизни.

Тревожит его и бесконечная погоня владельцев газет за прибылями, их стремление оказывать влияние на общественное мнение в своих интересах, интересах отдельных богачей, партийных группировок, влиятельных политиканов. Для достижения этих целей использовалось все — знание человеческих слабостей, нечистоплотные методы, обман. Да и самому ему приходилось в интересах владельцев газеты не раз отступать от правил строгой морали. Однажды он, нарушив твердое обещание, опубликовал неосторожное высказывание

кандидата в мэры города, сделанное ему в откровенной беседе, и кандидат этот провалился на выборах. Словом, работа в газетах, изучение господствовавших в них нравов давали достаточно пищи для любознательного ума Драйзера, заставляли его задумываться над сложными проблемами отношений между богатыми и бедными, позволяли ему вволю философствовать наедине с самим собой.

В 1893 году в США наступил очередной экономический спад, резко возросла безработица, закрывались целые предприятия, по стране прокатилась волна забастовок. Нечего было и думать о долгожданном повышении зарплаты. Летом Драйзер неожиданно получил двухнедельную командировку в Чикаго. Газета «Рипаблик» в качестве рекламного мероприятия проводила конкурс популярности среди учительниц двух штатов. И вот теперь ему поручили сопровождать двадцать победительниц конкурса в экскурсии по чикагской всемирной выставке. О лучшем времяпрепровождении трудно было и мечтать. Кроме того, Теодор сможет навестить отца, братьев и сестер. Его радовала и новая встреча со все растущим Чикаго. Он с интересом бродил по улицам, наблюдая за новостройками. Вместе с тем он видел, что многие дома ветшают, горы неубранного мусора то там, то здесь преграждают путь.

Особенно рад был Теодор знакомству с одной из учительниц — двадцатичетырехлетней Сарой Осборн Уайт, хрупкой рыжеволосой девушкой с миндалевидными глазами. Показывая ей достопримечательности Чикаго, в котором она оказалась впервые, сопровождая ее в прогулках по всемирной выставке, Теодор все больше увлекался ею. Знакомство это продолжалось и по возвращении в Сент-Луис, в одном из пригородов которого она учительствовала.

Вскоре они были помолвлены, но с женитьбой Теодор не торопился. Он все чаще задумывается над своим будущим, осознавая, что занятие журналистикой все же не приносит ему желаемого удовлетворения, не позволяет полностью выразить себя, все чаще и чаще приводит его в столкновение с принципами морали, которых он придерживался. По совету друзей он еще раньше написал пьесу «Иеремия I», комические ситуации которой не раз вызывали смех во время чтения ее вслух. Но для автора куда более важными были не ее комические достоинства, а те мысли, которые он пытался выразить в ее содержании.

Герой пьесы, фермер из штата Индиана, находит на своем поле магический камень ацтеков, с помощью которого он переносится в поселение ацтеков в то время, когда они на религиозной церемонии избирают нового владыку. Фермер,

оказавшись их избранником, сразу же превращается в жестокого тирана, приказывает отравить триста советников бывшего владыки. Но тут появляется прекрасная девушка, в которую фермер влюбляется с первого взгляда. Она требует от него раскаяться и отказаться от жестоких намерений. Под ее влиянием он сохраняет жизнь осужденным, объявляет свои владения республикой и выдвигает себя кандидатом в президенты. Тиран и деспот превращается в добродетельного слугу законности и порядка, не лишаясь при этом своей власти. Такой концовкой автор стремился показать, что и добродетель может быть достойно вознаграждена.

Однако в окружавшей его реальной действительности подобные мысли молодого автора не находили подтверждения. Вокруг него шла жестокая борьба за существование, и газеты являлись непосредственными участниками этой борьбы, всегда принимая при этом сторону сильных мира сего. Драйзер уже лишился иллюзий первых месяцев газетной работы, однако он верил в победу добра над злом и в мыслях частенько отводил себе в этой борьбе решающую роль. Но в жизни все было по-иному. Продажные политиканы двигались вверх, безжалостные богачи еще более богатели, а добродетельные бедняки все глубже погружались в трясину нужды и суеверий. Да и сам Теодор, несмотря на огромную работоспособность и в общем благосклонное отношение к нему владельцев и редакторов газеты, оставался все тем же заштатным репортером второстепенной газеты. Силы его искали другого, более благородного и возвышенного приложения. Чувство неудовлетворенности еще более усилилось после гастролей в Сент-Луисе процветающего Поля, который уговаривал брата перебраться в Нью-Йорк, где для опытного журналиста открывается значительно больше блестящих перспектив.

Теодор жаждал перемен, но переезд в огромный Нью-Йорк пугал его. И тут один из его коллег, знакомый ему еще по работе в Чикаго, Дж. Хатчинсон, предложил совместно приобрести небольшую провинциальную газету и превратить ее во влиятельный фактор местной политики.

Драйзер заявляет об уходе из газеты и, хотя владельцы предлагают ему один из редакторских постов и повышение в зарплате, уезжает в небольшое селение Вестон, где его уже ждет довольный осмотром редакции местной «Вуд-каунти геральд» Дж. Хатчинсон. Но достаточно было Драйзеру бросить первый взгляд на грязный чердак над складом зерна, где помещалась редакция, узнать, что тираж газеты никогда не подымался выше 500 экземпляров, как он сразу же понял, что эта авантюра не для

него. Он признался сам себе, что бросил неплохую работу ради пустого миража, у него хватило чувства реальности, чтобы отказаться от предложения Дж. Хатчинсона, но гордость не позволяла возвращаться в Сент-Луис. И он отправляется в близлежащий Толедо в надежде найти там работу по душе.

Редактору отдела городской жизни местной газеты «Толедо блейд» двадцатишестилетнему Артуру Генри заезжий коллега понравился с первого взгляда. Он тут же поручает Теодору написать репортаж о забастовке трамвайщиков, предупредив, что это задание связано с опасностью — забастовщики могут избить его. В глубине души симпатии Драйзера на стороне забастовщиков, он понимает их тяжелое положение, сочувствует им, но его газетный репортаж хорошо сбалансирован и вполне удовлетворяет редакцию. С Артуром Генри они находят общий язык и проводят долгие часы в беседах. Но постоянной работы в «Толедо блейд» так и не находится, и Драйзер переезжает сначала в Кливленд, затем в Буффало и, наконец, в Питтсбург. Здесь ему повезло — его берут в местную газету «Питтсбург диспетч» репортером с окладом 25 долларов в неделю.

С первых же дней работы в Питтсбурге его поразил резкий контраст между бедными и богатыми районами города. Такой разительной нищеты ему не приходилось встречать даже в Чикаго, не видывал он и такой показной роскоши новоявленных богачей. Расположенные в возвышенной части города дворцы миллионеров Карнеги, Фрика, Фипса, Оливера выделялись своей вызывающей помпезностью, великолепием отделки, огромными зеркальными окнами. А внизу, у самой реки, ютились затхлые лачуги бедняков, которые работали на предприятиях миллионеров.

Наблюдая воочию за этими по идее взаимоисключающими друг друга, но в действительности неразрывно связанными между собой мирами, Драйзер лучше понимал, почему именно здесь недавно происходили кровавые стычки забастовщиков с полицией, почему отсюда начала свой марш на Вашингтон армия голодающих. Под впечатлением от всего увиденного он спрашивает конгрессмена Томаса Рида, вскоре ставшего спикером палаты представителей США, что он думает о марше армии голодающих на Вашингтон.

— Да это же настоящая революция! — восклицает возмущенный Рид. — И вовсе неважно, что именно явилось поводом для их недовольства.

Конечно, такие взгляды не могли найти отклика в душе Теодора, но именно в этом духе он обязан был писать свои статьи, если хотел сохранить работу.

— Никто из нас в своих материалах не касается положения рабочих, — предупредил его редактор. — Это дело специального репортера, а он знает, что писать. Здесь все фактически принадлежит стальным магнатам, и мы не можем нарушить их волю.

О положении рабочих писал Мартин, молодой человек с печальным выражением лица. Он откровенно рассказал Теодору о том, как вербовщики заманивают на заводы безграмотных крестьян из Европы, как у них отбирают последние гроши через заводские лавки, как используется церковь, чтобы держать рабочих в узде. Вместе с ним Теодор побывал в самых нищих районах города, посетил такие лачуги, каких он не видел за всю свою жизнь. Больше всего его поразили лица рабочих, отреченные лица людей, ничего в жизни не знающих, кроме тяжелого труда. Ему казалось, что они даже не отдают себе отчета в том, что именно их трудом создается сталь, из которой строят мосты и небоскребы, пароходы и железные дороги. Отупляющий, убивающий всякую мысль, непосильный, нечеловеческий труд был их единственным уделом.

В великолепном здании публичной библиотеки, созданной на пожертвования Карнеги, он видит тома, принадлежащие перу Бальзака, вспоминает настойчивый совет редактора из сент-луисской «Рипаблик» и принимается за чтение «Шагреневой кожи». Мысли Рафаэля настолько соответствовали собственным размышлениям Теодора, что он был потрясен до глубины души. Отныне он решает настойчиво и упорно учиться литературному мастерству, чтобы когда-нибудь самому писать так, как Лев Толстой и Бальзак. Он много читает — Джорджа Элиота и Филдинга, Бульвер-Литтона и Дюмурье, на какое-то время его любимой книгой становится «Трильби», печатавшаяся с продолжением в журнале «Харперс». Под явным влиянием этой сентиментальной истории он решает наконец нанести визит родителям своей невесты, берет короткий отпуск и едет в город Монтгомери в штате Миссури.

Встреча с невестой, ее патриархальными родителями, простота их быта, ровные семейные отношения производят глубокое впечатление на мечущегося молодого человека. Но приходит письмо от Поля, и он забывает обо всем, быстро прощается с невестой и ее родителями и едет в Нью-Йорк. По дороге останавливается в Сент-Луисе, навещает старых друзей Маккорда и Вуда. Но эта долгожданная встреча не приносит удовлетворения, ему кажется, что они увлечены лишь собственными заботами, слишком быстро забыли о нем, что их уже не интересует его судьба.

Улыбающийся, шутливо настроенный Поль встретил брата в городе Джерси, и они вместе на пароме отправляются в Манхаттан. Небольшие вагончики конки, замусоренные узкие колодцы улиц поначалу разочаровывают Теодора.

— Не торопись с выводами, малыш, — советует Поль, — ты же еще ничего не видел… Подожди, пока увидишь Бродвей или Пятую авеню.

Сначала братья отправились на Пятнадцатую улицу к сестре Эмме. Позавтракав принесенными Полем бифштексами, Поль и Теодор совершают первую совместную прогулку по Нью-Йорку. Эта первая встреча с городом произвела на Теодора очень сильное впечатление, и впоследствии он неоднократно возвращался к ней в своих произведениях — рассказе «Мой брат Поль», автобиографической книге «Газетные дни», статье «Истоки песни», предисловии к сборнику песен Поля Дрессера.

Выйдя по широкой Четырнадцатой улице на Бродвей, братья пошли вверх по освещенному солнцем, только что вымытому теплым дождем Бродвею, и Поль показывал Теодору местные достопримечательности — театры и мюзик-холлы, магазины и издательские фирмы, отели и рестораны. Теодор хорошо запомнил и отражающиеся в лужицах дождевой воды лучи солнца, и нарядно одетых красивых женщин, и яркие витрины магазинов, и звуки музыки, и «открытые настежь двери закусочных и гостиничных баров, входящих и выходящих актеров и актрис, отлично одетого Поля, его шутки, доносившиеся мелодии его песен, приветствующие и похлопывающие его руки друзей…».

Полюбовавшись новым зданием «Метрополитен-опера», братья зашли пообедать в бар «Метрополь». И сразу же окунулись в «атмосферу обеспеченности и процветания…». Поль чувствовал себя здесь, словно рыба в воде, со всех сторон его окликали знакомые, он со всеми перебрасывался шутками, выслушивал последние новости и анекдоты, рассказывал сам, много пил и вкусно ел.

Теодор восхищался Полем и завидовал ему, его умению обращаться с людьми, его добродушному веселому нраву. Он знал, что это на первый взгляд легкое и беззаботное времяпрепровождение на самом деле есть часть неутомимой деятельности Поля по рекламе песен фирмы, в которой он был партнером. «Мой брат… — писал он, — пожимал руки на Бродвее, всегда находясь в гуще водевильных и эстрадных певцов и певиц, и… своей располагающей внешностью рекламировал само существование своей фирмы… Он пил, рассказывал пустые истории, неутомимо острил. Но все это время… он в

действительности искал певцов и певиц, которых в этой непринужденной атмосфере он мог бы заинтересовать той конкретной песней, которую он в данный момент рекламировал».

В этот свой первый приезд Теодор жил у сестры Эммы, присматривался к ее мужу Гопкинсу, с которым она когда-то бежала из Чикаго в Канаду. Романтическая история эта обошла все чикагские газеты, и Драйзеры не попали в нее только потому, что Эмма скрылась под вымышленным именем.

Жаркими июльскими днями длинный нескладный двадцатитрехлетний провинциал бродил по улицам Нью-Йорка, стараясь постигнуть этот огромный город. Помня советы брата, он несколько раз прогуливается вверх по Бродвею, на котором сосредоточены театры, затем по Пятой авеню подымается к Центральному парку. Следующий визит — на узенькую, но играющую огромную роль в экономической жизни страны короткую Уолл-стрит. Его давно уже словно магнит притягивает площадь Принтинг-Хауз, на которой расположены редакции крупнейших нью-йоркских газет.

Если еще не так давно взгляды всех начинающих литераторов страны были устремлены на Бостон, то теперь центром литературной жизни становится Нью-Йорк с его журналами и газетами. «Геральд», «Сан», «Пост», «Ньюс», «Пресс», «Трибюн», «Джорнэл», «Таймс», «Уорлд» — все эти газеты по праву назывались наиболее влиятельными и самыми интересными газетами в стране. Тон задавала газета Джозефа Пулитцера «Уорлд». Молодые литераторы не случайно стремились попасть в нью-йоркские газеты. Здесь наряду с информационными материалами помещались длинные репортажи, задача которых заключалась не в том, чтобы информировать, а в том, чтобы «приятно пощекотать нервы» читателя. На страницах газет, особенно в их воскресных выпусках, печатались проблемные статьи и очерки. Словом, литераторам здесь было где приложить свои силы.

Первое знакомство с Нью-Йорком, его ярко освещенными по вечерам улицами и авеню, величественными небоскребами редакций, огромными магазинами, всегда полными покупателей, роскошными ресторанами, в которых официанты услужливо бросались навстречу Полю, городскими пляжами, особняками знати на Пятой авеню, яркими, зазывающими рекламами театров — все заставило сердце Теодора сжаться от зависти и подумать: «Разве я по-настоящему жил!» Поль уговаривал его побыстрее переезжать в Нью-Йорк, но Теодор не торопился. Его пугали авторитетные суждения журналистов в городских газетах, в которых, он это понимал, будет не так легко найти работу даже с

его опытом. И он возвращается в Питтсбург, чтобы заработать деньги для переезда в Нью-Йорк.

После Нью-Йорка Питтсбург показался грязной дырой. Теодор упорно работает, увлекается философскими работами Томаса Гексли и Герберта Спенсера. Особенно сильное влияние оказали на него работы последнего. Спенсер «почти лишил меня жизни, — писал он впоследствии, — он разрушил мою веру до основания, показал, что сам я — всего лишь химический атом в круговороте неизвестных сил; осознание этого смутило мой разум». Он экономит на всем и в ноябре 1894 года с 240 долларами в кармане навсегда покидает Питтсбург и отправляется попытать счастья в Нью-Йорке.

Остановившись у сестры в ее небольшой квартире на Пятнадцатой улице, Драйзер отправляется искать работу в редакции газет. Он сразу же обнаружил, что нью-йоркским газетам не нужны новые работники. Спад экономической активности в 1894 году отразился и на журналистах: «Город был переполнен голодными, слоняющимися без дела людьми всех профессий, в том числе и газетными репортерами». В сентябре 1894 года в городе забастовали 20 тысяч рабочих пошивочных фабрик и мастерских в знак протеста против усилившейся эксплуатации. В нижней части Манхаттана, в районе Бауэри, ежедневно 14 тысяч бездомных искали приюта на ночь в многочисленных ночлежках; в центре города, в районе ярко освещенных театров, очереди безработных за бесплатным куском хлеба собирали по две тысячи человек. Днем голодные люди просили подаяние на фешенебельной Пятой авеню, собирались группами в Центральном парке.

Теодора нигде не пускали дальше приемной, и ему так и не удается проникнуть в кабинеты редакторов.

«После того, как я побывал в четырех или пяти редакциях, — вспоминал он впоследствии, — и всюду с одним и тем же результатом, я пошел в парк у городской ратуши, на который выходили здания большинства газет — «Сан», «Трибюн», «Таймс», «Уорлд», «Пресс», — и уставился на их огромные очертания. Вокруг меня бушевал водоворот хорошо одетых людей, который всегда делал этот район таким интересным, толпа людей из финансового района текла вверх по улице… А на скамейках парка вокруг меня даже в этот мрачный холодный декабрьский день расположилась большая группа бродяг, попрошаек, бездельников, проституток… Кажется, я окинул их взглядом, подумал о себе, об этих огромных зданиях редакций, и именно в эту минуту у меня зародилась идея образа Герствуда. Город казался таким огромным и жестоким… стояла зима, а мне предстояло завоевать

этот мир крупных газет…»

Набравшись решимости, он отталкивает привратника и буквально врывается в комнату одного из редакторов «Нью-Йорк уорлд». Он получает работу с оплатой построчно и вскоре обнаруживает, что с трудом может заработать доллар-полтора в день, меньше, чем получают уборщики улиц. Даже когда он приносил явно отличный материал, редактор отдавал его для переделки штатным сотрудникам, а ему доставались лишь жалкие гроши. В довершение всего ему приходилось ссужать деньгами сестру, муж которой потерял работу, а брат Поль был до весны в концертном турне.

Когда редактор в очередной раз отдает написанный Драйзером материал переделать штатному журналисту, он не выдерживает и уходит из «Нью-Йорк уорлд».

Глава 4
ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ «СЕСТРА КЕРРИ»

И снова Теодор оказывается в дешевой комнатушке за полтора доллара в неделю, как в первые дни своего пребывания в Чикаго, когда он работал мойщиком посуды и уборщиком в грязном ресторане Джона Парадизо. Он внимательно изучает рассказы, печатающиеся в литературных журналах, и обнаруживает, что все они имеют счастливый конец, порок наказан, добродетель торжествует. Хотя его собственный жизненный опыт убеждал его в обратном, он также начинает писать рассказы со счастливым концом, но журналы возвращают их один за другим. Кончаются деньги, он закладывает часы, живет впроголодь, спит в ночлежках, а днем с голодной тоской наблюдает за длинными очередями безработных у благотворительных кухонь, понимая, что и его вскоре не минует эта судьба.

Но возвращается из поездки Поль, его партнеры по музыкальной фирме подумывают о создании журнала, и услышавший об этом Теодор предлагает свои услуги в качестве редактора. У него уже и подходящее название есть: «Эври манс» — «Каждый месяц», — он уверен, что их журнал будет лучше конкурентов. Его услуги принимают и назначают оклад — 10 долларов в неделю. Он пытается протестовать, ему обещают пять долларов прибавки после того, как журнал начнет выходить. Так Теодор Драйзер становится редактором журнала «Эври манс», первый номер которого вышел 1 октября 1895 года.

Это был период расцвета американского журнализма, за двадцать лет — с 1885 по 1905 год — количество журналов в стране удвоилось, особенно быстро создавались дешевые, по 10 центов за экземпляр. «Эври манс» и был одним из таких. Если еще недавно в стране было лишь четыре литературных журнала — «Харперс», «Сенчюри», «Атлантик», «Скрибнерс» — с общим тиражом 600 тысяч экземпляров, то к 1905 году число таких изданий достигло двадцати, а их общий тираж превысил пять с половиной миллионов экземпляров.

В 1893 году Самуэль Макклюр начал выпускать в Нью-Йорке первый дешевый ежемесячный журнал «Макклюрс мэгэзин», в котором намеревался публиковать лучшие произведения американских и английских писателей, а также статьи по внутренним и международным проблемам. Вскоре для него

работали Джек Лондон и Стивен Крейн, Линкольн Стеффенс и Фрэнк Норрис. В журнале в разные годы сотрудничали Генри Джеймс и О'Генри. Из Бостона в Нью-Йорк для работы в журнале «Харперс» переезжает Вильям Дин Хоуэллс. Все это дало основания писателю Хэмлину Гарланду заявить в 1893 году, что Нью-Йорк «сегодня претендует на роль и фактически является литературным центром Америки… Отныне Нью-Йорк, а не Бостон станет великим законодателем американской литературы…», превратившись в «рупор, через который наконец-то заговорила вся нация».

В эти годы американские журналы, по выражению Хэмлина Гарланда, предоставили «в целом огромную возможность выхода на публику» как большой группе писателей и журналистов, так и целому ряду художников-иллюстраторов. Американские критики отмечают, что все эти журналы — радикальные и женские, музыкальные и юмористические, литературные и спортивные — отражали как в зеркале все многообразие американской действительности конца XIX — начала XX века. «Макклюрс мэгэзин» привнес «в литературу дух эпохи — интервью, научные статьи, человеческие документы, рассказы о природе, политические истории, словом, все, и писатели изо всего этого создавали литературу». Для журналов работали такие известные американские художники, как Шинн, Слоун, Доув, Глэкенс.

Именно в этот период нью-йоркские газеты и журналы в каждом номере публикуют материалы, впоследствии получившие обобщенное название «журнализм улицы Бауэри». С конца прошлого века и до сегодняшнего дня улица Бауэри олицетворяет собой мир опустившихся людей — алкоголиков и наркоманов, нищих бродяг и проституток, всех тех, кого буржуазное общество выбросило за борт. Освещать район Бауэри газеты и журналы поручали опытным репортерам с хорошим стилем и литературным талантом. Когда газета «Нью-Йорк пост» доверила молодому Линкольну Стеффенсу, впоследствии снискавшему титул «отца американской журналистики», написать очерк о Бауэри, он с гордостью сообщал родным, что отправляется в «отвратительнейшую часть внушающего ужас района, в котором царствуют нищета, грехи и разврат. Испортит он меня или сделает из меня человека? Во всяком случае, здесь поле моей деятельности, и именно здесь — мой шанс». Название Бауэри в американской журналистике стало символом того дна, на которое может упасть человек, дальше уже опускаться некуда.

Среди читателей таких историй долгие годы превалировал чисто буржуазный взгляд на неизбежную связь нищеты и порока, для респектабельных буржуа оба эти понятия практически были

тождественными. Усилиями Линкольна Стеффенса, Стивена Крейна, а впоследствии Теодора Драйзера и других писателей-реалистов, возвысившихся в своих произведениях до выражения социального протеста, удалось в какой-то степени развеять это сугубо буржуазное заблуждение.

В Бауэри бывали и писали о нем многие видные американские писатели. По этой улице бродил в поисках материала переодетый бродягой видный американский писатель-реалист Стивен Крейн, описавший свои похождения в очерке «Испытание нищетой»: «А за спиной — множество зданий, высящихся в своей безжалостной угрюмости, олицетворяли собой нацию, воздевавшую свою царственную голову в облака и не думающую бросить вниз даже беглого взгляда, нацию, которая в величии своих помыслов полностью игнорировала несчастных людишек, барахтающихся у ее ног».

Большую известность получил и другой очерк Крейна — «Человек в бурю». Редактируемый Драйзером журнал «Эври манс» писал в феврале 1897 года, что этот очерк является «выразительным примером» умения его автора находить «скрытую поэтичность в самых обыденных картинах». (Линкольн Стеффенс считал этот очерк «одной из наиболее впечатляющих картин, когда-либо созданных Крейном о трагедии жизни бедняков Нью-Йорка».) Журнал «Эври манс» обратил внимание и на первый роман Крейна «Мэгги, девушка с улицы», рассказывающий о судьбе соблазненной богатым негодяем и брошенной девушки. Роман этот, отмечал журнал, представляет собой «одну из наиболее волнующих картин определенной стороны городской жизни, которая когда-либо была выражена печатным способом».

Редакция «Эври манс» размещалась на третьем этаже захудалого дома на Двадцатой улице, в помещении владеющей им фирмы «Хоули, Хэйвиленд энд К°». Драйзер ежедневно наблюдал здесь водевильных певиц и певцов, комиков и музыкантов. Вместе с Полем и своим другом композитором Теодором Морзе он часто приходил сюда по воскресеньям и слушал, как Поль и Морзе играют на рояле, или же работал над очередной статьей.

«Эври манс» был стандартным журналом большого формата, от 32 до 48 страниц номер, плохо отпечатанный на дешевой бумаге. Основу каждого номера составляли четыре популярные в этом месяце песни, их отбирали владельцы фирмы. Во всем же остальном редактору была предоставлена полная свобода: он сам выбирал для очередных номеров рассказы, стихи, снимки, делал подписи, писал рецензии на книги, брал интервью и, главное, вел

постоянный отдел «Размышления», в котором регулярно публиковались его статьи за подписью «Пророк». Статьи эти занимали от двух до семи страниц журнального текста, были посвящены самым различным темам и позволяли их автору выразить свою точку зрения по самым разнообразным проблемам. В одних Драйзер со всей страстью молодости обрушивался на коррупцию, в других — обсуждал положение дел в Европе, в третьих — с серьезным видом рассуждал о «проблемах телепатии», в четвертых — гадал о возможностях жизни на Марсе. В ряде статей он давал свою интерпретацию философского учения Г. Спенсера.

Первый рассказ Теодора Драйзера под названием «Позабытый» появился в августе 1896 года. Содержание его весьма просто. В больничной палате лежит искалеченный стрелочник, каждое утро он спрашивает у медицинской сестры, нет ли ему письма. «С каждым новым восходом солнца он снова и снова преисполнялся надежды, каждый вечер сердце его вновь наполнялось болью». Он умирает, не получив долгожданного письма. По своему содержанию рассказ этот перекликается с балладой «Письмо, которое так и не пришло», принесшей известность Полю Дрессеру. Рассказ «Позабытый» затерялся на страницах журнала и никогда больше автором не публиковался. Лишь в конце 60-х годов американская исследовательница творчества Драйзера Элен Моерс обнаружила старый номер журнала с этим первым прозаическим произведением молодого писателя.

В «Эври манс» Драйзер старается дать читателям журнала образцы хорошей прозы, печатает в нем рассказы Брета Гарта и Стивена Крейна. Появляются на страницах журнала и статьи старого друга из Толедо Артура Генри. Дела журнала шли неплохо, тираж его уже составлял 65 тысяч экземпляров. Однако рост популярности журнала имел для его редактора и отрицательную сторону — поступало больше рекламных объявлений, и приходилось им отводить дополнительные страницы, сокращая собственно литературную часть журнала. Несмотря на предоставленную ему на первых порах свободу в редакционных делах, Драйзер получал от журнальной деятельности все меньше и меньше удовлетворения. Ему претила необходимость потрафлять невысоким вкусам большинства читателей, возмущало стремление издателей превратить журнал в исключительно рекламно-коммерческое предприятие, в котором все меньше оставалось места для применения его способностей писателя и редактора. Оставивший работу в газете и переехавший в Нью-Йорк Артур Генри подогревал его недовольство рассказами

о прелестях жизни свободного литератора, не связанного никакими обязанностями.

Двадцатишестилетний литератор прошел к этому времени хорошую жизненную школу, многому научился. Он прекрасно понимал, что и газеты и журналы существуют для того, чтобы приносить их владельцам доходы. Работать ему становилось все труднее. Чувствуя, что его свободе в журнале приходит конец, он покидает журнал. Сентябрьский номер «Эври манс» за 1897 год был последним, который редактировал Драйзер.

Он решает заняться писанием очерков и статей. Опытный, энергичный журналист, уже известный и владельцам, и редакторам многих ежемесячников, Драйзер легко получает задания от ведущих американских журналов — «Космополитен», «Харперс», «Эйнслиз», «Метрополитен». Материалы его появляются в прессе регулярно. Он пишет очерки об исторических местах и гражданском строительстве, зарисовки из нью-йоркской жизни, статьи об организации промышленности в Чикаго, о торговле на реке Миссисипи, о разведении фруктовых деревьев, герои его очерков — бедняки и богачи, художники и музыканты, бизнесмены и простые рабочие.

За период с 1897 до конца 1899 года на страницах различных американских журналов было опубликовано более 100 статей и репортажей за подписью Драйзера. В журнале «Сексес», что в переводе на русский означает «Успех», с февраля 1898 по январь 1900 года было опубликовано 13 статей, объединенных в серию под общим заглавием «Истории людей, добившихся успеха в жизни». Известно, что Драйзер лично встречался с каждым человеком, историю жизни которого он писал для журнала. Ряд историй составлен в форме интервью. Впоследствии писатель в одном из писем объяснил, что выбор формы интервью с сильными мира сего был далеко не случайным и что он не мог высказывать критических замечаний в адрес «героев» своих очерков. «Если вы просмотрите журнал, то поймете, почему осуждение г-на Карнеги лишило бы меня моего заработка в 100 долларов. И если вы прочтете статью внимательно, то увидите, что вся она в форме интервью, все высказывает г-н Карнеги. Мои же взгляды отсутствуют по этой уважительной причине». Кроме жизненной истории промышленника Эндрю Карнеги, Драйзер опубликовал в «Сексес» интервью с такими крупными бизнесменами-миллионерами, как Ф. Армор, Ч. Депью, М. Филд.

В этой же серии появились очерки писателя и о тех, кто достиг успеха в сфере науки, искусства, литературы. Это очерки о знаменитом изобретателе Томасе Альве Эдисоне, о скульпторе Поле Бартлетте, писателях Вильяме Дине Хоуэллсе и Антони

Хоупи, певице Лиллиан Нордике, композиторе Теодоре Томасе, фотографе Альфреде Штиглице. Вообще деятелям искусства в эти годы посвящено около половины опубликованных писателем статей и очерков. Он пишет об актерах и писателях, скульпторах и архитекторах, художниках и резчиках по стеклу. Писатель любил бывать в их студиях, ходил на выставки, рекомендовал картины и фотографии для публикации в журналах, писал предисловия к сборникам репродукций работ художников и фотографов.

Многие журнальные статьи Драйзера в этот период посвящены новейшим достижениям науки и техники, проблемам градостроительства, городского транспорта. Во многих из них он все чаще обращается к описанию жизни простых тружеников — лоцманов Нью-йоркской бухты; бесправных рабочих-эмигрантов; изможденных жителей развалин; нищих, вынужденных бродить с места на место в поисках ночлега и куска хлеба. Статьи эти пронизаны искренним сочувствием к людям труда, жертвам капиталистической потогонной системы.

Первые месяцы 1898 года ознаменовались в Соединенных Штатах мощной пропагандистской кампанией против испанского владычества на Кубе, Филиппинах и Пуэрто-Рико. Ведущие нью-йоркские газеты «Уорлд» Джозефа Пулитцера и «Джорнэл» Уильяма Рэндольфа Херста разжигали общественные страсти, развернув лицемерную кампанию против «испанских жестокостей» на Кубе. Кампанию эту начали журналисты Херста, публикуя выдуманные истории о «кровопролитиях» на Кубе. Тираж «Джорнэл» начал быстро расти, и пулитцеровская «Уорлд» стала помещать еще более страшные «рассказы очевидцев». Когда 15 февраля 1898 года на гаванском рейде при невыясненных обстоятельствах взорвался и затонул американский броненосец «Мейн», «Джорнэл» и «Уорлд» без промедления заявили, что это дело рук испанцев. Именно в эти дни ежедневный тираж каждой газеты достиг миллиона экземпляров. 21 апреля Соединенные Штаты без объявления войны начали в районах Кубы, Филиппин и Пуэрто-Рико военные действия против Испании. Испано-американская война свидетельствовала о вступлении США в борьбу за мировую гегемонию и явилась, по определению В. И. Ленина, одной из главных исторических вех, которыми отмечено начало эпохи империализма[В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 164.].

Испано-американская война продолжалась три с половиной месяца и, как известно, завершилась капитуляцией Испании. В этот период на страницах американских журналов место материалов о городской жизни заняли репортажи с полей

военных действий, статьи на другие военные темы. Писал такого рода статьи и Драйзер — о производстве легкого оружия и боеприпасов, о тренировке голубей для военных целей. Однако статьи Драйзера отличались от других подобных материалов полным отсутствием военного угара. Так, в статье о посещении военных заводов «Винчестер», озаглавленной «Как делают легкое оружие» и опубликованной в журнале «Эйнслис» в июле 1898 года, он писал: «Но стоит вам выйти наружу, в этот обычный мир, в котором не слышно шума бесчисленных машин, как само воспоминание об огромном заводе превращается в необычное чудовище, работающее на войну… и эта мысль тяготит вас…»

В эти же годы появляются в журналах стихи и поэмы Драйзера, посвященные в основном человеческому восприятию жизни, философским и лирическим раздумьям; многие из них впоследствии вошли в сборник стихов писателя «Настроения». Писателю теперь не приходилось беспокоиться о хлебе насущном, заработки его достигают ста долларов в неделю — явный признак если не успеха и процветания, то, безусловно, благополучия.

В июне 1898 года по заданиям журналов Драйзер едет в Чикаго. Каким непохожим был этот его приезд по сравнению со всеми предыдущими! Рекомендательные письма редакторов ведущих журналов «Сексес» и «Космополитен» открывают перед ним двери особняков чикагских воротил — владельца знаменитых чикагских боен Ф. Армора, фабриканта мебели А. Ревелла, президента железнодорожной компании «Пульман» Р. Линкольна, которых он интервьюирует для серии своих очерков. Он посещает Иллинойсский технологический институт, знакомится с перевозкой грузов по реке Чикаго. Находит он время и чтобы просто побродить по так хорошо знакомым улицам.

По пути в Чикаго он заехал навестить свою невесту Сару Уайт, все еще ожидавшую решительного шага с его стороны. Она на этот раз без обиняков настаивала на том, чтобы точно определить дату их свадьбы. Ему нравилась ее простота, скромность и чувство внутреннего достоинства, ее безупречная английская речь была предметом его тайной зависти, он с наслаждением окунался во всю атмосферу семьи Уайтов, атмосферу, в которой «воспитывались преуспевающие дети». Но Драйзер тянул с определением сроков свадьбы, уходил от ответов на прямые вопросы. Он видел узость и консервативность ее взглядов, знал твердость ее характера, в его ушах звучали предупреждения друзей о том, что она ему не пара.

Посещение Джексон-парка, на территории которого пять лет тому назад была расположена всемирная выставка, с новой силой пробуждает в нем воспоминания о давно минувших днях, о

первых встречах с Сарой Уайт, снова и снова убеждает его в необходимости женитьбы. Полученное вскоре после его возвращения в Нью-Йорк письмо от ее младшей сестры, рассказывающее об отчаянии Сары, подталкивает его на решающий шаг, и 28 декабря 1898 года в Вашингтоне Теодор Драйзер сочетается законным браком с Сарой Осборн Уайт. Скромная церковная церемония прошла в присутствии единственной родственницы — сестры невесты. Молодожены возвращаются в Нью-Йорк и начинают совместную жизнь.

Занятия журналистикой дали Драйзеру не только финансовую независимость, но и определенную известность. Его имя включено в справочник «Кто есть кто?» за 1899 год, в котором он значится как редактор, поэт и писатель. Знакомые журналисты, друзья отмечали его огромную трудоспособность, редкую наблюдательность, умение подметить мельчайшие детали, твердую веру в силу человеческого духа. Его статьи всегда отличались убедительностью аргументов, энергичным слогом, безупречной логикой. Он много и плодотворно работает, пишет целый ряд статей и очерков, в том числе и навеянные посещением Чикаго — «Самая маленькая и самая трудолюбивая река в мире» (о реке Чикаго), «Чикагская упаковочная индустрия», «Город Пульмана», «Проблемы канализации в Чикаго» и другие. Молодая жена, он называл ее Джаг, старалась получше вести хозяйство, приветливо встречала его старых друзей и знакомых.

По приглашению Артура Генри Драйзеры проводят лето 1899 года в его старинном особняке в городке Моми, штат Огайо. Теодор и Артур пишут вместе статью «Как прожить день на восемь центов» и проводят бесконечные часы в беседах на философские темы. Артур настойчиво убеждает Драйзера снова попробовать свои силы в прозе — написать роман или хотя бы рассказ. Сам писатель впоследствии рассказывал об этом в одном из писем критику Генри Менкену: «Даже еще в 1897 и 1898 годах я не имел ни малейшего представления о том, что когда-нибудь буду романистом. Меня влекло, если вы поверите этому, к пьесам, и если бы я был предоставлен самому себе, я бы работал именно в этом жанре. Но случилось так, что тогда в Нью-Йорке я неожиданно встретился с молодым человеком, которого я знавал за четыре года до этого в Толедо, штат Огайо, Артуром Генри. В то время, в 1894 году, он заведовал отделом городской жизни в «Толедо блейд», только что женился и жаждал начать писать. По каким-то причинам я ему понравился, и вот теперь он все время вертелся около меня. Он был прекрасно начитан, доброжелательный критик и способный человек… очень сильно заинтересованный в романе как жанре, а также в рассказе…

Именно он уговорил меня написать мой первый рассказ. Это все — чистая правда. Он изводил меня, утверждая, что я наполнен рассказами, до тех пор, пока я не поддался его уговорам. В конце концов я таки написал один рассказ, сидя вместе с ним в (его) доме на берегу реки Моми, в городке Моми, штат Огайо, неподалеку от Толедо… И после каждого написанного абзаца я краснел до корней волос из-за своего безрассудства — все написанное казалось таким глупым. Он настаивал, чтобы я продолжал, что это хорошо, а я думал, что он просто смеется надо мной, что все это ужасно, что он хочет подшутить надо мной. В конце концов он взял рукопись, отдал ее перепечатать и отослал в «Эйнслис». Они мне прислали чек на 75 долларов. Так я начал. Все это именно так и было, святая правда. Затем он начал дудеть о романе. Я должен написать роман, я должен написать роман. К тому времени я уже написал четыре или пять рассказов и продал все».

Так под давлением Артура Драйзер пишет один из своих первых рассказов — «Сияющие рабовладельцы». Сюжет рассказа полуфантастичен: некий Роберт Макевен в своих грезах превращается в муравья, вступает в смертельную схватку за жизнь с другими муравьями и спасается только тем, что возвращается из мира грез в мир реального существования. Биограф писателя, хорошо знавший его, Роберт Г. Элиас писал впоследствии, что рассказ этот представляет собой «жизненную аллегорию, в которой борьба за существование ведется безрассудно, слепо и в которой судьба каждого определяется скорее силой, чем добрыми или злыми намерениями». По своим мотивам и выводам — спасение и смысл существования заключаются не в мире ирреальных грез, а в реальной действительности — рассказ этот весьма близок к философскому эссе «Возвращение гения», написанному и опубликованному еще в первые годы работы Драйзера в газете.

Один из журналов принял рассказ, и вскоре он был напечатан. А тем временем вдохновленный похвалами Артура Генри Драйзер пишет четыре новых — это «Негр Джеф», «Мир и мыльный пузырь», «Дверь мясника Рогаума» и «Когда старое столетие было новым». Сюжеты всех этих рассказов почерпнуты молодым писателем из собственных наблюдений, он хорошо знал и жизненные ситуации, и людей, которых описывал. История жестокого суда Линча над негром, имевшая место в Сент-Луисе в дни, когда там работал Драйзер, послужила основой для рассказа «Негр Джеф». Репортер, герой рассказа, через соприкосновение с американской действительностью осознает, что окружающий его мир — это далеко не поэтическая идиллия, а арена повседневной

борьбы за существование, борьбы грубой и беспощадной. Конфликт между строгим отцом и жаждущей развлечений дочерью («Дверь мясника Рогаума») весьма напоминает историю, происшедшую в семье родителей писателя.

Обращение к жанру рассказа дало молодому писателю возможность полнее высказать переполнявшие его чувства, позволило с большей свободой, чем это допускалось в очерках и статьях, излагать известные ему факты. Таким образом, уже с первых шагов в литературе Драйзер берет в основу своих произведений факты реальной жизненной действительности, нисколько не приукрашивает их, и стремится через них выразить свое внутреннее понимание происходящих событий. Внимательный читатель рассказа «Негр Джеф» не может не заметить, что все симпатии автора на стороне затравленного, невинного Джефа, что автор вместе с матерью Джефа оплакивает его трагическую судьбу.

Драйзеры возвращаются в Нью-Йорк вместе с Артуром Генри, который на какое-то время останавливается у них. Он не перестает убеждать Теодора в необходимости посвятить себя литературе. Сам Артур начинает писать роман. Драйзер поддается настойчивым уговорам друга и берется за работу. «Наконец, — писал он впоследствии, — я взял лист желтой бумаги и, чтобы доставить ему удовольствие, наугад написал заглавие — «Сестра Керри». Писатель утверждал: в тот момент «в голове моей не было никаких идей, кроме этого имени. Я не имел ни малейшего представления, кем она должна стать. Я частенько подумываю, что в этом есть что-то мистическое, как если бы меня использовали в качестве медиума».

Близкий друг писателя, редактор из журнала «Эйнслис» Ричард Дюффи вспоминает, что первоначально у Драйзера имелся совершенно другой замысел романа. Его дружба с Полем, хорошее знание мира музыкантов и артистов дали ему материал для романа, который он задумал перед «Сестрой Керри». В нем он намеревался описать жизненный путь создателя популярных песен, для которого успех явился разлагающим началом. Судя по тому, как он развивал этот план, роман обещал отличаться новизной и достигнуть успеха.

Некоторые американские исследователи творчества Драйзера считают, что опубликованная в декабре 1900 года в еженедельнике «Харперс» статья «Истоки музыки» подтверждает свидетельство Дюффи. В статье этой Драйзер нарисовал яркую картину, если можно так выразиться, музыкального бизнеса, раскрыл все те невидимые пружины, которые создавали успех той или иной песне. Он рассказал о положении композиторов в мире

музыкальных издателей, о жизни певцов и антрепренеров, о роли «толкачей», о коммерческих манипуляциях и театральных трюках, которые превращали рядовую песню в «боевик». Есть в статье и описания, которые известным образом перекликаются с «Сестрой Керри», это портрет молодой, удачливой водевильной актрисы, ее манера разговаривать, одеваться, вся атмосфера ее мимолетного успеха.

В основу романа Драйзер решил положить эпизоды из жизни своей сестры Эммы. Юной девушкой приехала она в Чикаго в надежде устроить свою судьбу. Случай свел ее с состоятельным пожилым архитектором, и она стала его содержанкой. Мальчишкой Теодору приходилось бывать в гостинице, в которой она жила со своим любовником, и он надолго запомнил и показную роскошь апартаментов сестры, и ее многочисленные наряды. Через некоторое время сестра увлеклась женатым управляющим респектабельным рестораном «Чэпин энд Гор» по фамилии Гопкинс, дочь которого была ненамного моложе Эммы. Заподозрившая измену жена Гопкинса наняла детективов, которые выследили любовников.

Воскресным вечером в феврале 1886 года Гопкинс взял из кассы ресторана три с половиной тысячи долларов и вместе с Эммой уехал в Монреаль. Но благоразумие взяло верх, он вернул большую часть денег владельцам ресторана, что спасло его от суда и следствия. В Варшаву (штат Индиана), где в то время жили Драйзеры, приезжали детективы и расспрашивали мать, что ей известно о том, куда бежала Эмма. Приезжала и госпожа Гопкинс высказать свое возмущение поступком Эммы.

Гопкинс и Эмма уехали в Нью-Йорк и, сменив фамилию, начали новую жизнь. Ему удалось завязать связи с городскими чиновниками и поступить инспектором в отдел по уборке улиц. Но главным его занятием было устройство тайных свиданий полицейским и чиновникам с дамами легкого поведения. Какое-то время он на этом неплохо зарабатывал. Но очередное разоблачение коррупции среди городских властей нанесло удар по Гопкинсу, он потерял работу и все свои доходы. Он стал изменять Эмме, бил ее, требовал, чтобы она сдавала комнаты для свиданий. Обосновавшийся к этому времени в Нью-Йорке Теодор некоторое время наблюдал за развитием событий в семье Эммы, а затем помог ей уйти от Гопкинса. Впоследствии Драйзер писал, что он позже начал сочувствовать Гопкинсу, поняв, что тот «страдал от того самого террора жизни, или от обстановки в Нью-Йорке, или от того и другого, которые затем захватили в свои клещи и меня».

Эта по-своему романтическая житейская мелодрама дала

писателю основную канву для романа. Эмма превратилась в сестру Керри, архитектор стал коммивояжером Друз, управляющий рестораном Л. Гопкинс — Джорджем Герствудом. В романе много автобиографических черт. Действие его происходит в Чикаго и Нью-Йорке, городах, которые Драйзер не только прекрасно знал, но и по-своему любил. Восемнадцатилетняя Каролина Мибер — сестра Керри — отправляется из провинциального городка в Чикаго в поисках лучшего будущего. Не затем ли ехал в Чикаго в 1887 году шестнадцатилетний Теодор? А хождения Керри по городу в поисках работы, ее страхи и застенчивость, ее мысли как две капли воды похожи на то, что пережил и прочувствовал при первом столкновении с жестокой реальностью большого города будущий писатель. Керри живет в том районе, в котором в действительности в разное время жил Теодор. Описание забастовки нью-йоркских трамвайщиков, в которую втянут Герствуд, навеяно сценами, которые писатель наблюдал в Толедо.

Один из очерков Драйзера, «Гримасы нищеты», был опубликован в журнале «Деморестс» в ноябре 1899 года, то есть ровно за год до выхода в свет романа. Очерк имеет весьма характерные подзаголовки: «Странные способы облегчения крайней нищеты. — Последние возможности наиболее жалких нью-йоркских попрошаек». Очерк этот, с одной стороны, является ярким образцом «журнализма улицы Бауэри», а с другой стороны, полон реалистических описаний, рисует впечатляющую картину жизни «дна» Нью-Йорка. Сюжетно очерк распадается на четыре самостоятельные зарисовки. Автор использует в нем прием контраста, противопоставления. Он начинает очерк с описания ярко освещенного вечернего Бродвея в час, когда завсегдатаи театров отправляются на спектакли, другие расходятся по ресторанам и барам, когда «ночь наполнена радостями и весельем». Но вот от одетой в вечерние костюмы и платья массы людей отделяется «невысокий, крепко сложенный военный в плащ-накидке и мягкой фетровой шляпе». Он одиноко стоит на углу улицы, посвистывает и наблюдает, как постепенно замирает жизнь вокруг: гаснут яркие огни, начинает расходиться и разъезжаться но домам нарядная публика. Становится холоднее, и из темноты появляются фигуры нищих. Сначала они молча ходят вокруг, как бы не обращая внимания на военного, но через какое-то время один за другим подходят к нему, он выстраивает их в очередь, а сам обращается к идущим благополучным людям: «Так вот, господа, этим людям негде ночевать. Нужно найти место, где бы они смогли приклонить голову этой ночью. Не могут же они лежать на улице. Мне нужно двенадцать центов,

чтобы поместить одного из них в постель. Кто даст мне эти деньги?»

До поздней ночи собирает капитан, как его называют все, необходимые деньги, а затем ведет большую группу нищих в одну из ночлежек Бауэри. «В этом заключалась идея капитана о его долге перед своими согражданами». Три другие зарисовки рассказывают о благотворительной столовой на углу Шестой авеню и Пятнадцатой улицы, в которой раздавали бесплатные завтраки; о ресторане Флейшмана на углу Бродвея и Девятой улицы, где в полночь раздавали сотни буханок хлеба; о ночлежке на Бауэри, куда впускали без денег.

Работая над романом, писатель использовал очерк «Гримасы нищеты», описывая последние скитания Герствуда по Нью-Йорку. В главе XLV, которая так и названа «Гримасы нищеты», он рассказывает, как Герствуд получает ночлег с помощью капитана. Глава XLVII начинается с описания благотворительной столовой на Пятнадцатой улице, в которой кормили бесплатно обедами. Герствуду иногда удавалось там пообедать. В этой же главе описывается и то, как Герствуд получает хлеб из магазина Флейшмана. Кончать счеты с жизнью Герствуд приходит в одну из бесплатных ночлежек. Как видим, рисуя тяжелую картину нищенского существования Герствуда, писатель использовал хорошо ему известный материал современной американской действительности. И таких картин, взятых прямо из жизни, в романе немало.

Хотя работа над романом продвигалась довольно быстро — Драйзер потратил на него лишь семь месяцев, — и все же было несколько перерывов. Описывая жизнь такой, какой ее видел, писатель временами думал, что такой метод не вполне серьезен. В то время он был далек от мысли, что создает произведение, революционное по форме и содержанию; Драйзер просто писал, преисполненный «сочувствия к человеческим страданиям». В середине сентября, через месяц после начала работы, он подошел к моменту встречи Керри с Герствудом, перечитал написанное и решил, что истории недостает последовательности и что вообще она скучна, отложил рукопись в сторону и снова принялся за статьи для журналов. Однако Артуру Генри вскоре удалось убедить Драйзера вновь приняться за роман.

Следующая заминка наступила при описании сцены похищения денег. Писателю не хотелось, чтобы Герствуд выглядел обыкновенным вором, по меньшей мере его вина должна была быть под сомнением. Но вот и эта проблема разрешена, и работа над романом подходит к концу. Но сама концовка романа долго не давалась писателю, нужные мысли

пришли неожиданно во время загородной прогулки. Конечно, еще требовалось что-то подправить, что-то сократить, но роман уже был закончен. Теперь дело оставалось за тем, чтобы найти издателя.

Писатель в беседе со своим первым биографом Дороти Дадли так описывал работу над романом после того, как были преодолены первые сомнения: «Мне удалось справиться с первой трудностью, и потом все пошло хорошо, пока я не добрался до падения Герствуда, а тогда мне пришлось вернуться памятью к тем временам, когда я служил в «Уорлд». И дело снова затормозилось. Мне вдруг показалось, что я вообще не гожусь для писательства. Роман показался мне слишком трудным, почти неосуществимым делом… Но прошел еще месяц, я вновь поймал нить повествования, и в мае книга была закончена. Генри прочитал ее и сказал: «Не меняйте ни слова». И все же еще несколько недель заняли исправления. Генри помогал мне. В мае или июне 1900 года я отослал рукопись в журнал «Харперс». У меня там был знакомый редактор. Рукопись мне вернули. Тогда я отнес ее в издательство «Даблдей». И в ноябре книгу напечатали».

Однако в действительности все произошло не так гладко и просто.

Рассказанная в романе история жизни Керри неискушенному читателю может показаться весьма банальной, немало подобных историй знало американское общество. Приехав в большой город из провинции с намерениями чистыми, как ее юность, Керри с первых же шагов сталкивается с моралью капиталистического общества — мечты превращаются в действительность только с помощью денег. Хочешь получить образование — плати деньги, хочешь хорошо одеться — плати, хочешь развлекаться, весело жить — опять же выкладывай деньги. «Ах, деньги, деньги, деньги! Как хорошо иметь их! Будь у нее много денег, все ее заботы развеялись бы как дым». Керри пытается заработать необходимые средства честным трудом, но вскоре понимает, что даже самый тяжелый труд может обеспечить ей лишь нищенское существование.

«Великий соблазн земных благ» преобладает над голосом рассудка, и Керри становится любовницей коммивояжера Друэ. Ее желание жить с комфортом удовлетворено, но только на время. Жажда еще более обеспеченного положения, новых развлечений приводит Керри к Герствуду. Она бежит с ним в Канаду, затем в Нью-Йорк. Но связь с Герствудом не приносит Керри ни благополучия, ни счастья. Она вынуждена снова искать работу. На этот раз фортуна улыбается ей — Керри становится актрисой

и вскоре добивается успеха.

На первый взгляд в истории Керри нет ничего необычного, ничего такого, что могло бы вызвать гнев сторонников викторианской морали. Роман весьма прост по своему содержанию, написан скупыми стилистическими средствами, и лишь развитие действия в нем преисполнено напряжения и драматичности, цепко держит внимание читателя. Но это можно было поставить лишь в заслугу автору, но отнюдь не в упрек.

«Действительно, — отмечал критик М. Гейсмар, — при первом прочтении романа Драйзера, преисполненного нежного и того выношенного чувства жалости, которым окрашены все его истории, трудно понять, почему эта книга вызвала такой фурор в начале века и перебрасывалась из издательства в издательство в течение почти десяти лет».

Таким же вопросом задается и один из видных теоретиков, историков и критиков США, Френсис Отто Маттисен, который в монографии о Драйзере писал: «Обращаясь к книге Драйзера сегодня, труднее всего понять, почему тогдашняя Америка сочла такой революционной созданную им «картину условий жизни».

Ответ на подобный вопрос и прост и сложен. Он вытекает из тех условий, в которых впервые появился роман. Драйзер, свидетельствует Маттисен, «знал, чего ждали от писателей Индианы. Двое таких писателей как раз в то время помогали укрепиться неправдоподобно распространившемуся увлечению рыцарскими романами. «В те времена, что рыцарство цвело» (1898) Чарлза Мейджера, романтическая история о том, как «Мария Французская» сочеталась вторым браком с Чарлзом Брендоном, по своей популярности даже превосходила «Алису из старого Венсена» (1900) Мориса Томпсона, где Индиана отличается от той, которую помнил Драйзер, не потому лишь, что Томпсон писал о временах пионеров. Из индианских писателей, современных Драйзеру, наибольшего успеха добились Бут Таркингтон, только что выпустивший «Джентльмена из Индианы» (1899), и Джин Стрэттон Портер… Для писателя, который был лишен ощущения живой традиции и не мог на нее опереться, такие запросы публики могли оказаться чрезмерно сильно действующим прессом».

Сюжетная сторона романа и место его действия взяты писателем из реальной американской жизни конца XIX века. Так поступали и многие другие писатели, но роман Драйзера — произведение глубоко художественное, факты повседневной жизни освещены в нем творческим видением автора, показаны через его индивидуальное восприятие действительности. Из жизненной мелодрамы писатель создает историю социальную,

подымаясь до показа типичных героев в типичных обстоятельствах. Именно этим он сразу же навлек на себя немилость ярых апологетов «американского образа жизни», защитников капиталистического общества.

Американские писатели до Драйзера за некоторым исключением видели свой долг, по выражению писателя Вильяма Дина Хоуэллса, в изображении «наиболее радостных сторон жизни, являющихся в то же самое время и наиболее американскими». Другой американский писатель, поэт Эдгар Ли Мастерс, писал в этой связи: «Сорок лет назад, принимаясь за роман вроде «Сестры Керри», нужно было помнить, что о женщине необходимо писать в духе только одной идейной концепции. Книга должна была непременно доказать, что женщину ждет возмездие… даже не в силу тех или иных ее поступков и их последствий, а в силу христианской доктрины греха. Писателю надлежало расчистить путь, дабы по нему прошествовала истина, высвобождая из тенет порока юные сердца и неся свет разума умудренным опытом повсюду, куда доходили отблески ее факела».

«Сестра Керри» не только не укладывается в прокрустово ложе подобных концепций, но и гневно восстает против них, восстает против затхлой буржуазно-религиозной морали. «…Ведь Керри не просто избежала возмездия, — подчеркивает Маттисен, — Драйзер вообще не считал, что она грешна, и это был самый дерзкий его вызов условным понятиям конца XIX века». К подобному же выводу приходит и Дороти Дадли. «В эпоху, когда всеми овладела боязливость, — отмечала она, — когда эту боязливость, во всяком случае, усиленно насаждали люди, стоявшие во главе общества в последней трети XIX века, Драйзер был один из тех, кто от рождения не был связан условностями и жил, не признавая их».

Теодор Драйзер стал одним из первых писателей, осмелившихся заявить во всеуслышание, что «наиболее американскими» являются отнюдь не «наиболее радостные» стороны жизни. «С первых же страниц романа, — писал Маттисен, — его автором движет твердая вера, что он помогает запечатлеть специфически американский опыт…» Своим первым романом Драйзер поднял завесу и показал подлинную Америку, ту Америку, в которой он вырос, которую он познал на собственном жизненном опыте. И поэтому его роман прозвучал, словно набатный колокол в тихий идиллический рождественский вечер. Как отмечал современник Драйзера писатель Джордж Эйд, «в то время, когда некоторые из нас строили курятники или, возможно, бунгало, Драйзер сооружал небоскребы».

История создания «Сестры Керри», или, если выразиться точнее, история запрещения романа, весьма и весьма необычна. Завершив работу над книгой в апреле 1900 года, Драйзер по совету друзей представил рукопись в издательство «Харперс энд бразерс», в котором его хорошо знали как автора ряда статей, опубликованных в принадлежащем фирме ежемесячном журнале «Харперс», причем последняя из них, «Железные дороги и простые люди», увидела свет всего лишь за два месяца до этого — в февральском номере журнала за 1900 год. В самом начале мая издательство возвратило рукопись. В письме автору издатели оценивали роман как «выдающийся образец… реализма», однако полагали, что он не найдет сбыта. По совету редактора журнала «Харперс» Г. Алдена писатель относит рукопись романа в издательство «Даблдей, Пейдж энд компани» и вручает из рук в руки одному из владельцев фирмы, Фрэнку Даблдею.

Первым читателем романа стал сотрудничающий в фирме выдающийся американский писатель-реалист Фрэнк Норрис, чей роман «Мактиг» был выпущен этим же издательством в предыдущем году. Драйзер читал книгу Норриса и очень высоко оценивал ее. Драйзер приходил в восторг от «великолепного местного колорита, силы и правдивости каждой страницы. Это была настоящая книга, такая же захватывающая, дающая так же много, как любая из тех, что я раньше читал. И это была книга об Америке. Я не мог говорить ни о чем другом многие месяцы», — свидетельствует он.

Некоторые друзья писателя не без оснований придерживались того мнения, что роман был отвергнут издательством «Харперс энд бразерс» именно из-за реалистического изображения действительности, и поэтому опасались того, что и в другом издательстве его постигнет та же судьба. Однако сам писатель был настроен оптимистически, полагая, что если можно было выпустить в свет такой «правдивый портрет американской жизни», как «Мактиг», то и «Сестра Керри» имеет все основания быть изданной. И поначалу оптимизм Драйзера вполне оправдывался.

Фрэнк Норрис в это время придерживался вполне определенных взглядов: он считал, что американские граждане «эксплуатируются и обманываются лживыми представлениями о жизни, лживыми образами, лживым сочувствием, лживой моралью, лживой историей, лживой философией, лживыми иллюзиями, лживым героизмом, лживым изображением самопожертвования, лживыми взглядами на религию, долг, поведение и манеры». «Люди имеют право на правду, — утверждал он, — как они имеют право на жизнь, свободу и

счастье». С первых же страниц «Сестра Керри» захватила его, и он рассказывал жене и знакомым, что читает шедевр. Уже 28 мая 1900 года он писал Драйзеру: «Моя копия отзыва о «Сестре Керри» куда-то запропастилась, и я не могу процитировать ее. Но я хорошо помню, что в нем говорится, и мне доставляет удовольствие повторить, что «Сестра Керри» — лучший роман, который мне довелось читать в рукописи с тех пор, как я работаю для фирмы. Вы можете оставаться в полной уверенности, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы было принято решение об издании книги. Я буду действовать так быстро, как это только возможно, и не исключено, что дам вам знать еще до конца этой недели».

Тем временем роман прочли два совладельца фирмы Генри Лейнер и Уолтер Пейдж. Хотя Лейнеру роман не понравился, он тем не менее высказался за его публикацию. С общего согласия Пейдж 9 июня направил Драйзеру письмо, в котором сообщалось, что фирма «весьма удовлетворена вашим романом… Поздравляем с таким хорошим творением». По приглашению Пейджа Драйзер в понедельник 11 июня посетил фирму и лично выслушал поздравления владельцев. Его попросили сделать в рукописи незначительные поправки, после чего предполагалось заключение формального договора. Писатель скрупулезно выполнил пожелания фирмы и вместе с женой уехал отдыхать к ее родителям.

Он сообщил о своем успехе друзьям в Сент-Луис и Питтсбург и с удовольствием читал поздравительные письма. Голова его была переполнена планами новых книг, он твердо решает писать по роману ежегодно и тут же принимается за работу над вторым романом. Единственное серьезное огорчение — он уже понимает, что его семейная жизнь не удалась, и глубоко переживает это, хотя пока и не подает вида.

Но тут неожиданно разразилась беда. Основной партнер фирмы Фрэнк Даблдей на время уезжал в Европу и не читал рукопись «Сестры Керри». Возвратившись из путешествия и услышав восторженные отзывы о романе, он взял корректуру и по прочтении решил, что роман аморальный и не сможет найти читателей. Того же мнения придерживалась и его жена, также прочитавшая роман. После обсуждения издатели решили просить писателя освободить их от обязательства опубликовать книгу. Первым обо всем узнал Артур Генри, находившийся в Нью-Йорке и зашедший вечером в гости к Фрэнку Норрису. Обеспокоенный таким оборотом событий Артур тут же написал обо всем Драйзеру. Писатель получил также письмо и от Пейджа, который писал: «Я вынужден с сожалением сообщить, что чем больше

обсуждали мы вашу книгу, тем больше возрастала наша неуверенность. Превалирует чувство, что, несмотря на блестящее мастерство, выбор героев все же является неудачным… Говоря откровенно, мы предпочитаем не издавать вашу книгу, и мы бы хотели освободиться от наших обязательств перед вами».

Тут же пришло новое письмо от Артура Генри. «Настаивайте на выполнении Даблдеем и Пейджем своих обещаний, — советовал он Драйзеру. — Я несколько раз разговаривал с Норрисом и уверен, что это самое лучшее, что вы можете сделать. Они признают, что обязаны опубликовать книгу, если вы пожелаете того. Норрис согласен со мной, что, если они сделают это, Даблдей вскоре смирится со всем, а книга будет отлично продаваться. Норрис, который связан с газетами, критиками, окажет всяческое содействие в продвижении книги, и я знаю, что он будет доволен, если фирма в конце концов опубликует книгу».

Проведя бессонную ночь, Драйзер пришел к тому же выводу, что и его друг Артур. Он написал Пейджу, что настаивает на выполнении условий соглашения. Переписка между ними продолжалась безрезультатно, пока Драйзер не возвратился в Нью-Йорк. При личной встрече с владельцами фирмы Драйзер твердо стоял на своем.

— Отлично, — заявил в заключение Фрэнк Даблдей. — Вы настаиваете на своих юридических правах, мы будем придерживаться наших… Как я вижу, человек с вашим характером будет иметь неприятности с любым издателем, с которым ему только придется иметь дело, и я буду рад, если и ноги вашей больше здесь не будет. Мы выпустим одно издание в соответствии с договором, но мы не предпримем ничего, что обычно делаем для книг, которые нам нравятся.

Итак, Драйзер настоял на своем, издатели выполнили если не дух, то букву договора — отпечатали книгу тиражом в 1250 экземпляров. Прекрасно понимая, что «реклама — двигатель торговли», издатели решили проучить строптивого автора и не организовали книге никакой рекламы. «Таким образом, «Сестра Керри», литературная беспризорница, нуждающаяся в особенно заботливом уходе, была выпущена в большой мир издателем, который ненавидел как книгу, так и ее автора» — так охарактеризовал создавшееся положение один из биографов писателя. И это отнюдь не было преувеличением. Книгу, которую никак не рекламировало даже выпустившее ее издательство, не приобретал ни один книготорговец — ни оптовый, ни розничный.

Не помогло и то, что Норрис выполнил свое обещание — разослал 127 экземпляров романа в редакции журналов и газет для рецензирования. Рецензий на роман появилось достаточно,

но фирма не предприняла никаких усилий, чтобы с их помощью рекламировать книгу. Да и в своем большинстве рецензии эти были противоречивыми. Ряд газет и журналов упрекал автора в «аморальности», проповеди философии отчаяния и печали, безвкусицы. «История оставляет очень неприятное впечатление», — писала о романе миннеаполисская газета «Джорнэл». Образцом подобного рода суждений может служить и концовка рецензии из газеты «Сиэтл пост-интеллидженсер»:

> «Философия этой книги совершенно ясна и весьма интересна. Но ее содержание, сама грязная основа, на которой развивается действие, естественно, не позволяют ей достигнуть заметной популярности. Даже антисептически чистая манера повествования г-на Драйзера не может превратить ее ни во что другое, кроме как в слишком отталкивающую историю, и вам никогда и в голову не придет порекомендовать ее прочесть кому-либо другому. И все же остается фактом, что как произведение литературы, как образец философии человеческого существования роман почти гениален».

Однако роман не дошел до широкого читателя, книготорговцами продано было всего 456 экземпляров книги. Автор получил 68 долларов и 40 центов гонорара.

Отвечая на вопрос корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс», удовлетворен ли он приемом, оказанным его роману, Драйзер так отозвался о нападках на роман: «Критики совершенно не поняли, что я пытался выразить. Эта книга взята из жизни. Она задумывалась не как образец литературного мастерства, а как картина существующих условий и была написана так просто и выразительно, как только мог позволить английский язык».

Поначалу Драйзер пытался бороться с произволом издателей, он передает экземпляр романа фирме «Сенчюри» с предложением выкупить матрицы книги и переиздать ее. Через несколько дней секретарша в приемной фирмы возвратила ему роман со словами, что фирма даже не желает высказывать своего отношения к его предложению.

Писатель предложил издательству «Макклюр, Филипс энд компани» новый роман и передал для прочтения его первые главы. В ответ совладелец фирмы Джон Филипс ледяным тоном заявил, что если представленные главы романа отражают взгляды автора на литературное творчество, то ему лучше заняться чем-либо другим. Драйзер пытался заинтересовать новой книгой других издателей, но всюду натыкался на ледяной прием или

просто закрытые двери. Ему недвусмысленно дали понять, что написавший «грязную» книгу автор не может рассчитывать на сочувствие американских издателей. Писателю был нанесен удар, от которого он не мог оправиться долгие годы: его второй роман вышел в свет только через одиннадцать лет.

Некоторые американские критики, в частности биограф писателя У. А. Сванберг, утверждают, что американская публика «просто не желала» читать «Сестру Керри». Но правда заключается в другом: ей «просто не дали возможности» ознакомиться с книгой, ибо в книжные магазины страны не было разослано ни одного экземпляра романа. «Сестра Керри» фактически оказалась под запретом, и прошли долгие годы, прежде чем читающая Америка смогла по достоинству оценить это незаурядное произведение.

В чем же было дело? Почему роман вызвал такую ненависть самых реакционных кругов американского общества?

Ответ на этот вопрос заключается в том, что реалист Т. Драйзер, как мы уже отмечали, в своем романе показал судьбу типичной американской женщины в условиях типичного общества большого американского города. Человек и общество — вот подлинная тема «Сестры Керри». На что может рассчитывать в процветающем буржуазном обществе неискушенная, преисполненная мечтаний юности невинная девушка? — спрашивает своим романом писатель. И отвечает: ее ждут только два пути — или беспросветное, полунищенское существование Минни Гансон, всегда без лишних жалоб приспосабливающейся к тем условиям жизни, какие мог обеспечить ей неустанный труд, или тот путь к наслаждениям, который издавна называют «древнейшей профессией».

Сестра Керри решает испытать судьбу — устраивается работницей на обувную фабрику. Но «холодный, расчетливый, лишенный поэзии мир» большого города сразу показывает, что ей нечего надеяться на лучшее будущее, работая на фабрике. У нее ежедневно перед глазами стоял пример ее собственной сестры Минни — жалкое существование, при котором жизнь «ей не сулит ничего, кроме тоски». Все ее существо восстало против этой безысходной действительности, в ней не прекращалась ни на минуту «борьба между желанием и разумом».

Керри становится на другой путь — путь обеспеченной содержанки Друэ, а затем Герствуда. «…Оба они казались ей олицетворением жизненного успеха. Они были для нее носителями всего самого желанного в жизни, полномочными послами комфорта и покоя, с блестящими верительными грамотами в руках». Но как только «представленный ими мир

перестал манить ее», она безжалостно вычеркнула их из своего сердца. Керри становится удачливой актрисой, но не находит счастья, «среди всей мишуры и блеска, которые окружали ее… она осталась одна», мечтая «о таком счастье», какого ей «никогда не изведать».

Показав в первом романе жизнь такой, какая она есть в действительности, без всяких прикрас, Драйзер тем самым вскрыл моральное уродство буржуазного общества, показал всю его нравственную опустошенность. Бесхитростная жизненная история сестры Керри потрясает непредубежденного читателя именно своей обыденностью, своей житейской простотой. С точки зрения буржуазного обывателя, Керри достигла успеха — она пользуется славой, богата. Но тем не менее читатель вместе с Керри понимает, что не в богатстве суть, что жизнь Керри прошла напрасно, что окружающее общество убило в ней человека.

Это же буржуазное общество приводит к физической смерти другого героя романа — Герствуда. Образ Герствуда, история его падения — крупная удача автора. Мы знакомимся с ним в момент, когда он преуспевает в роли управляющего чикагским баром «Фицджеральд и Мой». «О нем говорили как о человеке преуспевающем и весьма светском… Большую часть времени Герствуд расхаживал по бару в элегантном костюме из заграничного материала, сверкая солитером на пальце и великолепной булавкой с голубым алмазом в галстуке, щеголяя изумительным жилетом непременно какого-нибудь нового фасона, массивной золотой цепью, замысловатым брелоком и часами наилучшей марки. Он знал по имени и приветствовал словами «А, здорово, старина!» сотни актеров, коммерсантов, политиков и множество всяких других людей, пользовавшихся известностью в городе, и этим отчасти объяснялись его популярность и успех».

Автор рисует образ дельца выше средней руки, человека «умного и хитрого в мелочах», который «был представителем нашего американского так называемого «высшего класса» и по жизненному уровню стоял лишь ступенью ниже денежных тузов». Конечно, в этом утверждении содержится известное преувеличение, но безусловно одно — Герствуд появляется на страницах романа как преуспевающий делец. Американские исследователи творчества Драйзера указывают, что, нарисовав образ Герствуда именно таким, писатель впервые в американской литературе изобразил образ «удачливого дельца». И изобразил его именно в тот момент, когда судьба готовится нанести ему первый удар и он покатится вниз. Если Керри в романе взбирается вверх по лестнице успеха, то Герствуд под ударами

судьбы все время неумолимо движется вниз.

«Этот ведущий в романе образ неуправляемости судьбы, — подчеркивал Маттисен, — а надо сказать, что метания Герствуда описаны с настоящим мастерством, — становится символом всего общества, которое стремится изобразить Драйзер. Это общество, лишенное настоящего равенства людей, лишенное равновесия — в нем живут только люди, движущиеся либо вверх, либо вниз».

Постепенное скатывание Герствуда вниз начинается в тот момент, когда он берет крупную сумму денег из кассы бара, но сам он отчетливо осознает свое новое положение, лишь оказавшись в Нью-Йорке. «Какое бы положение ни занимал Герствуд в Чикаго, в Нью-Йорке он был лишь ничтожнейшей каплей в море». Но дело уже не столько в занимаемом положении, сколько в получаемых доходах. «Впервые за многие годы в голове его мелькнула мысль, что теперь нужно быть более расчетливым даже в мелких расходах. И мысль эта была весьма неприятна». Вместе с тем Керри только после приезда в Нью-Йорк «начала высказывать собственные мнения».

Однажды начав катиться вниз, Герствуд уже не может ничего изменить в своей судьбе. Совершенно одинокий в Нью-Йорке, «отрезанный от друзей, лишившийся не только своего скромного состояния, но и имени, вынужденный заново начать борьбу за существование, Герствуд с особенной остротой отдавал себе во всем этом отчет». Подлинный трагизм Герствуда в том, что, лишившись источников дохода, финансовой независимости, он перестает интересовать всех, даже наиболее близкого ему человека — Керри, ради которой он, собственно, и рисковал своим будущим. Писатель с подлинным мастерством рисует картину безжалостной американской действительности: всех интересовал Герствуд — управляющий баром, попросту говоря, Герствуд — денежный мешок, и никого не интересует Герствуд — человек, личность, оказавшаяся в беде. Брошенный Керри, без заработков и без жилья Герствуд нищенствует, пробивается подаянием, скитается из ночлежки в ночлежку. «Контраст, создаваемый чередованием сцен в заключительных главах, — утверждает Маттисен, — самая удачная композиционная находка Драйзера. Эти главы содержат и одну из лучших в американской прозе картин нищеты, анализ ее природы».

Читая созданные не только с доскональным знанием жизни, но и с подлинным блеском описания последних дней Герствуда, понимаешь, что нищета является такой же неотъемлемой стороной «американского образа жизни», как и богатство, что в США это явление не частное, личное, определяемое только неудачливостью или серьезными пороками отдельно взятого

индивидуума, но явление социальное, так же присущее именно этому образу жизни, как и неудержимое стремление к материальным благам. Общество, в котором единственным идолом стал «золотой телец», не желает интересоваться судьбой тех, кто по разным причинам опускается на жизненное дно. И предоставленные самим себе, люди эти — у каждого из них под рубищем нищего бьется человеческое сердце — мечутся, словно птицы в клетке, в поисках выхода, но не находят его. Одни погибают от голода и холода, другие сами, как Герствуд, производят расчеты с жизнью. Изобразив, по выражению Маттисена, «замкнувшуюся в себе и умеющую все вынести человечность Герствуда», писатель создал подлинно типический образ, один «из тех больших достижений Драйзера, которые явились вкладом в американскую литературу».

В этом сила первого романа Драйзера, его социальная заостренность. Именно поэтому он долгие годы оставался под запретом в Америке, поэтому американская критика пыталась и пытается принизить его достоинства, низвести его до образца «натуралистического романа».

Американская действительность, какой ее увидел Драйзер в «Сестре Керри», была настолько правдивой и неприглядной, настолько отталкивающей, вызывала столько вопросов, что книга, по утверждению одного из американских критиков, была попросту «лишена света и воздуха и оставлена умирать» в подвалах типографии, а ее автор был лишен возможности работать над новым произведением.

«Сестра Керри» — не только первое крупное художественное произведение Драйзера, но и своеобразный этап в развитии его жизненной философии, серьезная веха на пути его философских исканий. Керри становится жертвой стремления добиться успеха, жертвой американской мечты о богатстве и славе. Она «достигла того, что вначале казалось ей целью жизни или, по крайней мере, венцом человеческих желаний», однако счастья она так и но нашла. Одиночество Керри на вершине ее успеха не могло не заставить задуматься многих читателей над тем, так ли уж привлекательна «американская мечта» о богатстве и роскоши, не пропадают ли даром те огромные усилия, которые тратятся для их достижения.

В первом романе Драйзер не дает ответа на вопрос: «Где же выход из создавшегося положения?» Он лишь недвусмысленно показывает, что всеобщее стремление к успеху, как его понимает средний американец, не может принести человеку подлинного счастья. Драма Керри заключается в том, что внешний успех не дает ей внутреннего удовлетворения, не позволяет ей найти

простое человеческое счастье. Каждая новая ступенька на пути вверх отнимает у Керри друзей, лишает ее душевности и простоты. «Американская мечта» приводит ее к одиночеству и духовной опустошенности. Такое раскрытие темы противоречило всей укоренившейся в стране системе взглядов и явилось прямым вызовом общепринятой буржуазной морали. В этом еще одно из достоинств романа, показавшего, что истинная трагедия американского гражданина заключается в неудержимом стремлении к богатству и славе и что в погоне за этим богатством и славой он неизбежно создает предпосылки своего нравственного падения. Драма нравственно-психологических мечтаний Керри является драмой самого буржуазного общества — таков вывод, к которому подводит читателя автор.

Часть II

Глава 5
ЖЕЛЕЗНАЯ ХВАТКА ТРАДИЦИЙ И УСЛОВНОСТЕЙ

В декабре 1900 года умер отец писателя, это печальное событие еще более усилило чувство тоски и одиночества, вызванное запретом «Сестры Керри». Он решает снова вернуться к занятию журналистикой, но обнаруживает, что журналы теперь принимают его статьи куда с меньшим желанием, чем раньше. Его литературное мастерство выросло, работа над статьями и очерками требовала значительно больше времени и усилий, а в результате их бескомпромиссный реализм отнюдь не вызывал восторга у редакторов. Жизнь снова оборачивалась к писателю своей мрачной стороной, перед ним — в который уже раз! — вставал вопрос о хлебе насущном.

Фрэнк Норрис не забывал молодого писателя, он отправил экземпляр «Сестры Керри» английскому издателю Уильяму Хейнеманну, который в мае дал свое согласие издать роман в Англии при условии его некоторого сокращения, чтобы по объему книга могла выйти в стандартной «Библиотеке американской прозы». Артур Генри предложил сделать необходимые сокращения, и Драйзер согласился. В июне по приглашению Артура Драйзеры уехали на летнюю дачу, принадлежащую любовнице Артура. Конечно, такое путешествие не могло доставить много радости воспитанной в строгих моральных правилах жене писателя, но ей пришлось смириться.

Больше месяца Драйзеры провели на даче. Настроение писателя менялось каждый день. То он, спокойный и уравновешенный, обсуждал с Артуром различные высокие материи, хвалил жену за ее кулинарные способности, любовался природой, часами наблюдал за ползающими в воде крабами. А то вдруг ни с того ни с сего начинал брюзжать, ругал дачную неустроенную жизнь, невкусную якобы еду, плохой матрас, сырое постельное белье.

В июле Драйзеры возвратились в Нью-Йорк. В целях экономии им пришлось отказаться от хорошей квартиры в районе Центрального парка и переехать в более дешевую на 82-й улице. Открывающийся из окон новой квартиры вид на расположенный на реке Истривер остров Блэкуелл, на котором находилась городская тюрьма, приют для бедняков и больница для душевнобольных, навевал писателю невеселые мысли. Хотя посланные им в различные журналы статьи и очерки часто

возвращались непринятыми, он заставляет себя продолжать работу — пишет статьи и понемногу трудится над двумя новыми романами — «Повеса» и «Грешница».

В сентябре «Сестра Керри» выходит в свет в Англии. Английская критика встретила роман благожелательно. Газета «Манчестер гардиан» отмечала, что роман «принадлежит к подлинным документам американской истории». Лондонская «Дейли кроникл» называла автора романа «подлинным художником», «Атенеум» ставил «Сестру Керри» в один ряд со знаменитым романом Эмиля Золя «Нана». Первый тираж книги быстро разошелся, и издатель В. Хейнеманн прислал благодарственное письмо Фрэнку Даблдею.

«Я считаю «Сестру Керри», безо всяких сомнений, лучшей среди книг, которые мы издали в последнее время и которые мы еще издадим в будущем… Я рассматриваю г-на Драйзера как автора исключительных способностей… Ото всей души поздравляю вас с тем, что вы открыли этого писателя. Вам следует всячески рекламировать его. Что вы сможете сообщить о его замыслах?»

Но Фрэнк Даблдей отнюдь не собирался возвращаться к вопросу об издании «Сестры Керри», письмо Хейнеманна переслали Драйзеру безо всяких комментариев.

Прием, оказанный «Сестре Керри» в Англии, воодушевил Драйзера, и он снова пытается договориться с каким-либо издательством о выпуске ее в Америке. Но все безуспешно. Издательства «Апплетон», «Стоукс», «Скрибнерс», «Додд», «А. Барнс», «Мид» и другие одно за другим отвергают предложения писателя. Наконец в небольшой молодой издательской фирме «Дж. Тейлор энд компани» он находит сочувствующего ему редактора, и фирма покупает остаток тиража романа и матрицы. Кроме того, эта же фирма предлагает писателю выплачивать ему еженедельно в течение года 15 долларов в качестве аванса за следующий роман. Драйзер соглашается через год представить рукопись и меняет название романа с «Грешницы» на «Дженни Герхардт». Однако настроение его не улучшается, его продолжает мучить бессонница. В начале ноября он вместе с женой решает на время покинуть Нью-Йорк и уехать в глубокую провинцию, где жизнь значительно дешевле и где он спокойно сможет работать над романом.

Выбор их падает на небольшой городок Бедфорд в штате Виргиния. Первые недели все здесь ему кажется интересным. Он совершает дальние прогулки, любуется окрестными горами, и творческое вдохновение на какое-то время возвращается к нему.

Но работа над романом продвигается медленно. В основе

сюжета, как и в «Сестре Керри», лежали эпизоды из жизни сестер Драйзера. Это всколыхнуло тяжелые воспоминания детства и отнюдь не способствовало творческому настроению писателя.

В середине декабря Драйзеры отправляются в штат Миссури, чтобы провести рождественские каникулы с родителями Джаг. Февраль 1902 года застает их в Хинтоне (Западная Виргиния), в котором они проводят около семи недель. Еженедельные чеки от издателя поступают регулярно, а работа над романом все еще в самом начале. Мрачный, ушедший в себя Драйзер решает снова переменить место пребывания, переезжает сначала в Линчбург, а через несколько дней — в Шарлоттесвиль. За шесть месяцев, прошедших после отъезда из Нью-Йорка, ему удалось написать всего лишь десять небольших глав романа. И хотя получивший их редактор хвалит писателя, сам он не находит удовлетворения в работе, не может заставить себя сесть за письменный стол, его тревожат невралгические боли. Он решает отправиться путешествовать пешком, надеясь, что ходьба приведет его в норму. Путь его лежит через штаты Виргиния, Мэриленд, Делавэр.

В середине июля он останавливается в Филадельфии и при помощи навестившего его старого друга Питера Маккорда получает задания от местных газет и журналов. Горькая судьба первого романа не выходит из головы, висит над ним, словно дамоклов меч.

«Безнравственный! Безнравственный! — писал он с горечью в одной из статей в тот период. — Под этим покровом скрываются и пороки богатства, и огромная, невысказанная темнота бедности и невежества; и между ними должен пробираться маленький романист, выбирая не правду и красоту, а какую-то полупонятную сторону жизни, которая не имеет ничего общего ни с полнотой жизни, ни с человеком как единым целым».

В Филадельфии душевное и физическое состояние Драйзера еще более ухудшается, он посещает невропатолога, совсем бросает работать, с тревогой сообщает обо всем своему редактору, обещая со временем возвратить аванс.

«Возьмите себя в руки, — пишет ему в ответ редактор Джевет, — отбросьте все тревоги и дайте отдых и своей голове, и телу. Вы слишком преувеличиваете обязательства, под тяжестью которых, как вам кажется, вы сгибаетесь. Я рискнул сделать ставку на вашу рукопись, и, когда она будет окончена, я верю, что результаты оправдают мой шаг».

Но ни подбадривающие письма, ни заботы жены, ни сочувствие друзей не могли вернуть писателю так необходимого ему душевного равновесия. Он отправляет жену к ее родителям, а

сам в феврале 1903 года с 32 долларами в кармане возвращается в Нью-Йорк. На этот раз он останавливается в Бруклине, городском районе, где комнаты дешевле и где его никто не знает. В первые дни он посещает редакции нескольких журналов, где его еще не забыли, и получает задания. Но из-под пера не выходит ни строчки. «День за днем я вставал с постели и садился за стол, какое-то время уверенный, что именно этим утром на меня снизойдет вдохновение, но, обнаружив, что оно не приходит, я подымался из-за стола и выходил на улицу…» Он пробует получить хоть какую-то работу в редакциях бруклинских и городских газет, но безуспешно, решает наняться простым рабочим на фабрику, но не в силах заставить себя переступить порог отделов найма.

В Нью-Йорке по-прежнему находится преуспевающий Поль, здесь же ставший актером Эд, сестры Мейм и Эмма, каждый из которых с радостью пришел бы ему на помощь. Но он один скитается по Бруклину, переезжает в нищенскую клетушку за 1 доллар 25 центов в неделю, голодает, позволяя себе лишь бутылку молока и кусок хлеба в день. Однажды Драйзер обращается за помощью в бруклинское благотворительное общество, но там, узнав, что у него есть сестры и братья, рекомендуют обратиться к ним. Ежедневно он отправляется на рынок, где иногда находит яблоко, луковицу или картофелину, упавшие с лотков торговцев, бережно несет их к себе в комнату, чтобы насладиться ими в одиночестве. У него начинаются галлюцинации, ухудшается зрение, усиливаются невралгические боли.

Однажды Драйзер находит в себе достаточно сил, чтобы отправиться в Манхаттан и еще раз попытать счастья в редакциях газет. Он идет несколько километров пешком через мост, чтобы сберечь три цента, которые стоит билет на паром. Ничего не добившись, он решает навестить свою сестру Мейм. Съев у нее впервые за несколько недель настоящий обед, он отправляется в обратный путь, не сказав сестре ни слова о своем истинном положении и дав ей вымышленный адрес. Узнавший об этом посещении Поль заподозрил неладное и тут же посылает ему письмо, которое в конце концов попадает к Драйзеру. Но он все еще сердит на брата за размолвку из-за журнала «Эври манс» и даже не отвечает ему. В середине апреля у него уже нет денег, даже чтобы уплатить очередной доллар за комнату. Он покупает последний кусок хлеба и спускается к реке, решая окончить все свои мучения прыжком в воду. Поднявшись на стоявшую у берега баржу, он всматривается в темные воды реки, готовя себя к последнему роковому шагу, как вдруг вышедший из каюты

лодочник громко спросил его:

— Хотите завтра поплыть с нами в Олбани? Похоже, что вы собираетесь дать драпу от своей женушки…

Драйзер облегченно смеется, возвращается в свою комнату и засыпает.

Утром он просыпается уверенный, что в его жизни наступает поворот к лучшему. Он закладывает свои золотые часы и с 25 долларами отправляется на Бродвей покупать новую шляпу. Он медленно идет по улице и сталкивается лицом к лицу с Полем. Тот был потрясен видом Теодора, со слезами на глазах он силой вручает ему деньги и договаривается о встрече в понедельник. В результате этой встречи следующие шесть недель Драйзер по настоянию брата проводит в фешенебельном санатории неподалеку от Нью-Йорка, где его состояние значительно улучшается. По выходе из санатория с начала июня до конца декабря 1903 года он работает чернорабочим на железной дороге, получая сначала 15, а затем 17,5 цента в час. В сентябре приезжает жена, и они вместе живут в небольшой комнате в селении Кингсбридж, неподалеку от места работы Теодора. Он с интересом наблюдает за окружающими рабочими, особенно привлекает его внимание ирландец Майк Бурк, строительный мастер, у которого он одно время работал клерком.

Впоследствии Драйзер опишет свое пребывание в санатории в рассказе «Калхейн, человек основательный», расскажет о работе на железной дороге и о мастерстве Бурка в рассказе «Могучий Рурк». Оба рассказа дают довольно полное представление о жизни писателя в эти годы, о его борьбе с болезнью, с симпатией и сочувствием повествуют о простых людях, рука об руку с которыми ему пришлось трудиться.

Статьи и репортажи писателя практически не печатаются. Если в 1899 году американские журналы опубликовали около 50 материалов за его подписью, то в 1901 году появилось только двенадцать статей Драйзера, а в 1903-м — всего лишь две. И все они были написаны еще до появления «Сестры Керри».

Перед новым, 1904 годом Драйзер оставляет работу на железной дороге и снова начинает пытать счастья в газетах. Вскоре его берут штатным сотрудником в газету «Нью-Йорк дейли ньюс». Он снова регулярно пишет свои репортажи, а в свободное время занимается самообразованием — изучает греческую и римскую историю, труды Канта и другие работы по философии. В своей дешевой квартире в Бронксе он опять принимается писать рассказы, но журналы один за другим отказываются печатать их. Шесть журналов возвращают «Тяжкий труд чернорабочего», четыре — первый вариант «Могучего Рурка», три — «Путешествие

на «Айдлвайлде». Журналам не нравится, что вместо броских и поверхностных очерков он создает реалистические зарисовки из повседневной жизни, рассказы о простых людях, небольшие поэмы.

В те дни происходит его серьезная размолвка с Артуром Генри, опубликовавшим рассказ «Домик на острове», в котором он под вымышленными именами вывел Драйзера, его жену, самого себя и рассказал о лете, которое они все вместе провели на даче. Драйзер сразу же узнал себя в несимпатичном, на все жалующемся человеке, который всем испортил летний отдых, и пришел в ярость. Когда Артур после этого однажды навестил его, они окончательно разругались.

Глава 6
РЕДАКТОР ЖУРНАЛОВ

Осенью 1904 года Драйзер устраивается редактором в фирму «Стрит энд Смитс», издающую дешевые журналы и книги-десятицентовки. Обычно в этих книжечках печатались низкопробные детективные истории. «Чем хуже эти помои, тем лучше можно продать их» — так цинично отзывался о продукции своей фирмы ее владелец Ормонд Смитс. Сначала Драйзер редактирует книжки, но вскоре ему поручают наладить выпуск нового журнала «Смитс мэгэзин». Он получает теперь 35 долларов в неделю, что позволяет ему возвратить аванс, полученный за «Дженни Герхардт». Первый номер журнала выходит в апреле 1905 года, за один год Драйзеру удается довести его тираж до 125 тысяч экземпляров. Успех этот достается ему тяжелым трудом.

Семейная жизнь с Джаг не приносит удовлетворения. Пуританские взгляды Джаг все чаще и чаще приходят в столкновение с его стремлением к полной независимости, с его не терпящим ограничений характером. Тревожит Драйзера состояние здоровья и дел Поля. Хотя он недавно написал популярную песенку «Моя девушка Сэлли», дела его теперь далеко не так блестящи, как еще были недавно, да и здоровье начинает сдавать. Он уже не ведет роскошную жизнь в больших отелях, а скромно живет вместе с сестрой Эммой, все еще стараясь сочинить новую песню или просто играя на своем старом рояле красного дерева.

30 января 1906 года Поль скончался от инфаркта на сорок восьмом году жизни. Удивленные родственники обнаружили, что у него не было средств даже на собственные похороны. Теодор тяжело перенес смерть любимого брата.

В апреле 1906 года Драйзер предлагает свои услуги в качестве редактора реорганизованного журнала «Бродвей мэгэзин». В письме владельцам журнала он так описывает свой предыдущий опыт журнальной работы: «В настоящее время я редактирую «Смитс мэгэзин», я занимаюсь этим с первого номера журнала, вышедшего в апреле 1905 года. Когда я вступил в должность, существовала лишь голая идея выпускать на 170 страницах иллюстрированный журнал для домашнего чтения. Все его рассказы, отделы, материалы с продолжением и их расположение спланированы мной и доведены до теперешнего

состояния. Не израсходовав и доллара на рекламу, «Смитс» сейчас достиг тиража в 200 тысяч экземпляров. До этого я был редактором «Эври манс»…мне принадлежит и сама идея этого журнала и ее воплощение. Впоследствии я был консультантом-редактором двух журналов — «Эйнслис» и «Сексес». Меня публиковали почти все ведущие журналы — «Харперс», «Макклюрс», «Космополитен», «Мунсис», «Пирсонс», «Эйнслис», «Сатердей ивнинг пост» и другие. Я могу с уверенностью рекомендовать вам обратиться (за справками обо мне) к любому редактору в городе».

И далее Драйзер на нескольких страницах обстоятельно останавливается на том, как он намерен изменить «Бродвей мэгэзин». Эта полная программа действий — тут и замыслы новых отделов, и темы многих статей, и наметки интервью с видными людьми, и подробное описание тематики рассказов, которые мог бы опубликовать новый журнал.

Письмо написано с глубоким знанием дела, с уверенностью в собственных силах. Неудивительно, что уже через несколько дней Драйзер редактировал новый журнал.

«Я принял на себя руководство анемичным, рассчитанным на дешевую сенсационность ежемесячником под названием «Бродвей» и пытался превратить его в зеркало как столичной, так и международной жизни… Издатель и владелец нашего журнала был маленький, энергичный, раздражительный, преисполненный самомнения человечек, американец до мозга костей; взгляды у него были самые обывательские, и он требовал, чтобы журнал наш был «забористый», «увлекательный», «злободневный» и прочее. И при всем при том он должен был показывать «приличную картину» жизни».

Требование это было далеко не случайным. Именно в эти годы получило распространение движение так называемых «разгребателей грязи» — группы авторов, занятых разоблачением темных делишек администрации и магнатов большого бизнеса. Журналы публиковали разоблачительные статьи Линкольна Стеффенса, Бартона, Хендрика, Иды Тарбелл, Самюэла Адамса и других литераторов. Издательство «Даблдей, Пейдж энд компани» выпустило в свет получивший широкую известность социально острый роман Эптона Синклера «Джунгли».

Драйзер был на стороне этого движения, глубоко сочувствовал ему. Показательно, что один из немногих опубликованных в эти годы очерков писателя — «Жанна д'Арк из Ист-Сайда» — посвящен шестнадцатилетней Элизабет Герли Флинн, дочери старого члена социалистической партии, только что вставшей на путь борьбы за дело рабочего класса.

На страницах журнала начинают появляться произведения таких пользующихся известностью писателей, как О'Генри и Рэдьярд Киплинг, журнал завоевывает новых читателей среди низших и средних слоев городских жителей. Через год его работы в журнале нью-йоркская газета «Стандард», оценивая результаты усилий Драйзера, называла их «наилучшим образцом превращения (журнала), какое Нью-Йорк наблюдал за многие дни…».

Прилично оплачиваемая работа (65 долларов в неделю) позволяет Драйзерам переехать на новую комфортабельную квартиру. Драйзер становится хорошо известным среди нью-йоркских интеллектуалов, его избирают членом различных закрытых клубов, не без удовольствия он однажды выслушивает, как Джон Филипс из издательства «Макклюр, Филипс энд компани» расхваливает «Сестру Керри». И это тот самый Филипс, который еще недавно рекомендовал ему бросить литературу и заняться чем-нибудь другим!

Возглавив журнал «Бродвей мэгэзин», Драйзер прежде всего старался накопить средства, необходимые для того, чтобы выпустить в свет «Сестру Керри». Он приобретает матрицы первого издания романа и ищет для него издателя. Лишь после долгих усилий со стороны автора и его друзей удается найти издателя. Вновь организуемое издательство «Додж энд компани» согласилось выпустить роман при условии, что Драйзер передаст им безвозмездно матрицы, вложит в дело 5 тысяч долларов и поступит в фирму на должность главного редактора по совместительству. Драйзер принял эти условия, настояв, однако, на выплате ему минимального гонорара и на том, чтобы фирма согласовала с ним план торговой рекламы романа. На таких условиях 18 мая 1907 года «Сестра Керри» смогла наконец-то появиться на полках книжных магазинов Соединенных Штатов. Хорошо продуманная реклама — специальные бесплатные брошюры, отпечатанные в цвете листовки, многочисленные объявления в газетах — сделала свое дело: роман быстро разошелся.

Хотя «Сестра Керри» фактически быта издана на его собственные средства, Драйзер остался доволен — после долгих лет американская публика получила возможность прочесть его роман. Вновь высказала свое мнение о романе и большая американская пресса.

Оценка романа американской критикой со временем претерпела кардинальные изменения. Второе издание романа было встречено значительно более благожелательно, чем первое. «Среди тысяч анемичных романов, низвергаемых словно водопад

и написанных дамочками для дамочек и того и другого пола, наконец-то появилась книга, принадлежащая перу мужчины», — писала 1 июня 1907 года газета «Нью-Йорк-сан».

Впоследствии ряд известных американских критиков неоднократно возвращались в своих работах к первому роману Т. Драйзера и давали ему высокую оценку. Например, Генри Менкен писал о «Сестре Керри» в статье «Роман сегодня», опубликованной 22 марта 1911 года в газете «Балтимор сан»: «Немного книг лучше этой… было написано на нашей прекрасной земле. Немногие более глубоко пропитаны такой трагедией обыденности. Немногие изобразили типичных американцев с большей четкостью. Немногие изучают американский склад мышления с большим пониманием. Немногие более заслуживают быть прочитанными и дающими пищу для размышлений». Английский журнал «Академи энд литерачюр» в мае 1911 года опубликовал список двадцати лучших книг, в который включил и «Сестру Керри». Журнал считал книгу Драйзера, «по-видимому, лучшей, чем любой реалистический роман, изданный до этого в Англии».

Писатель Джеймс Т. Фаррелл писал, что «Сестра Керри» «по-настоящему воссоздает ощущение эпохи: она подобна двери, которая позволяет нам проникнуть в сознание Америки… Короче говоря, книга выдерживает проверку временем, если мы можем приложить ее выводы к опыту нашего собственного времени и увидеть, что этот опыт сохраняет свое значение и действенность. А это, я утверждаю, может быть проделано с «Сестрой Керри».

Лауреат Нобелевской премии Синклер Льюис отмечал в 1930 году: «Мой великий коллега Шервуд Андерсон провозгласил Драйзера нашим ведущим писателем. Я с радостью к нему присоединяюсь. «Сестра Керри», замечательный первый роман Драйзера, который он осмелился опубликовать еще тридцать лет назад и который я прочел двадцать пять лет тому назад, ворвался в затхлую атмосферу мещанской Америки, как вольный западный ветер, и впервые со времен Марка Твена и Уитмена внес свежую струю в наш уютный домашний мирок».

Однако эти и подобные им положительные отзывы о романе ничего не могли изменить в общей оценке творчества Т. Драйзера американским обществом. До сегодняшнего дня ему не могут простить того, что он прекрасно видел те социальные силы, которые действуют в американском обществе, что для него, по выражению писателя Д. Фаррелла, «зло есть явление социальное: все его романы — это социальные истории, показывающие социальное развитие зла».

Вместе с тем уже в первых рецензиях на «Сестру Керри»

подчеркивалось, что писатель прекрасно понимает, какой «безнадежной гранитной стеной окружены неудачники в большом городе». Открытое описание этой гранитной стены, отделяющей богатых от бедных, шло вразрез со всем, о чем громогласно трубили апологеты «американского образа жизни». Поэтому в предисловиях к новым изданиям романа официозные критики пытаются убедить нынешних читателей в том, что в книге изображается та Америка, которой «уже больше не существует».

Но нет ничего более ошибочного, чем подобные утверждения. Достаточно полистать последние выпуски американских журналов и газет, чтобы увидеть, что и сегодня по улицам сотен американских городов бродят в поисках работы новые «сестры Керри», что и сегодня их ждет такая же судьба. В этом непреходящая художественная ценность выдающегося произведения Т. Драйзера.

Одним из владельцев журнала «Бродвей мэгэзин» являлся Томас Макки, который в 1900 году был юрисконсультом книгоиздательской фирмы «Даблдей, Пейдж энд компани» и принимал активное участие в выработке стратегии запрещения «Сестры Керри». Теперь он беспрерывно досаждал Драйзеру различными мелкими придирками, посылал ему резкие меморандумы.

«Г-н Драйзер, это еще одна попытка прояснить отношения… — писал Макки Драйзеру 29 марта 1907 года. — Я никогда не был удовлетворен вами как главным редактором. Вы не привлекаете тех писателей, которых я хочу, не руководите должным образом работой в редакции… С моей точки зрения, вы обладаете большими способностями… и если бы вы предпочли использовать эти способности, как я вам рекомендую, вы легко бы справлялись с вашей работой и, я более чем уверен, с вашими занятиями прозой в одно и то же время… Если же вы не желаете последовать моему совету, вам, конечно, придется искать работу в другом месте…»

Такие меморандумы не могли не обидеть весьма чувствительного к любым замечаниям Драйзера, тем более что его способности редактора были теперь хорошо известны всем причастным к миру журналистики. Он дал знать, что ищет более подходящую работу, и вскоре получает предложение занять влиятельный пост главного редактора коммерческого журнального объединения «Баттерик», издающего три массовых женских журнала «Делинейтер», «Дизайнер» и «Нью айдиал вуменс мэгэзин».

Основным журналом объединения считался «Делинейтер»,

распространявшийся в то время тиражом около миллиона экземпляров. Более трети каждого номера составляли примерно 150 аккуратных рисунков моделей женской одежды — платьев, костюмов, белья, купальников, фирма предлагала выслать выкройку любой модели. Кроме того, десять страниц были заполнены различными кулинарными рецептами, практическими советами по ведению хозяйства, воспитанию детей и тому подобными материалами. Отдел для девочек предлагал модели различной одежды для кукол, выкройки которых также высылались по первому требованию. Для прозы и общих статей оставалось всего лишь около двадцати страниц из ста пятидесяти. Материалы журнала должны были развлекать, поучать, но ни в коем случае не обижать, не задевать «хорошего вкуса порядочных женщин». В журнале не допускалось употребления грубых или жаргонных выражений, рисунков курящих женщин, бутылок с вином и других подобных «соблазнов». Словом, со страниц «Делинейтера» жизнь выглядела прекрасной идиллией, которой были чужды какие-либо проблемы.

Драйзеру, безусловно, было над чем подумать в своем огромном, обставленном мебелью дорогого дерева кабинете на двенадцатом этаже здания компании «Баттерик», в котором работало более двух тысяч рабочих и служащих. Он сразу же воспользовался предоставленной ему свободой действий в редакционных делах и пригласил для работы в журналах людей, которых он хорошо знал и которые, в свою очередь, понимали его. Уже в первые дни он набросал точные планы нескольких номеров журналов. Поэтому сотрудники не испытывали никаких затруднений, выполняя его наметки и тогда, когда через три недели после вступления в новую должность его положили в больницу для операции аппендицита и он отсутствовал месяц. Снова приступив к работе в августе 1907 года, он продолжил начатую им реорганизацию редакционного аппарата. Каждым журналом теперь занималась специальная редакция, возглавляемая его ближайшими помощниками. За собой он сохранил непосредственное руководство «Делинейтером».

Вскоре по инициативе Драйзера журналы объединения начали общенациональную кампанию помощи детям-сиротам, ратуя за усыновление сирот бездетными семьями. Призыв журнала «Делинейтер» помочь «каждому ребенку, который нуждается в семье, и каждой семье, которая нуждается в ребенке», получил очень широкий отклик во всей стране. Под давлением начатой журналом кампании президент Теодор Рузвельт созвал в январе 1909 года Национальную конференцию, которая создала Национальную лигу спасения детей.

Нашлись в журналах и противники этого начинания нового главного редактора, в основном это были руководители традиционных отделов — кройки и шитья, кулинарии, — которые видели в этом, и не без оснований, посягательство на журнальную площадь, всегда принадлежавшую их отделам.

Под руководством Драйзера сильно изменилось и содержание статей журналов. Водянистые, рассчитанные на «кисейных барышень» статьи «обо всем и ни о чем» уступили свое место конкретным материалам о роли женщины в обществе, которые давали практические советы, как лучше применить свои силы для улучшения общественного образования, благоустройства улиц и площадей, организации детских площадок. Статьи эти подталкивали женщин к активной полезной деятельности, учили их понимать общенациональные интересы, вступать в борьбу с реальными недостатками в различных областях жизни.

Влияние главного редактора вскоре распространилось на самые различные стороны деятельности объединения.

«Каждый отдел объединения находился под контролем Драйзера, — вспоминал впоследствии в своей книге «Приключения при редактировании» заведующий отделом прозы журналов Чарлз Таун. — Ни малейшая деталь не избегала его бдительного глаза. Он одобрял каждую рукопись, которую мы принимали, он, как правило, читал их все, беспрерывно снабжал весь редакторский аппарат новыми идеями и следил, чтобы эти идеи приносили плоды. Люди беспрерывно входили в кабинет, и он разрешал проблемы, ставящиеся перед ним, быстрейшим образом. Он никогда не уклонялся от существа вопроса, принимал решения почти моментально».

Еженедельно Драйзер проводил редакторские совещания, длившиеся иногда до позднего вечера. Обычно спокойный и внимательный, он мог временами становиться несговорчивым, преисполненным сарказма и желчи, хмурым и необщительным. Но на вечерах, которые иногда устраивала для его сотрудников и авторов Джаг, он неизменно бывал доброжелательным, веселым хозяином, настоящей душой общества. Вместе с женой они часто навещали родственников, живущих в Нью-Йорке, или ездили в расположенный неподалеку Ньюарк, чтобы встретиться со старым другом Питером Маккордом.

Положение главного редактора журнального объединения «Баттерик» означало не только влияние в среде литераторов и издателей, но подразумевало в человеке, занимающем этот пост, и серьезные деловые коммерческие способности, требовало хорошего знания многих пружин, приводивших в движение этот сложный механизм. Главный редактор обязан был не только

руководить производственным процессом, но и хорошо знать людей, уметь ладить с ними, быть осмотрительным и осторожным.

Десятки людей пытались попасть к нему на прием — от начинающих литераторов до крупных бизнесменов; от мечтателей, стремящихся осуществить фантастические, неосуществимые проекты, до убежденных реалистов, хорошо понимающих состояние дел на этой грешной земле. К числу последних принадлежал балтиморский литератор Генри Луис Менкен, время от времени писавший для «Делинейтера». Драйзеру понравилась убедительная логика его статей, и он начал регулярно пользоваться его услугами. Впервые они встретились летом 1908 года, когда Менкен приехал в Нью-Йорк и посетил главного редактора объединения «Баттерик». Приземистый, энергичный Менкен с неизменной сигарой в зубах и высокий мрачный, на первый взгляд вялый Драйзер внешне никак не подходили друг к другу. Ничего общего не было и в их прошлом — отпрыску одного из богатейших балтиморских пивоваров Менкену не пришлось узнать ни нужды, ни горя, так хорошо знакомых Драйзеру. Если Менкен явно страдал говорливостью, то Драйзер был отличным слушателем. Несмотря на хорошее образование и блестящую начитанность, Менкен любил пропустить в разговоре вульгарное словцо, рассказать сальную историю, Драйзер же никогда не позволял себе подобных выходок. Разделял их и возраст — балтиморец был моложе на 9 лет.

Тем не менее Менкен понравился Драйзеру с первого взгляда, и вскоре они обнаружили завидную общность взглядов — оба испытывали отвращение к широко распространенным в Соединенных Штатах анемичным романам, у обоих вызывала презрение однообразная сладенькая культура американского буржуа, таким ярким проявлением которой являлись и журналы объединения «Баттерик». Драйзер помог Менкену получить по совместительству работу литературного критика в журнале «Смарт сет», и он стал часто появляться в Нью-Йорке. Они в каждый приезд встречались в ресторанах, иногда Менкен обедал у Драйзеров, и постепенно взаимная симпатия переросла в дружбу, которая со своими взлетами и падениями продолжалась долгие годы.

Положение Драйзера в фирме «Баттерик» было весьма устойчивым. Он аккумулировал в себе самые различные способности — чувствовал журнал как единое целое, умел предугадывать желания читателей и превращать их в идеи, которые увеличивали спрос, он хорошо знал, как и чем поднять

реноме журнала, с блеском вел дискуссии на самые разнообразные темы с ведущими писателями, художниками, актерами. Круг его интересов, казалось, был неограничен. Но как бы ни был занят Драйзер сложной работой, он не забывал и своих личных литературных занятий. В 1908 году издательство «Гроссет энд Дунлап» выпустило «Сестру Керри» десятитысячным тиражом в дешевом издании, которое хорошо раскупалось читателями во всех районах страны. Драйзер в эти годы находит время продолжить работу над «Дженни Герхардт», написав более двадцати новых глав.

Вводимые Драйзером в журналах новшества продолжали наталкиваться на серьезное сопротивление руководителей отделов мод, кройки и шитья, рекламы и даже распространения. Эти «проклятые гиены с восьмого этажа», как он обычно называл их, встречали в штыки буквально каждое его начинание. А он тем временем начал изменять сам подход журналов к жизни. Однажды он неожиданно пригласил к себе всех сотрудников в неурочное время и прочел им вслух абзац из засланного в набор рассказа, в котором героиня раскуривала сигарету.

— Что будем делать с этим? — спросил он.

— Можно как-то изменить эту сцену, — после длительного молчания предложил один из редакторов.

— Если бы это можно было сделать, я не стал бы собирать вас. Весь рассказ основан на том, что героиня курит. Если выбросить сигареты, от рассказа ничего не останется, — Драйзер немного задумался. — Проблема значительно шире, чем вопрос об этой сигарете. Женские журналы слишком слащавы, они не отражают жизнь, как она есть на самом деле. Если мы хотим действительно затронуть чувства наших читательниц, нам придется касаться самой сути предметов и перестать быть такими благонравными. Пусть героиня этого рассказа курит.

Решение это вызвало среди сотрудников целый переполох, утверждали, что журналы подвергнутся анафеме со стороны священников и различных женских организаций. Драйзеру пришлось выдержать не одну баталию, но и на этот раз он победил.

В июле 1909 года Драйзер приобрел контроль над разорившимся журналом «Богемиан», рассчитанным в основном на театралов. Хотя сам Драйзер оставался в тени, и его фамилия не появлялась среди редакторов журнала, и официально руководили им его приятели, тем не менее именно он стоял за всем этим предприятием. «Я хочу превратить его в развлекательный, с широким взглядом на жизнь журнал… с чувством юмора, как веселым, так и печальным, а также с

реалистическим восприятием действительности, как она есть», — писал он о своих намерениях Генри Менкену. В «Богемиан» сотрудничали О'Генри, Джеймс Форд, Морган Робертсон. Драйзер опубликовал в нем свои очерки «Полет голубей» и «Путешествие на «Айдлвайлде», Менкен прислал две юмористические статьи — «Психология поцелуя» и «В защиту богохульства». Но у Драйзера не хватало времени, чтобы всерьез заняться новым журналом, он продолжал приносить убытки, и Драйзер прекратил свое участие в нем после выпуска декабрьского номера за 1909 год.

Между тем компания «Баттерик» претерпела серьезные изменения, в октябре 1909 года она приобрела контроль над фирмой «Риджуэй», выпускавшей журнал «Эвриводиз мэгэзин». В небоскребе фирмы «Баттерик» появились сотрудники нового журнала, в том числе такие видные литераторы, как Линкольн Стеффенс и Уолтер Липпман. Владелец фирмы Эрман Риджуэй теперь стал во главе редакционного процесса компании «Баттерик», и, таким образом, Драйзер оказался у него в подчинении. Преисполненный важности Риджуэй был полной противоположностью простому и прямому в обхождении с сотрудниками Драйзеру. Хотя между ними возникали серьезные разногласия, в основном при определении смет журналов, так как Риджуэй старался поставить «Эвриводиз мэгэзин» в привилегированное положение по сравнению с другими журналами фирмы, а Драйзер решительно сопротивлялся этому, ничто не предвещало серьезных неприятностей для него. Он пользовался в фирме большим авторитетом, руководимые им журналы выходили общим тиражом около полутора миллионов экземпляров, владельцы фирмы уважали и ценили его.

Гроза, как это часто бывает, разразилась с совершенно неожиданной стороны. В фирме на невысокой должности помощницы одного из редакторов работала Анни Гудлипп, вдова, мать троих детей. Она всячески старалась обратить на себя внимание сильных мира сего и ввести в их круг свою дочь — начинающую художницу, восемнадцатилетнюю красавицу Тельму. Она-то и познакомила свою дочь с Драйзерами, всегда приводила ее с собой к ним на вечера, которые устраивала Джаг. Гудлипп приглашала Драйзеров к себе.

Вначале она ничего не имела против начавшегося невинного романа между ее дочерью и тридцативосьмилетним главным редактором фирмы «Баттерик». Способствовало этому и то обстоятельство, что Джаг заболела и уехала лечиться. Но после возвращения Джаг в Нью-Йорк Анни Гудлипп решила точно выяснить шансы своей дочери. Она обо всем рассказала Джаг и напрямик спросила, согласится ли та дать Драйзеру развод. Джаг

ответила решительным отказом. Тогда перепуганная Гудлипп, опасаясь, как бы роман не зашел слишком далеко, обманом увезла дочь из города и оставила ее под присмотром родственников. Сама же она явилась к Эрману Риджуэю и стала угрожать, что если Драйзер не будет уволен, то она расскажет обо всей этой истории падким на любую сенсацию журналистам, а заодно присовокупит и некоторые подробности об амурных похождениях с сотрудницами фирмы самого Риджуэя. Угроза возымела должное действие не только на Риджуэя, но и на владельцев фирмы, которые опасались, что, попади такая история в газеты, их журналам будет нанесен непоправимый урон.

В конце сентября 1910 года в кабинет к не подозревающему ни о чем Драйзеру явились владельцы фирмы и объявили о своем решении. Чтобы как-то смягчить удар, было объявлено, что Драйзер уходит в годичный неоплачиваемый отпуск. Несмотря на вспыльчивость и резкость Драйзера, о его уходе сожалело значительно больше сотрудников фирмы «Баттерик», чем он мог предполагать. Он получил множество писем с выражениями сожаления по поводу его ухода, с пожеланиями дальнейших успехов. Хорошо знающие его выражали надежду, что наконец-то он сможет посвятить себя творчеству.

Драйзер покидает дом, не сказав Джаг ни слова. Он снимает номер в гостинице, куда его секретарь Уильям Ленджел переносит его личные вещи из кабинета и аккуратно доставляет почту. Драйзер безуспешно писал Тельме, но письма не доходили до нее, так как по просьбе матери их перехватывали родственники. Вскоре мать вместе с Тельмой отправляется на год к родственнику в Лондон. Драйзеру они не сообщили даже своего адреса.

В это же время издательская фирма «Додж энд компани», совладельцем которой являлся Драйзер, разорилась и перешла во владение к кредиторам. Снова, в который раз, Драйзер оказался лицом к лицу с наносящей ему жестокие удары жизнью. Сняв однокомнатную квартиру у знакомых, он жил там один, не имея постоянного дохода, раздумывая над тем, чем ему заняться. И решает снова посвятить себя большой литературе, окончить свой многолетний труд «Дженни Герхардт».

С уходом Драйзера из журнального объединения «Баттерик» кончился еще один важный период в его жизни. Начав в 1904 году с литературного редактора дешевых детективов в фирме «Стрит энд Смитс», он через три года достиг самого высокого служебного положения, на которое только мог рассчитывать самостоятельный, не имеющий собственного капитала литератор, — стал главным редактором коммерческого

журнального объединения. Годы редакторской работы в различных журналах обогатили писателя знанием таких сторон жизни, которые он не имел возможности узнать раньше. Вместе с тем именно в эти годы Драйзер по-настоящему соприкоснулся как с людьми творческого труда — писателями, художниками, артистами, — так и с видными коммерсантами, дельцами, администраторами. Поставленный во главе крупного журнального объединения Драйзер сам проявил недюжинные способности администратора и бизнесмена. Все это вместе взятое обогатило жизненный опыт писателя, расширило его кругозор и углубило понимание действительности.

Находясь в центре литературно-художественной жизни тех лет, Драйзер не мог не взглянуть на все происходящее критическим взглядом умудренного жизненным опытом человека. Теперь он знал американскую действительность во всем ее противоречивом многообразии — от ночлежек до роскошных кабинетов; он прошел через все, сам познал, с каким чувством голодающий съедает последнюю луковицу и готовится к смерти. Знал также и силу и сладость неограниченной власти, когда одно твое слово может лишить человека работы и низвергнуть его в пучину бедствий. Сам он ни разу не произнес этого слова, хотя бывал со своими подчиненными резок, а может быть, даже груб, но никогда не оставлял их без средств к существованию, ибо сам слишком хорошо знал, что это значит. К своему сорокалетию Драйзер немало испытал и пережил. Испытания и невзгоды закалили его характер, позволили философски смотреть на жизнь, убедили в правильности теории видов Чарлза Дарвина. «Выживает сильнейший!» — любил он шутливо говорить в кругу близких друзей, хотя все знали, что в этих шутках была доля правды.

Всегда склонный к философским размышлениям, стремящийся познать подлинные законы человеческой жизни, Драйзер иногда заблуждался, иногда увлекался ходом своих мыслей, но всегда пытался докопаться до истины, до существа проблемы. Его рассуждения могли показаться скучными, неинтересными, могли оттолкнуть от него даже друзей, но он твердо шел своим путем подлинного правдоискателя, будучи не только активным соучастником повседневного действия, но и оставаясь одновременно как бы сторонним наблюдателем, которому открыто то, что недоступно другим.

Глава 7
СВОБОДНЫЙ ЛИТЕРАТОР

Обосновавшись в своей комнате, из которой открывался вид на реку Гудзон и раскинувшиеся за ней просторы штата Нью-Джерси, Драйзер полностью ушел в работу над «Дженни Герхардт». По его просьбе опытные мастера переделали рояль Поля в огромный письменный стол, и он теперь большую часть дня проводил за этим столом. Работа продвигалась довольно быстро, и вскоре роман был закончен. Первыми прочли его несколько друзей писателя и жена, с которой отношения начали налаживаться. Всем им роман понравился, за исключением концовки. Дело в том, что в первом варианте рукопись имела счастливый конец: Лестер примирялся с тем, что Дженни имела ребенка, и женился на ней. И все, кто читал роман в рукописи, возражали против такого благополучного исхода.

«Мне пришло в голову, — писала Драйзеру дочь одного из его приятелей, прочитавшая рукопись, — что если бы Лестер женился на Летти, то трагедия Дженни была бы еще более глубокой. Всей этой истории необходима острота, и ее можно достигнуть только непрерывными страданиями Дженни. Потеря ею Лестера и приведет к этому». Драйзер и сам уже начинал сознавать, что благополучный исход истории взаимоотношений Дженни и Лестера никак не отвечает правде жизни, является искусственным. И он решительно переделывает конец романа.

Прочитавший переработанный вариант романа Генри Менкен остался им очень доволен. «Чтобы отыскать что-то подобное, нужно обращаться к Гарди и Конраду, — писал он. — …Вы написали роман, который не мог бы написать ни один из современных американцев… Мои искренние поздравления. Во что бы то ни стало познакомьте меня с вашей третьей книгой… Вы создали по-настоящему большое произведение».

Передав «Дженни Герхардт» издательству «Харперс», Драйзер начал работать одновременно над двумя новыми романами — «Гений» и «Финансист». Он был так увлечен своими творческими замыслами, что сообщал Менкену: «Я намереваюсь написать еще три книги (после «Дженни»)… затем, если романы не принесут мне денег, собираюсь редактировать еженедельный журнал. Думаю, что смогу писать по книге каждые шесть месяцев, поэтому я не останусь слишком долго вне сферы редакторской деятельности, если, конечно, мое нынешнее занятие не принесет мне достаточных доходов». В августе 1911 года роман «Гений»

был в основном завершен, однако издательство настаивало на том, чтобы писатель раньше выпустил в свет роман «Финансист», поэтому Драйзер вынужден был отложить работу над «Гением» и все свое время посвятить написанию «Финансиста».

Вышедшая в свет в октябре 1911 года «Дженни Герхардт» в целом была встречена критикой благожелательно. Правда, не обошлось и на этот раз без обвинений в «аморальности», в основном в провинциальной печати. Большая пресса встретила роман почти восторженно. Чикагская «Ивнинг пост» посвятила «Дженни Герхардт» целую страницу, назвав ее «великой книгой». Респектабельный журнал «Букмен» писал: «История Дженни заставляет сердце читателя сжиматься снова и снова в беспомощной жалости», и заявлял, что Драйзер достоин «самой высокой похвалы». «Нью-Йорк геральд» утверждала, что роман «почти заслужил определение «великий». Генри Менкен в журнале «Смарт сет» писал, что «Дженни Герхардт» является «лучшим американским романом, который я когда-либо читал, за исключением высящегося, подобно Гималаям, «Гекльберри Финна».

Драйзера все же больше беспокоили критические высказывания, чем громкая похвала. Его обрадовало лишь то обстоятельство, что прибывший в это время в Соединенные Штаты Арнольд Беннет заявил журналистам, что из американской литературы он знает одного Драйзера. «Я знаю роман под названием «Сестра Керри», принадлежащий человеку по имени Теодор Драйзер… Я все время спрашиваю у всех, читали ли они этот роман, и обнаруживаю, что никто его не читал. Когда они признаются в этом, я обычно говорю: «Обязательно прочтите его».

В центре романа «Дженни Герхардт», как и в «Сестре Керри», судьба бедной американской девушки, дочери стеклодува. Но на этом и оканчивается сходство между двумя романами и их героинями. Керри — эгоистка с решительным характером, не лишенная практической сметки, зараженная типично американским недугом — неудержимым стремлением к богатству и наслаждениям.

Дженни — натура совершенно иного склада, идеалистка и мечтательница. «Эта бедная девушка, которую нужда заставила помогать матери, стиравшей на сенатора, брать у него грязное белье и относить чистое, обладала чудесным мягким характером, всю прелесть которого не выразишь словами. Бывают такие редкие, особенные натуры, которые приходят в мир, не ведая зачем, и уходят из жизни, так ничего и не поняв… И если бы никто не остановил их словами: «Это мое», — они, сияя счастьем, могли бы без конца странствовать по земле с песнью, которую

когда-нибудь услышит весь мир. Это песнь доброты. Но, втиснутые в клетку реального мира, такие люди почти всегда ему чужды».

В «Сестре Керри» окружающий героиню реальный мир американской действительности засасывает ее, постепенно подчиняя своим волчьим законам, отнимая у нее простые, но в то же время великие человеческие радости — сочувствие, любовь, материнство. Дженни, подобно Керри, тоже бедна и тоже становится поначалу жертвой обстоятельств — полюбивший ее сенатор Брэндер скоропостижно умирает, когда она ждет от него ребенка. Узнавший обо всем отец выгоняет дочь на улицу. «… Невежество и косность окружающих мешали им видеть в ее состоянии что либо, кроме подлого и злонамеренного нарушения законов общества, и это каралось всеобщим презрением. Ей оставалось лишь избегать косых взглядов и молча переживать происходившую в ней великую перемену».

Уехав из родного города и устроившись работать горничной в Кливленде, Дженни не забывает о родных, она организует переезд к себе матери, братьев и сестер. В доме своих хозяев Дженни знакомится с сыном богатого фабриканта Лестером Кейном, которого привлекают в ней «отзывчивость, доброта, красота и молодость». Но вспыхнувшая любовь не приносит им счастья. Лестер «совершил две серьезнейшие ошибки, сначала — не женившись на Дженни, что избавило бы его от толков и пересудов; а затем — не согласившись отпустить ее, когда она сама пыталась от него уйти». Оставленная Лестером, женившимся на богатой наследнице, Дженни одиноко живет с дочерью, но тяжкая болезнь отнимает у нее дочь. Оставшись одна, Дженни берет на воспитание двух сирот — девочку и мальчика. Тем временем Лестер становится крупным нью-йоркским бизнесменом. В один из своих приездов в Чикаго он заболевает. Последние его дни скрашивает лишь присутствие по-прежнему любящей его Дженни. «Что же дальше? — провожая Лестера в последний путь, думает Дженни. — Она еще не стара. Нужно воспитать своих приемышей. Пройдет немного времени, они оперятся, уйдут от нее, а дальше? Бесконечная вереница дней, один как другой, а потом?..»

Здесь автор ставит последнюю точку, и мы расстаемся с идеалисткой и мечтательницей Дженни Герхардт. В творчестве Драйзера роман этот занимает особое место. В центре внимания писателя — столкновение героини простой и чистой, отзывчивой и доброй с жестокой действительностью буржуазного общества.

Но в том-то и заключается основное отличие Дженни от Керри, что она не только не становится покорной рабыней

общества, а вопреки всем жизненным обстоятельствам, вопреки обществу, которое отнимает у нее любимого, создает свой собственный мир, мир доброты и нежности, так непохожий на все, что ее окружало. Обеспеченная Лестером, Дженни могла бы жить в свое удовольствие, наслаждаясь теми обычными мещанскими радостями жизни, к которым так стремилась Керри, — пустыми развлечениями, нарядами. Но глубокая, чистая натура Дженни требует большего, она находит себя в любви к детям, в том, что отдает все свое душевное тепло сначала своей дочери Весте, а после ее смерти — приемным детям. В широком смысле Дженни — положительная героиня, хотя ее деятельность и не выходит за пределы ее собственного замкнутого мирка. Буржуазному обществу нет дела до Дженни, до ее забот. Именно поэтому перед ней стоит этот вопрос: «Что же дальше?»

Известная камерность образа Дженни заключена в самой узости ее полезной деятельности, она внутренне и сама это понимает. Здесь сказывается ограниченность мышления автора, которому еще суждено будет оценить опыт Октябрьской революции, своими глазами увидеть новое общество людей, строящих социализм, чтобы понять, где выход для таких личностей, как Дженни. Но ограниченность эта — ограниченность исторических условий, продиктованная особенностями развития американского общества. Образ Дженни Герхардт, описание ее внутреннего мира являются безусловной удачей крупного художника, показавшего нам личность незаурядную, способную на многое. Вместе с тем в «Дженни Герхардт» писатель впервые дает наброски облика американского капиталиста. В романе действуют два крупных бизнесмена — Роберт и Лестер Кейны. Братья — люди разного склада, разного подхода и к жизни, и к бизнесу. Роберт «был проницателен и прижимист — качества, весьма существенные для дельца, ибо в делах без них не обойтись… Роберт Кейн был жестокий человек, делец с большим будущим», который «посвятил себя хладнокровной, упорной погоне за всемогущим долларом». Лестер же «был мягче, человечнее, он благодушнее ко всему относился». «…Наделенный богатым воображением и недюжинным умом», Лестер, «на свое горе, не обладал тупой, самодовольной уверенностью в собственном превосходстве, столь необходимой для достижения успехов в коммерческих делах». Таким образом, в «Дженни Герхардт» писатель уже намечает контуры образов тех американских дельцов, которые займут центральное место в его знаменитой «Трилогии желания».

«Дженни Герхардт», как и «Сестра Керри», вмещает много автобиографического материала. Прежде всего это относится к

описанию семьи Герхардтов. Отец семейства Уильям Герхардт, безусловно, наделен многими чертами Джона Поля Драйзера. Как и отец писателя, «еще восемнадцатилетним юношей он возмутился несправедливостью закона о всеобщей воинской повинности и бежал в Париж. А оттуда он переправился в Америку, эту землю обетованную. Прибыв сюда, он сначала подался из Нью-Йорка в Филадельфию, а потом и дальше на Запад…».

Сходство между ними отнюдь не ограничивается внешними обстоятельствами жизни. Как известно, глава семейства Драйзеров отличался глубокой религиозностью, жена его, происходившая из секты меннонитов, после замужества начала исповедовать религию мужа. Герхардт также «был истый лютеранин — аккуратное посещение церкви и соблюдение всех домашних обрядов укрепило за многие годы его взгляды и верования. В доме его отца слово священника было законом, и Герхардт унаследовал убеждение, что лютеранская церковь безупречна и ее учение о загробной жизни непогрешимо и непререкаемо. Жена его, формально исповедовавшая учение меннонитов, охотно приняла вероисповедание мужа. Итак, семейство было вполне богобоязненное. Куда бы ни приезжали Герхардты, они прежде всего вступали в число прихожан местной лютеранской церкви, и священник становился желанным гостем в их доме».

Описание первой любви Дженни, ее судьба после рождения ребенка напоминают житейскую историю, происшедшую с одной из сестер писателя, когда они жили в Варшаве. Автобиографичность ощущается и в описаниях повседневного быта семейства Герхардтов, и в сценах их переезда из Колумбуса в Кливленд, и на многих других страницах романа.

«Дженни Герхардт» раскрывает перед нами новую черту таланта писателя — глубокую лиричность в описании образа героини, умение передать тончайшие человеческие переживания, за которыми стоит полное искреннего сочувствия отношение писателя к простым людям, то сочувствие, которое неизменно присутствовало во всех его очерках и репортажах, посвященных описанию тяжкой доли людей труда.

Несмотря на положительную в общем оценку прессы, книга расходилась не так быстро, как того хотел бы писатель и его почитатели. «На вашем месте я бы не проявлял столько заинтересованности во мне, — писал Драйзер в январе 1912 года английскому издателю Гранту Ричардсу. — Мне не суждено стать автором книг, которым уготована судьба полных или хотя бы наполовину бестселлеров. Я найду удовлетворение лишь в

высказываниях критики, и то если повезет. Одобрение критиков не способствует продаже книг, а их безразличие отнюдь не мешает автору. Я просто не интересую публику — в этом все дело».

И действительно, до конца 1911 года было продано всего лишь 7720 экземпляров романа, в то время как одна из сентиментальных книг Джин Стрэттон Портер — роман «Жнец» — за короткий срок разошлась тиражом, превысившим 1 миллион экземпляров. Обескураженный таким поворотом событий, Драйзер писал с горечью в ноябре 1911 года в одном из своих писем: «Кажется почти невозможным заставить моих соотечественников-американцев признать, что я все еще жив. Я подумываю о переезде в Лондон».

А ведь критики отмечали, что «как произведение искусства «Дженни Герхардт» в высшей степени заслуживает успеха». Правда, некоторые американские критики пытались объяснить холодный прием романа тем, что писатель якобы и на этот раз выбрал не тех героев. «Роман с «содержанкой» в качестве главного действующего лица и сам по себе показался бы чем-то необычным, — отмечал впоследствии один из американских критиков. — Но если содержанка представлена настолько хорошей, настолько восхитительной, настолько обладающей положительными достоинствами, что все это намного возвышает ее над обычными дамами общества, то мы обнаруживаем роман, который бросает вызов общепринятым традициям и который подходит с необычными мерками к проблеме роли человека в обществе».

Как видим, дело было не только и не столько в выборе героев произведения, сколько в тех чертах характера, в тех человеческих качествах, которые им придал автор.

Писатель ставит чистоту помыслов Дженни намного выше морали капиталистического общества, которое своими требованиями разрушает ее счастье. В романе от начала до конца обличаются те социальные условия, которые лишают героиню по праву принадлежащей ей любви Лестера. Между ними встает та самая «гранитная стена» социального происхождения, которую Драйзер с такой удивительной силой описал еще в «Сестре Керри».

«Дженни Герхардт», подобно первому роману писателя, также произведение глубоко социальное, весь пафос которого направлен против буржуазной морали, против ее религиозных догм, против социальной несправедливости.

Драйзер продолжает думать о поездке в Лондон, в Европу.

Ричардс договаривается с издательством «Сенчюри», и оно выдает Драйзеру аванс с условием, что по возвращении он напишет для выпускавшегося этим издательством журнала три очерка, а также предоставит издательству право на выпуск книги своих европейских путевых впечатлений. Издательство «Харперс» также выдает ему аванс в счет «Финансиста» и часть гонорара за «Дженни Герхардт». Перед отъездом из Нью-Йорка Драйзер делает попытку узнать лондонский адрес Тельмы, но безуспешно. Ему обещают, что сообщат Тельме его адрес. Как только мать и дочь Гудлиппы узнают о приезде Драйзера в Лондон, они собирают свои вещи и уезжают в обратном направлении — в Нью-Йорк.

Больше месяца Драйзер проводит в Англии, знакомясь со страной. Затем он посещает Францию, Италию, Германию, Голландию, Монако. Однако путешествие не приносит должного удовлетворения — его беспокоит весьма жесткий бюджет, тяготит подчеркнутое внимание и заботы со стороны Ричардса. Тем более что тот не скрывает своей заинтересованности получить права на издание произведений Драйзера в Англии. В середине апреля 1912 года Драйзер решает, что пора возвращаться в Нью-Йорк. Сначала он собирался совершить переход через океан на «Титанике», но по соображениям экономии отплыл несколькими днями позже на пароходе «Крунлэнд». Прибыв 23 апреля в Нью-Йорк, Драйзер узнает о гибели «Титаника». «Я рад, что не отплыл на «Титанике», — пишет он Ричардсу. — До глубины души рад снова оказаться на родной земле…»

Пока Драйзер путешествовал по Европе, в издательстве «Харперс» перепечатали на машинке первые 39 глав «Финансиста», оставленные писателем в качестве залога за полученный аванс, прочли их и теперь требовали как можно быстрее прислать остальной текст. Писатель сразу же берется за продолжение романа и одновременно ведет переговоры с издательством о том, как будет издаваться книга. По замыслу писателя рукопись, над которой он работал, должна была стать первой частью трилогии под общим названием «Финансист». Однако в издательстве считали, что выпуск в свет только первой части серьезно повлияет на возможности сбыта. После долгих переговоров было решено издать роман под названием «Финансист», не указывая, что это первая часть трилогии, которая получила общее название «Трилогия желания».

В конце XIX — начале XX века в Соединенных Штатах создавались новые крупные состояния, вершителями экономических и политических судеб страны становятся представители финансового капитала, которых одно время не без

оснований называли «баронами-разбойниками». И Драйзер в своем новом романе показывает путь наверх типичного представителя «баронов-разбойников», филадельфийского дельца Фрэнка Алджернона Каупервуда.

Американское общество знало, что многие миллионные состояния наживались нечестным путем. Ида Тарбелл, дочь одного из нефтепромышленников, разоренных конкурентами, в 1904 году издала книгу «История Стандард ойл компани», в которой рассказала правду о тех методах, какими создавались крупнейшие монополии.

В том же 1904 году журнал «Эврибодиз мэгэзин» начал публикацию глав из книги Томаса Лоусона «Взбесившиеся финансы», в которой автор рассказал о неприглядных манипуляциях в конторах и на фондовой бирже Уолл-стрита. Подобные материалы появлялись и на страницах многих других журналов, их авторы впоследствии получили от президента Теодора Рузвельта прозвище «разгребатели грязи». Они писали, по свидетельству Ван Вик Брукса, «об «обезумевших финансистах» и ловкачах из страховых обществ, о преступных махинациях на железных дорогах и в городских ратушах, на предприятиях по производству лекарств и продуктов питания и в конгрессе…».

Однако мировоззрение «разгребателей грязи» было весьма ограниченным. «Они знали, — пишет Ван Вик Брукс, — что от капиталистов, по выражению Иды Тарбелл, «нечего ждать справедливости», и все же продолжали уповать на «перевоспитание» с помощью реформ руководителей «высокой политики» и «большого бизнеса», хотя уже Норрис в романах «Спрут» и «Омут» указал на всю нереальность подобных представлений». Другим существенным недостатком являлась литературно-художественная слабость произведений этого направления.

«Финансист» Драйзера был первым крупным художественным произведением, получившим общенациональную известность, в котором приоткрывалась завеса над святая святых американского бизнеса — деятельностью огромных финансовых монополий.

Драйзер, прежде чем приняться за работу над «Трилогией желания», много времени посвятил скрупулезному изучению доступных материалов, знакомству с воротилами финансовой жизни. Для журналов он создает целую серию портретов крупнейших финансовых дельцов под рубрикой «Жизненные истории преуспевших людей».

За основу для романа писатель взял жизнь и карьеру небезызвестного «барона-разбойника» миллионера Чарлза Тайзона Йеркеса. Он изучает досье филадельфийских газет,

встречается с людьми, лично знавшими Йеркеса, читает биографии других миллионеров. Почему он избирает в качестве прототипа героя своей трилогии именно Йеркеса, а не кого-либо другого? Нам кажется, что выбор писателя диктовался несколькими обстоятельствами. Прежде всего Йеркес действовал в Филадельфии, Чикаго, Нью-Йорке, то есть именно в тех городах, которые хорошо знал писатель. Йеркес умер в 1905 году, и легко было собрать подробные материалы о его деятельности, услышать рассказы очевидцев. Вероятно, не последнюю роль играло и то обстоятельство, что после Йеркеса не осталось прямых наследников, которые могли бы воспротивиться публикации книги о своем родственнике.

Возобновив работу над романом, Драйзер первым делом снова отправляется в Филадельфию. Он изучает там книги записей актов гражданского состояния за 1870 и 1871 годы, с помощью своего друга Джозефа Уоутса разузнает мельчайшие подробности жизни Йеркеса — к каким клубам он принадлежал, какие устраивал приемы и где, в каком доме размещалась его фирма. Он также знакомится с точным планом помещений фондовой биржи, с подлинной историей фирмы и многими другими материалами. В конце июня Драйзер снова обосновался в Нью-Йорке, поселившись с женой в квартире на Бродвее. Работа над романом продвигалась успешно — 2 июля ушли в набор первые 350 страниц, а к концу августа он был закончен. Писатель внес очень большие и существенные поправки в корректуру, издательство предъявило ему счет за эти поправки на внушительную сумму в 726 долларов 90 центов. Как бы там ни было, в октябре 1912 года новый роман Теодора Драйзера вышел в свет.

«Финансист» многим отличается от предыдущих двух романов писателя. И сестра Керри, и Дженни Герхардт были слабыми женщинами, пытающимися как-то устроить свою судьбу и являющимися в разной степени жертвами стечения обстоятельств. Такие герои теперь уже не привлекают писателя. «Может быть, это прозвучит нелояльно, но характер типа Дженни больше не привлекает меня», — заявил он в июне 1912 года корреспонденту «Нью-Йорк таймс». И герой его нового романа — мужчина-бизнесмен, человек, пытающийся подчинить своей воле не только других людей, но и сами обстоятельства, бросивший открытый вызов общепринятым моральным нормам.

Фрэнк Алджернон Каупервуд — образ собирательный, типический. Менкен, прочитавший роман в корректурных гранках, писал Драйзеру: «Вы изобразили, объяснили и описали Каупервуда почти блестяще. Вы создали его настолько реальным,

насколько может быть реальным человек. Его окружение, и люди, и обстановка также совершенно правдивы. Никогда еще не была создана лучшая картина тайного политико-финансового сообщества. Она полностью точная и полностью американская».

В образе Фрэнка Каупервуда писатель изобразил человека, который не признает никаких ограничений и пределов. Один из первых советских исследователей творчества Т. Драйзера, С. С. Динамов, отмечал, что личность Каупервуда характеризуется весьма определенными чертами: стремлением к богатству, холодной рассудочностью и отсутствием сентиментальности, наклонностью к спекулятивным сделкам. В то же время он финансист крупного масштаба, просвещенный капиталист. Его, как и весь класс, характеризует предельная внутренняя опустошенность, отсутствие общественных целей, ограниченный эгоизм.

Каупервуд еще с детства усвоил, что в окружающем его мире «все затруднения разрешает сила, умственная и физическая. Ведь вот промышленные и финансовые магнаты могут же поступать — и поступают — в этой жизни, как им заблагорассудится!.. Более того, все эти жалкие блюстители так называемого закона и морали — и пресса, церковь, полиция, и в первую очередь добровольные моралисты, неистово поносящие порок, когда они обнаруживают его в низших классах, но трусливо умолкающие, если дело коснется власть имущих, они и пикнуть не смели, покуда человек оставался в силе…»

И Каупервуд делает все, чтобы «оставаться в силе», его девиз: «Мои желания — прежде всего». Для него не существует иного закона, чем закон наживы; он не признает никакой морали, кроме своих желаний, и действует по принципу «с волками жить — по-волчьи выть». Хищническая сущность натуры Каупервуда, натуры капиталистического воротилы, раскрывается писателем постепенно. В детстве Фрэнк — любознательный мальчишка, прирожденный вожак, независимый, смелый и задорный.

Он рано начал задумываться над смыслом жизни. «Что это за штука, жизнь, и как она устроена?» — вот вопрос, на который ищет ответ десятилетний Фрэнк. Однажды он видит, как в аквариуме омар уничтожает каракатицу. «Этот случай произвел на Фрэнка неизгладимое впечатление. В общих чертах он давал ответ на загадку, долго мучившую его: как устроена жизнь? Вот так все живое и существует — одно за счет другого… Одни люди живут за счет других».

Усвоив этот принцип, Фрэнк продолжает присматриваться к жизни и постепенно уясняет силу денег, силу золота; его привлекает и увлекает карьера финансиста, «с тринадцати лет все

его помыслы были обращены на финансовое дело…». К двадцати годам он приходит к выводу, что «настоящий человек никогда не станет… покорным исполнителем чужой воли», и он стремится открыть собственное дело. Став владельцем учетно-вексельной конторы, Каупервуд начинает понимать закулисную сторону многих финансовых операций: «Все чиновнике города и штата занимались спекуляцией… В Филадельфии действовала целая шайка: в долю входили мэр города, несколько членов муниципалитета, казначей, начальник полиции, уполномоченный по общественным работам и другие чиновники. Их девиз был «рука руку моет».

Да и Каупервуд не принадлежал к людям, склонным терзаться угрызениями совести. Вскоре он отлично поладил с шайкой чиновников-казнокрадов и стал в их среде своим человеком. К тридцати четырем годам «его банкирская контора оценивалась в два миллиона долларов, из которых едва ли не полмиллиона принадлежали ему лично, и, судя по перспективам, открывавшимся перед ним, он в скором времени мог стать соперником любого американского богача».

Но разразившийся в конце 1871 года финансовый кризис вскрыл неблаговидные финансовые операции Каупервуда, и он оказался в тюрьме, где провел тринадцать месяцев. По выходе из тюрьмы Каупервуд снова подвизался на бирже. Биржевая паника 1873 года помогла ему стать миллионером. Он решает покинуть Филадельфию и попытать счастья в Чикаго, ибо именно туда «в огромных количествах» текло золото, манившее его с детства. Он «понимал, что значит направление золотого потока. Там, куда оно течет, процветает деловая жизнь, там все кипит, все находится в состоянии непрерывного роста. Теперь он хотел собственными глазами увидеть, чего можно ждать от Запада».

На этом заканчивается первый роман «Трилогии желания», в котором писателю удалось нарисовать впечатляющую картину мрачного мира империалистических дельцов, показать всю фальшь буржуазной морали, раскрыть разъедающую американское общество коррупцию.

Официальная критика встретила «Финансиста» со значительно меньшим энтузиазмом, чем друг писателя Менкен. Рецензенты считали роман скучным, слишком прямолинейным, но не могли не признать его правдивости. Естественно, такая оценка романа не способствовала его распространению.

С выходом в свет «Финансиста» Т. Драйзер становится признанным и бесспорным лидером реалистического направления в американской литературе. В то время как современные ему писатели основывали свои романы на

традиционном индивидуализме, прелестях сельской жизни и удовольствиях мелких собственников, Т. Драйзер в «Финансисте» обращается к святая святых капиталистического общества — образу крупного магната капитала. Писатель, как отмечали американские критики, показывает Фрэнка Алджернона Каупервуда как «высшее проявление общества стяжателей, в котором он так доминирующе властвует». Такой портрет финансового воротилы пришелся не по вкусу и власть имущим, и выражавшим их взгляды американским критикам, однако многие из них вынуждены были признать, что писателю удалось путем «неутомимого исследования» и через мельчайшие детали создать подлинную «летопись индустриально-коммерческой нравственности». Критики признавали, что хотя «капитализм отказал юному Драйзеру в своих плодах, но он не сделал его слепым к порокам» буржуазного общества.

Но писатель не ограничивается раскрытием стяжательской сущности капиталиста Каупервуда. Финансист действует не в безвоздушном пространстве, а в конкретных исторических условиях американской действительности второй половины XIX века. Он был свидетелем финансового кризиса 1857 года. Во время войны между Севером и Югом Каупервуд отнюдь не стремился вступить в ряды армии, «нет, лучше он будет наживать деньги и заниматься делами политическими, общественными, финансовыми».

Действия Каупервуда во время этих конкретных событий американской истории позволяют читателю глубже понять всю аморальную сущность, наглость и цинизм капиталистического дельца. Американские читатели, привыкшие к описаниям внешней стороны жизни финансовых магнатов, в романе Драйзера смогли увидеть и всю неприглядную кухню коммерческих махинаций, подноготную частной жизни тех, кто скрывался от глаз общества за ширмой «всемогущего» доллара.

Нарисованная писателем действительность — а правдивость ее никто не осмелился оспаривать — ошеломила многих видавших виды американских критиков. Детальнейшее описание политических и финансовых манипуляций в романе свидетельствовало о глубоком знании его автором закулисных сторон американской «демократии» и в то же время являлось доказательством его зрелости как писателя и гуманиста.

Обличительная черта творчества Драйзера получила в «Финансисте» новое развитие. Это не могло не напугать официальную Америку. Писателя начинают обвинять в «безнравственности», пытаясь низвести все его творчество к натурализму, отказывают ему в принадлежности к лагерю

писателей-реалистов.

Как известно, попытки эти имели в Соединенных Штатах определенный успех, и отголоски их дают себя знать до сегодняшнего дня. Однако прогрессивная критика США по достоинству оценивает «Финансиста» не только как выдающееся явление американской литературы, но и как историческое свидетельство тех варварских методов, которыми создавались крупнейшие состояния сегодняшней Америки.

Драйзер — уже признанный писатель. И тем не менее он не имеет постоянного дохода, романы его не продаются, и сам он вынужден существовать на авансы в счет будущих произведений. Он заканчивает очерки для журнала «Сенчюри» о своем путешествии по Европе, а затем перерабатывает их в книгу «Сорокалетний путешественник», которая выходит в свет в 1913 году. Одновременно пишет небольшой рассказ «Потерянная Феба», вошедший затем в первый сборник его рассказов.

Однажды знакомая писателя, Анна Татум, рассказывает ему длинную историю своей семьи. Отец ее, убежденный квакер, пытался строить свою жизнь и жизнь своих детей в точном соответствии с требованиями религии и потерпел полный крах. Рассказ этот полностью соответствовал собственным наблюдениям писателя — религия, даже в самом идеалистическом виде, не способна выдержать столкновения с реальной действительностью, и ее последователи неизбежно попадают в беду. Под впечатлением этой истории Драйзер задумывает написать роман, впоследствии получивший название «Оплот».

Однако главные помыслы Драйзера в это время были сосредоточены на трилогии. Судьба Фрэнка Каупервуда настолько захватила писателя, что после выхода «Финансиста» он сразу же принимается за работу над «Титаном» — вторым романом «Трилогии желания». В декабре 1912 года Драйзер едет в Чикаго, чтобы на месте собрать материал о деятельности Чарлза Т. Йеркеса после его переезда из Филадельфии в Чикаго.

«Потрясенный и околдованный варварскими силами этого беззаконного времени, — писал исследователь американской литературы Ван Вик Брукс, — когда финансисты замышляли, по его убеждению, порабощение народа, Драйзер занялся изучением и Йеркеса, и всех этих «династий неотесанных выскочек» — рокфеллеров, карнеги, флэглеров, фриков. С жадностью окунаясь в жизнь, бродя по улицам Чикаго, охваченный сочувствием к страданиям бедняков, он еще острее… осознавал преступную прожорливость и беззастенчивость королей бизнеса».

Жизнь Чикаго Драйзер знал не понаслышке, не со стороны, он «варился в самой ее гуще, да к тому же ему была свойственна такая интенсивность эмоционального накала, такая сила чувств, какая… и не снилась» другим писателям, воссоздавшим чикагские нравы. Все это, конечно, способствовало успешной работе писателя над новым романом. Но он не довольствуется старыми знаниями, упорно изучает новые материалы, сидит в библиотеке над подшивками старых газет, беседует с людьми, лично знавшими Йеркеса, встречается с такими писателями, как Г. Фуллер, Х. Гарланд. Его посещает видный критик Флойд Делл из газеты «Ивнинг пост», опубликовавший в свое время одобрительную рецензию на роман «Дженни Герхардт». Делл принимал активное участие в полулюбительской театральной труппе «Маленький театр», которая в то время готовила к постановке «Троянских женщин». Драйзер сошелся со многими актерами труппы и подружился с двадцатилетней красавицей Кирой Маркхам, исполнявшей в «Троянских женщинах» роль Андромахи. Здесь же он встретился с Шервудом Андерсоном, который днем писал ненавистные ему рекламные объявления, а ночи отдавал работе над своими романами.

Генри Фуллер рассказал Драйзеру, каким нападкам подвергся он после того, как опубликовал в 1895 году реалистическое произведение «За процессией». Фуллер честно признал, что, натолкнувшись на остракизм «общественности и литературных кругов, сложил оружие». Хемлин Гарланд также поведал о том, что он вынужден был отойти от реализма после резких нападок на него за книгу «Главные дороги». Поэт Эдгар Ли Мастерс сочинял поэмы, настолько несовместимые с общепринятыми взглядами, что ни один издатель не соглашался выпустить их в свет, и поэт зарабатывал на жизнь службой в одной из чикагских адвокатских контор.

Драйзеру было над чем задуматься в перерывах между работой. Ненапечатанные романы Шервуда Андерсона и поэмы Эдгара Мастерса напомнили ему печальную судьбу первого издания «Сестры Керри». Прошло уже много лет после этой, такой тяжелой для него истории, его книги издаются, но есть, оказывается, другие писатели, чьи произведения никто не хочет выпускать. Есть и такие, как Фуллер и Гарланд, которые не смогли противостоять бешеному натиску филистеров.

Борьба за реализм в американской литературе продолжалась, и Драйзер не собирался складывать оружие, хотя и его положение было далеко не блестящим: книги его издавались, но такими тиражами, что он никак не мог выбраться из долгов. И в Чикаго он в целях экономии жил не в гостинице, а на квартире своего

приятеля Вильяма Ленджела, ему приходилось экономить буквально на всем, а ведь он трудится целыми днями, не позволяя себе ни минуты отдыха. Но эти печальные мысли приходили по ночам, а днем он был все время занят.

В «Титане» Драйзеру предстояло описать Чикаго конца 70-х годов, когда приехавший сюда Каупервуд вынашивал планы прибрать к рукам «городские железные дороги, открывавшие широчайшие возможности для хитроумных манипуляций».

Город предстал перед Каупервудом, словно «Вавилон, Троя, Ниневия нового века! Сюда, дивясь всему, исполненные надежд, шли переселенцы из Западных штатов и Восточных. Здесь голодные и алчущие труженики полей и фабрик, лелея мечту о необыкновенном и несбыточном, создали себе столицу, сверкающую кичливой роскошью среди грязи… Сюда, как на пир, стекались самые дерзновенные мечты и самые низменные вожделения века и пировали всласть в этом чудо-городе — центре Западных штатов».

Каупервуд поселяется в Чикаго, пытаясь в городе, где «чувствовались сила и дерзание юности», удовлетворить и свои «дерзновенные мечты», и «низменные вожделения». Жизнь Каупервуда в Чикаго — это и история сменяющих одна другую финансовых афер, и вереница любовных похождений. Здесь Каупервуд в зените своего могущества, он твердо уверен, что «люди должны вращаться вокруг него, как планеты вокруг Солнца».

Отвергнутый филадельфийским «высшим обществом», Каупервуд начинает свое утверждение в Чикаго осторожно, пытаясь как можно дольше действовать через подставных лиц, оставаясь сам в тени. Честолюбивые замыслы не покинули его, главный вопрос, волнующий Каупервуда в Чикаго: «Кому достанутся лавры завоевателя этой Флоренции Западных штатов?» В глубине души он страстно мечтает стать этим завоевателем.

История жизни Каупервуда в Чикаго является в то же время историей развития и угасания его любви к Эйлин Батлер, ставшей второй женой дельца. Характерно, что разные периоды в жизни этого финансового магната связаны с любовью к разным женщинам. В Филадельфии это Лилиан, которую он оставляет ради Эйлин. Но и любовь к Эйлин не приносит счастья Каупервуду ни в Филадельфии, где он полюбил ее, ни в Чикаго, где она стала его законной женой. Каупервуд бросается в «беспорядочные любовные похождения», которые являлись для него «естественным проявлением беспокойного, вечно жаждущего перемен нрава, внутреннего анархизма и моральной

неустойчивости». Затем в жизнь Каупервуда входит юная Беренис Флеминг. Последние годы его жизни в Чикаго и весь лондонский период жизни — это в то же время история его отношений с Беренис. Подчеркивая непостоянство Каупервуда в личной жизни, писатель ничуть не погрешил против правды: скандальные амурные похождения многих магнатов капитала были хорошо известны американскому обществу.

Переезжая в Чикаго, Каупервуд мечтал прибрать к рукам городской транспорт, однако вначале это оказалось невозможным, и он выбирает новое поле для своих финансовых авантюр — газовые предприятия. Как выяснилось впоследствии, и здесь ему предстояла упорная и длительная борьба с опытными, прожженными дельцами-конкурентами. Описывая все перипетии этой схватки капиталистических хищников, писатель вводит нас в сферу их финансовых махинаций, показывает всю неприглядную подноготную их отношений. Вот магнаты капитала собрались, чтобы расправиться с неугодным дельцом, и все они, «словно стая голодных волков, в полной тишине пожирали глазами свою жертву, с виду еще жизнеспособную, но уже явно обреченную на заклание».

В этом мире Каупервуд до поры до времени побеждал своих врагов «путем подкупа, интриг и обмана». В ходе борьбы честолюбие заглушило «все остальные движения человеческой души», превратило его в демона «с каменным сердцем, сказочным богатством и преступными замыслами». Ослепленный своим финансовым могуществом, Каупервуд вступает в решающие схватки с «враждебными ему силами города Чикаго, штата Иллинойс и даже Соединенных Штатов Америки в целом… Теперь Чикаго грозило то, чего он больше всего страшился. Гигантская монополия, подобно осьминогу охватившая город своими щупальцами, готовилась задушить его, и грозная опасность эта воплотилась в лице Фрэнка Алджернона Каупервуда». В этой решающей схватке титан все же терпит поражение. Его финансовые мечты рушатся, но он получает вознаграждение — любовь Беренис.

Чикагский период жизни Каупервуда — зенит его финансового могущества, когда он в глазах знавших его временами превращался «в существо почти легендарное, приобретая черты не то сверхчеловека, не то полубога». И весьма показательно, что именно теперь он совершенно перестал считаться даже с теми необременительными моральными обязательствами, которых придерживались в этом мире «капитала, условностей, чванливой благонамеренности и невежества». Каупервуд, подобно другим «баронам-разбойникам»,

пытается поставить себя не только над обществом простых смертных, но и над другими финансистами, не такими изворотливыми, как он сам.

На какое-то время ему это удается, затем приходит расплата. У него уже нет ни сил, ни желания затевать новую схватку: «сам… он устал, Чикаго ему опостылел! Опостылела и эта нескончаемая борьба». Если раньше победы вдохновляли его на новые авантюры, а поражения лишь на время охлаждали его пыл, то теперь он чувствовал, что начинает сдавать.

На этом заканчивается второй роман трилогии. Книга эта — не только правдивая история финансовых афер, но в то же время и история растущего капиталистического города, его нравов и порядков. Драйзер сумел создать к этом романе целую галерею политических деятелей, показать их зависимость от денежного мешка, их взяточничество и казнокрадство. Чего стоят фигуры, например, председателя окружного комитета республиканской партии Пэтрика Джилгена, мэра Чикаго достопочтенного Чэффи Зейера Сласса или сенатора Саузека, одного «из тех сельских сутяг и проныр, которым в высоких коммерческих сферах частенько находят нужным оказывать покровительство».

С глубоким знанием дела описывает писатель правы, процветающие среди отцов-законодателей города и штата. «Законодательными органами штата заправляла в то время небольшая кучка сутяг, кляузников, политических мошенников и плутов, плясавших под дудку тех или иных компаний…» — рассказывает писатель и тут же добавляет, что они отнюдь не были исключением. «Мы привыкли называть подобных людей мошенниками и плутами и думать, что этим все сказано. Конечно, они и мошенники и плуты, но ничуть не в большей мере, чем, например, крысы или хорьки, которые неустанно прорывают себе путь вперед… и наверх. Инстинкт самосохранения, древнейший и самый властный, вдохновляет этих джентльменов и руководит их поступками».

Впечатляюща картина заседания городского муниципалитета в день решающей схватки, когда «в зале заседаний ратуши собралась… такая стая хищных, голодных и наглых волков, какая вряд ли когда-нибудь собиралась вместе». Писатель срывает все покровы с так называемых буржуазных демократии, свободы печати, равноправия и показывает удручающе однообразную картину продажности всех и вся, раболепия перед сильными мира сего, которые своей религией сделали свои желания. Царившие в подобном законодательном собрании порядки разлагающе действовали на вновь избранных депутатов. «Знакомство с крупными воротилами, которые навязывали свою волю другим, в

то время как народ должен был выступать как проситель, действовало на них растлевающе. Сколько романтически настроенных, преисполненных иллюзий молодых идеалистов — адвокатов, провинциальных издателей, общественных деятелей — превращалось здесь в циников, пессимистов и взяточников! Люди теряли всякую веру в идеалы, теряли даже последние остатки человечности. Волей-неволей они убеждались в том, что важно только умение брать, а взяв, держать».

Американские критики неоднократно задавались вопросом: в чем же секрет выразительности и убедительности нарисованного Драйзером мира большого бизнеса? И ответ на этот вопрос был один: глубокое и тонкое знание жизни. Претендующий на объективность известный нью-йоркский буржуазный критик А. Кейзин писал в этой связи: «Пока Роберт Херрик с тревогой выглядывал из своего академического окна, а Эдит Уортон смаковала прелести Рима и Парижа, пока Давид Грэхем Филипс писал для Пулитцера репортажи о набивших оскомину скандалах нью-йоркского высшего общества, а Фрэнк Норрис жадно поглощал историю Калифорнии для своего «Спрута», Драйзер мерил шагами улицы Чикаго, динамичного и символического города, который содержал в себе все, что было агрессивного и опьяняющего в новом мире, живущем ради сумасшедшего темпа биржевых операций и бесконечных радостей накопления. Сам он не принадлежал к этому миру, но он прекрасно понимал его».

И это понимание закономерностей окружающего его капиталистического мира, мира наживы и чистогана, лицемерия и жестокости, невежества и ханжества позволило писателю создать произведения, значение которых непреходяще и которые с течением времени не теряют ни своей силы, ни своей актуальности.

В «Титане» Драйзер обнажает циничную сущность, американского империализма, алчность и хищность большого бизнеса, который, по словам его современника Финли П. Данна, трудно «отличить от большого убийства».

Возвратившись в Нью-Йорк и продолжая работать над «Титаном», Драйзер летом 1913 года пишет одноактную пьесу «Девушка в гробу», в которой затрагивает сложную тему отношений между общественным долгом и личными чувствами человека. Действие пьесы происходит во время забастовки. Неожиданно у лидера забастовки Магнета от аборта умирает незамужняя дочь. Магнет бросает руководство забастовкой, все его помыслы направлены на поиски любовника дочери. Другой организатор забастовки, Фергюсон, убеждает Магнета в том, что

он не имеет права оставлять рабочих в ответственный момент, и говорит, что сам он также потерял любимого человека, но горе не сломило его. Магнет поддается его уговорам. Пьеса кончается тем, что оставшемуся у гроба девушки Фергюсону передают кольцо умершей — он-то и был ее любовником. Опубликованная в октябрьском номере журнала «Смарт сет» за 1913 год пьеса не привлекла серьезного внимания ни критики, ни театральных трупп, и только Менкен хвалил ее.

Осенью же 1913 года Драйзер окончательно разрывает отношения с Джаг и на какое-то время находит пристанище в квартире переехавшей в Нью-Йорк из Чикаго Киры Маркхам. Финансовое положение его оставляет желать много лучшего. Вышедший в свет в ноябре 1913 года «Сорокалетний путешественник» был радушно встречен критикой, но расходился плохо и не принес писателю никакого заметного дохода. «Думаете ли вы, — писал Драйзер в январе 1914 года Менкену, — что когда-нибудь для меня наступит такое время, когда я смогу жить на доходы с моих книг, или все это блеф, и мне лучше оставить занятие литературой? Я готовлюсь приступить к поискам работы. Ваш приближающийся к пропасти».

«Безусловно, наступит время, когда ваши романы будут содержать вас, — убеждал писателя Менкен. — Я думаю, что это время не за горами. «Титан» с его мелодраматичностью должен иметь и литературный и коммерческий успех. И как только вы уйдете из издательства «Харперс», все ваши книги начнут расходиться лучше».

Но сочувственные слова Менкена были всего лишь словами, а писателю крайне нужны были деньги, и он дает объявление в одной из газет о том, что нуждается в средствах для продолжения своей литературной деятельности. Это объявление нашло по крайней мере один отклик. «Если вы дадите мне какое-то представление о труде, для которого вам нужны средства, и назовете необходимую для его завершения сумму, я, может быть, смогу оказать вам помощь… я заинтересован в хорошей литературе…» — писал Драйзеру в ответ на его объявление некий Е. Алтон. Однако, насколько известно, дальнейшего развития переписка не получила. Фактически мольба писателя осталась гласом вопиющего в пустыне. Сам факт открытого обращения известного писателя за финансовой поддержкой даже не привлек внимания широкой американской общественности.

В марте 1914 года Драйзер снова едет в Чикаго, где возобновляет знакомство с Эдгаром Мастерсом, от которого узнает, что публикация одной из его поэм даже под псевдонимом нанесла серьезный ущерб его адвокатской деятельности. Мастерс

вспоминал, что он был «поражен силой ума Драйзера, его глубоким пониманием людей, городов, самого существа жизни. Я никогда не встречал другого человека, который бы знал так много об этих вещах, как Драйзер…». Нельзя не согласиться с Мастерсом, что к этому времени Драйзер достиг такого понимания жизни и ее законов, что стоял на голову выше многих своих известных соотечественников. И он пытался сделать это знание всеобщим достоянием через свои романы.

Но романам его по-прежнему не везло. В Чикаго Драйзер заболел, и его положили на операцию. Прикованный к постели, он получает из Нью-Йорка совершенно неожиданное известие: издательство «Харперс» отказывается выпустить «Титана» в свет. Драйзер не может понять, в чем дело, — ведь издатели неоднократно читали роман, одобрили его, и, более того, первый тираж книги — 8500 экземпляров — уже был отпечатан. И тем не менее факт оставался фактом — выпуск книги приостановлен. Конечно, можно было настоять на своих юридических правах. Но история с изданием «Сестры Керри» все еще не была забыта. Оставался только один выход — искать другого издателя.

Сам писатель все еще был слишком слаб, чтобы покинуть Чикаго, и за дело берутся его нью-йоркские друзья Анна Татум и Вильям Ленджел, который не так давно начал работать здесь в одном из журналов. Корректуры романа рассылаются во все известные издательства — «Сенчюри», «Джордж Х. Доран», «Альфред А. Кнопф» и другие, и отовсюду приходит отрицательный ответ, ни одно американское издательство не берется за выпуск книги. В чем же причина? Издательство «Харперс» указывало на то обстоятельство, что «реализм романа — слишком бескомпромиссный».

Как отмечают биографы писателя, в действительности такое решение было вызвано «боязнью, что изображение жестоких финансистов приведет в ярость капиталистов, контролирующих издательскую фирму». Указывают также, что издатели опасались быть привлеченными к ответственности некоторыми близкими к Йеркесу людьми, которые все еще занимали определенное положение в свете. В этой связи упоминали жившую в Лондоне Эмилию Григсби, якобы послужившую прототипом для образа Беренис Флеминг.

Однако долгие хлопоты друзей писателя все же увенчались успехом: нью-йоркское отделение английского издательства «Джон Лейн компани» согласилось выпустить роман в свет, выдало писателю аванс в тысячу долларов и изъявило желание переиздать другие книги Драйзера. Однако имевший на них права «Харперс» назначил такую цену, что не могло быть и речи

об успешном завершении начавшихся между двумя фирмами переговоров.

«Титан» появился на полках книжных магазинов в мае 1914 года. Объясняя в интервью корреспонденту вечерней газеты «Нью-Йорк ивнинг уорлд» свое отношение к затронутым в романе проблемам, писатель говори к «…в Америке бизнес все еще остается наиболее быстрым и безошибочным средством достижения большой власти… Никому никогда и в голову не придет, что величие может быть достигнуто и в качестве писателя, музыканта, артиста. Поэтому все потенциально великие люди устремляются в сферу бизнеса… Я уверен, что ум по-настоящему великого коммерсанта сознает поэзию своего дела… Оно для него преисполнено романтики… Нужен ум, и незаурядный ум, чтобы создать сначала мысленно, а затем и воплотить в реальность промышленные предприятия нашей страны… В сильных личностях верх берет безнравственность. И сегодня Америка достигла величия не благодаря, а вопреки ее притворному благочестию и морали… Из-за нашей узколобой нетерпимости люди, которые могли бы создать подлинные образцы американского искусства, пошли по линии наименьшего сопротивления и занялись бизнесом. Там они могут делать все, что им вздумается, и тем не менее не выходить из рамок общепринятых предрассудков…»

Писатель возлагал на «Титана» немалые надежды, надеясь с его выходом поправить свое финансовое положение. Однако роман был встречен без энтузиазма. Официальная критика объявила роман «нудным», описанную в нем историю «невозможной», героя его «аморальным», а самого писателя назвала «ненормальным американцем». Неудивительно, что после подобной критики книга расходилась слабо, гонорара не хватало даже, чтобы рассчитаться за полученные авансы. Непонимание со стороны критики и читающей публики угнетало писателя, рождало сомнения в необходимости своей работы.

«Здесь наблюдается тенденция поставить все с ног на голову, — с горечью говорил писатель, — ниспровергнуть мнение тех, кто находится на высшей ступени интеллектуального развития, в угоду предрассудкам и глупости большинства. Все ради тех, кто стоит у власти…»

Иллюстрированный еженедельник «Лайф» в стихотворной рецензии на книгу отмечал, что якобы «распутный нрав» героя не позволяет отнести роман к числу реалистических произведений. «Поражение успеха» — так называлась статья о романе, опубликованная в газете «Индепендент». Многие органы печати просто «не заметили» нового романа Драйзера, и в результате

рецензий на него появилось очень мало.

И только Менкен безоговорочно хвалил книгу. «Поверьте мне, — писал он Драйзеру в одном из писем, — это лучшая вещь, которую вы когда-либо создали, за возможным исключением «Дженни Герхардт», и то ее преимущество заключается лишь в большем эмоциональном обаянии. «Дженни» более пикантна, но «Титан» лучше написан… Ваш стиль стал более лапидарным, более преисполненным драматизма, более изящным. Короче говоря, вы сочетаете изящество стиля с увлекательностью изложения».

Как отмечал впоследствии один из американских литераторов, для всех тех, кто препятствовал изданию романа, затем замалчивал его, Драйзер казался «огромнейшим черным волком, который пытается превратить этот мир в угрозу их чувствам, совратить их юных отпрысков, помешать их карьерам в роли послов… Короче говоря, были сотни — даже сотни тысяч! — причин, по которым писания Драйзера являлись для них костью в горле». И далее этот литератор признает, что в то же время роман представляет собой «всего лишь изображение нормальной (!) жизни, какой она была несколько лет тому назад, когда сама жизнь были и проще и менее развращенной».

Но вопреки всем нападкам Драйзер, по меткому выражению американского критика М. Гейсмара, был и остается «учителем и новатором» в американской литературе XX века. «Его успех, — писал Гейсмар, — в битве против самозваных хранителей общественной морали — и тогда, как и теперь, могу я заметить, они обычно являлись хранителями невежества и предрассудков — означал окончательную победу в длительной борьбе за самовыражение в литературе Соединенных Штатов».

Победа эта далась писателю нелегко. И при жизни, и после смерти книги Драйзера на его родине замалчивались. Находятся американские критики, утверждающие ныне, что Драйзер, мол, давно уже изжил себя, что его романы, и в первую очередь «Трилогия желания», описывают далекое прошлое и поэтому якобы давно утратили свою актуальность.

Нет ничего более ошибочного, чем подобные утверждения. Именно сегодняшняя американская действительность дает все новые подтверждения немеркнущей актуальности произведений Драйзера. Сегодня читатели газеты «Уолл-стрит джорнэл» и других органов большого бизнеса ежедневно узнают о том, как крупные компании поглощают мелкие. Процесс этот особенно усилился с конца 60-х годов. За скупыми строчками газетных сообщений часто скрываются безнравственные и трагические истории, подобные тем, о которых более полувека назад поведал

в «Титане» Теодор Драйзер.

Концентрация финансового капитала в США продолжается, богатые становятся еще богаче, а бедные — беднее. И, читая созданный гением Драйзера «Титан», лучше понимаешь, что происходит в Соединенных Штатах сегодня.

Глубоко разочарованный тем приемом, который был оказан «Титану», Драйзер отказывается от своей первоначальной идеи закончить трилогию и на долгие годы откладывает работу над третьей, завершающей ее частью. Какое-то время он раздумывает над «Оплотом», возвращается к работе над «Гением», пишет пять коротких одноактных пьес — «Голубая сфера», «В темноте», «Веселящий газ», «Весенний концерт» и «Свет в окне», сценарий фильма по мотивам греческого фольклора «Врожденный вор», философское эссе «Спасение вселенной», продолжает работать над первым томом своей автобиографии.

«Жизнь слишком тяжела», — признается он в письме Менкену.

Глава 8
РОМАН «ГЕНИЙ» И «ОБЩЕСТВО БОРЬБЫ С ПОРОКОМ»

Начиная с июля 1914 года Драйзер вместе с Кирой Маркхам занимает двухкомнатную квартиру убогого трехэтажного здания на Десятой улице в Гринвич-Виллидж. Единственное украшение квартиры — большой письменный стол, переделанный из рояля Поля. Соседями писателя были люди неопределенных занятий. Однажды нагрянула полиция, арестовала одного из соседей и изъяла у него большое количество фальшивых банкнотов. Но Драйзера такое соседство вовсе не беспокоило. Он привязался к Гринвич-Виллидж и прожил здесь пять лет.

Среди обитателей этого района были социалисты и радикалы, атеисты и фанатики, анархисты и марксисты, кубисты и реалисты. Здесь можно было встретить поэтов и музыкантов, артистов и прозаиков, художников и юристов. Одни жили здесь, другие проводили время в многочисленных клубах, ресторанчиках, пивных, закусочных. В Гринвич-Виллидж часто бывали Джон Рид и Синклер Льюис, Линкольн Стеффенс и Маргарет Зангер. Многие принадлежали к «Клубу либералов на улице Макдугал», и выражением их взглядов служил журнал «Мэссиз».

В обычной здесь обстановке жестоких столкновений взглядов, жарких споров, в которых каждый свободно мог высказать самые еретические мысли, Драйзер чувствовал себя как рыба в воде. Обитатели Гринвич-Виллидж, по свидетельству Джона Рида, «осмеливались вслух рассуждать на темы, запретные для всего прочего города». И Драйзер не мог не сочувствовать всем тем, кто решительно восстал против закостенелых буржуазных догм, ратовал за свободное искусство, расцвет человеческой мысли. В Гринвич-Виллидж среди множества людей пустых, праздных, а то и просто шарлатанов были подлинные художники, мастера слова, люди творческого труда. Все они упорно работали, стремясь сказать свое собственное слово в американском искусстве. Драйзер хорошо знал многих из них, с некоторыми дружил, с другими встречался время от времени.

Проблемы искусства всегда были ему близки. Во время путешествия по Европе он бывал в музеях, не пропустил ни одной художественной выставки, внимание его привлекли работы фламандских мастеров, заинтересовало творчества Пабло Пикассо. Еще раньше Драйзер неоднократно встречался в Нью-

Йорке со многими художниками, принадлежащими к так называемой «школе живописцев-мусорщиков», хорошо знал большую группу оформителей журналов и графиков, был своим человеком среди художников группы «Восьмерка», организованной в 1910 году Робертом Генри.

Богемная атмосфера Гринвич-Виллидж не мешала писателю. Он ежедневно работал с 9 утра до 4 часов дня, и друзья хорошо знали, что в эти часы бесполезно пытаться оторвать его от письменного стола. Среди постоянных жителей Гринвич-Виллидж он выделялся своей застенчивостью, отлично сшитыми костюмами и безукоризненно свежими рубашками. Судя по его виду, трудно было предположить, что он вел жестокую борьбу за существование. Два года Драйзер не мог опубликовать рассказ «Потерянная Феба», который отвергли один за другим одиннадцать ведущих журналов. Была надежда, что с переходом в августе 1914 года журнала «Смарт сет» в руки Генри Менкена и театрального критика Джорджа Натана будет значительно легче печататься. Драйзер сразу же посылает Менкену и «Потерянную Фебу», и пять одноактных пьес. Но ответ Менкена на этот раз звучал обескураживающе. «Натан настолько тверд в своем мнении, что «Потерянная Феба» слишком далека от того Драйзера, которого мы хотим пропагандировать, что я начинаю соглашаться с ним… Пьесы сами по себе чудесны, но их публикация подразумевала бы обращение к совершенно новой аудитории читателей». В конце концов все же «Смарт сет» опубликовал три из пяти пьес, уплатив за них писателю 300 долларов. Практически это был единственный доход за многие месяцы.

Он продолжает упорно работать над «Оплотом», а также заканчивает переработку первого варианта «Гения». Несмотря на свою занятость и тяжелое финансовое положение, Драйзер стремится помочь своим чикагским друзьям, пытается найти издателей для романа Шервуда Андерсона и поэм Эдгара Мастерса. Его попытки помочь им диктовались не только дружескими чувствами, но и глубоким уважением к творчеству даровитых писателей. Друзья хорошо знали, что Теодор всегда придет на помощь в трудную минуту. Вильям Ленджел и через полстолетия не мог забыть, как Драйзер вместе с ним ходил в больницу, где у Ленджелов на третий день после родов умерла дочь, просиживал там часами, успокаивая Ленджела и его жену, «совсем как родной отец».

Непрестанные усилия Драйзера в конце концов увенчались успехом: издательство «Макмиллан» приняло сборник Эдгара Мастерса. Книга вышла в свет в 1916 году и пользовалась

необычайным успехом, выдвинув ее автора в число ведущих поэтов Америки. Роман Андерсона был также выпущен в свет издательством «Джон Лейн компани».

Менкен, пытающийся всеми силами поднять престиж в тираж своего журнала, просит Драйзера дать в целях рекламы положительную оценку журналу. Но Драйзер никогда не поступался своими убеждениями, даже ради самых близких людей. Не отступил он от своего правила и на этот раз. «Я бы хотел заявить вполне искренне, что мне нравится «Смарт сет», — отвечает он на просьбу Менкена. — Похоже, что под вашим и Натана руководством он превратился в легковесное, никого не тревожащее периодическое издание, полное легкого юмора и насмешек, иногда довольно смешное, но которое не может вызвать серьезного возмущения… Журнал ваш так же наивен, как «Ледиз хоум джорнэл». Поверьте мне, что он слишком слащав, слишком бродвейского типа…» Далее он советует Менкену начать публиковать серьезные материалы, статьи наподобие тех, что публикуются в журнале «Мэссиз». «Не слишком ли жестоко все это звучит? — спрашивает он. — Я отнюдь не стремился к этому. Честно говоря, вы сами намного лучше, чем журнал, который издаете…»

Письмо Драйзера задело Менкена за живое, особенно упоминание журнала «Мэссиз». В своем ответе он утверждал, что заказывал статьи авторам «Мэссиз», в том числе и Флойду Деллу, и всегда находил их «неописуемо бессодержательными». «Все эти «красноперые», — давал волю своему раздражению Менкен, — пустоголовы и несерьезны». Менкену все же пришлось признать, что журнал не целиком отвечает его желаниям. «Конечно, как он есть сейчас, журнал представляет собой компромисс между тем, что бы мы хотели делать и что позволено делать в свете тех трудностей, которые мы испытываем… Но легкий подход, против которого вы протестуете, является именно тем, к чему мы стремимся. «Смарт сет» — вдумайтесь в это название! («Смарт сет» означает фешенебельное общество. — *С. Б.*) — не место для публикации революционной риторики…»

Драйзер ответил Менкену довольно резким письмом, видя первопричину неприятия Менкеном его взглядов, в частности, в том, что он «перебрался на 10-ю улицу и ведет жизнь, не подходящую для родных улиц Балтиморы…». Несмотря на такие стычки, время от времени возникавшие между ними, дружеские отношения между Драйзером и Менкеном все же не нарушались.

Летом 1915 года земляк Драйзера художник-иллюстратор Франклин Бутс предложил писателю совершить совестное путешествие по родному штату Индиана и издать книгу путевых

очерков с текстом Драйзера и рисунками Бутса. Драйзер знал художника уже более десяти лет — они познакомились в 1904 году, когда вместе работали в воскресном приложении в газете «Нью-Йорк дейли ньюс». Ныне Бутс — процветающий художник, специализирующийся в области рекламы. Идея его Драйзеру понравилась, и в середине августа Драйзер и Бутс отправились на машине в путешествие по Индиане.

Они посетили Терре-Хот, Варшаву, Блумингтон, Салливан, Эвансвиль — все эти небольшие городки, где прошло детство и ранняя юность писателя. Он до сих пор помнил, что в гостинице в Терре-Хот, в которой они сейчас остановились, много лет тому назад мыла полы его мать. В этой же гостинице устраивали банкет в честь брата Поля, когда его песня «На берегах реки Уобош» стала известна всей Америке. В его честь даже назвали небольшое селение неподалеку от Терре-Хот. Его же брата, известного писателя, не знал никто. Драйзер с горькой улыбкой вспоминал о том, что текст знаменитой песни Поля написал он. В родных местах мало что изменилось, одни работали в поте лица своего, другие же наслаждались плодами их трудов.

«Я отказываюсь принимать как необходимое или неизбежное то, что я или любой другой человек должен работать за пару-другую долларов в день, урезая себя во всем и стремясь к недостижимому, тогда как кто-то, тупица может быть, кто никогда не сделал ничего стоящего, но появился на этот свет в качестве наследника одного из сильных мира сего, будет присваивать себе реальные плоды моих трудов и набивать ими свои карманы», — писал возмущенный Драйзер в путевых заметках.

Возвратившись осенью из путешествия по Индиане, писатель с нетерпением ожидал издания нового романа. В октябре 1915 года «Гений» был выпущен в свет издательством «Джон Лейн компани». Основная тема романа — одаренный художник и буржуазное общество — была отнюдь не новой в американской литературе, к ней обращались многие писатели и до Драйзера. Вильям Дин Хоуэллс, например, в романе «Опасность нового богатства» (1890 г.) описывает злоключения редактора журнала Базиля Марча, всецело зависящего от финансировавшего журнал разбогатевшего фермера Драйфуса. В другом романе— «Побережье Богемии» (1893 г.) — Хоуэллс рассказывает о жизни начинающей художницы. Но «хотя книги Хоуэллса не раз дают пример художественной точности и непринужденной иронии в целом, а не в отрывках, — не без основания отмечал Ф. Маттисен, — ни одна из них, похоже, так и не стала выдающимся произведением. Странным образом творческая энергия автора

всякий раз как-то иссякает на полдороге, и всем его книгам присуща какая-то неощутимая вялость…».

Пробовал свои силы в этой области и известный реалист С. Крейн, но также потерпел неудачу. Его роман «Третья фиалка» (1897 г.) полон описаниями «студийных чаепитий», рассуждений о типично «американской тематике» для художников, сетований на то, как трудно изобразить на полотне картины деревенской жизни, но и этот роман не стал заметным явлением в американской литературе.

Обращение Драйзера к судьбе даровитого художника в американском обществе было далеко не случайным. Сотрудничая в газетах и журналах Чикаго, Сент-Луиса, Нью-Йорка, он познакомился со многими художниками, внимательно наблюдал за их работой. С некоторыми из них (В. Л. Зоннтагом, П. Маккордом и другими) он близко подружился, часто бывал в их мастерских, принимал участие в их спорах о месте и роли искусства в жизни общества.

В конце прошлого века многие американские газеты издавали воскресные приложения, в которых публиковались очерки, репортажи, рассказы, которые, как правило, богато иллюстрировались. Нередко бывали случаи, когда литературные репортеры, выполняя задания, работали с художниками вместе, рука об руку. Драйзер, например, с художником Вильямом Глэккенсом работал над очерком «Истоки песни» для журнала «Харперс уикли», приходилось ему сотрудничать и с другими художниками.

Еще в журнале «Эври манс» молодой литератор обратил внимание на яркие зарисовки на темы городской жизни молодого художника Вильяма Луиса Зоннтага (младшего), которые часто публиковались в цвете в воскресных приложениях к нью-йоркским газетам и во многих ведущих журналах. Молодые люди познакомились и вскоре подружились. Дружбе их суждено было продолжаться не так долго — в 1898 году Зоннтаг скоропостижно скончался.

Они любили вдвоем бродить по Нью-Йорку, и Зоннтаг обращал внимание своего друга на живописные вагоны конки, необычное освещение улиц, игру света в лужицах дождя, быстро мчащиеся поезда подвесной железной дороги, огни которой отражались на мокрых камнях мостовой. Он помогал Драйзеру видеть город взглядом художника.

В рассказе «Цвет сегодняшнего дня», опубликованном в декабре 1901 года в журнале «Харперс уикли», Драйзер так описывал одну из своих обычных прогулок с Зоннтагом: «Над нами находилась станция подвесной железной дороги, льющийся

из нее свет каждые несколько минут вспыхивал от длинной вереницы ярко освещенных вагонов…

— Вы заметили характерную особенность освещения? Смотрите на переплетение света и теней.

Я с изумлением молча любовался игрой света.

— Смотрите прямо перед нами — в ту лужицу воды, заметили? Сейчас она уже не окрашена в цвет серебра, как обычно. Это настоящая призма. Видите эти сотни играющих огоньков?

Я признался, что эту игру цвета я редко когда наблюдал раньше…

— Это великолепное зрелище, — продолжал он… — Я зарисовал его уже по меньшей мере полдюжины раз. Мне пока не удалось добиться сходства. Но я добьюсь его».

Драйзер сравнивал зарисовки городской жизни Зонтага с описаниями города, сделанными писателем-реалистом Крейном, и находил их художественно равноценными. Лучшие работы В. Л. Зонтага — «Мэдисон-сквэр-гарден», «Бауэри», «Век пара» — и сейчас можно увидеть в городском музее Нью-Йорка и в некоторых других. Когда художник умер на Кубе от желтой лихорадки, Драйзер посвятил его памяти поэму «Человек, который мечтал», а позже написал цитированный нами выше рассказ.

Близкая дружба связывала писателя и с художником Питером Маккордом, с которым он познакомился «в прозаическом, дымном и шумном торговом городе Сент-Луисе, полном дельцов и фермеров Среднего Запада», где они вместе работали в газете «Глоб-демократ». Дружба их началась с 1892 года и продолжалась вплоть до смерти Маккорда в 1908 году. Среди «безмерной скудости американской умственной жизни» Питер «был словно оазис, настоящий родник в пустыне. Он понимал жизнь. Он знал людей… Он сострадал невежеству и нищете, презирал тщеславие, бессмысленную жестокость, скупость, в чем бы она ни проявлялась. В нем уживались широта натуры и практичность, чувственность и одухотворенность».

Маккорд был реалистом и именно этим завоевал привязанность писателя. Он стремился улучшить окружающий его мир, принести людям счастье. «Мир был в его глазах мастерской, необъятным полем деятельности для художника, мыслителя и для простого пахаря, и, ни к кому не относясь критически, он выше всего ставил личность, способную понять жизнь, отразить ее или творить в ней, что бы ни двигало этой личностью: чувство ли художника или точный расчет ученого».

Хорошо знал Драйзер и художников из группы «Восьмерка»,

организованной в 1910 году Робертом Генри. Трое из них — Вильям Глэккенс, Джордж Лакс и Эверетт Шинн — относились к числу его близких друзей. По инициативе и при активном участии художников «Восьмерки» в 1913 году в Нью-Йорке Ассоциацией американских художников и скульпторов была проведена международная выставка картин и скульптуры, вошедшая в историю американского искусства под названием «Выставка в казарме», так как она проводилась в расположенной в центре Манхаттана казарме 69-го полка. Участие в выставке, кроме художников-реалистов, приняли и кубисты, импрессионисты, футуристы и представители других течений. «Что значат произведения кубистов и футуристов?.. — спрашивала в статье, посвященной выставке, газета «Нью-Йорк таймс». — Международная выставка современного искусства, которая только что закрылась в казарме 69-го полка, с выставленным на ней целым рядом вызывающих произведений «прогрессистов», заставила многих ньюйоркцев в течение последних недель снова и снова задавать себе этот вопрос». Однако представленные на выставке работы художников «Восьмерки» были выполнены в реалистическом плане и выделялись своей тематикой.

Драйзеру были близки и хорошо понятны искания художников «Восьмерки». Они не считали зазорным делать зарисовки в самых мрачных трущобах города, за что их пренебрежительно называли представителями «школы художников мусорной урны». Однако их зарисовки уличных сценок, порта и его тружеников нравились широкой публике и поэтому печатались газетами и журналами, привлекая к себе внимание критиков. Драйзер и сам охотно писал о работах фотографов, художников, резчиков по дереву и кости. В 1899 году в журнале «Сексес» он опубликовал очерк «Мастер фотографии» об известном нью-йоркском фотографе Альфреде Штейглице. Его снимок «Зима на Пятой авеню» долгие годы являлся непревзойденным образцом подлинно художественной фотографии. Писал Драйзер и о работах художников «Восьмерки», и, в частности, о Роберте Генри: «В Нью-Йорке есть художник, работы которого можно найти почти в любой галерее и салоне Европы, чье имя уважают в каждой континентальной студии и которого, несмотря на это, едва знают в его собственном городе и стране те, кого снисходительно величают «широкой публикой».

Но если Нью-Йорк не знает Роберта Генри, то Генри знает свой Нью-Йорк, и у него есть школа последователей, которые идут с ним рисовать в трущобы и закоулки. Глэккенс, Слоун, Шинн — вот некоторые из них. «Нью-Йорк лучше Парижа для

художников, — говорит Генри, — и перестаньте рисовать кувшины и бананы и рисуйте повседневную жизнь Нью-Йорка — тележка с Хестер-стрит более подходящий сюжет, чем голландская мельница».

Оценивая роль Р. Генри и его группы в истории изобразительного искусства США, Рокуэлл Кент, также стоявший на позициях группы Р. Генри, писал: «В первые годы второго десятилетия нашего века движение независимых художников, безусловно, доминировало в культурной жизни Нью-Йорка. Я назвал его движение за *обновление* искусства, а не за *революцию* в искусстве, ибо его ведущими представителями, по крайней мере по численности и организационной активности, являлись гуманисты реалистического толка — Генри, Слоун, Лакс, Глэккенс и другие члены группы «Восьми» и их последователи-ученики Роберта Генри. Относясь с глубоким уважением к еще жившим в то время Уинслоу Хомеру и Томасу Икинсу и к реалистам прошлого, представленным Мане, Дега, Курбе и Домье, они не отвергали традиционного языка искусства, а отбрасывая сентиментальные клише, к которым свели его академики, стремились лишь к его очищению и обновлению. Но все же цели движения, хотя в нем и господствовали эти неореалисты, заключались не в пропаганде их «школы» ради самой «школы», а в том, чтобы в истинно джефферсоновском духе обеспечить всем художникам ту свободу выражения и ту аудиторию, которых лишила их монополия Академии».

Драйзер досконально знал мир не только художников, но и артистов, литераторов, музыкантов, внимательно следил за творчеством многих из них.

Он неоднократно возвращался к мысли написать роман о деятеле искусства, показать его столкновение с реальной жизненной действительностью. И свой первый роман он первоначально хотел посвятить личности автора популярных песенок, его окружению. Позднее он подумывал вывести в центре романа журналиста, но наконец остановился на художнике.

Некоторые американские исследователи творчества Драйзера указывают, что в основу романа положена жизненная история художника из группы «Восьмерки» Эверетта Шинна, в частности, они обращают внимание на сходство описания первой выставки картин Юджина Витлы в галерее фирмы «Кельнер и сын» с выставкой работ Шинна на тему нью-йоркской жизни в галереях «Буассод» и «Валледон». Другие считают, что Витла — образ собирательный, в котором нашли отражение отдельные черты характера и жизненного пути не только Шинна, но и других художников «Восьмерки», в первую очередь Глэккенса и Лакса.

Сам автор в июне 1938 года сообщал в одном из писем: «Я имел в виду не какого-либо определенного художника, когда писал книгу, а сплетение обстоятельств в моей собственной жизни и в жизни других людей, которые интересовали и волновали меня». На безусловную автобиографичность романа указывали многие критики, так что это свидетельство писателя лишь подтверждает уже высказывавшиеся предположения. Таким образом, Юджин Витла — образ не просто собирательный, он типичный представитель американского мира искусств на рубеже двух столетий. Искания Витлы — это в известной степени искания всех американских художников этого периода. В образе Витлы писатель воплотил определенную эпоху в истории американского изобразительного искусства, эпоху борьбы со слащавым сентиментализмом, за полнокровный реализм.

«Америка, как и всякая другая страна, — отмечал английский писатель Сэмюель Батлер, — может рассчитывать на то, что история не обделит ее гениями. Один гений в Америке уже есть — это Уолт Уитмен. Однако мне кажется, что, хотя подлинному таланту всегда и везде приходится несладко, Америка — наименее пригодное на земле место для процветания искусств и писательского вдохновения».

Новый роман Драйзера явился блестящим подтверждением этой мысли. Рассказанная в нем история талантливого художника Юджина Витлы трагична и поучительна. Юджин родился и вырос на американском Среднем Западе, в тех же краях, где прошли детство и юность Драйзера. С внутренней теплотой воссоздает писатель детские годы своего героя, его тонкое понимание природы, раннее стремление к красоте. Он не сразу находит свое призвание. Когда ему исполнилось семнадцать лет, он пробует работать наборщиком в местной газете, но вскоре уезжает из родного городка в Чикаго. Дальнейшая его жизнь и деятельность проходит в Чикаго и в Нью-Йорке. Но Чикаго художника Витлы отличается от Чикаго бизнесмена Каупервуда, он более земной, более простой и значительно более крупный. Однако предоставим слово автору.

«Чикаго — кто его опишет! Кто опишет этот гигантский муравейник, выросший, словно по мановению жезла, на гнилых болотах приозерья. На целые мили протянулись мрачные домишки, на целые мили ушли вперед улицы с торцовыми мостовыми, газовыми фонарями, водопроводными магистралями и пустынными деревянными тротуарами, по которым скоро заснуют толпы прохожих. Стук сотен тысяч молотков, звонкие удары зубил в руках каменщиков! Длинные, смыкающиеся вдали ряды телеграфных мачт; тысячи и тысячи стоящих вразброс,

словно часовые, домиков, заводов, устремленных ввысь фабричных труб, и среди них вдруг одинокая невзрачная церковка, смиренно приткнувшаяся на голом пустыре. Нетронутая целина прерии с выгоревшей на солнце травой. Широкие железнодорожные насыпи, по которым ползут стальные пути — десять, пятнадцать, двадцать, тридцать в ряд, — унизанные, словно бусинками, тысячами и тысячами грязных вагонов. Громыхающие паровозы, бегущие поезда, люди у переездов — пешеходы, возчики, кучера, подводы с пивом, платформы с углем, кирпичом, камнем, песком — зрелище новой, неприкрашенной, неукротимой жизни!»

Первые шаги Юджина в этом огромном городе весьма напоминают скитания самого писателя: как и он, Юджин работает в скобяной лавке, рассыльным в агентстве по продаже недвижимого имущества, возчиком белья в прачечной, сборщиком взносов за проданные в рассрочку товары компании «Дешевая мебель». По-настоящему же его влечет живопись. «Но он еще не мог создавать образы. Он мог только мыслить ими. Больше всего восхищала его река Чикаго, ее черная, невероятно грязная вода, которую тяжело вспенивали пыхтящие буксиры, ее берега, где выстроились огромные красные элеваторы, черные желоба для погрузки угля и отливающие яркой желтизной склады лесных материалов. Вот где были настоящие краски, настоящая жизнь — вот что следовало писать».

Юджин начинает посещать музеи, художественные выставки и наконец поступает на платные курсы при Институте искусств. Его влечет к реалистическому изображению жизни, он старается учиться у крупнейших мастеров. Однажды ему удалось побывать на выставке картин прославленного русского живописца-баталиста В. В. Верещагина. Юджин был «потрясен великолепной передачей деталей боя, изумительными красками, правдивостью образов, ощущением трагизма, мощи, опасности, ужаса и страданий, которое исходило от этих полотен. Они свидетельствовали о зрелости и глубине таланта русского художника, об исключительном богатстве его воображения и темпераменте. Юджин смотрел и думал о том, как достигнуть такого совершенства. И в течение всей дальнейшей жизни имя Верещагина было для него величайшим стимулом. Если быть художником, то только таким».

Показательно, что Драйзер избрал именно творчество Верещагина в качестве образца, которому следовал Витла. Драйзер, безусловно, был хорошо знаком с творчеством Верещагина, так как картины его экспонировались на Чикагской всемирной выставке, а также в ряде других городов США. Поиски

художником путей правдивого изображения предметного мира в условиях естественной световоздушной среды не могли не привлечь внимания писателя.

Упорные занятия на курсах приносят свои плоды, и Юджину удается устроиться художником в одну из чикагских газет. Вскоре на его работы начинают обращать внимание. В его рисунках была грубоватая сочность, смелость, острота и особая задушевность. Через какое-то время он переезжает в Нью-Йорк и подпадает там «под гипноз таившегося в этом городе чуда, имя которому красота». Вскоре рисунки Юджина начинают печататься в некоторых журналах, но создать себе прочную репутацию и обеспечить постоянный заработок было не так-то легко.

Юджин много работает. Работа приносит ему удовлетворение, но не деньги, так необходимые, чтобы вести безбедное существование. Из-за недостатка средств он все еще не может жениться на любимой девушке Анджеле, которая уже несколько лет ждет его, работая учительницей в провинции. Он часто задумывается о сложившемся в американском обществе положении вещей: «…вспоминая свой собственный ничтожный доход, Юджин снова чувствовал себя жалким нищим, совсем как в первые дни своего пребывания в Чикаго. Оказывается, что искусство, если не считать славы, ничего не дает. Оно не дает возможности насладиться всей полнотой жизни. Оно ведет лишь к своего рода духовному расцвету, который все готовы признать, что не мешает, однако, художнику оставаться бедным, больным, голодным, так сказать, захудалым гением».

Но Юджин жаждал признания, он начинает выставлять свои картины, с душевным трепетом ждет приговора и критики и публики. Первая выставленная им картина «Шесть часов», изображавшая один из городских уголков, не обратила на себя внимания. Тогда он решает попытать счастья в какой-нибудь коммерческой фирме, организовав персональную выставку. Ему везет, его работами заинтересовался мосье Анатоль Шарль, управляющий американским отделением известной фирмы «Кельнер и сын», торговавшей произведениями как старых, так и современных мастеров.

Мосье Шарль осматривает в студии картины Юджина, и уже первая привлекает его внимание своей выразительностью, своей правдивостью. «Красные и зеленые пятна, резкие и грубые, грязно-серый тон булыжника и эти лица! Картина в полном смысле слова кричала о фактах. Она, казалось, говорила: «Да, я — грязь, я — будни, я — нужда, я — неприкрашенная нищета, но я — жизнь!» Тут не было ни малейшей попытки что-либо оправдать, что-либо сгладить. С грохотом, скрежетом, оглушительным

треском сыпались факты, один за другим, вопя с жестокой, звериной настойчивостью: «Это так! Это так!»… «Слава богу, наконец-то он послал нам реалиста», — мысленно сказал себе мосье Шарль, разглядывая полотно, так как он знал жизнь, этот холодный знаток искусства».

Персональная выставка в галерее «Кельнер и сын» приносит Витле известность, несколько картин удается продать, и он уезжает с женой в Париж, преисполненный радужных надежд. Однако выставка парижских этюдов художника «произвела далеко не такое впечатление, как он ожидал». В довершение бед художник заболевает и несколько лет не может работать. Оставшись без средств, он обращается за помощью в одну из железнодорожных компаний, и его направляют чернорабочим в небольшую столярную мастерскую. Это навело Юджина на любопытные рассуждения: «Как чернорабочий он ничто, но, будучи художником, он может получить место чернорабочего. Следовательно, его дарование художника все же чего-нибудь да стоит».

Сколько горечи и иронии в этих словах писателя! На первый взгляд они кажутся неправдоподобными, но тем не менее точно отражают положение дел в буржуазном обществе. Личная судьба Драйзера может служить тому убедительным примером.

Трагизм положения Витлы заключается отнюдь не в том, что он вынужден заниматься физическим трудом, а в том, что буржуазному обществу нет никакого дела до его судьбы. Рядом, в нескольких километрах, раскинулся Нью-Йорк с его процветающими журналами и газетами, с благотворительными обществами и богатыми меценатами, картинными галереями и музеями. На аукционах все еще выставлялись для продажи картины Витлы, но его личная судьба никого больше не трогала. «По мере того как проходило время — год, другой, третий, память о его внезапном и блестящем успехе и последующем исчезновении превратилась в своего рода излюбленную легенду, поучительную притчу для молодых талантов. Как много обещал этот человек! Почему же дарование его иссякло? Иногда его имя упоминалось в разговоре или печати, но сам он, можно сказать, умер для всех».

На примере житейских перипетий, выпавших на долю художника, писатель ненавязчиво, но твердо проводит мысль о равнодушии буржуазного общества к подлинным талантам, чьи произведения могли бы стать настоящим достоянием американской культуры.

Но вернемся к роману. Работа на свежем воздухе, физический труд благотворно отразились на состоянии здоровья художника.

Он снова обретает силу духа, уверенность в себе, начинает понемногу рисовать. При содействии старого знакомого Витла возвращается в близкий и дорогой ему мир искусства — становится художником-иллюстратором художественного отдела газеты «Уорлд». Но, конечно, работа эта не может удовлетворить его, и через полгода он переходит в качестве заведующего художественным отделом в «Рекламное агентство Саммерфилда».

Каждый сотрудник работал здесь под «гнетом нужды и вечного страха» оказаться на улице. И Витла вынужден был гнуть спину на Саммерфилда — этого неотесанного грубияна, беспощадного, надменного, равнодушного и жестокого к другим. Настоящий талант Юджина не только не служил ему защитой от беспричинных нападок хозяина, но еще и вызывал у того раздражение.

В конце концов Витла вынужден уйти. Новая работа — и тот же финал.

Внутренне опустошенный, Витла начинает понимать, что былая его сила навсегда утрачена, что искусство уже не дает ему подлинного вдохновения. И единственное, что удерживает художника в этом мире, — забота о маленькой дочери.

Трагизм судьбы Юджина Витлы — в погоне за богатством, за славой, в стремлении сочетать мир подлинного искусства с требованиями доллара. «Драйзер понимает, — писал поэт Эдгар Ли Мастерс, — что человек, у которого есть талант, вынужден вести борьбу в этой беспорядочной стране социальной тирании и посредственности, где принято высокопарно рассуждать о свободе». И в этой борьбе Витла проигрывает, теряет свою самобытность художника, превращается в ремесленника от искусства.

Над романом «Гений» Драйзер работал несколько лет. «Третья книга приближается к концу, — писал он в апреле 1911 года Менкену. — К сожалению, следует признать, что это жестокая вещь, но взятая из жизни». Он закончил книгу в августе 1911 года, однако издатели были сильно напуганы содержанием романа, утверждали, что история Юджина Витлы «не может… захватить читателя» и вообще не заслуживает того, чтобы быть напечатанной. Нежелание издателей выпустить роман в свет заставило писателя на время отложить его, но в 1913–1914 годах Драйзер снова вернулся к работе над «Гением» и фактически переписал его заново. Окончательный вариант романа, в основном завершенный писателем в 1914 году, серьезно отличался от его первой редакции. В первом варианте роман имел счастливый конец — Сюзанн выходила замуж за Юджина Витлу. Такая развязка, по мнению писателя, в то время отвечала

правде жизни.

Однако за несколько лет, прошедших после завершения работы над первым вариантом «Гения», писатель глубже узнал жизнь и понял, что счастливый конец истории Витлы противоречит всему тому, что писатель видел вокруг. И Драйзер переписывает роман, показывает трагический конец Витлы как художника. Писатель понимал, что в буржуазном обществе судьба подлинного художника не может не быть трагичной. В этом смысле трагедия Юджина Витлы типична. Если в первом варианте романа Витла находил утешение в догматах «христианской науки» и через понимание их сближался с Сюзанн, то в окончательном варианте «христианская наука» не приносит утешения художнику и не способствует его личному счастью.

Глубокое знание американской действительности, собственный жизненный опыт писателя позволили ему создать правдивое, глубоко эмоциональное произведение. Драйзер стремился в «Гении», как и в других своих произведениях, показать Америку такой, какой она была на самом деле. Он глубоко любил свою страну, но никогда не пытался преувеличивать ее достоинства и преуменьшать ее недостатки. Критик Рэндолф Борн видел в Теодоре Драйзере «единственного у нас романиста, который старается глубже проникнуть за милую всем поверхность жизни… В книгах Драйзера Америка обнаруживает неведомое прежде качество… Просто он на наших глазах пытается сотворить нечто художественное, имея в своем распоряжении необработанную и беспорядочную действительность такой знакомой всем нам американской жизни».

Слова эти с полным основанием могут быть отнесены и к роману «Гений», в котором с большим талантом и хорошим знанием фактического положения дел воссоздана картина «беспорядочной действительности» американского мира искусств, каким он был в начале XX века. Вместе с тем книга эта дает довольно полное представление о внутреннем мире ее автора. «Мне больше всего нравится «Гений», — говорил писатель. — Я вложил в него большую часть самого себя».

Мнение же американских критиков резко отличалось от оценки автора. Опубликованный в октябре 1915 года «Гений» был встречен в штыки большой прессой Америки. До конца 1915 года в газетах и журналах появилось более 30 рецензий на книгу, многие из них были резко отрицательными. «Нью-Йорк таймс» писала о книге: «Теодор Драйзер еще раз избрал в качестве героя своей книги ненормального человека и написал о нем ненормально длинный роман… Он от начала до конца слишком

реалистичен, а также слишком угнетающ и неприятен…» Журнал «Харперс уикли» утверждал, что «г-н Драйзер, этот хроникер вульгарных американцев, катастрофически провалился со своим «Гением». «Нью-Йорк геральд» назвала книгу «весьма омерзительной, но безусловно правдивой», газета также считала, что «в романе нет и намека на юмор, сатиру, духовные или поэтические достоинства». Тем не менее рецензент газеты признавал, что «г-н Драйзер является исключительно наблюдательным писателем». Рекорд отрицательного отношения к «Гению» установила газета «Нью-Йорк уорлд»:

«Гений» Теодора Драйзера, история художника, жаждущего известности и гоняющегося за женщинами, написана на 738 страницах, весит фунт и три четверти и содержит примерно 350 тысяч слов.

Было бы лучше, если бы она была меньше на 350 тысяч слов, легче на фунт и три четверти и короче на 736 страниц.

Г-н Драйзер должен отказаться от мысли, что, раз он достиг успеха двумя сексуальными романами, он может продолжать до бесконечности заполнять толстые тома остатками страсти».

Некоторые американские исследователи объясняют резкие нападки критики на Драйзера после выхода «Гения» тем, что его автор самим содержанием и стилем своих произведений бросил смелый вызов сторонникам так называемой «традиции жеманности» в американской литературе. Взгляды сторонников этой традиции отчетливо были выражены в опубликованной в декабре 1915 года в журнале «Нейшн» статье профессора Иллинойсского университета С. Шермана «Варварский натурализм г-на Драйзера». Автор статьи без обиняков утверждал, что он «не находит никакой моральной ценности или запоминающейся красоты» в романах Драйзера, что они всего лишь «примеры грубой и наивно упрощенной натуралистической философии» и якобы показывают жизнь, основываясь не на законах человеческих отношений, а на законах «поведения животных». Далее автор договорился до утверждения, что будто бы само происхождение писателя свидетельствует о том, что он не способен создать крупных интеллектуальных ценностей.

Возражая автору статьи в «Нейшн», Рэндолф Борн писал, что Драйзер является «очень человечным критиком очень обычной человеческой жизни, романтически чувствительным и поэтически реалистическим, с художественным видением и прочным теплым чувством к американской жизни… «Гений» отнюдь не представляет собой средоточие порнографических ужасов, каким его считают общества борьбы с пороком, а есть история ищущего художника». Герои Драйзера, — подчеркивал Борн, — это

«желания, которые по-разному в каждом из нас колотятся в железные стены жизни…».

Именно реалистическое изображение американской действительности, показ того тяжелого положения, в котором оказывается в Америке каупервудов даровитый художник, вызывали бешенство реакционеров, всячески нападавших на писателя. Своим романом Драйзер сорвал еще один покров с капиталистического образа жизни, развенчал миф о так называемой «свободе творчества» в буржуазном обществе. Роман «Гений» — это основанное на личном опыте свидетельство писателя о том, что ждет человека искусства в Америке, в которой, по словам Ван Вик Брукса, «буквально все тенденции общественной жизни… вступили в заговор с целью связать по рукам и ногам таланты страны…».

Хотя писатель никогда не придавал большого значения мнению официальной критики, тем не менее такие резкие нападки не могли не задеть его. Он, правда, рассчитывал, что подобная критика газет и журналов вызовет дополнительный интерес читателей и благотворно скажется на распродаже книги. Однако надежды его не оправдались — по данным издателя, до конца 1915 года было продано 6577 экземпляров романа.

В январе 1916 года Драйзер заболел — давала себя знать предстательная железа, — он решает на время уехать в южные штаты и 26 января отправляется морем в город Саванну (штат Джорджия), небольшой порт, расположенный в устье реки Саванны при впадении ее в Атлантический океан. Долгие прогулки вдоль реки, горячие лечебные ванны благотворно сказываются на здоровье писателя: здесь он заканчивает книгу о своих путевых впечатлениях от поездки по стране «Каникулы уроженца Индианы» и продолжает работать над романом «Оплот».

В начале апреля Драйзер возвращается в Нью-Йорк и погружается в обычную для него жизнь: ведет переговоры с издателями о выпуске книг неизвестных пока писателей (и добивается согласия «Лейн компани» на издание романа Шервуда Андерсона «Сын Уинди Макферсона»), передает для ознакомления законченный им первый том автобиографии, рассылает друзьям экземпляры только что вышедшего в свет сборника своих «Пьес о естественном и сверхъестественном», ведет переписку с Менкеном о рукописях путевых впечатлений и новой одноактной пьесы «Старый тряпичник», получает предложение поступить на работу во вновь организуемую кинофирму. Словом, он полон различных планов, продолжает собирать материал для «Оплота», ждет выхода в свет «Каникул

уроженца Индианы», надеется, что наконец-то сможет спокойно продолжать свою работу. Будущее кажется ему безоблачным и обеспеченным.

Но мечтам писателя не суждено было сбыться, в июле ему был нанесен новый тяжелый удар — «нью-йоркское общество борьбы с пороком» запретило дальнейшее распространение «Гения», как «богохульного и непристойного» произведения. Это общество являлось полуофициальной организацией, на которую власти штата Нью-Йорк возложили проведение в жизнь законов, направленных «против непристойностей». Создано оно было во второй половине XIX века неким Антони Комстоком и пользовалось большими правами. По данным американской печати, только при Комстоке общество добилось ареста более чем 3 тысяч человек, уничтожило более 30 тонн книг, около 23 тонн книжных матриц и почти 4 миллиона репродукций картин. Комсток не допустил распространения в США таких книг, как «Три мушкетера» А. Дюма, сборника од Горация, произведений Э. Сю и многих других авторов.

В 1915 году, вспоминает Флойд Делл, «печальной памяти Антони Комсток скончался и отправился в ад, и его место занял мало известный до того тип по имени Джон Самнер, ставший нанятым агентом частной организации, которая в сговоре с продажной полицией осуществляла неофициальную цензуру над американской мыслью, искусством и литературой. А трусливая и лицемерная американская публика позволяла этой тирании делать свое дело». Как отмечают американские исследователи, зловещая тень общества «угрожающе нависла над столом каждого нью-йоркского редактора», который боялся «ареста, конфискации книги, крупных личных неприятностей или больших материальных потерь».

Первыми обратили внимание на новый роман Драйзера члены «западного общества борьбы с пороком» в городе Цинциннати (штат Огайо). По звонку одного из своих прихожан священник баптистской церкви Джон Херчет прочел книгу и передал ее секретарю «западного общества» Ф. Роуэ, который нашел ее «переполненной непристойностями и богохульством», приказал изъять из всех книжных магазинов города, подал жалобу в вашингтонское почтовое ведомство с требованием запретить ее пересылку по почте и сообщил обо всем Самнеру. Тот сам прочел книгу, нашел в ней 17 «нечестивых» и 75 «бесстыжих» мест и лично отправился в издательство, где потребовал изъять книгу из продажи.

Хотя официальные правительственные органы не предприняли других действий, владельцы издательства были так

напуганы угрозами Самнера, что, руководствуясь сугубо коммерческими соображениями и стараясь избежать дорогостоящего судебного процесса, затребовали непроданные экземпляры книги из всех магазинов страны. Драйзер, имевший все основания опасаться за сохранность печатных форм, тайком вывез их из типографии в соседний штат Нью-Джерси, на который не распространялась власть «нью-йоркского общества борьбы с пороком».

Самнер усиленно пропагандировал отрицательное отношение к роману: «Мы смотрим на эту книгу с точки зрения ее воздействия на читательниц-женщин с незрелым умом, — писал он в ноябре 1916 года… — Совершенно ясно, что чтение подобной книги молодой женщиной окажет на нее весьма пагубное влияние». Вместе с тем Самнер заявлял, что он выступает якобы против проникновения «иностранного влияния» в американскую литературу. «Мы нуждаемся в поддержании наших норм приличия сейчас перед лицом нашествия иностранного и подражания иностранному более чем когда-либо раньше, а отнюдь не в превращении разврата и неприличия в настолько привычные, чтобы они превратились в общепринятые и типичные для американского образа жизни и обычаев», — провозглашал свои взгляды Самнер в частном письме, явно намекая на немецкое происхождение Драйзера.

Драйзер оказался в весьма сложном положении. Запрещение нового романа прежде всего наносило серьезный удар по его репутации писателя. Он прекрасно понимал, что «общество по борьбе с пороком» является выразителем взглядов как огромного числа американских обывателей, так и самых реакционных кругов страны. Удар наносился не просто по отдельному произведению, но и по системе взглядов человека, который всем своим творчеством олицетворял лучшие, прогрессивные силы американской литературы, чьи книги являлись неопровержимым обвинением против самого «американского образа жизни».

Действия Самнера нашли сторонников во многих городах страны. В университетском городе Беркли (штат Калифорния) библиотекарь пришел к выводу, что книга не может находиться на библиотечных полках. Публичная библиотека в Сан-Франциско вообще решила не приобретать ни одного экземпляра романа. Один из ораторов на собрании в Чикаго заявил в этой связи: «… Если я правильно понимаю настроения американской публики, она готова сохранять мораль простых людей даже ценой свободы отдельно взятого человека. Другими словами, мы определенно верим в цензуру».

С другой стороны, действия «общества по борьбе с пороком»

наносили серьезный ущерб материальному положению писателя. Доходы от продажи романа прекратились в самом начале, принеся его автору менее 900 долларов гонорара. Возникли трудности и с юридической точки зрения. Дело в том, что отменить запрет Самнера мог только суд. Но так как издатели испугались угроз Самнера и прекратили продажу книги, не было формального основания для обращения в суд. Такое основание было бы только в том случае, если бы издатели не поддались угрозам и продолжали бы продавать книгу. Тогда в суд вынужден был бы обратиться Самнер. Но издатели, зная, что обычно в таких случаях суды становились на сторону «борцов против порока», решили не доводить дело до суда.

В этих условиях Драйзер занял твердую и непримиримую позицию защиты своего творческого кредо, своего права изображать жизнь такой, какой видит. Он справедливо считал, что борьба против его произведений — это часть общей борьбы богатых против бедных. «Богатые бьют бедных на каждому шагу, — заявлял он в статье, опубликованной 7 ноября 1916 года в газете «Лос-Анджелес рекорд», — бедные защищают себя и поддерживают свою жизнь при помощи любых хитростей, которые только может изобрести крайняя нужда. Никакое неотъемлемое право не может удержать среднюю стоимость жизни от непрерывного повышения, в то время как заработная плата большинства наших идеалистически настроенных американцев остается неизменной. Никакое неотъемлемое право никогда не удерживало сильных от обмана или запугивания слабых… Лично я возражаю против того, что Америка выступает против первоначальных принципов. Мне так больно наблюдать, как наши так называемые реформаторы, подобно Дон-Кихоту, один за другим размахивают копьями перед гигантскими ветряными мельницами фактов».

Между тем позиция, занятая Самнером и «нью-йоркским обществом борьбы с пороком», подверглась критике в некоторых газетах. Так, нью-йоркская «Ивнинг-сан» 7 августа 1916 года в одной из статей, осуждая Самнера, предлагала воспитывать «идеальных цензоров» путем полной изоляции детей с двухлетнего возраста, с тем чтобы их мозг «не воспринимал никакие идеи» и чтобы они со временем превратились в «не подвернувшихся пагубным влияниям, стыдливых молодых персон». Газета «Де-мойн реджистер», указывая, что Драйзер является «реалистом, анализирующим человеческое мышление», обращала внимание на тот факт, что его книги «обращены полностью к совершеннолетним читателям со зрелым умом». «Нью-Йорк трибюн» в этой связи предупреждала, что цензура

«сдерживает развитие нашего искусства».

Действия Самнера не могли не привлечь внимания и не вызвать беспокойства многих писателей, журналистов, издателей. Конечно, причины подобного беспокойства были совершенно различными. Одни искренне тревожились за дальнейшее развитие отечественной литературы, другие сочувствовали попавшему в беду коллеге, третьи боялись, как бы не потерять свои доходы, четвертые просто не хотели прослыть консерваторами. Нараставший протест против действий Самнера необходимо было как-то объединить и придать ему форму, которая имела бы общественное звучание. Это могла сделать Лига писателей Америки, но Драйзер в свое время отказался вступить в нее и к тому же весьма нелестно отозвался о ее руководстве. Теперь, в 1916 году, президентом лиги являлся писатель Уинстон Черчилль (однофамилец известного английского государственного деятеля), а вице-президентом — бывший президент США Теодор Рузвельт. Оба они не проявляли никакого интереса к факту запрещения романа Драйзера. Тем не менее сторонникам писателя удалось организовать ему встречу с членами исполнительного комитета лиги, которые хотя и с оговорками, но все же высказались в поддержку Драйзера.

В результате Лига писателей Америки выступила с официальным протестом против действий «нью-йоркского общества борьбы с пороком». В протесте лиги признавалось, что некоторые из ее членов «могут не разделять целей и методов г-на Драйзера, другие могут не симпатизировать его точке зрения», однако и отдавалось должное его «безусловной искренности» и «большим достоинствам» его книг. Лига высказывалась против попытки «осудить серьезного художника на основании законов, направленных против обыкновенных жуликов», и требовала внесения в закон соответствующих изменений.

Теперь дело было за тем, чтобы к официальному протесту лиги присоединилось как можно больше писателей, как в самих Соединенных Штатах, так и в Европе. Менкен и некоторые друзья Драйзера разослали сотни частных писем писателям, журналистам и издателям с просьбой высказаться в поддержку Драйзера. В его защиту безоговорочно выступили такие ставшие впоследствии всемирно известными писатели, как Роберт Фрост и Джон Рид, Джек Лондон и Синклер Льюис, Шервуд Андерсон и Эдвин Робинсон. Из Европы Герберт Уэллс, Арнольд Беннетт и ряд других писателей прислали телеграмму: «Мы считаем «Гений» произведением с большими литературными достоинствами и поддерживаем протест Лиги писателей Америки против его запрещения».

Менкен решительно выступал в поддержку Драйзера, однако и на этот раз проявились их разногласия. Узнав, например, что Драйзера публично поддержала группа писателей и журналистов, сотрудничавших в радикальном журнале «Мэссиз», Менкен высказал свое отрицательное отношение к этому в нескольких письмах.

Конечно, суть расхождений — во взглядах, которые разделяли буржуазного либерала Менкена и писателя-демократа Драйзера. С течением времени разногласия усугублялись, пока не превратились в непримиримые противоречия и фактически привели Драйзера и Менкена в противоборствующие лагеря — один из них стал коммунистом, другой так и увяз в болоте буржуазного реформизма.

Показательно, что среди тех, кто отказался выступать в поддержку Драйзера, оказались В. Хоуэллс и Х. Гарланд. Первый заявил, что он не читал роман, а второй обвинил Драйзера в попытке организовать себе… «хитрую рекламу». В этой связи нельзя не вспомнить характеристику, данную Хоуэллсу другим знаменитым американским писателем, Синклером Льюисом, в его известной речи на заседании Шведской академии в Стокгольме в связи с вручением ему Нобелевской премии по литературе. «Мистер Хоуэллс был одним из милейших, приятнейших и честнейших людей, — говорил С. Льюис, — но он исповедовал кредо старой девы, величайшая радость для которой быть приглашенной на чай к приходскому священнику. Он испытывал отвращение не только к богохульству и непристойности, но и к тому, что Герберт Уэллс назвал «восхитительной грубостью жизни». У него было фантастическое представление о жизни, которое сам он наивно считал реалистическим: фермеры, моряки и фабричные рабочие, возможно, и существуют, но фермеры никогда не должны иметь дела с навозом, моряки — горланить непристойные песни, рабочий должен всегда благодарить доброго хозяина, и все они должны мечтать о поездке во Флоренцию и мягко улыбаться, глядя на причудливые одежды нищих».

В те годы подобных взглядов придерживался не один Хоуэллс, они были широко распространены не только среди обывателей, но и в кругах творческой интеллигенции. Это в значительной степени определяло, какие книги пользовались наибольшим спросом. В 1916 году, например, список бестселлеров возглавляла сентиментальная слащавая повесть Бута Таркингтона «Семнадцатилетний».

Такая обстановка не способствовала быстрому сбору подписей под протестом Лиги писателей. Однако настойчивые действия противников запрещения «Гения» принесли хорошие

результаты: в конце 1916 года список сторонников Драйзера превышал 500 человек. Сам писатель также не стоял в стороне от этой борьбы, он выступал в газетах, делал заявки издателям, редакторам журналов, мужественно отстаивал свои принципы.

«Я смотрю на вмешательство в мои дела или дела любого другого серьезного писателя как на акт грубого произвола и опасаюсь за судьбу интеллигента в Америке, — писал он в статье, опубликованной в конце 1910 года. — Появилась группа так называемых цензоров — стопроцентных американцев и пытается задушить нашу литературу, которая наконец-то показала признаки разрушения оков пуританизма, в которых она так долго боролась напрасно… Когда же мы сбросим с себя силой надетые на нас свивальники старомодных теорий невежественных моралистов и их необразованных последователей и станем свободомыслящими мужчинами и женщинами? Вмешательство «общества борьбы с пороком» в серьезную литературу представляется мне наихудшей и наиболее развращающей формой тирании, которую только может придумать человеческий разум и которая вскрыла всю глубину невежества и нетерпимости и пресекает инициативу и вдохновение в самом зародыше… В литературе пытаются насадить царство террора. Когда оно кончится?»

Свои выступления в защиту «Гения» Драйзер собирает в большую статью «Жизнь, искусство и Америка», теперь оставалось найти только печатный орган, который согласился бы ее опубликовать. Помог случай. Группа литераторов, обеспокоенных складывающимся в американской литературе положением, засильем официальных взглядов и невозможностью опубликовать серьезные критические материалы в существующих литературных журналах, начала в ноябре 1916 года выпускать новый журнал «Севен артс». В числе редакторов журнала был такой серьезный литературный критик, как Ван Вик Брукс, в нем сотрудничали первоклассные литераторы — Рэндолф Борн, Джон Рид, Шервуд Андерсон и другие. Журнал просуществовал всего лишь год (последний номер его вышел в октябре 1917 года). Провозглашаемые с его страниц взгляды пришлись явно не по вкусу финансировавшим его издателям, и они отказали в финансовой поддержке. Но это случилось через несколько месяцев, а сейчас Драйзер отнес свою статью в редакцию, и она была напечатана в феврале 1917 года.

«Жизнь, искусство и Америка», по существу, является очерком духовной жизни американцев в конце XIX — начале XX века. В этом очерке писатель нарисовал весьма мрачную картину духовной нищеты, засилья предрассудков, религиозных догм и

официальных установок в стране, конституция которой скорее является «произведением искусства, нежели реально действующим законом». Драйзер убедительно показывает, что в США «свободная мысль и искусство не могут не находиться в положении безусловна ненормальном. Торговец и монополист, то есть тот, кто явно задает сейчас тон в Америке, не имеет ни малейшего представления об основных умственных и духовных запросах человека, которые находят свое выражение в искусстве, да и ничуть им не интересуется». Результатом такого положения является процветание невежества и нетерпимости ко всякой свежей мысли, ко всякому не укладывающемуся в привычные рамки произведению искусства.

«С моей точки зрения, — говорит писатель, — средний, или, так сказать, стандартный американец — это странный, однобоко развившийся характер: во всем, что касается материальной стороны жизни, он сметлив и напорист — он хороший механик, хороший организатор, но внутреннего мира у него нет, он не знает по-настоящему ни истории, ни литературы, ни искусства и совершенно запутался и духовно погряз в великом множестве чисто материальных проблем, которые его одолевают».

Достаточно вдуматься в само определение «стандартный американец», чтобы понять глубину недовольства Драйзера существующим положением вещей, при котором «люди жили в состоянии какого-то странного привычного отупения, одурманенные или одурманившие себя немыслимыми и ложными представлениями о поведении человека, представлениями, которые возникли неизвестно как и где и словно ядовитым туманом окутали всю Америку…».

Пройдя к этому времени большую и суровую жизненную школу, Драйзер на собственном опыте познал самые различные стороны американской действительности, видел жизнь без прикрас и мишуры, такой, какой она была на самом деле. Окружавшая его действительность при более пристальном рассмотрении быстро теряла свой внешний лоск, и ее подлинная сущность оказывалась весьма и весьма неприглядной. И писатель без обиняков рассказывал о своих наблюдениях: «Политика, как я установил, работая в газетах, — довольно грязное занятие; религия со всеми ее догматами — мрачный вымысел тех, кто их проповедует: тут «много шума и страстей, а смысла нет»; торговля — беспощадная схватка, в которой менее хитрые или менее ловкие и сильные погибают, а верх одерживают более коварные; труд людей свободных профессий построен на купле и продаже — тому, кто дороже заплатит, а те, кто торгует этим трудом, в большинстве своем безвольны, посредственны или

корыстолюбивы».

Писатель приходит к неутешительному выводу о том, что «Америка все больше и больше становится нудной, рутинерской, ханжеской страной…», которая «не в ладах с независимой мыслью». «Искусство — это нектар души, собранный в трудах и муках, — говорит в заключение статьи Драйзер и обращается к своим соотечественникам с вопросом: — Позволим ли мы тупицам, эгоистам и честолюбцам закрыть доступ к этому роднику для нашего пытливого ума?»

Статья «Жизнь, искусство и Америка» весьма важна для понимания творческого кредо писателя, она свидетельствует о непрерывных поисках им того пути, который может и должен вывести американское искусство на дорогу служения широким народным массам, пути, который одновременно откроет миллионам простых американцев доступ к лучшим созданиям человеческого гения. Пока что писатель не видел еще этого пути и не мог указать его, но поиски вскоре помогут ему понять все величие и значение Великой Октябрьской социалистической революции и наметить новые перспективы для дальнейшего развития реалистического начала в своем творчестве.

Кампания протеста против действий «нью-йоркского общества борьбы с пороком» не оказала никакого существенного влияния на исход дела. Самнер считал, что протест Лиги писателей представляет собой частную точку зрения ограниченной группы людей. «Писатели, взятые в целом, — утверждал Самнер, — могут быть очень хорошими судьями… литературных достоинств какого-то конкретного произведения, но в качестве знатоков того, в каком направлении окажет влияние это произведение на поведение и мораль публики в целом, они не более компетентны, чем такое же количество механиков, получивших самое обычное образование… Любая ограниченная группа людей не должна пытаться навязать обществу ее собственное понимание того, что является приличным или неприличным».

Прочитав эти разглагольствования Самнера, Драйзер резонно спросил: «А как же быть с группой, которую представляет г-н Самнер?» Ответа на свой вопрос он, конечно, не получил, но он и без того прекрасно знал, что уверенность всех этих самнеров и других подобных им «моралистов» в своей правоте зиждется на твердой поддержке их действий большим бизнесом и церковью, этими двумя китами «американского образа жизни». Их совместные усилия снова привели к тому, что новое произведение крупнейшего американского писателя на долгие годы оказалось под запретом.

Даже такой тенденциозный американский биограф писателя, как У. Сванберг, вынужден признать, что действия Самнера и иже с ним лишили Драйзера возможности создать несколько новых романов, «которые могли бы обогатить литературу». «Теперь, — признает Сванберг, — для него было абсолютно невозможным писать новые романы, которые также могли запретить, даже если бы он смог позволить себе такую роскошь, и пройдет целое десятилетие между «Гением», который превратил его в бедняка, и следующим романом, который принесет ему относительное благополучие. Кто знает, что еще сошло бы с его пера, если бы его не ограничивали, а поддерживали?»

Осенью 1916 года вышли в свет «Каникулы уроженца Индианы» с иллюстрациями Ф. Бутса. Навестив города и селения, в которых он бывал двадцать лет тому назад, Драйзер вспоминает, что в те годы Америка «еще только входила в тот огромный, пышный, преисполненный беззакония и жестокостей период своей истории, когда крупные финансисты (почти все они уже умерли) не только замышляли, но и объединяли усилия с целью порабощения народа, одновременно они грызлись между собой в борьбе за власть… Средний американец в те времена верил, что наличие денег, безусловно, разрешит все его земные проблемы. Эта вера была написана на лицах людей, в их походке, манерах. Власть, власть, власть — все гонялись за властью в этом краю свободы и родины храбрых».

Писатель сравнивает прошедшее с настоящим и с горечью отмечает: «Все эти династии неотесанных выскочек, которые сейчас восседают на троне нашей демократии, угрожая самому ее существованию своими притязаниями и захватами, в те времена еще только делали свои первые шаги». В то же время его путевые заметки преисполнены подлинного уважения к людям труда, к их нелегкой жизни. Он с сочувствием описывает их простой незамысловатый быт, выступает против ограниченности многих из них, ратует за подлинную свободу личности.

Отношение Генри Менкена к новой книге Драйзера было двойственным. «Книга полна прекрасными страницами, — писал он, — лучшими из всего, что вы когда-либо создавали. Но я постоянно с возмущением наталкиваюсь на банальность…»

Другого мнения о «Каникулах уроженца Индианы» придерживался такой критик, как Рэндолф Борн. «Никто и никогда не изображал жизнь американцев ниже среднего достатка с таким обаянием, ибо никто не имел необходимых литературных способностей при отсутствии чувства неловкости. Г-н Драйзер часто впадает в сентиментальность, но это тот вид сентиментальности, который покоряет вас своей искренностью».

Уходящий год сложился для Драйзера весьма неблагоприятно во многих отношениях. Летом его покинула Кира Маркхам. В маленьком городке Провинстауне она поступила в экспериментальный театр, который первым в стране поставил на сцене пьесу начинающего драматурга Юджина О'Нила, ставшего впоследствии лауреатом Нобелевской премии. В этом же году умерло двое близких друзей писателя — Гарри Лион и Бен Додж. Выход в свет путевых заметок «Каникулы уроженца Индианы» существенно не улучшил положения финансовых дел писателя. Позднее он признался, что в этот период жил на десять долларов в неделю. Но не тяжелое материальное положение больше всего беспокоило его. По свидетельству близких в тот период к нему людей, главной заботой Драйзера была невозможность писать произведения, восстающие против окружавшей его морали.

В ноябре — декабре 1916 года Драйзер, работая по ночам, пишет четырехактную трагедию «Рука гончара», название которой навеяно одним из стихотворений Омара Хайяма. В центре пьесы — образ сексуального маньяка Исидора Бершанского. Преисполненный плотских желаний, он убивает одиннадцатилетнюю девочку, ужасается своего злодеяния и кончает жизнь самоубийством. Некоторые американские исследователи творчества Драйзера не исключают возможности, что выбор подобного сюжета являлся реакцией писателя на действия Самнера и его сторонников. Нам кажется, что подобное предположение не лишено оснований.

Первым читателем трагедии стал Менкен, которому Драйзер послал рукопись с просьбой высказать свое суждение о пьесе, а также поправить речь одного из действующих лиц, который должен был, по замыслу автора, говорить с немецким акцентом. Реакция Менкена была резко отрицательной. «Говоря откровенно, — писал Менкен Драйзеру 16 декабря 1916 года, — пьеса мне кажется безнадежной, и не потому только, что ее содержание никак не подходит для сцены, но в первую очередь из-за того, что трактовка лишена какого бы то ни было драматического эффекта. После первого акта все остальное не больше чем набор речей… Вещь в целом расплывчата, тяжеловесна и лишена изюминки. Она напоминает драматическое произведение не более, чем медуза».

Драйзер сразу же ответил Менкену пространным письмом, в котором не соглашался с его точкой зрения.

Отъезд Менкена в Европу (в качестве военного корреспондента) прервал эту переписку, и каждый из них остался при своем мнении. Впоследствии, весной 1919 года, «Рука гончара» была выпущена одним из американских издательств и в

1921 году поставлена на нью-йоркской сцене провинстаунским экспериментальным театром. Ни на сцене, ни будучи опубликованной, пьеса в США успеха не имела. Потом она шла в некоторых европейских театрах.

Тем временем «нью-йоркское общество по борьбе с пороком» весьма активно продолжало свою деятельность по «охране морали и нравов»: оно конфисковало майский журнал «Пирсонз мэгэзин», посчитав одну из помещенных в нем статей «оскорбительной» для общественного вкуса. Самнер потребовал запрещения опубликованного в 1917 году романа покойного Дэвида Грэхема Филипса «Сюзан Ленокс — ее взлет и падение», рассказывающего о тяжелом жизненном пути провинциальной девушки, вынужденной пробивать себе дорогу, торгуя своим телом. Роман также разоблачал коррупцию в политической жизни Нью-Йорка и примыкал к произведениям «разгребателей грязи», именно поэтому он вызвал резкие нападки властей.

Все эти действия Самнера не прошли мимо внимания Драйзера. Совместно с редактором журнала «Пирсонз мэгэзин» писателем Фрэнком Гаррисом и другими он предпринимает шаги для организации общества американских критиков. По мысли Драйзера, это общество должно было содействовать публикации отвергнутых издательствами произведений, поощрять «непризнанных гениев», повышать художественный вкус читающей публики, заниматься выпуском в свет работ, для которых невозможно найти издателей. Однако из этого начинания ничего не вышло, так как ряд известных писателей и критиков отказались вступить в новое общество. Такое отношение его коллег не обескуражило Драйзера, через год он намеревается создать с этими же целями журнал «Американ куотерли», но вынужден был отказаться и от этой идеи, так как заботы по организации журнала совершенно не оставляли времени для работы над собственными произведениями.

Часть III

FEDERAL RESERVE NOTE
THE UNITED STATES OF AMERICA
02545725
WASHINGTON
FREEDOM WAR

Глава 9
ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Нападки доморощенных моралистов типа Самнера, обнаружившаяся недоброжелательность Менкена, другие житейские невзгоды все же не смогли сломить Драйзера, он продолжает упорно трудиться. Так как цензоры, по свидетельству У. Сванберга, нанесли сокрушительный удар по жанру, в котором он был наиболее силен, писатель вынужден обратиться к рассказу и публицистике. Начав свою литературную деятельность как автор рассказов, Драйзер неоднократно возвращался к этому жанру в течение всего своего творческого пути. Однако, к своему удивлению, Драйзер теперь обнаруживает, что журналы под тем или иным предлогом отвергают его рассказы один за другим. Многие редакторы, оценивая их как «захватывающие и впечатляющие», тем не менее отказывались печатать, ибо владельцы журналов требовали «более радостных и менее душераздирающих» историй.

Нужно было придерживаться твердых принципов и иметь немалую силу воли, чтобы в подобных условиях продолжать работать, не поддаваясь примеру тех писателей, которые с необыкновенной легкостью «выдавали» легкие развлекательные вещи, нравившиеся обывателям.

Драйзер продолжал твердо идти по выбранному пути. Из-под его пера одна за другой выходили замечательные короткие жизненные истории, на их страницах радовались и страдали простые люди, заботами и думами которых жил и сам писатель. Рассказы Драйзера отличаются один от другого и стилем, и манерой повествования. Есть среди них остросюжетные истории, рассказы-зарисовки, психологические портреты, трагические новеллы, житейские будничные рассказы. Но их объединяет одно — показ судьбы простых людей в капиталистической Америке, они проникнуты подлинной любовью к человеку и его делу.

В июне 1917 года Драйзер уезжает на месяц на ферму в штате Мэриленд. Там он работает над вторым томом автобиографии. Возвратившись во второй половине июля в Нью-Йорк, он с радостью узнает, что журнал «Сатердей ивнинг пост» принял к печати его рассказ «Святой Колумб и река», а журнал «Космополитен» — «Вторую попытку».

Вскоре писателя посетил высокий бледный человек с приятной улыбкой — Хорэс Ливрайт. Вместе с Альбертом Бони он организовал новое издательство «Бони энд Ливрайт» и предложил

взять на себя издание всех произведений Драйзера. Они предполагали начать с переиздания «Сестры Керри» и готовы были вступить в борьбу за отмену запрета «Гения». Хорэс Ливрайт был тем издателем, который в 1919 году выпустил в свет первое издание знаменитой книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

Предложение было как нельзя более кстати. К этому времени права на издание различных произведений Драйзера имели три издательства — «Харперс», «Сенчюри» и «Лейн». Каждое из них исходило из своих собственных интересов и меньше всего заботилось об интересах автора. Передача всех прав одному издателю облегчила бы положение писателя, предоставив ему больший контроль за изданием своих произведений. Была еще одна причина, по которой предложение Ливрайта пришлось по душе Драйзеру. В этот период достигнувшие определенного положения писатели издавали полные собрания своих сочинений. Хотя тома распространялись в основном через сеть розничных магазинов, они были одинаково оформлены, и желающие могли сразу приобрести весь комплект. Драйзер давно подумывал о таком издании, но, имея дело с тремя фирмами, осуществить его было практически невозможно.

К тому же нынешние издатели Драйзера недостаточно рекламировали его книги. Он за свой собственный счет отпечатал 5 тысяч рекламных листовок и рассылал их по всей стране. Все эти соображения говорили в пользу нового издательства, но, наученный прошлым опытом, писатель не торопился с решением. Для начала он дал согласие на переиздание «Сестры Керри», решив посмотреть на Бони и Ливрайта в деле.

Осенью 1917 года из печати вышел сборник критических статей Менкена «Книга предисловий», в которой большая статья была посвящена творчеству Драйзера. Фактически это был первый серьезный критический разбор всего его творчества в целом, к тому же написанный, как казалось, сочувствующим и дружелюбно настроенным критиком. И действительно, Менкен отдавал должное таланту Драйзера, не оставляя камня на камне от филистерских нападок пуритан, разоблачал заговор молчания, которым пыталась окружить труды Драйзера так называемая академическая критика. Одновременно Менкен не обошелся и без резких нападок на писателя, притом не всегда справедливых. «Одна половина мозга этого человека, если можно так выразиться, воюет с другой. Он — интеллигентный, глубокомысленный, благоразумный художник, но наступают моменты, когда на него находит какая-то глухота, и он снова превращается в крестьянина из штата Индиана, нелепо

гнусавящего по поводу каких-то глупых сентиментальностей, сочувственно выслушивающего шаманские и знахарские истории…» Наиболее резкой критики Менкена подвергся роман «Гений», который он назвал «бесконечным испусканием тривиальностей». Книга эта, утверждал он, каким-то образом напоминает о «передовом» мышлении обитателей Гринвич-Вилледж».

Драйзер в эти годы действительно продолжает бывать на различных встречах радикально настроенной молодежи в Либеральном клубе Гринвич-Вилледж, в его ресторанах и кафе. Несмотря на занятость литературной работой, на многочисленные хлопоты, вызванные нападками Самнера и его сторонников, Драйзер не погряз в личных делах, он внимательно следил за всем происходящим в мире, остро реагировал на многие и внешнеполитические и внутриполитические события, хотя, конечно, бурный темперамент иногда заводил его слишком далеко. Так было, когда Драйзер под влиянием момента написал статью «Американский идеализм и немецкое пугало», в которой не всегда справедливо оценивал действия англичан и немцев в первой мировой войне. Статью эту не принял к печати ни один американский журнал, и она так и осталась в архивах писателя.

Великая Октябрьская социалистическая революция сразу же привлекла внимание Драйзера и многих его друзей. Сообщения из далекой России с большим интересом обсуждались в Гринвич-Вилледж. «Десять дней, которые потрясли мир», потрясли и Драйзера. Многие видели в русской революции новую надежду для всего человечества, не один из обитателей Гринвич-Вилледж заявлял о своей готовности немедленно отправиться в Россию, где уже с лета 1917 года находился хорошо знакомый многим участникам этих дискуссий Джон Рид.

Драйзер в тот период был вместе с теми, кто сочувствовал борьбе российского пролетариата за свободу и новое переустройство общества. Он был противником империалистической бойни и вместе со своими единомышленниками пытался сделать свои идеи достоянием масс через журнал «Севен артс». «И пока монополии не будут сметены с лица земли, — писал он впоследствии в статье «Чему научила меня мировая война?», — пока массы не будут должным образом вознаграждаться за свой труд, пока так называемые «высшие классы» не сольются с народом в качестве простых рабочих, я не поверю, чтобы великая война дала миру что-то хорошее — за исключением нового строя в России, на которую по-прежнему с надеждой смотрит человечество!»

В другой статье: «Торжество марксизма», Теодор Драйзер писал: «Я особенно благодарен советской революции за то, что она впервые остро поставила в мировом масштабе вопрос об имущих и неимущих. Советский Союз в 1917 году начал великий поход в защиту неимущих. В этом мировое значение и торжество марксизма». И писатель сам также включается в этот «великий поход в защиту неимущих», поход, в котором он участвовал до самых последних дней своей жизни.

Впоследствии, отвечая на вопрос о том, как повлияла Октябрьская революция на его образ мышления и характер творческой работы, Драйзер писал: «На мировой арене появилась нация, обоснованно утверждающая: наша система даст не собственнику капитала, а его производителю справедливо и удобно устроенную жизнь и все блага, которые способны изобрести гений, искусство, наука и силы человеческого разума. Этот светоч неизбежно стал не только маяком для России, но и могучим прожектором, безжалостно вскрывающим и разоблачающим махинации, лживость, конфликты, порожденные жадностью, темные предрассудки и мусор капиталистической системы. К этому учению, к этому светочу я обращал свой взор и находил поддержку и вдохновение для творческой работы».

И в такое время Менкен резко и несправедливо критиковал последний труд писателя.

Конечно, Драйзера не могли не задеть весьма бесцеремонные суждения Менкена, которого он долгие годы считал своим близким другом, одним из немногих, кто по-настоящему понимал его и как писателя, и как человека. На несколько месяцев переписка между Драйзером и Менкеном прервалась. Бывая в Нью-Йорке, Менкен не встречался с Драйзером.

Издатель Бен Хьюбеш, хорошо знавший обоих, предложил Драйзеру свои услуги с целью помирить их. «Вы очень любезны, пытаясь сгладить видимые разногласия между мной и Менкеном, и я высоко ценю это, — писал Хьюбешу 10 марта 1918 года Драйзер. — В то же время я бы хотел рассеять заблуждение о том, будто между нами имеет место личная ссора. Менкен и я, насколько мне известно, находимся лично в самых лучших отношениях… Где мы расходимся, так это лишь в том, что касается моей работы (и здесь не примешивается ничего личного). Его глубокое восхищение, похоже, вызывают только «Сестра Керри» и «Дженни Герхардт», произведения, которые мне представляются образцами привычного традиционного жанра. Что же касается «Гения», «Руки гончара», «Смеющегося глаза», «Жизни, искусства и Америки», представляющих более новое течение, то их он, видимо, ни во что не ставит. Я полагаю, что в

грядущие годы он жестоко и сознательно будет атаковать меня за методы, отличные от его и, на мой непросвещенный взгляд, находящиеся несколько выше его теперешних интеллектуальных настроений и вкусов… Возможно, что мой стиль изменится или изменится его точка зрения. Я бы хотел, чтобы все было по-иному, но меня, вероятно, — во всяком случае, сейчас — впереди ждет только напряженная работа в направлении, не совпадающем с общепринятыми нормами».

Именно в это время Драйзер работал над публицистической книгой «Бей, барабан!», продолжая писать рассказы, несмотря на то, что журналы возвращали их один за другим. Десять журналов отвергли рассказ «Цепи». «Это одна из лучших вещей, созданных вами, — писал Драйзеру редактор журнала «Космополитен» Дуглас Доти. — Я только опасаюсь, что она… покажется крайне неудовлетворительной рядовому читателю». Артур Вэнс из журнала «Пикчерел ревью» также признавал, что рассказ «Цепи» — «действительно прекрасная зарисовка», но возвращал его автору, так как их журнал предпочитал, чтобы в рассказах было «немного перца, но не слишком много».

Девять журналов отвергли рассказ «Рука», шесть — «Старый Рогаум и его Тереза». Список этот можно продолжить. Американские исследователи подсчитали, что только в 1918 году рассказы и статьи Драйзера отвергались различными американскими журналами не менее 76 раз. И хотя такая обстановка отнюдь не способствовала активной творческой деятельности, писатель упорно трудился над новыми произведениями.

В мае 1918 года Драйзер посылает Менкену одноактную пьесу «Фантасмагория» с коротким сопроводительным письмом, прервав тем самым свое семимесячное молчание. Менкен ответил вежливым письмом, похвалив пьесу. И хотя пьеса так и не была напечатана в журнале «Смарт сет», регулярная переписка между Драйзером и Менкеном снова возобновилась.

После того как издательство «Бони энд Ливрайт» выпустило в свет новое, шестое по счету, издание «Сестры Керри», Драйзер передал им свой первый сборник рассказов. Полученную корректуру книги он так сильно исправил, что Ливрайт просил его в письме: «Ради бога, не присылайте нам так много исправлений… Вы практически переписали всю книгу». Но Драйзер привык уже к подобным жалобам издателей на большую авторскую правку корректорских оттисков, и, хотя это обходилось ему недешево, он все же до последнего момента стремился что-то улучшить в своих произведениях.

В начале осени на полках книжных магазинов появилась

новая книга Драйзера «Освобождение» и другие рассказы». Собранные в ней одиннадцать рассказов были написаны в разные годы. Многие из них автобиографичны.

В рассказах «Репортаж о репортаже», «Негр Джеф», «Западня» писатель мастерски показывает неприглядные стороны повседневной жизни американцев — жестокую конкуренцию и борьбу за существование, расовую ненависть, продажность власть имущих. Запоминается остросюжетный рассказ «Западня», герой которого Грегори «занят поисками и обоснованием фактов, вскрывающих преступность городского управления». Он стремится «любой ценой» свалить «мэра и его клику». «Грегори знал, что, если это произойдет, он не останется внакладе. В то же время он искренне верил в необходимость того, что делал. Городом управляли преступники. Разыскать упрятанные в воду концы и выставить их для обозрения оскорбленных и возмущенных граждан — что может быть важнее и благороднее!»

Автор с большим знанием американских нравов описывает все перипетии развернувшейся борьбы, в которой никакие средства не были запретными — ни попытки убийства, ни шантаж, ни подкуп. Грегори в конце концов терпит поражение, мэр и его сторонники сумели-таки обмануть его. Подобный конец — зло торжествует, а добро терпит поражение — противоречил основным положениям «традиции жеманности» в американской литературе и являлся смелым вызовом всем тем, кто утверждал о превосходстве «американского образа жизни». Такой исход рассказанных событий отражал истинное положение дел во многих городах и селениях страны и точно соответствовал правде жизни, американские граждане и сами понимали, что преимущества находятся не на стороне тех, кто прав и честен, а принадлежат сильным мира сего.

Поражение Германии и окончание первой мировой войны заставляют писателя задуматься над многими проблемами американской действительности. «Потребовался мировой взрыв, — писал он, — чтобы разбить скорлупу невежественной самонадеянности, которая покрывала среднего американца с головы до пят». Узнав о готовящейся интервенции против Советской России, Драйзер посылает телеграмму протеста сенатору Х. Джонсону. Подобная позиция писателя не только свидетельствует о том глубоком интересе, с которым он следил за всем происходящим в мире, но и подтверждает его стремление принять личное активное участие в текущих событиях, попытаться оказать воздействие на их исход. Такой подход к жизни и своей роли в ней требовал честного и определенного

отношения ко многим общественным явлениям, накладывал на писателя новую ответственность.

В конце марта 1919 года издательство «Бони энд Ливрайт» выпустило в свет новый сборник произведений Драйзера «Двенадцать мужчин». «Этой весной, — писал Драйзер 3 февраля 1919 года Менкену, — после долгих раздумий я издаю «Двенадцать мужчин», книгу характеров — почти романов по своему существу. Это единственная для меня возможность использовать огромный материал, который иначе будет беспокоить меня, ибо я не могу потратить достаточно времени, чтобы весь этот материал превратить в романы. Для меня — это одна из наилучших моих вещей, семь из этих историй были созданы в течение последних десяти месяцев… Что же касается возможностей заработка, то, если бы я рассчитывал все это время только на мои романы, я бы уже умер с голоду».

По форме своей эти произведения тяготеют к рассказу и повести, однако сам автор назвал их просто «историями». В каждой из этих историй легко можно увидеть черты и журнального очерка, и автобиографической зарисовки, и беллетристики. Вместе с тем каждой истории присущи те качества, которые, по мнению Маттисена, олицетворяют «глубочайшие достоинства его прозы»: это «глубокое сочувствие бедам других; жизнь во всей своей беспощадной унизительности и бедности; неудовлетворенные мечты простых людей; их тяжкий труд; все, что они вынуждены выносить, — гнусный обман, проклятия, грубость — и все, чего они никогда не достигнут; их голод, жажду, неясные мечты об удовольствиях; их безумное бормотание и унылую покорность в конце».

Герои его историй — живые, реально существовавшие люди. Одних он встречал еще в детстве (семейный врач), с другими познакомился во время работы в газетах и журналах (Питер, В. Л. З.), третьих наблюдал во время поездок по стране (рыбак из штата Коннектикут), четвертые помогли ему в тяжелые дни болезни (мастер-ирландец Рурк, хозяин санатория Калхейн). Подобная документальность позволяет автору выписать мелкие детали, которые практически часто являются жизненными фактами, но эта фактографичность не мешает писателю, по словам Линкольна Стеффенса, создать общее впечатление какой-то «неопределенности» и «анонимности», иными словами, писатель, сохранив жизненную достоверность своих историй, достигает в них подлинной обобщенности, типичности образов.

В эти годы в Соединенных Штатах большим успехом пользовались романы другого писателя — выходца из штата Индиана Бута Таркингтона. Нарисованные им идиллические

картины были весьма далеки от реальной действительности, полностью соответствовали «традициям жеманности». Критик и историк литературы Вернон Луис Паррингтон отмечал, что книгам Таркингтона присуща «несерьезная и в какой-то мере слащавая философия» и что их автор является всего лишь поставщиком «легкого чтения для буржуазной Америки».

Романы, рассказы и жизненные истории Драйзера не только резко отличались от произведений Таркингтона и других апологетов «традиции жеманности», но они были новым явлением во всей американской литературе, являясь, по существу, яркими образцами критического реализма в литературе США. «От увлечения наводящей тоску слащавостью, которая, как он знал, была основной приметой литературной продукции его родного штата, Драйзера уберегли постепенно накапливавшиеся факты собственной жизни, начиная с самого рождения, — такое объяснение различию между творческим методом Драйзера и Таркингтона дает выдающийся американский критик и исследователь литературы Френсис Отто Маттисен в книге «Теодор Драйзер». — Он не мог стать Таркингтоном, даже если бы попытался сделать это. Он никогда не мог бы научиться тому умению легко скользить по поверхности, которым Таркингтон владел еще со студенческой скамьи в Принстоне. Сын эмигранта, живший в крайне неблагоприятных условиях, Драйзер преодолел «традиции жеманности» отнюдь не осознанно, не намеренно, а потому, что он черпал из запаса жизненных наблюдений, которые находились вне сферы благоденствующих и легко шагающих по жизни людей, и этот опыт составил твердую основу для всего последующего течения его мысли…»

Жизненные истории, рассказанные писателем в «Двенадцати мужчинах», являются прекрасным подтверждением этих мыслей. Это не законченные, сбалансированные портреты отдельных личностей, а самобытные характеры людей с различным подходом к жизни, философские и в то же время проникнутые живым темпераментом автора. Писатель присутствует в каждой из этих историй, кратко сообщая обстоятельства своего знакомства с героем, но он всегда уходит на задний план, в тень, оставаясь как бы непредубежденным наблюдателем, бесстрастным рассказчиком. В беседе с Вильямом Ленджелом писатель так охарактеризовал цель, которую он преследовал, создавая эти истории: «Любая человеческая жизнь чрезвычайно интересна. Допустим, что какой-то человек имеет идеалы, борьба и попытка осуществить эти идеалы, путь, проделанный этим человеком, поражение, успех, причины его личного поражения, его личного успеха… — все это именно то, о чем я хотел

написать…»

Пять из историй увидели свет на страницах журналов еще в самом начале века («Истинный патриарх», «Калхейн, человек основательный», «Мэр и его избиратели», «Человек слова», «В.Л.З.»), другие публиковались позднее («Могучий Рурк», «Деревенский доктор»), третьи впервые были напечатаны в сборнике («Мой брат Поль», «Питер» и другие).

Вот один из героев историй — человек активного действия Калхейн, хозяин фешенебельного санатория в округе Уестчестер штата Нью-Йорк. Прототипом для этого образа послужил некто Малдун, владелец того самого санатория, в котором лечился Драйзер весной 1903 года от нервной депрессии. Грубый, даже жестокий Калхейн лечит богатых пациентов, в основном алкоголиков, не только диетой и строжайшим режимом, но и своими резкими речами, обращением, в котором явно проскальзывает насмешка и жестокая ирония.

Калхейн — бывший спортсмен, хорошо знакомый «с суровой, неприкрашенной действительностью», он видит жизнь с изнанки и не обольщается ею: всю ее жестокость он узнал на собственной шкуре. И это знание самых темных сторон жизни позволяет ему делать свое дело более успешно, чем «церковь и все те, кто поддерживает ее начинания… Они всячески стараются исправить мир, но они так погружены в самих себя и свои догмы, так скованы своим произвольным и узким пониманием добра и зла, что большая часть общества остается вне поля их зрения, в лучшем случае они бросают на таких людей взгляд издалека. А издалека влиять на людей нельзя».

О судьбах людей творческого труда, людей искусства повествуют истории «Мой брат Поль» и «В. Л. З.». В центре первой — жизнь талантливого певца и композитора, брата писателя Поля Дрессера. История эта в свое время привлекла к себе широкое внимание читающей публики и потому, что в тот период многие еще помнили самого Поля, и потому, что она наиболее автобиографична и в то же время наиболее противоречива.

«Иной раз жизнь одного человека может послужить яркой и выразительной иллюстрацией к целой эпохе», — утверждает писатель в другом рассказе. В центре его — история взлета и падения некоего Х., «типичного архимиллионера того времени, фигуры яркой и даже кричащей».

И на этот раз в основу произведения легла судьба человека, которого писатель знал лично. Прототип героя, Джозеф Г. Робин, разбогатев, хотел построить трамвайную линию в нью-йоркском районе Бруклин, но был засажен в тюрьму своими более удачливыми соперниками. Потеряв все свое состояние, он занялся

сочинительством, написал трагедию в стихах «Гай Гракх», которая вышла в свет в 1920 году с предисловием Драйзера.

Писатель беспристрастно рассказывает об этой «экзотической, изнеженной и чисто языческой натуре», человеке без принципов и морали, для которого окружающие его люди были «только игрушками, нарядным оперением, своего рода скоморохами». Он предавался «богемным или экзотическим развлечениям», пока более сильные соперники не разорили его и не превратили в «жалкий обломок крушения». Погоня за богатством — всего лишь «суета сует», и она не стоит потраченных на нее сил. К такой мысли подводит автор читателей. По своему содержанию история эта предваряет тот вывод, который более полно будет высказан в последнем произведении Драйзера — завершающем «Трилогию желания» романе «Стоик».

Идеалист, борец-одиночка Чарли Поттер — герой истории «Человек слова» — сродни другому герою книги — мэру из завершающего сборник рассказа «Мэр и его избиратели». Выросший среди рабочих, сам рабочий на обувной фабрике, герой повествования организует клуб «для изучения и пропаганды социалистических идей». Небольшой городок в штате Массачусетс ничем не отличался от других подобных городов Новой Англии с их «пуританской, непримиримой, узколобой и эгоистической психологией». И тем не менее в 1899 году он был избран мэром города и начал борьбу против засилья и махинаций крупных компаний. Конечно, ему не удалось долго удержаться у власти, но он отнюдь не был обескуражен таким поворотом событий. «…Думается мне, — говорит бывший мэр, — придет время, появится человек, который сумеет дать людям то, что им действительно нужно, то, что они должны иметь, и он победит. Не знаю, конечно, но надеюсь, что так и будет. Ведь жизнь идет вперед».

Жизнь, действительно, двигалась вперед, хотя и не всегда в том направлении, как того хотелось бы писателю. Критики хвалили его новую книгу, но гонорары не поступали, и жить было не на что. В довершение всех бед 11 мая 1919 года писатель попал под автомобиль, у него оказались сломаны два ребра, разбита голова, он получил сильные ушибы, несколько недель его правая рука не работала. Оправившись после этого несчастного случая, он едет в городок Хантингтон погостить у своей бывшей учительницы Мей Калверт. Но и в ней он не находит единомышленника, с годами она превратилась в ограниченную обывательницу того типа, которые рьяно поддерживали действия Самнера. «Я никогда не подвергала сомнению правдивость ваших

книг, — писала она в одном из писем своему бывшему ученику, — но мы наблюдаем так много трагедий в повседневной жизни — так почему бы не дать нам для чтения приятные идеалистические произведения».

Однако писатель не стеснялся своих взглядов. В интервью с представителями местной прессы он высказался за правительственный контроль над предприятиями общественного пользования, объявил «пустым мифом» утверждения о том, что каждый может стать Рокфеллером, заявил, что «денежный класс» контролирует всех и вся настолько, что каждого человека с оригинальным мышлением бросают в тюрьму, «как большевика». «Чтобы простой человек взобрался вверх по лестнице жизни, — говорил писатель, — он должен соглашаться с сильными мира сего, в противном случае в мире бизнеса его предадут остракизму».

После недельного пребывания в Хантингтоне писатель отправляется в Индианаполис для встречи с Джоном Максвеллом, своим первым наставником на ниве журналистики — именно он помог Драйзеру получить когда-то место в газете и обучил его основам репортерского ремесла.

Из бесед со старым товарищем Драйзер узнал, что тот пишет книгу, в которой стремится доказать, что Шекспира никогда не существовало, а все приписываемые ему пьесы якобы написал некий граф Солсбери. «Я сброшу Шекспира из Стрэтфорда с его пьедестала… — утверждал Максвелл, — это так же точно, как то, что я сижу перед вами». Он потратил на исследование семь лет и более 10 тысяч долларов личных средств, однако широкой поддержки его теория не получила. Все же в 1916 году ему удалось опубликовать книгу «Человек под маской».

Посещение Драйзером столицы родного штата прошло практически не замеченным широкой публикой, если не считать интервью с ним, опубликованного (не без помощи Максвелла) в газете «Индианаполис стар».

Нью-Йорк встретил писателя обычной для лета жарой, Драйзер сразу же погрузился в многочисленные хлопоты: продолжал работу над сборником «Бей, барабан!», вел переговоры с издателями, тщетно пытался заработать деньги, продав оригиналы двух своих романов. «Как я слышал, Драйзер находится в чертовски тяжелом положении, — писал в августе 1919 года Менкен. — Его «Двенадцать мужчин» расходятся недостаточно быстро, чтобы он мог жить на доход от их продажи, и у него нет никаких других средств к существованию».

Глава 10
ЛУЧ СОЛНЦА В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Сентябрь выдался необычно пасмурным и прохладным, под стать погоде было и настроение писателя. В эти дни «душевной пустоты» Драйзером, по его признанию, владела «давящая тоска, близкая к отчаянию». Он долгими часами не подымался из-за письменного стола в небольшой квартирке в Гринвич-Вилледж. У него уже вошло в привычку во время работы не отвечать на телефонные звонки и никому не открывать дверь. Поэтому, когда серым ветреным сентябрьским днем неожиданно раздался звонок у двери, писатель несколько минут раздумывал, отворить ли дверь. Звонок повторился. «Я встал, — вспоминает писатель, — накинул на себя синий китайский халат, который всегда лежал у меня под рукой на случай, если окажется необходимым придать себе более импозантный вид, и подошел к двери. При этом я заметил, что надел халат наизнанку, а это, как известно, является самым бесспорным предзнаменованием неотвратимых перемен. Я не знаю случая, когда бы эта примета не оправдалась».

Писатель открыл дверь и увидел перед собой высокую, прекрасно сложенную, красивую молодую женщину с «такой молодой, радостной, невинно-простодушной улыбкой, какой (так мне показалось в ту минуту) я не видел ни у кого уже много лет…». Так состоялось знакомство Теодора Драйзера с Элен Пэтжес Ричардсон, приходившейся ему дальней родственницей (бабушка Элен была родной сестрой матери Теодора). Знакомству этому суждено было внести большие изменения в личную жизнь писателя: Элен стала верной подругой до конца его дней. Ее появление в своей жизни Драйзер сравнивал с лучом солнца, неожиданно проникшим в подземелье.

Элен родилась и выросла в штате Орегон в довольно состоятельной семье, в которой главенствовала бабушка. Шестнадцатилетней девушкой она вышла замуж и начала пробовать свои силы в театре. Ни семейная жизнь, ни театральная карьера ей не удались, и она оказалась в Нью-Йорке, где работала секретарем у небезызвестного финансиста Уильяма Э. Вудворта, впоследствии снискавшего себе известность и в качестве автора ряда биографий видных американцев. Вудворт высоко ценил творчество Драйзера. Элен вспоминает, что одно время к каждому своему письму он просил ее «добавлять один и тот же постскриптум: «Если вы еще не читали «Двенадцать мужчин», достаньте эту книгу и прочтите». Разумеется, я тотчас же купила

себе эту книгу и прочла ее. Мне она показалась просто замечательной — все двенадцать мужских портретов были так непохожи друг на друга».

Случайно узнав, что Элен приходится Драйзеру дальней родственницей, Вудворт крайне изумился.

«Позвольте, — сказал он, — почему же вы с ним не познакомитесь? Если бы он был моим родственником, я бы пошел к нему, не задумываясь. Так решение познакомиться с Драйзером, — вспоминает Элен, — случайно подсказанное мистером Вудвортом, привело меня к решающему моменту в моей жизни».

Элен в эти дни собиралась покинуть Нью-Йорк и уехать в Калифорнию, чтобы снова стать актрисой. Она поделилась своими планами с Драйзером. Его тоже тяготил Нью-Йорк, он только что сдал издателям книгу «Бей, барабан!» и жаждал перемен. Его всегда привлекало кино, он хотел для него работать. Одна кинокомпания предложила оплатить ему поездку в Калифорнию. Возможность лично познакомиться с Голливудом выглядела весьма привлекательной, особенно с такой спутницей, как Элен. В конце сентября 1919 года Драйзер и Элен на пароходе отплыли в Новый Орлеан. Здесь их поджидало первое испытание — Теодор заболел лихорадкой. К счастью, Элен оказалась весьма внимательной сиделкой, ее заботами Теодор скоро был поставлен на ноги, и они отправились дальше — сначала в Сент-Луис, а оттуда в Южную Калифорнию.

Три последующих года Драйзер и Элен прожили в окрестностях Лос-Анджелеса, города, который на первых порах поразил их «своей заурядностью» и который Драйзер назвал «городом бездельников, сидящих со сложенными руками». Драйзер так скоропалительно покинул Нью-Йорк, что друзья длительное время ничего не знали о его местопребывании. Но и теперь, обосновавшись в районе Лос-Анджелеса, он никому не давал своего адреса, а просил писать ему на центральный городской почтамт, где он снимал «абонентный ящик № 181».

Элен скоро начала сниматься на второстепенных ролях в нескольких голливудских фильмах. Кино в эти годы переживало период расцвета, около 35 миллионов американцев посещали кинотеатры по меньшей мере раз в неделю, интерес публики ко всему связанному с кинокомпаниями и киноактерами был чрезвычайно высок. Драйзер уловил этот интерес и написал для журнала «Шэдоулэнд» серию статей «Голливуд, его мораль и нравы», в которых доказывал, что и в этой отрасли «индустрии культуры» все подчинено интересам большого бизнеса. В журнале «Мак-Колс» была опубликована его статья «Голливуд сегодня»,

показывающая, по свидетельству Элен, «Голливуд с черного хода».

Но свое главное внимание во время этого периода жизни в Калифорнии писатель уделял созданию новых крупных произведений — он здесь закончил вторую часть своей автобиографии «Книга о самом себе», работал над инсценировкой «Гения» для Лео Дитрихштейна, написал рассказы «Оливия Бранд» и «Эстер Норн», включенные впоследствии в сборник «Галерея женщин».

«Вот уже годы я раздумываю над томом (рассказов) под названием «Галерея женщин», — писал Драйзер Менкену. — Боже мой, что за труд! Если я напишу его правдиво, то духи пуритан восстанут из могил и поднимут дьявольский шум на улицах».

Подобные опасения писателя нисколько не были преувеличенными. Он знал, что Самнер не сложил оружия, по его требованию был подвергнут аресту президент книгоиздательской фирмы «Харперс», обвиненный все в том же грехе — нарушении морали. Самнер добился также запрещения романа «Юрген» известного в те годы писателя Джеймса Кейбелла, хотя роман этот был весьма высоко оценен американской критикой. «Если язык книги непристоен, — твердил Самнер, — или же он намекает на непристойности, то это является нарушением закона, независимо от литературных или художественных достоинств опубликованного произведения». А для Самнера и его сторонников непристойным являлось все, что выходило за рамки их ханжеского кодекса морали.

Конечно, Драйзер решительно восставал против требований этих новоявленных моралистов. «Лицемерие моралистов и религиозные теории убивают жизнь, — подчеркивал писатель. — Они — раковая опухоль, ужасные образования, которые должны быть удалены, прежде чем они уничтожат саму жизнь…»

Да и сама жизнь эта, как он наблюдал ее в Америке, наводила писателя на весьма грустные размышления. Чарльз Бони из газеты «Нью-Йорк глоб» задал Драйзеру вопрос о том, не видит ли он в послевоенной Америке «признаков интеллектуальной свободы».

«В глазах американцев, как молодых, так и стариков, спасение мира заключается в росте бизнеса и во все более широком распространении догматической религии, благо оба они так идеально сочетаются… — отвечал на этот вопрос писатель. — Все, что остается делать американцу после того, как он пустил по миру своего соседа, — это верить в бога и избегать достоверных данных о жизни. Чем меньше он знает о жизни и чем больше он знает о боге и загробном мире, тем лучше… Мы верим в бога —

после того, как мы открыли солидный банковский счет и закрыли библиотеки».

Свое понимание мира, свой взгляд на американскую действительность, свои философские раздумья и идеи писатель довольно полно выразил в сборнике публицистических статей и очерков «Бей, барабан!», опубликованном в марте 1920 года издательством «Бони энд Ливрайт». Официозная критика встретила сборник в штыки. «Книга получает самые отвратительные отзывы рецензентов… — сообщал автору его издатель Ливрайт. — Эти низкие безмозглые критики просто не хотят видеть в вас философа».

Не приняли книгу и многие друзья писателя. «Я бы сам написал эту книгу значительно лучше, — утверждал Менкен, — в то же время я не смог бы создать ни единой главы из «Двенадцати мужчин» или «Сестры Керри».

Подобное единодушие буржуазных критиков не было простой случайностью. Именно сборник «Бей, барабан!» явился наиболее сильным антиимпериалистическим произведением Драйзера в этот период.

В ряде очерков сборника повествование ведется от имени обитателя «самой нищей, самой заброшенной окраины города Нью-Йорка», сорокалетнего Джона Парадизо.

«Жизнь, — признается герой очерка «Бей, барабан!», — пожалуй, помогла мне постичь только одну истину: все, что говорится у нас о добре, истине, справедливости и милосердии, — пустая болтовня…» «Корень зла в том, — отмечает писатель в другой статье, — что в Америке никогда не было, да и по сей день нет того, что можно было бы назвать истинным просвещением и культурой. У нас нет никакой разумной, видимой миру цели, если не считать таковой стремление к наживе» («О некоторых чертах нашего национального характера»).

И Теодор Драйзер объясняет истинное положение дел в стране: «Америкой всегда правили и, очевидно, будут править деньги. Попробуй жалкий цент поспорить с пятью миллионами долларов!» Симпатии писателя на стороне миллионов «жалких центов» — простых людей Америки. И в защиту их прав он подымает свой могучий голос. Сборник «Бей, барабан!» — прямой вызов писателя Америке каупервудов, Америке Уолл-стрита.

Мысли, подобные высказанным на страницах сборника «Бей, барабан!», Драйзер неоднократно повторял и в других статьях, и во множестве частных писем. Показательна в этом отношении переписка с Эдуардом Смитсом, нью-йоркским журналистом, с которым он поддерживал дружеские отношения. Смитс в конце

1920 года готовил для журнала «Букмен» статью «Драйзер — двадцать лет спустя». В связи с этим он попросил писателя высказать свою точку зрения по целому ряду вопросов. Смитс, в частности, интересовался, не считает ли Драйзер, что в Америке намечается «тенденция к более свободомыслящей литературе». Ответ Драйзера на этот вопрос составляет девять страниц машинописного текста. Приведем некоторые выдержки из него.

«…Те же самые люди, которые способны создать концерн по производству кинофильмов, крупный популярный журнал, банк, фирму по продаже недвижимого имущества или что-нибудь еще в этом роде, становятся тупыми, словно быки, когда дело касается не связанной предрассудками художественной литературы… Фактически почти всегда я спокойно могу утверждать, что все, кто пытался в Америке создавать свободомыслящую художественную литературу в лучшем смысле этого слова, потерпели поражение, и не в смысле художественных достоинств в целом, а в смысле общественного признания и поддержки… Нет, наше американское общество, безусловно, настроено весьма недружелюбно к литературе в ее лучшем или по-настоящему объяснительном смысле. Американец вне сферы бизнеса, вероятно, не смеет взглянуть в лицо жизни. В сфере своей профессии он жульничает, обманывает, мошенничает, соблазняет, заманивает в ловушку, уничтожает и грабит в любой доступной форме, потрясает и землю и небеса, чтобы только разорить своего конкурента и доказать свое превосходство. Но когда он предается чтению или начинает писать, — допустим, что ему по плечу или то, или другое, — он жаждет и надеется, что мир будет изображен в виде царства непревзойденного совершенства. В книгах все мужчины должны быть образцами честности, верности и правдивости, а все женщины, и в первую очередь его жена и дочери, — чистыми, словно снег, свежепринесенный ветром… Поэтому всякий писатель, серьезно описывающий американскую жизнь, является в той или иной степени негодяем, подонком, к которым, я надеюсь, имею честь принадлежать и я».

Драйзер был отнюдь не одинок в таком взгляде на состояние американской литературы. Другой видный американский литератор, критик Ван Вик Брукс, утверждал в эти же годы, что неудачи американской литературы являются лишь отражением общих недостатков «американского образа жизни». «Никто не станет отрицать, — писал Ван Вик Брукс, — что за последние полстолетия американский писатель в целом скатился вниз, терпя поражение за поражением».

Но Драйзер ни в коей степени не собирался сдавать свои позиции, отнюдь нет. Пятидесятилетний писатель втайне от всех

работал над новым романом. Он с интересом узнал о том, что нью-йоркский суд не только снял запрет с романа Дж. Кейбелла «Юрген», но и отметил в своем решении «исключительные литературные достоинства» книги. Наконец-то Самнер получил отпор. И где? В американском суде, который до сих пор был его главной опорой. Одна за другой из печати выходили правдивые реалистические книги — сборник новелл Шервуда Андерсона «Уайнсбург, Огайо», роман Эптона Синклера «Джимми Хиггинс», роман Скотта Фицджеральда «По эту сторону рая», роман Флойда Делла «Идиот» и некоторые другие.

Максим Горький, прочитавший «Уайнсбург, Огайо» в 1924 году, увидел в ее авторе «неожиданное явление американской литературы, невозможное десять лет тому назад».

Влияние Великого Октября сказывалось на всех сторонах американской жизни. Образование Американской коммунистической партии в 1919 году ознаменовало новый этап в развитии революционного рабочего движения, которое проявлялось во все нарастающей волне стачек и забастовок. Глашатаем и проповедником социалистических идей являлся журнал «Мэссиз», однако в декабре 1918 года американские власти закрыли его. Через три месяца Джон Рид, Флойд Делл и другие создали новый журнал «Либерейтор», ставший на долгие годы выразителем идей рабочего класса. В марте 1919 года Хорэс Ливрайт, не поддавшись угрозам, выпускает в свет «Десять дней, которые потрясли мир», книгу, которая, по определению Владимира Ильича Ленина, «дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата»[В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 48.]. Джон Рид стал первым американским писателем, поднявшимся до отражения действительности методом социалистического реализма. Его соратниками и последователями в борьбе за литературу социалистического реализма были такие известные писатели и публицисты, как Альберт Рис Вильямс, Майкл Голд, Линкольн Стеффенс.

Вместе с тем ширится плеяда писателей, стоящих на позициях критического реализма. В своем творчестве они все более глубоко показывают обострение социальных конфликтов в стране, обращают внимание на неприглядные стороны американской действительности. И книги их начинают привлекать внимание читающей публика. Если в 1919 году список бестселлеров возглавлял слабый в художественном отношении, тенденциозный роман Бласко Ибаньеса «Четыре всадника Апокалипсиса», а в 1920 году — далекий от жизни

роман З. Грея «Человек из леса», то в 1921 году наибольшей популярностью пользовался роман Синклера Льюиса «Главная улица», нанесший заметный удар по самодовольству американского обывателя.

Литературовед Вернон Луис Паррингтон отмечал, что в этот период в стране «происходила духовная революция, неуклонно готовившая почву для новой общественной философии. Старую Америку отличал крайний консерватизм, наивный провинциализм и удовлетворенность собой, порожденные самодовольством, в основе которого лежал оптимизм делового человека… Новое движение носило глубоко демократический характер и представляло собой нечто вроде нового джэксонианства, возникшего в знак протеста против угрожавшей стране плутократии».

Начавшийся пересмотр литературных и культурных представлений происходил под влиянием разнообразных, зачастую прямо противоположных факторов. На развитии общественной мысли прежде всего сказывалось плодотворное влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции. Усиление критического направления в американской литературе определялось общим подъемом антиимпериалистической борьбы в стране и было связано с восприятием идей марксизма общественной мыслью.

Борьба против пуританской сдержанности, самодовольной респектабельности, буржуазного оптимизма и сентиментализма в американской литературе, являвшаяся неотъемлемой частью борьбы за утверждение критического реализма, велась долгие годы. Огромная роль в этой борьбе принадлежала Драйзеру, которого Паррингтон считал самым бесстрастным и самым наблюдательным из американских писателей. Даже такой тенденциозный исследователь творчества Драйзера, как Сванберг, вынужден был отметить его вклад в нелегкую борьбу: «Если обыватели отступали, это в значительной степени определялось тем, что Драйзер поднял эту проблему словно флаг, обнажил ее перед писателями, критиками, издателями и всем обществом и вылечился от болезненных ран, полученных в этой борьбе. Молодое поднимающееся поколение — Андерсон, Делл, Льюис, Фицджеральд, Уолдо Франк и другие знают, что свобода, которой они пользуются, куплена и сполна оплачена Драйзером в литературных схватках, восходящих еще к 1900 году».

Тем временем Драйзер продолжал жить и работать в Калифорнии. Он с удовольствием возобновляет знакомство с поэтом Джорджем Стирлингом, который жил в Сан-Франциско, этом «прохладном сером городе любви», как он сам его называл.

Американские литературоведы утверждают, что именно Стирлинг послужил Джеку Лондону прототипом Рэсса Бриссендена в романе «Мартин Иден». Того самого Брессендена, который, по мнению Мартина Идена, и был «воплощенный идеал мыслителя, человек, достойный поклонения».

Живший в бедности Стирлинг был известен своими сонетами в духе Китса и лирическими стихами, в которых он выступал против пуританской морали. Стирлинг ввел Драйзера в литературный мир Сан-Франциско, познакомил с местными журналистами, писателями, книготорговцами. Драйзер произвел на многих впечатление человека скромного, даже застенчивого. Один из крупных книготорговцев устроил прием в его честь, но Драйзер категорически отказался выступить перед собравшимися с речью. «Лев отказался, чтобы его признали знаменитостью, — писал о поведении Драйзера на этом приеме «Сан-Франциско бюллетень», — ибо правда заключается в том, что он — наиболее скромный лев, которого когда-либо извлекали из литературной клетки. Человек необычайной смелости в своих литературных произведениях является одновременно крайне застенчивым в разговоре».

Литературная работа Драйзера продвигалась довольно успешно, однако его нью-йоркский издатель был недоволен, ибо он рассчитывал на новый роман писателя. «Мы просто не можем позволить Синклеру Льюису, Флойду Деллу, Шервуду Андерсону и другим создавать «великий американский роман» только своими силами», — писал Ливрайт в одном из писем Драйзеру. И в действительности Драйзер весьма упорно работал над новым романом, которому-то и суждено было стать величайшим американским романом XX века. Ливрайт, как и многие другие близкие знакомые писателя, считал, что он работает над романом «Оплот». В качестве аванса за эту книгу Ливрайт в течение года ежемесячно высылал Драйзеру 333 доллара и 33 цента.

Однако уже в декабре 1920 года, отвечая на настойчивые требования Ливрайта сообщить точный срок окончания «Оплота», Драйзер писал ему: «Прежде всего о романе. Могу сообщить лишь следующее: некоторое время назад, поняв, что работа над «Оплотом» продвигается не так успешно, как хотелось бы, я начал другой (роман), продолжая работать над «Оплотом» в свободные минуты, но уделяя мое основное внимание этому новому роману. Дав различные обещания с твердым намерением выполнить их и все же не сумев этого сделать, я предпочитаю теперь не говорить ничего определенного до тех пор, пока передо мной не будет лежать законченная вещь. Очень возможно, что она будет закончена к апрелю, а может, и раньше, но я не стану клясться в

этом. Само собой разумеется, что это будет хороший роман — по крайней мере, по мнению тех, чьи суждения я уважаю, — в противном случае он не будет передан для издания кому бы то ни было».

Через две недели Драйзер снова сообщил Ливрайту: «Что касается моего следующего романа, над которым я сейчас работаю, но в отношении которого я не хотел бы делать никаких предсказаний и также не желал бы подписывать сейчас контракт, он будет настолько же хорош — если не лучше, — как и «Оплот» и, во всяком случае, такой же волнующе драматический».

Драйзера серьезно продолжала беспокоить судьба его дорогого детища — романа «Гений». Чутко реагируя на малейшие изменения общественного мнения, писатель считал, что наступил подходящий момент, чтобы попытаться заставить Самнера отступить от своих требований. Такого же мнения придерживался и Менкен, писавший ему 22 апреля 1922 года: «Сегодня даже Даблдей издал бы «Сестру Керри». Бриггс из фирмы «Харперс» говорил мне пару недель тому назад, что они будут рады издать «Титан». Наблюдается *определенный* прогресс, и может быть — черт возьми! — даже больший, чем вы предполагаете. Вы оторваны от цивилизованного общества и, вероятно, ничего не читаете. И, что еще хуже, ваши мозги затуманены слабостью к «Гению». Я мог бы легко получить согласие Самнера, сделав меньше дюжины изменений, причем несущественных».

С согласия Драйзера Менкен поехал в Нью-Йорк для переговоров с Самнером по поводу «Гения». Состоявшаяся 31 мая 1922 года встреча принесла положительные результаты: Самнер отказался от целого ряда требований и пошел на серьезные уступки. «Он отказался по крайней мере от четырех пятых своих требований», — сообщал Менкен. Драйзер дал согласие на необходимые сокращения, за исключением одного. Менкен снова имел беседу с Самнером, и тот уступил еще раз. Таким образом, ничто больше не стояло на пути переиздания «Гения», дело было лишь в том, чтобы найти издателя.

Драйзер и Элен приобрели автомашину и совершили ряд длительных автомобильных путешествий: побывали в Мексике, во многих городах Калифорнии, навестили мать и сестер Элен в Портленде, осмотрели Сиэтл и Ванкувер. Писатель любовался прекрасными пейзажами, наблюдал за городской толпой, легко заводил новые знакомства. По возвращении домой его ожидала груда писем от друзей.

Длительное пребывание в Лос-Анджелесе, где все, казалось, было пропитано тяжелым, затхлым духом коммерческого кино,

где никому не было никакого дела до настоящего художника, начинало тяготить Драйзера. Позже Элен писала: «Я примирилась уже с этой неизбежной переменой, но только умом, а не сердцем. Лос-Анджелес в это время как-то утратил свою привлекательность, он не сулил уже интересных и волнующих встреч, какими был богат Нью-Йорк. Правда, мы с Драйзером прожили здесь три незабываемых года, но теперь оба ощущали необходимость перемены. Впрочем, я не могла ждать от Нью-Йорка того, чего ждал от него Драйзер… Драйзер снова жаждал острых жизненных конфликтов, которые всегда действовали на него возбуждающе и вдохновляли на творческую работу. Озабоченные, напряженные лица на улицах большого города… Борьба!»

Перед отъездом Драйзер дал интервью местным журналистам. «Соединенные Штаты сегодня представляют собой воплощение Древнего Рима, — говорил писатель. — Римляне признавали лишь две вещи — наживу и войну».

В начале октября 1922 года Драйзер и Элен сдали в аренду свой дом и распрощались с Лос-Анджелесом. В середине месяца Драйзер обосновался в небольшой квартире на уединенной улочке Сант-Лукас-плейс в Гринвич-Вилледж, а Элен поселилась отдельно — на западной стороне 50-й улицы. В Нью-Йорке Драйзера поразил охвативший все стороны жизни дух торгашества, неприкрытая меркантильность, грязь на улицах, пропитанный гарью воздух. «…Исчез старый, пылкий, ищущий идеализм», — с сожалением отмечал писатель. Он сразу же приступил к работе. Вскоре в результате деловых переговоров, в которых участвовали представители нескольких книгоиздательских фирм, Хорэс Ливрайт приобрел права на издание всех произведений Драйзера, как уже публиковавшихся, так и новых. Согласно подписанному контракту Драйзер должен был получать по 4 тысячи долларов в год в течение четырех лет.

Ливрайт получил рукопись «Книги о себе самом» («Газетные будни»), сразу же запустил ее в производство, и в декабре 1922 года она вышла в свет. Выход книги сопровождался со стороны издателей широкой рекламной кампанией. «Мы с радостью и простительной гордостью извещаем, что нами приобретены права на издание всех трудов Теодора Драйзера», — говорилось в рекламных проспектах фирмы Ливрайта.

«Газетные будни» — Драйзер предпочитал это название книги — является, по существу, вторым томом задуманной автором четырехтомной автобиографии и охватывает период с 1890 по 1885 год. Автор возвращает читателя к давно минувшим дням и рассказывает — неторопливо и спокойно — о своей работе в

газетах Чикаго, Сент-Луиса, Питтсбурга и Нью-Йорка. Раздумья девятнадцатилетнего юноши, которому «простые мысли о том, чтобы иметь достаточно еды, иметь, что надеть, иметь работу» казались «райскими мечтами», чередуются в книге с глубокими наблюдениями умудренного жизнью литератора.

В «Газетных буднях» читатель также мог найти точные до мельчайших деталей описания различных районов Нью-Йорка, воочию увидеть запруженный людьми Бродвей, познакомиться с закулисной стороной деятельности редакций крупнейших газет. Вместе с тем писатель откровенно поведал о своей жизни в те далекие годы, о своих радостях и заботах, о первой любви и первом разочаровании. Книга эта явилась не только исповедью интересного человека, но и была трудом большого писателя, раскрывала перед читателем широкую картину нравов американского общества конца XIX века. Написанная от первого лица, она отличается от других произведений Драйзера большой лиричностью, дает более полное впечатление о личности ее автора, вводит в самые сокровенные уголки его души.

За пять месяцев после выхода книги американская печать откликнулась на нее немногим более десятка рецензий; широкая публика, несмотря на рекламу, покупала книгу не так охотно, как того хотелось ее автору и издателю. Ливрайт давал этому простое объяснение: читатели ждут от Драйзера нового романа. Но работа над романом продвигалась довольно медленно. «По каким-то причинам эта книга дается мне труднее, чем любая из тех, которые я написал, — признавался он в письме к Элен. — С таким же успехом я мог бы вырубать ее из монолитной скалы».

Окунувшись в самую гущу нью-йоркской литературной жизни, Драйзер сразу же уловил происходящие в ней перемены. Он встречался с Генри Менкеном, Шервудом Андерсоном, Скоттом Фицджеральдом, Ван Вехтеном и другими литераторами. Как отмечали критики, «для американской литературы двадцатые годы XX века ознаменовали период большего расцвета, чем любой другой предыдущий период, который знал Драйзер». Писатель следил за всем новым, что появлялось на книжном рынке, и не только в области художественной литературы, но и в области литературно-художественной критики и общественной мысли. Не прошел мимо его внимания и вышедший в 1922 году сборник статей «Цивилизация в Соединенных Штатах. Исследование тридцати американцев». Редактором и составителем сборника выступал известный в то время литератор Гарольд Эдмунд Стирнс, автор книги «Америка и молодая интеллигенция» (1921).

Являясь одним из выразителей идей «потерянного поколения», Стирнс утверждал, что поколение, вступившее в

сознательную жизнь в период после первой мировой войны, «поистине испытывает неприязнь — которая граничит с ненавистью и, уж во всяком случае, переходит в осуждение — к тому типу людей, которые доминируют в нашей теперешней цивилизации».

Составленный Стирнсом сборник получил свое название от вышедшего в 1888 году одноименного сборника эссе английского поэта и критика Мэтью Арнольда, который еще в то время отмечал, что американская нация не имеет достаточно того, что есть самое «интересное в цивилизации», а именно: «возвышенного и прекрасного». Новый сборник статей под тем же названием как бы проводил параллель между суждениями М. Арнольда и современным состоянием американской культуры. Среди авторов сборника были такие либерально настроенные критики и публицисты, как Ван Вик Брукс, Генри Менкен, Джордж Натан, Льюис Мэмфорд и другие. Характеризуя положение литературы в США, Ван Вик Брукс, в частности, писал в сборнике: «Наш американский писатель подобен Самсону, которого филистимляне сковали медными цепями; он стремится к тому, чтобы сбросить эти цепи и иметь возможность освоить окружающий мир».

Слова эти перекликаются с тем, что говорил о положении американских писателей Драйзер: «Каждый из них успевает написать лишь по одной книге, прежде чем почувствует на своем горле железную хватку традиций и условностей». Сам писатель отнюдь не собирался капитулировать под нажимом этой «железной хватки». Он стремился воспользоваться вырванными у Самнера уступками и быстро выпустить в свет новое издание «Гения», авторские права на который в то время принадлежали фирме «Додд, Мид». В декабре 1922 года Драйзер предъявил фирме ультиматум: или они соглашаются на издание романа в течение двух месяцев, или он передает права на его издание Ливрайту. Представители «Додд, Мид» отказались от выпуска в свет нового издания «Гения» и уступили свои права Ливрайту.

Это же издательство готовило к выпуску в свет еще одну книгу Драйзера — «Краски большого города», представляющую собой зарисовки Нью-Йорка и его жителей, написанные между 1898 и 1919 годами.

В мае 1923 года Драйзера посетил переехавший недавно в Нью-Йорк историк и журналист, ставший впоследствии видным дипломатом, Клод Бауэрс. Уроженец штата Индиана, он в начале века работал репортером в Терре-Хот, знал о популярности в родном штате Поля Дрессера и теперь решил познакомиться с его братом. Драйзер вместе с Элен долго беседовали с Бауэрсом о

литературе, политике, различных сторонах жизни. Они поддерживали знакомство, и впоследствии Бауэрс описал свои встречи с писателем в книге «Моя жизнь» (1963).

Во время первой беседы он спросил писателя, какой из его романов нравится ему больше всего. «Некоторые считают, — ответил Драйзер, — что лучше всех — «Сестра Керри». Мне же больше всех нравится «Гений». Я вложил в него больше самого себя».

— А каково ваше отношение к роману «Дженни Герхардт»? — спросил Бауэрс.

«Писал его в состоянии эмоционального подъема, и в процессе написания он мне очень нравился, а почти сразу же по окончании работы я пришел к выводу, что переборщил с образом Дженни. И я все еще придерживаюсь этого мнения».

Сбылась давняя мечта Драйзера: права на издание всех его произведений перешли к одному издателю. На первый взгляд нечего было и мечтать о лучшем издателе, чем Хорэс Ливрайт. Он придерживался весьма либеральных взглядов, выступал против пуританской нетерпимости, понимал толк в настоящей литературе и к тому же имел достаточно мужества, чтобы издавать произведения Джона Рида, Драйзера, Юджина О'Нила. Он верил в творческие способности и звезду Драйзера и старался всячески это подчеркнуть. Однако Драйзер всегда относился к нему с известным недоверием. Его раздражала экспансивность Ливрайта, его безрассудность и любовь к показной роскоши. Издательская деятельность, казалось, служит Ливрайту только для того, чтобы показать, какой сам он яркий и самобытный человек. Когда в мае 1923 года фирма Ливрайта переехала в новое помещение на Сорок восьмой улице, Драйзер с крайним неодобрением наблюдал ту роскошную обстановку, которой окружил себя Ливрайт. Писатель никак не мог избавиться от чувства, что Ливрайт ведет себя нечистоплотно в финансовых отношениях с ним. Отсюда те многочисленные стычки, которые все время происходили между ними.

Финансовые дела писателя в это время были неплохими. Готовились к изданию две книги — «Гений» и «Краски большого города». Журнал «Метрополитен» приобрел права на публикацию в нескольких номерах сокращенного варианта «Гения», а журнал «Сенчюри» — рассказов «Рейна» и «Ида Хошавут», журнал «Пикториэл ревью» — рассказа «Святой Колумб и река». Драйзер мог спокойно целиком отдаться работе над романом. Вместе с Элен он предпринимает путешествие по местам, где происходит действие нового романа, осматривает трущобы, где живут

бедняки, и особняки богачей, посещает фабрики, фермы, всюду делает подробные записи. «Наш путь, — вспоминает Элен, — лежал через штат Нью-Джерси, к северу по реке Делавэр, через Порт-Джервис, Монтиселло, Кортленд, Ютику и округ Херкимер до района озер, где семнадцать лет назад, в 1906 году, произошло убийство Грейс Браун Честером Джиллетом, положенное Драйзером в основу его романа…»

После возвращения из этого путешествия они снимают домик в провинции и живут там до конца лета. Драйзер, несмотря на постоянные головные боли, ежедневно работал. «Вечерами мы читали у камина, — пишет Элен. — Я впервые познакомилась с романом Эмилии Бронте «Холмы бурных ветров» (в русском переводе — «Грозовой перевал». — *С. Б.*), и Драйзер заставил меня читать ему вслух. Он ушел с головой в работу, дело быстро продвигалось, я перепечатывала отдельные части первого рукописного черновика его романа».

Вышедший летом 1928 года в новом издании «Гений» сразу же привлек внимание читающей публики. До конца года было продано более 12 тысяч экземпляров книги, несмотря на то, что цена на нее была установлена довольно высокая по тем временам — 3 доллара. Ливрайт опасался новых нападок со стороны Самнера, но его опасения не подтвердились. Драйзер, по словам Элен, за лето получил хорошую зарядку и, вернувшись в Нью-Йорк, принялся за работу с новой энергией: «Он напоминал мне человека, который пытался втащить на берег огромного кита, наполовину втащив его, прилагал теперь все усилия, чтобы довести дело до конца без посторонней помощи. Я трижды перечитала рукопись, перепечатывала исправленные места и занималась домашней работой, а раз или два в неделю мы принимали у себя друзей».

В октябре 1923 года вышла из печати еще одна книга Драйзера — «Краски большого города». В ней он снова возвращается к теме контраста между богатством и бедностью в современной Америке.

Одна из наиболее впечатляющих зарисовок книги — «Очистка нефти». В ней автор без всяких прикрас показывает жизнь одного из процветающих американских предприятий, за внешним фасадом которого скрыта поразительно «суровая жизнь» обыкновенных людей, простых американских граждан, которые «ютятся в полуразвалившихся лачугах рядом с заводами, и одному небу известно, как удается им сводить концы с концами».

«С одной стороны, — резюмирует автор, — безмерно скаредные хозяева, те, в чьих руках огромная власть и богатство; с другой — безответные жертвы этой скаредности и равнодушия;

и над всем — дым, газы, и всюду эти пропитанные зловонием каменные коробки. Право, если вы пожелаете отправить в ад злейшего врага своего, нельзя найти ничего более подходящего, чем отвратительные коробки, где люди бродят, как страждущие души в этом людьми же созданном чистилище; трудно себе представить, на каком низком уровне развития остаются почти все эти пасынки природы. Внизу — непросвещенность и, скажем так, неразвитость ума и притупленность чувств; наверху, у главных акционеров нефтяного концерна, — роскошные особняки и конторы, собственные автомобили, коллекции картин. Для тех, кто наверху, — пышные дворцы Пятой авеню, великолепные курорты Ньюпорта и Палм-Бич, для них — искусство и свобода; для тех, кто внизу, — мрачный заводской цех, тучи дыма, недуги, зловоние, убогое жилище».

Собранные в «Красках большого города» зарисовки дают яркую картину огромного капиталистического города, подчеркивают глубину пропасти, лежащей между бедностью и богатством.

Глава 11
«АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ» — «ЭПИКА КОСМИЧЕСКОЙ ПРАВДИВОСТИ И ОБЪЕКТИВНОСТИ»

В конце декабря 1923 года в воскресном приложении к газете «Нью-Йорк таймс» было опубликовано интервью с писателем. Дав описание простой обстановки квартиры Драйзера, газета отмечала: «Совершенно очевидно, что этот писатель не принадлежит к числу избалованных авторов». Отвечая на вопрос корреспондентки о реализме в американской литературе, Драйзер говорил: «Реализм заключается не в литературе; он — в самой жизни. Именно здесь заключена огромная ошибка большинства наших сегодняшних писателей. Они принимаются писать реалистический роман и сразу же полностью забывают о жизни… Жизнь намного объемнее, чем они рисуют ее. Если вы хотите нарисовать большое полотно, вы не можете изобразить его в миниатюре. Великие реалистические романы прошлого — «Идиот», «Анна Каренина», «Мадам Бовари», «Братья Карамазовы» — разве они могли бы быть написаны в так называемом современном реалистическом стиле? Их авторам нужны были и глубина и объемность. Они взяли на себя труд нарисовать полную картину».

И сам Драйзер стремился нарисовать полную картину американской жизни в новом романе. Ливрайт объявил о его предстоящем выпуске осенью 1924 года, но Драйзер не смог закончить работу в намеченный срок. Он снова едет в те места, где происходит действие, помногу раз переписывает целые главы. Элен уехала в Голливуд, и ее отсутствие также не могло не сказаться на работе писателя.

«Я могу признаться, — сообщал он Элен, — что никогда не сумею писать эту книгу быстро. Она слишком сложна по мысли, к тому же мой метод, если не мой стиль, изменился. Я работаю с большим тщанием — и отсюда все трудности. Мой стиль уже не так легок…» Тем не менее трудности работы над романом не обескуражили писателя. «Я почитаю за честь, что мне предоставилась возможность хотя бы попытаться рассказать подобную историю, и на этой основе я продолжаю трудиться», — писал он Элен.

В минуты отдыха он встречался с друзьями и знакомыми — Менкеном, Натаном, Лонгом, Бауэрсом. Он снова возобновляет

отношения со своим старым товарищем Артуром Генри, иногда обедает у него, с группой друзей едет на просмотр новой пьесы О'Нила. Драйзер участвует в дискуссиях на квартире одного из знакомых, на которых широко обсуждался «революционный эксперимент в России». С Артуром Янгом он часто бывает в ресторане «Русский медведь» на Второй авеню, где в те времена собирались все, кто симпатизировал русской революции. Не забывает он и о старом товарище Максвелле, пытается найти издателя для его книги о Шекспире.

Работа над романом продолжалась, он писал, потом переписывал отдельные главы по семь-восемь раз, потом бросал их в корзину и начинал все сначала. Жаркими, душными летними днями 1924 года Драйзер сидел у раскрытого окна и упорно работал, несмотря на шум проносящихся мимо поездов воздушной железной дороги. Изредка он уезжал из города на день-другой. Совершил, например, короткое путешествие в Детройт, чтобы взять интервью для журнала «Космополитен» у звезды бейсбола Тай Кобба. В другой раз съездил в провинциальный театр неподалеку от Филадельфии, чтобы посмотреть премьеру новой пьесы. В августе Драйзеру исполнилось 53 года. Читатели и издатели ждали от него нового романа, но он все еще не был закончен.

— Но ведь уже объявлено о его выпуске осенью, — напоминал ему Бауэрс.

— Он будет готов не раньше весны.

— Но издатель…

— Ничем не могу помочь, — перебил Драйзер.

В октябре после семимесячного отсутствия Элен возвратилась из Калифорнии в Нью-Йорк. Она сразу же стала помогать Драйзеру готовить наборный экземпляр рукописи. Редактировала книгу многолетняя помощница писателя Луиза Кемпбелл, которая на завершающей стадии работы специально приехала из Филадельфии, где она постоянно жила, в Нью-Йорк.

Последние главы романа были переданы в издательство в середине июля 1925 года. Через десять дней писатель начал получать типографские гранки и снова продолжал работу над романом. Количество внесенной правки приводило издателя в ужас, но писатель твердо стоял на своем.

В конце октября 1925 года он спокойно сообщил издателю, что последние главы книги его не удовлетворяют, их надо переписать заново. Драйзер считал, что ему не удалось описание последних дней Клайда Грифитса в камере смертников, он решает добиваться разрешения посетить одного из преступников, ожидающих казни. Подобные посещения не разрешались

существующими правилами. Однако с помощью Менкена и газеты «Уорлд» Драйзер получает разрешение побеседовать с неким Антони Понтано, приговоренным к казни на электрическом стуле по обвинению в убийстве.

Наконец-то в гранки внесены последние изменения, и издатели рассылают верстку книги в газеты и журналы для рецензирования. Один экземпляр верстки с просьбой написать отзыв о книге получает и Синклер Льюис. Роман ему не нравится, и он отказывается писать на него рецензию.

Перед печатью книги встает вопрос о ее названии. Автор давно предложил назвать роман «Американская трагедия», однако Ливрайту название это пришлось не по вкусу, он пытается уговорить писателя изменить его, назвать просто по имени основного действующего лица. Но и фамилия Грифитс не казалась подходящей для названия из-за трудностей ее произношения. «Я чувствую, что обязан еще раз умолять вас назвать книгу «Эвин» или «Вернер», или какой-либо другой порядочной общепринятой фамилией… — писал Ливрайт. — Может быть, я кажусь вам просто торгашом, но в конце концов вы же сами будете упрекать меня, если книга не найдет сбыта…»

Но Драйзер твердо стоял на своем, и в середине декабря 1925 года на полках книжных магазинов Соединенных Штатов появился новый роман Теодора Драйзера «Американская трагедия», цена за два тома — 5 долларов.

Интересно отметить, что в том же году увидели свет и несколько романов других писателей, оставивших яркий след в американской литературе. Это прежде всего «Великий Гетсби» Ф. Скотт Фицджеральда, «Эрроусмит» С. Льюиса, «Манхэттен» Д. Дос Пассоса и некоторые другие.

«Я долго вынашивал в себе эту историю, — вспоминал впоследствии Драйзер, — ибо мне казалось, что она не только включает в себя все стороны нашей национальной жизни — политические махинации, общество, религию, бизнес, секс, — но это была и история, так хорошо знакомая каждому мальчишке, выросшему в маленьких городках Америки. Это правдивая история того, как наша действительность обходится с индивидуумом и насколько бессилен оказывается индивидуум против подобных сил. Моя цель не заключалась в морализировании — упаси бог, — но в том, чтобы по возможности вскрыть подоплеку и психологию реальной жизни, которые если и не принесут отпущения грехов, то хоть как-то объяснят, отчего происходят подобные убийства — а они в Америке происходят с удивительным постоянством, по крайней мере так долго, как я могу это помнить».

История жизни, преступления, осуждения и смерти Клайда Грифитса — история трагическая и в то же время типично американская. Время от времени американские газеты под огромными заголовками сообщают об очередном сенсационном убийстве. Так было и в XIX веке, так было и при жизни писателя, так продолжается и в наши дни. Писателя долгие годы интересовали преступления особого рода, когда в основе убийства лежала не ненависть, а страсть к возвышению, стремление любым путем подняться на более высокую социальную ступень. Такие преступления совершаются в Америке постоянно, и писатель считал, что именно они являются ярчайшим свидетельством фальшивости стандартов «американского образа жизни».

Драйзер давно хотел написать на эту тему роман. У него не было недостатка в подлинных историях, когда человек шел на преступление не в силу своего характера, а из-за слабости, неумения противостоять соблазнам богатства и успеха. Особенно тщательно писатель изучил несколько судебных дел, привлекших внимание всей страны.

Еще в 1892 году, когда Драйзер работал в газетах Сент-Луиса, на него большое впечатление произвела трагическая судьба девушки-работницы. Она находилась в связи с интересным молодым человеком, работавшим в парфюмерной фирме, и рассчитывала выйти за него замуж. Молодой человек не торопился вступать в брак, так как девушка была из очень простой семьи и по своему социальному положению находилась ниже его. Случилось так, что им заинтересовалась богатая наследница из старинного французского рода. Открывшиеся возможности затмили все его мечты, но что делать с любовницей? И он решает отравить ее, подарив ей конфеты со смертельным ядом.

Двадцатилетний репортер Драйзер, живший на собственные заработки и стремившийся собственным трудом выбиться в люди, не мог не задуматься над этой трагической историей, над слепым желанием молодого человека возвыситься любой ценой, даже ценой убийства близкого человека. Газетные вырезки с описанием этого дела положили начало обширному досье писателя, в котором нашли место многочисленные подобные истории.

В 1893 году по приговору суда был казнен молодой нью-йоркский врач К. Харрис, который также отравил свою бедную возлюбленную, после того как встретился с привлекательной и богатой молодой особой. Драйзер был хорошо знаком с матерью Харриса, писательницей. Она сохраняла твердую убежденность в невиновности своего сына и много рассказывала о нем Драйзеру.

Шестью годами позднее нью-йоркские газеты много писали о суде над состоятельным яхтсменом Роландом Молинэ, также отравившим свою знакомую. Хотя он в конце концов был оправдан, но заболел и несколько лет провел в психиатрических лечебницах, в том числе в том самом санатории, в котором в свое время лечился Драйзер. Молинэ умер в 1914 году, и вся история с отравлением снова подробно была освещена в некрологах. Известно, что именно в этот период Драйзер ознакомился с полной стенограммой суда над Молинэ, состоявшегося в 1899 году. В архиве писателя сохранились не только газетные вырезки по этому делу, но и многочисленные подробные выписки из протокола судебного заседания.

В 1911 году молодой небогатый священник К. Ричесен, выходец из простой семьи, отравил соблазненную им молоденькую прихожанку Эвис Линнел, когда увидел, что она стоит на пути более выгодных связей.

Когда Драйзер редактировал журнал «Бродвей», вся американская печать писала о преступлении бедного чиновника Честера Джиллета, который работал на фабрике своего богатого дяди. Он соблазнил работницу Грейс Браун, и она ожидала ребенка. В это время Честер через своих родственников познакомился с богатой девушкой, которой он понравился. Но их женитьбе мешала Грейс, и Честер решает от нее избавиться. Он обещает Грейс жениться на ней и приглашает ничего не подозревающую девушку на прогулку по озеру. На глубоком месте он оглушил Грейс теннисной ракеткой, перевернул лодку и сам поплыл к берегу. Еще в тот период, в 1907 году, Драйзер говорил своему другу Ричарду Дюффи, что эта история может быть положена в основу романа.

В архиве Драйзера сохранились материалы пятнадцати подобных дел. И в основе всех этих преступлений лежало неудержимое желание любым путем проникнуть в так называемое высшее общество. Истинным идеалом всякого американца, отмечала Элен, была «мисс Богатство». Как это ни парадоксально, молодые американцы не так часто стремились стать великими учеными, исследователями, философами, государственными деятелями, как мечтали о выгодной женитьбе в качестве средства добиться преуспеяния и благополучия. Драйзер увидел в этом типичное для американского общества явление и решил создать на этой основе роман.

Писатель пришел к твердому выводу, что во всех подобных трагических историях мотивы убийства были одни и те же — стремление избавиться от человека, вставшего на пути преступника к богатству, к удовольствиям и наслаждениям

беззаботного существования. Все преступники отнюдь не были нищими, все они занимали известное положение — врач, чиновник, священник и т. п., — и погубила их безумная страсть к наживе, к деньгам.

«Мы не являемся нацией с артистическо-художественными устремлениями, — говорил писатель. — Все, что нас заботит, это желание быть богатыми и сильными». Стремление к богатству и власти любым путем — даже ценой убийства — писатель с полным основанием считал типично американской чертой. Поэтому и роман он назвал «Американская трагедия».

Сохранилось несколько вариантов начала книги, в основу которых положено дело Молинэ. Главы эти были написаны в 1915 году. Шесть глав Драйзер написал на основе дела священника Ричесена, но в конце концов он решил положить в основу романа историю Честера Джиллета и Грейс Браун. Писатель прекрасно отдавал себе отчет в том, что создание подобного произведения требует от «романиста… достаточной храбрости представить себя в шкуре убийцы». Первоначально писатель назвал свое новое произведение «Повеса», затем оно получило название «Мираж», и наконец Драйзер нашел то единственное название, которое, по его мнению, лучше всего передавало сущность и особенность рассказанной истории, — «Американская трагедия».

Герой романа Клайд Грифитс родился в бедной семье и с детства постиг всю глубину пропасти, лежащей в Америке между бедностью и богатством. «Что за несчастье родиться бедным, ниоткуда не ждать помощи и быть не в силах помочь самому себе!» — эта мысль, словно ржавчина, разъедала сердце Клайда еще с отрочества, она не давала ему покоя и когда он мыл посуду и подавал коктейли в магазине, и когда подносил чемоданы в отеле, работал рассыльным, кучером.

Неожиданная встреча с богатым дядей вносит изменения в жизнь Клайда и вселяет в него известные надежды. Он переезжает в Ликург и начинает работать на принадлежащей дяде фабрике. По-прежнему его влекут две силы — деньги и развлечения, а руководят его поступками и побуждениями «эгоизм, тщеславие и стремление поставить на своем».

Клайд соблазняет фабричную работницу Роберту Олден, но вскоре обнаруживает, что нравится богатой наследнице Сондре Финчли. Наконец-то фортуна улыбнулась Клайду, но на пути к богатству возникает препятствие: Роберта ожидает ребенка. «… Клайд представлял себе сияющий мир, центром которого была Сондра и который теперь был поставлен на карту, — и, потрясенный, не мог собраться с мыслями. Неужели он должен

отказаться от всего этого для той жизни, какая ждет его с Робертой: маленький дом… ребенок… скучное, будничное существование в заботах о том, как прожить с нею и с ребенком на скудный заработок, и никакой надежды снова стать свободным! О боже! Ему едва не стало дурно. Он не может, он не сделает этого!»

С этой минуты все его помыслы — сознательно или бессознательно — направлены на одно: как избавиться от Роберты и ее будущего ребенка? И в результате — совместная поездка на озеро и гибель Роберты. Строго говоря, у Клайда не хватило смелости убить возлюбленную, она становится жертвой обстоятельств, жертвой трусости и эгоизма Клайда. После длительного судебного процесса Клайда приговаривают к смерти, и он умирает на электрическом стуле.

Таков в основном сюжет романа. Специфика же национального колорита книги, по словам У. Аллена, в «подчеркивании контраста между «американской мечтой» о достатке и даже роскоши, доступной немногим, и той нищетой, в которой живут миллионы американцев. Причем под «нищетой» подразумевается не просто безденежье, но и нищета духа».

Писатель так говорил о своем замысле: «Предполагалось, что этот роман покажет в трех различных социальных и экономических сферах карьеру очень чувствительного и в то же время не слишком высоко умственно развитого молодого человека, который в самом начале своего жизненного пути обнаруживает, что его жизнь зажата тисками бедности и низкого социального положения, из которых он стремится вырваться, подталкиваемый своими врожденными и приобретенными страстями. В его случае движущими силами явились любовь, материальное благополучие и глупейшая мечта о социальном превосходстве».

Клайд Грифитс олицетворяет собой американского юношу из бедной семьи, чьи желания и стремления диктуются именно «американским образом жизни», американской тягой к деньгам. Ограниченность цели приводит к ограниченности стремлений.

Таким образом, дело не в преступных наклонностях Клайда — их нет у него, — а в том общественном, социальном окружении, в котором он живет и правилами и моралью которого он руководствуется в своих поступках. Писатель показывает, что не Клайд убивает Роберту, а американское общество толкает на смерть и Роберту, и самого Клайда, и «Американская трагедия» — это не просто развернутое полотно, на котором изображено американское общество начала XX века, а, как отмечал тот же критик, это «своеобразный синтез национального опыта»

Америки.

Значительная часть романа посвящена описанию следствия по делу о гибели Роберты и суда над Клайдом. Писатель показывает, что и следствие, и сам судебный процесс ведутся не в интересах выяснения истины, а с целью укрепления «шаткого политического престижа» прокурора-республиканца О. Мейсона. И судьба Клайда оказывается в руках горстки политиканов, обеспокоенных сохранением собственного благополучия. В этом смысле О. Мейсон — это тот же Клайд Грифитс, только в другом общественном положении и в других обстоятельствах. Ему тоже «знакомы удары судьбы, унижения и оскорбления». Но это отнюдь не вызывает у него сочувствия к подследственному. Его действиями, как и поступками Клайда, руководит та же тяга к деньгам. Все его мысли направлены на то, «какую популярность, какое положение может приобрести он, Мейсон, в связи о этим делом».

Драйзер показывает читателям, что с того момента, как Клайд попадает в руки американского правосудия, судьба его фактически предрешена. Она зависит не столько от доказательств его вины и положений закона, сколько от того, какой исход дела более выгоден правящей элите. Дело Клайда Грифитса демонстрирует всю социальную направленность американского правосудия, показывает его зависимость от денежного мешка, от интересов местных политиканов. Особенно важно подчеркнуть, что третья книга романа — следствие и суд — фактически является документальным произведением. По свидетельству американских критиков, многие из речей на судебном процессе над Клайдом являлись достоверной копией тех, которые были действительно произнесены в зале суда над чиновником Ч. Джиллетом. Таким образом, писатель ни капли не погрешил против истины, вскрыл фальшь и лицемерие блюстителей американского правосудия.

«Но все еще остается большой вопрос, — писал Ф. Маттисен, — в чем этот роман является отражением типично американских черт и в чем заключается трагедия?» Было немало критиков, которые со временем пытались оспорить и собственно трагизм рассказанной писателем истории, и ее типично американское происхождение.

Через десять лет после опубликования книги юноша Роберт Эдвардс убил девушку при обстоятельствах, очень похожих на описанные в романе. Драйзер присутствовал на суде Эдвардса в качестве специального корреспондента. В репортажах о суде он рассказал, как пришел к выводу о том, что подобные истории отражают «подлинно американскую трагедию». С раннего детства,

говорил писатель, преступник наблюдал всеобщее стремление к богатству, видел, «как выставляются напоказ гордыня и внешняя помпезность, и даже показное расточительство», и все это «перед лицом бедности и нищеты тех… кто жаждал работы практически на любых условиях». И Клайд Грифитс явился продуктом этого жестокого духа соперничества, продуктом не только типическим, но и одобренным стандартной американской моралью. Как Клайд, так и Роберт оказываются совершенно не подготовленными к реальной жизненной действительности. Семьи, в которых они выросли, с их узколобой моралью и морализированием являлись, по мнению писателя, «блестящими примерами того стопроцентного американизма, который не признает реальные факты, но преклоняется перед иллюзиями».

На историческую достоверность романа не раз указывали и американские критики и писатели. «Американская трагедия» может рассматриваться в качестве документального свидетельства, как личного, так и исторического… Как документ она обладает огромной силой воздействия», — говорит писатель Р. Уоррен. Даже такой сторонник «традиции жеманности», как С. Шерман, который не признавал за многими романами Драйзера «моральной ценности», вынужден был заявить: «Я не могу назвать ни одного произведения американской литературы, в котором ситуация, подобная изображенной в «Американской трагедии», была бы обрисована столь бесстрашно, столь разумно, столь полно и потому с таким неповторимым моральным эффектом».

«Драйзер не создавал трагедию в традиционном смысле этого понятия, — пишет Маттисен, — и тем не менее он писал, исходя из глубоко трагического смысла человеческой судьбы». Судьба Клайда Грифитса поистине трагична, хотя он отнюдь и не является героем трагедии в классическом смысле. Трагизм его положения, его судьбы — в полной зависимости от тех общественных сил, которые являются определяющими в капиталистическом обществе. Трагизм его и в полном безволии, точнее, в полном подчинении своих желаний и мыслей лицемерным стандартам пресловутого «американского образа жизни», в котором, по словам Маттисена, «непреодолимый соблазн денежных ценностей» является «более обнаженным и явным», чем в других странах. «И так как пламя сверкало более ярко и было более неотразимым, притягиваемые им жертвы были более беспомощными».

Беспомощность Клайда перед лицом действительности его страны, неумение самостоятельно мыслить, неумение возвыситься над обыденностью, казалось бы, простых житейских обстоятельств приводят его к гибели.

Но рассказанная писателем трагедия не ограничивается этим. Если личность в трагических обстоятельствах своей жизни остается лишь наедине с собой, если общество не желает понять, что привело человека к преступлению, не стремится вскрыть социальный, общественный смысл преступления, то трагедия личности перерастает в трагедию общества, достигает той неизлечимой стадии, когда даже хирургическое вмешательство оказывается бессильным. И Драйзер показывает «общество, в котором равенство — на чем единственно может основываться правосудие — оказывается разрушенным олигархией богатства. В данном случае автор не вдается в политические размышления; он не высказывает мыслей о том, как можно изменить мир, в котором живет Клайд. Он только пристально созерцает его с мрачной покорностью».

С последним утверждением Ф. Маттисена никак нельзя согласиться. Нарисованная Драйзером картина продиктована отнюдь не «мрачной покорностью», а стремлением осмыслить «американский образ жизни», взвесить все его ценности, обнажить скрывающуюся за блестящим фасадом сущность и вынести ее на обозрение и суд самих американских граждан. Тот же Маттисен далее приходит к такому же выводу, когда утверждает: «…Для молодых людей двадцатых и тридцатых годов здесь давалось общее описание мира, от которого у них не было защиты».

Опубликованная в декабре 1925 года «Американская трагедия» сразу же стала литературной сенсацией, а ее автор — знаменитостью. В отличие от других романов Драйзера «Американская трагедия» поначалу была высоко оценена критикой. Журнал «Нейшн» назвал его «величайшим американским романом нашего поколения», хвалебные статьи появились во многих газетах и журналах, в том числе в «Нью-Йорк таймс», «Уорлд», «Вашингтон дейли ньюс», «Бостон ивнинг транскрипт», «Сатердей ревью», «Геральд трибюн» и других. Правда, и на этот раз не обошлось без попыток запретить роман, врагам писателя удалось приостановить продажу книги в Бостоне. Но эти единичные нападки не могли заслонить главного: американская и европейская читающая публика восприняла роман Драйзера как крупнейшее достижение мировой литературы.

«Драйзер, — писал после прочтения «Американской трагедии» Герберт Уэллс, — является гением в высшем значении этого слова». Арнольд Беннетт назвал книгу «изумительной».

На типичность образа главного персонажа романа неоднократно указывала американская критика. По признанию

писателя, он получал множество писем, авторы которых утверждали: «Я мог бы оказаться на месте Клайда Грифитса».

Заслуга автора «Американской трагедии» в том в заключается, что он изобразил типичного американского юношу, имеющего типично американские представления о жизни и стремлениях, в типичных обстоятельствах своей страны и показал, к каким трагическим обстоятельствам может привести эта типичная повседневность. В этом смысле Клайд Грифитс — образ собирательный, и судьба его приобретает черты всеобщности, характерности.

Статьи, критически оценивающие роман, появились в американской печати сразу же после его опубликования. Однако в тот период они не делали погоды, — книга, несмотря на довольно высокую цену, быстро раскупалась и широко читалась, ее изучение было включено в курс литературы ряда университетов страны. Казалось, что американские критики наконец-то по достоинству оценили крупнейшего писателя страны. Но не тут-то было. С течением времени оценка романа американской буржуазной критики претерпела существенные изменения. На смену восторженным отзывам снова пришли так хорошо знакомые по многим критическим статьям о Драйзере упреки в «тяжеловесности стиля», «длиннотах», «расплывчатости», «пошлости», «натурализме».

Как известно, творчество Драйзера подвергалось критике со стороны крайне консервативно настроенных, так называемых «неогуманистов», чьи взгляды в свое время проповедовал уже упоминавшийся нами профессор Стюарт Шерман. Лидер движения «неогуманистов», профессор французской литературы Гарвардского университета Ирвинг Бэббит в одной из своих статей признавал, что в «Американской трагедии» показана тяжелая история, но, писал он, «читателя мучают безо всякой цели. Испытываешь — даже в большей мере, чем это необходимо, — трагическое ощущение, но чувства облегчения и возвышения духа, которое каким-то образом внушает нам подлинная трагедия, в конце не возникает… Едва ли стоит пробираться сквозь восемьсот с лишним страниц пошлого текста, чтобы в конце концов остаться только с ощущением тоски на сердце. Истоки этой тоски таятся в том, что Драйзер не поднимается в достаточной мере над уровнем «соотношения химизмов», то есть, иными словами, животного поведения. В трагедии есть место судьбе — в греческой трагедии, но отнюдь не в трагедии натуралистического толка. Фатализмом натуралистического характера в большой мере и вызвана… атмосфера безнадежности и бессмысленности…»

«Неогуманисты» и другие сторонники «традиций жеманности» не хотели, да и не могли видеть, что блестяще воспроизведенная Драйзером «атмосфера безнадежности и бессмысленности» обусловлена отнюдь не «фатализмом натуралистического характера», а вполне реальным состоянием общественных отношений внутри американского общества. Социальный реализм романа Драйзера тем и отличается от натуралистического восприятия действительности, что в нем американская реальность воспроизведена не просто точно и бесстрастно, а является результатом верного постижения писателем самого существа окружающей его жизни.

К большому огорчению Драйзера, с резкой критикой «Американской трагедии» в марте 1926 года выступил Генри Менкен. Статья его в журнале «Меркури» была озаглавлена «Драйзер на 840 страницах». Обвиняя автора книги в отсутствии «литературного такта», Менкен считал роман «бесформенным, отталкивающим чудовищем, громоздкой телегой, полной сырых заготовок для романа вперемежку с различным хламом, — огромное, небрежно сработанное, хаотичное творение в 385 тысяч слов, из которых по крайней мере 250 тысяч слов лишние! Что можно сказать о подобной скучнейшей чепухе? Что можно сказать о романисте, который после четверти века работы в этом жанре все еще пишет подобные вещи?» Менкен пришел к выводу, что «Американская трагедия» «как произведение искусства является величайшей халтурой, но как человеческий документ она преисполнена внутренней силы и твердого достоинства, а местами поднимается даже до уровня настоящей трагедии…».

Публикацией подобной рецензии, которая была не только несправедливой, но и переполненной личными выпадами против автора книги, Менкен разорвал долголетние узы дружбы, которые связывали его и Драйзера.

Но, несмотря на нападки различных критиков на роман, полстолетия, прошедшие после его написания, свидетельствуют о том, что «Американская трагедия» была и остается крупнейшим американским романом XX века. За это время в США вышло немало крупных произведений, но ни одно из них не может сравниться с «Американской трагедией» ни по силе изображенных характеров, ни по глубине показа действительности, ни по широте ее авторского осмысления. Трагическая судьба Клайда Грифитса и Роберты Олден до сегодняшнего дня является наиболее впечатляющим примером того, к чему могут привести и зачастую приводят «тщета и бессодержательность» жизни и устремлений простых американских граждан. История взаимоотношений и гибели Клайда и Роберты, та пародия на

правосудие, которой подвергся Клайд, и сегодня составляют подлинную американскую трагедию, против которой со всей силой своего таланта выступил Теодор Драйзер. Это еще более ясно теперь, полвека спустя после опубликования романа. Достаточно ознакомиться с официальной американской статистикой преступлений, чтобы убедиться, что количество убийств в США не только не уменьшается, но неуклонно увеличивается. Растет и число убийств, обусловленных теми же мотивами, что и трагедия Клайда Грифитса.

Драйзер еще полвека тому назад указал американскому обществу на пагубные стороны неудержимого всеобщего стремления к богатству, своим романом он взывал к разуму власть имущих. Однако призыв писателя оказался гласом вопиющего в пустыне.

Исследователи творчества писателя отмечали, что во время, работы над «Американской трагедией» писатель глубоко интересовался произведениями Ф. М. Достоевского и Эдгара По. Он дважды прочитал роман «Преступление и наказание» — в 1916 и 1924 годах — и предлагал издать его для американского читателя. В интервью журналу «Букмен» в апреле 1926 года Драйзер сообщил, что образ Раскольникова произвел на него очень сильное впечатление. Лица, близко знавшие писателя во время его работы над «Американской трагедией», отмечали, что восторженное отношение Драйзера к творчеству Достоевского сказалось в его работе над романом, в частности над образом Клайда.

Типичность образа самого Клайда, как и типичность обстоятельств, в которых он оказался, определяются не документальной фактографичностью описаний, а передачей самого духа описываемой эпохи, тенденций общественного развития и их влияния на отдельно взятую личность. Драйзер сумел через судьбу Клайда и Роберты показать национальную трагедию своей страны, и в этом его непреходящая заслуга перед американским искусством. «Американская трагедия» — это не просто название романа, в этих словах заключено новое понимание трагического и трагедийного в жизни крупнейшей капиталистической страны. Драйзер сумел угадать «исторический смысл в тех непрерывных изменениях, которые претерпевала жизнь новых американских городов», и довести его до сознания читателей.

Измученный тяжелой работой над романом, Драйзер 8 декабря 1925 года уезжает вместе с Элен на отдых во Флориду. По дороге в одном из книжных магазинов небольшого города они

приобрели экземпляр «Американской трагедии». В начале января 1926 года, находясь во Флориде, Драйзер получил телеграмму от Ливрайта: «Рецензии поразительны, полны энтузиазма, воздают вам должное. Ваше выдающееся положение в литературе признано, продажа идет блестяще».

Наученный горьким опытом, Драйзер отнесся к телеграмме скептически, нарочно не читал рецензий на свой роман, предпочитая собирать материалы для статей о штате Флорида. Когда в конце января Драйзер возвратился в Нью-Йорк, он обнаружил, что роман его действительно хорошо принят широкой публикой и большинством критиков, в конторе издательства его ждал чек на 11872 доллара — гонорар за книги, проданные в первые две недели. Конечно, романы Синклера Льюиса расходились еще быстрее, но для Драйзера, привыкшего к тому, что он не мог обеспечить себе даже сносное существование на гонорары от романов, успех казался просто ошеломляющим.

Правда, оставалась еще одна проблема: что предпримет Самнер? Драйзер отлично знал, что в 1925 году по обвинениям Самнера были арестованы 41 издатель и писатель. Правда, виновными суд признал только 21 человека. Это было значительно меньше, чем в 1920 году, когда он добился ареста 184 человек, из которых осудили 150 издателей и писателей. Становилось ясно, что время Самнера неумолимо уходило, однако он все еще был способен нанести удар. Но и Драйзер и Ливрайт могли только ожидать действий Самнера, предсказать или тем более предотвратить эти действия было практически невозможно.

По возвращении в Нью-Йорк Драйзер с интересом ознакомился с многочисленными рецензиями на роман, рассматривал свой портрет на первой странице воскресного выпуска газеты «Нью-Йорк таймс».

На первый взгляд казалось, что успех романа был полным. Однако Драйзер не случайно утверждал впоследствии, что американская критика «отдубасила» его за «Американскую трагедию». Мы уже ознакомились с образцами такой критической дубинки по писаниям Менкена и Бэббита. Были и другие не менее резкие высказывания. Но дело было даже не столько в этих критических нападках, сколько в тех реальных шагах, которые предприняли все те, кто не хотел широкого распространения идей романа, кто считал, что новый роман Драйвера — это очередной поклеп на «американский образ жизни», что рассказанная писателем страшная история не только не является типичной для США, но вообще представляет собой всего лишь плод больного воображения.

Все эти действия противников писателя проявились далеко не сразу. По возвращении в Нью-Йорк Драйзер и Элен поселились в гостинице «Пасадена», на 63-й улице, западнее Бродвея. «Отель был старомодный, спокойный, — вспоминала Элен, — однако мы вскоре поняли, что с этого момента в нашей жизни может быть все, кроме спокойствия. Не успели мы распаковать наши вещи, как сразу же почувствовали атмосферу чрезвычайного возбуждения и окунулись в водоворот событий, вызванных огромным успехом «Американской трагедии». Хорэс Ливрайт предвкушал колоссальный успех. Происходили совещания за совещаниями; шли переговоры о продаже книги для кино, о постановке пьесы за границей, о постановке ее на Бродвее».

Идея создать по книге пьесу и поставить ее на Бродвее принадлежала Ливрайту. С согласия Драйзера он пригласил Патрика Кирни, бывшего актера, а затем автора имевшей успех пьесы «Человек, сын человеческий» написать по роману инсценировку. Кирни выполнил поручение, и, хотя Драйзеру его инсценировка показалась не совсем удачной, она с успехом шла в одном из бродвейских театров.

Сложнее было дело с постановкой кинофильма по роману. Джесс Ласки и Уолтер Вэнгер из фирмы «Парамаунт феймоуз плейерс» вели с Ливрайтом серьезные переговоры. На заключительной стадии в них включился и Драйзер. Из-за позиции, занятой Ливрайтом, желавшим получить крупные комиссионные, переговоры проходили тяжело. Дело дошло до открытого разрыва между Драйзером и издателем. Однако после письменных извинений последнего их отношения снова нормализовались. Фирма приобрела права на постановку фильма за 90 тысяч долларов, из которых Ливрайт получил 10 тысяч.

Драйзер между тем продолжал трудиться. Для журнала «Вейнити феар» он написал серию статей о своих впечатлениях от поездки по Флориде. Он также готовил к изданию новый сборник рассказов, собирался переделать роман «Финансист» и написать завершающий роман трилогии — «Стоик».

Успех «Американской трагедии» вызвал новую волну интереса к другим романам Драйзера, читатели покупали и «Гений», и «Дженни Герхардт», и «Сестру Керри». Крупные издатели из печально известных Драйзеру фирм «Даблдей» и «Харперс», прослышав о его размолвке с Ливрайтом, сразу же предложили свои услуги. «Я думал, что вы позвоните мне и договоритесь о совместном завтраке на этой неделе», — писал Драйзеру президент фирмы «Харперс» Дуглас Парментер. Однако писатель, несмотря на свои размолвки с Ливрайтом, не собирался менять издательство.

В Англии респектабельная книгоиздательская фирма «Констейбл энд компани» заключила с Драйзером контракт на издание «Американской трагедии» и одновременно приобрела права на выпуск всех остальных его произведений. В результате всех этих перемен, как вспоминает Элен, «человек, который в 1920 году страдал «комплексом бедности», оказался обладателем целого состояния».

Приближалось жаркое нью-йоркское лето. Драйзер и Элен решают совершить путешествие в Европу. Он хотел собрать дополнительный материал для последнего тома «Трилогия желания», лично встретиться со своими европейскими издателями, познакомиться с писателями, учеными, побывать в музеях и картинных галереях. 22 июня они отплыли в Скандинавию на пароходе «Фредерик VIII». Перед отъездом успех «Американской трагедии» был отпразднован в узком кругу близких друзей в одном из нью-йоркских ночных клубов.

Они посетили Норвегию, Швецию и Данию. У Драйзера была насыщенная программа не только на каждый день, но и на каждый час, и он строго придерживался ее. С раннего утра он уже был готов отправиться в путь.

Программа эта включала знакомство со столицами и рыбачьими поселками, осмотр достопримечательностей, многочисленные встречи, посещение театров и мастерских скульпторов, беседы с издателями и журналистами. Осмотр известного замка Кронберг в Эльсиноре, в котором, по преданиям, обитали привидения, выведенные в «Гамлете», вызвал шутливое замечание писателя: «Если бы привидение появилось сегодня, за ним следовала бы целая компания туристов Кука, его фотографировали бы, снимали для кино, его выступления передавались бы по радио и записывались на пленку. Места в первых рядах продавались бы по пятьдесят долларов».

Журналисты на свои вопросы часто получали неожиданные ответы. На вопрос корреспондента копенгагенской газеты «Экстра бладет», кто будет следующим американским президентом, писатель ответил: «Человек, которого финансисты с Уолл-стрита изберут в качестве своей марионетки…»

Посещение Германии всколыхнуло в душе писателя целую бурю чувств и вызвало глубокие размышления. «Можно ли обвинять целый народ? — спрашивал он Элен и сам же отвечал: — Да, я думаю, что некоторым нациям можно ставить в вину их характер. Но вопрос в том, можно ли изменить этот характер? Мне кажется, нации — это продукт земли и света, а можно ли изменить землю и свет? — вот что хотелось бы мне знать. Я люблю немцев или, по крайней мере, некоторые их качества, но я

считаю, что другие их черты могли бы быть значительно улучшены. Пруссаки слишком грубы».

Затем они побывали в Праге, Вене, Зальцбурге, Будапеште, Мюнхене и Париже. Столица Франции была переполнена туристами и никак не напоминала Драйзеру тот спокойный город, в котором он бывал в 1912 году. Но он с удовольствием посетил старые здания, в которых жили и трудились великие французские писатели Гюго и Бальзак. Его растрогал вид крошечной комнатенки, в которой за чашкой крепкого кофе создавал свои творения Бальзак.

В начале октября Элен и Драйзер прибыли в Лондон. Здесь он собрал необходимый ему материал о финансовых операциях Йеркеса в Лондоне, о его отношениях с английскими бизнесменами. Он встретился с Бернардом Шоу, которого нашел «остроумным, очаровательным, преисполненным различных идей». В Лондоне Драйзер познакомился с одним из директоров издательской фирмы «Констейбл энд компани», Отто Киллиманом, и между ними завязалась многолетняя дружба.

22 октября на пароходе «Колумб» Драйзер и Элен возвратились в Нью-Йорк. Их встречала целая толпа репортеров. На следующий день газета «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала интервью с писателем. «Америка удивительно безразлична к своей собственной судьбе, — говорил Драйзер. — Наши лидеры являются всего лишь лидерами-утешителями. Никто из наших политиков не имеет мужества взяться за дело, и ни одна из наших газет не имеет мужества поднять действительно фундаментальные проблемы — такие, как проблема католицизма, негритянский вопрос, проблема власти денег или даже проблема спиртных напитков. Мы слишком трусливы или слишком глупы, чтобы взглянуть в лицо этим проблемам».

Драйзер с радостью узнал, что инсценировка «Американской трагедии» идет при переполненном зале в бродвейском театре «Лонгейкр». Он вскоре побывал на спектакле и был до слез тронут игрой актеров.

По возвращении из Европы Драйзер и Элен снова поселились в недорогих апартаментах гостиницы «Пасадена»: слава и финансовая независимость почти не сказывались на привычках писателя. Однако Элен смотрела на эти вещи по-другому, она мечтала о более обширной, прекрасно обставленной квартире, хотела широко принимать друзей и знакомых. Ее выбор остановился на двухэтажной квартире в центре Манхаттана — на 57-й улице.

Драйзеру квартира эта показалась дороговатой, но хозяева

немного снизили цену, и в конце декабря 1926 года Драйзер и Элен поселились в заново отделанной и хорошо обставленной квартире. А в январе многие друзья и старые знакомые писателя получили приглашение присутствовать на еженедельных четвергах в его доме.

Вскоре драйзеровские четверги стали хорошо известны среди творческой интеллигенции. Собиралось до сотни человек, здесь можно было встретить людей самых различных взглядов и профессий. Приходили Шервуд Андерсон и Дороти Дадли (написавшая впоследствии биографию Драйзера), поэт Джон Купер Поуис и Хорэс Ливрайт, критик Бартон Раско, переводчик и критик Эрнест Бойд (за год до этого выпустивший книгу о Г. Менкене), известный исследователь творчества Эдгара По профессор Джозеф Кратч, артисты, бизнесмены, врачи, ученые и просто добрые знакомые без гроша в кармане.

По свидетельству очевидцев, Драйзер с интересом следил за новыми открытиями в науке, подробно расспрашивал ученых о последних достижениях в самых различных областях, впитывая в себя все новое в области общественных отношений, интересовался ходом «русского эксперимента». Личный контакт со многими видными людьми помогал писателю повседневно ощущать пульс быстротекущей жизни. Элен на этих вечерах была радушной хозяйкой, хотя обычно держалась в тени. Иногда в конце вечера она пела своим низким, немного хрипловатым голосом любимые романсы. Были минуты, когда Драйзер во время вечера вдруг становился раздражительным и шептал кому-либо из друзей: «Меня ведь просто завлекли сюда».

В конце марта 1927 года Драйзер пешком отправился в путешествие по нескольким штатам, расположенным неподалеку от Нью-Йорка. Когда в середине апреля он возвратился домой, то узнал, что в Бостоне запрещено распространение нового антиклерикального романа Синклера Льюиса «Элмер Гентри». Через несколько дней такая же судьба постигла и «Американскую трагедию». Издатель решил не подчиниться этому решению. В Бостон отправляется работник издательства Дональд Фрид вместе с адвокатом. Фрид публично продал один экземпляр романа лейтенанту полиции и был тут же задержан. Издатель рассчитывал, что суд немедленно оправдает Фрида. Однако 22 апреля суд признал Фрида виновным в продаже литературы «с явной целью развратить молодежь» и оштрафовал его на 100 долларов. Издатель обжаловал приговор суда, но новое судебное разбирательство состоялось лишь три с половиной года спустя, и вердикт присяжных, которые, как оказалось, даже не читали

романа, был и на этот раз не в пользу книги.

Драйзер ездил однажды в Бостон, чтобы присутствовать на слушании дела. В поезде он встретился с адвокатом и литератором Кларенсом Сюардом Дэрроу, снискавшим известность своей защитой видного деятеля американского рабочего движения Юджина Дебса. На вопрос писателя, куда он едет, Дэрроу ответил: «В Бостон, на суд над вашей книгой. Как вам известно, я считаю, что вы написали великолепный роман, и я хочу сделать все от меня зависящее, чтобы защитить его».

Опытный юрист, Дэрроу полагал, что на основании материалов, приведенных в «Американской трагедии», невозможно было бы установить вину Клайда. «Преступление, — говорил он Драйзеру, — обусловлено причинами, которые не всегда можно выявить, установить и легко понять; чтобы не было преступлений, надо уничтожить их причину. Поинтересуйтесь историей любого заключенного, сидящего в нашей тюрьме, и вы увидите, что у него не было иного пути, чем тот, который привел его в тюрьму».

На поразительное сходство точек зрения реалиста Драйзера и юриста-практика Дэрроу на подлинные причины гибели Роберты и осуждения Клайда обращает внимание в исследовании творчества Драйзера Маттисен. Он подчеркивает, что Дэрроу был поражен «фанатической приверженностью» писателя к правдивому описанию жизни. Дэрроу считал Драйзера таким «мастером трагедии… каких редко знавал мир». Подобно автору «Американской трагедии», Дэрроу на основе своей юридической практики пришел к выводу, что американское общество неправильно подходит к самому определению виновности. Он считал, что преступность является болезнью общества, которую можно и должно лечить. «Большинство мужчин и женщин страдают от бедности, — писал Дэрроу, — и все они беспомощны в тисках неумолимой судьбы».

Маттисен в этой связи подчеркивает, что «центр интересов Драйзера, конечно, заключался не в том, чтобы показать преступление и методы его раскрытия, а в рассмотрении жертвы современной американской мечты. Стремление Клайда Грифитса выдвинуться в этом мире, добиться успеха, определяемого наличием денег и общественным положением, поощрялось и одобрялось капиталистическим обществом двадцатого века».

И бостонские судьи не случайно увидели в романе вызов нормам буржуазной морали, обвинительный акт самим устоям «американского образа жизни». Сторонники Самнера не собирались сдавать без боя свои позиции и, как показали результаты судебного разбирательства в Бостоне, какое-то время

им еще удавалось брать верх.

Десятилетия спустя известный американский критик Альфред Кейзин писал о творческом методе Драйзера: «Именно потому, что все мы отождествляем труды Драйзера с действительностью, уже более полустолетия он является для нас не просто писателем среди других писателей, а целой главой американской жизни. С самого начала, в чем легко убедиться, перечитав отзывы на «Сестру Керри», Драйзер был принят как целиком новое явление, как тенденция, как нарушившее покой движение в американской жизни, извержение из ее глубин».

«Американская трагедия» и сегодня по праву считается величайшим творением Теодора Драйзера и американской литературы XX века. Именно в этом большом социальном полотне воплотились все сильнейшие черты Драйзера-романиста: умение строить напряженный сюжет, точность деталей и емкость изображения, яркость описаний, индивидуальность и глубина характеров, безошибочный социальный анализ происходящего, умение обобщить, увидеть за отдельным событием всю картину и приобщить к ней читателя.

Сегодня невозможно представить американскую литературу без «Американской трагедии» и ее автора, как невозможно представить русскую литературу без «Преступления и наказания» Достоевского или французскую — без «Мадам Бовари» Флобера.

В 1927 году вышел из печати новый сборник произведений Драйзера. Он назывался «Цепи. Короткие новеллы и рассказы». Составившие сборник пятнадцать новелл и рассказов созданы писателем в разные годы, многие из них принадлежат к числу лучших творений Драйзера-новеллиста. Давший название сборнику рассказ «Цепи» первоначально назывался «Любовь» и был написан за десять лет до выхода книги. В 1918 году его по очереди отвергли почти все ведущие журналы. Томас Р. Смит из журнала «Сенчюри» писал Драйзеру, что «Цепи», «вполне возможно… лучший из всех созданных вами рассказов», и тем не менее он возвратил его, так как журналу, по его словам, «предстояло лицом к лицу столкнуться с обывателями». Рассказ впервые был опубликован в книге.

Написанный в форме внутреннего монолога героя, рассказ «Цепи» повествует об истории обыденной и весьма обычной для нравов американского высшего общества. Преуспевающий делец, сорокавосьмилетний Гаррисон женится на двадцатичетырехлетней женщине по имени Иделла. Она — «прямо сорвиголова… бывает груба, даже вульгарна… Ее слишком занимают посторонние мужчины, да и всегда так было…

Вся ее юность была цепью легкомысленных, даже дурных, да, да, дурных поступков. Надо признать, что она всегда была скверной девчонкой — распущенной, себялюбивой, необузданной, бессовестной. Такой и осталась».

Возвращаясь домой после деловой поездки, Гаррисон вспоминает свою жизнь, свое отношение к ней, к женщинам и пытается понять, почему он не может расстаться с Иделлой, которая его ни во что не ставит и только и знает, что весело проводить время в компании молодых поклонников. «Надо быть последним ослом, — уверяет себя Гаррисон, — чтобы так любить эту женщину, зная, что она собой представляет!» Исповедь Гаррисона не может не вызвать сочувствия к нему, но его слепое увлечение недостойной женщиной, его безволие и покорность судьбе невольно вызывают у читателя и чувство протеста. Не случайно с течением лет писатель изменил название рассказа — тяжелые цепи условностей и слепого чувства, опутавшие Гаррисона, никак нельзя назвать возвышающим понятием «любовь». И редакторы американских журналов увидели в рассказе вызов установившимся нормам буржуазной морали.

Другой рассказ сборника — «Прибежище» — переносит читателя в совершенно иной мир — в «каменные коробки, битком набитые беднотой». Мэдлейн Кинселла, выросшая в одной из этих каменных коробок, соблазненная и покинутая сыном местного бакалейщика, чтобы не умереть с голоду, «обучилась уличному ремеслу». Она вскоре поняла, что «не для нее это», но и другого выхода нет. Вскоре ее арестовывают и направляют на год в «исправительное заведение». После освобождения она пытается работать, ищет любви и счастья, но безуспешно, и снова она одна, без денег, без пристанища. У нее нет иного выхода, как попросить снова принять ее в «исправительное заведение», которое она покинула четыре года назад.

Для Мэдлейн и десятков, сотен подобных ей нищих девушек нет места в том американском «обществе благополучия и благоденствия», о котором не переставая трубили газеты и журналы. Если преуспевающий делец Гаррисон — скорее раб своих чувств, чем жертва социальных условий, то Мэдлейн — подлинная жертва буржуазной действительности, не отдающая себе отчета в том, что же и почему с ней происходит. Трагизм судьбы Мэдлейн отнюдь не в дурных наклонностях, а в неумении разорвать «железную хватку традиций и условностей», в том, что в буржуазном обществе никому по-настоящему нет дела до ее судьбы. Одинокая, сломленная жизнью женщина мечтает лишь об одном: как бы ее не прогнали из «исправительного заведения».

Рассказ «Пристанище» — одно из сильных реалистических

произведений Драйзера, рассказывающих о судьбе простого человека в процветающей Америке.

О судьбах простых американских граждан повествуют и другие рассказы сборника — «Святой Колумб и река», «Золотой мираж».

Какой американец не мечтает о том, чтобы разбогатеть? Думает об этом и фермер Бэрси Квидер, бедняк и неудачник из рассказа «Золотой мираж». Он «прожил на своей земле сорок лет и даже не подозревал, что в камнях, по которым, вечно спотыкаясь, изо дня в день ступают его натруженные ноги, как раз и заключено богатство, то самое богатство, о котором он уныло и бесплодно мечтал всю свою жизнь». Но фермеру Квидеру не суждено разбогатеть: его обманывают перекупщики, которых поддерживают не подозревающие об истинной ценности их участка жена и дети Квидера. В конце концов он сходит с ума, и золотой мираж так и остается для него недостижимым, нереальным миражем. Как, впрочем, и для миллионов простых американцев…

Особняком в сборнике стоит рассказ «Победитель», основное содержание которого составляет описание жизни и деятельности миллионера Дж. Х. Остермана. По форме он произведение якобы документальное: автор воспроизводит некролог на смерть Остермана, заявления его секретаря во время судебного расследования, опубликованные в журнале факты биографии миллионера, собственные размышления покойного, воспоминания его поверенного.

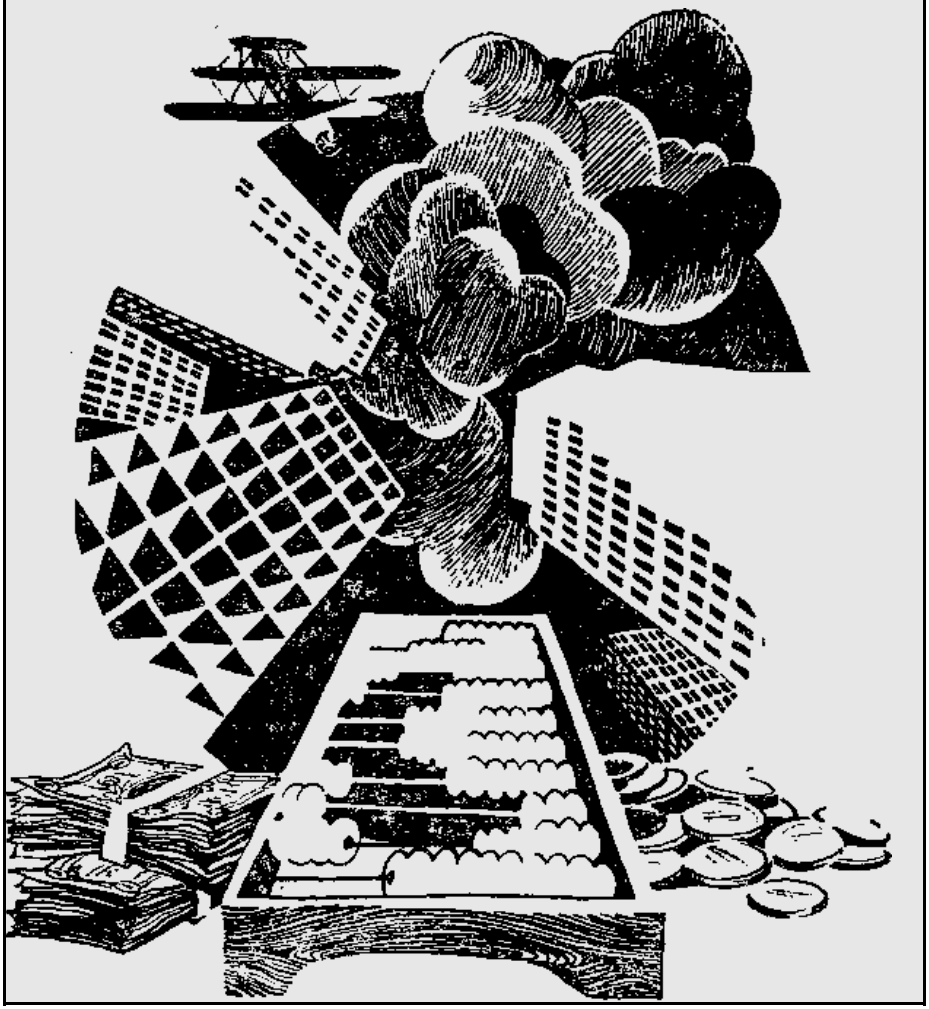
Из всех этих документальных свидетельств перед читателем встает зловещая фигура матерого капиталистического хищника, который не гнушался никакими преступлениями. Его путь «наверх» отмечен грязными финансовыми махинациями и разорением не только соперников, но и мелких держателей акций и маклеров, один из которых покончил с собой. Остерман чем-то напоминает Каупервуда в последние годы его жизни. Советский ученый-литературовед И. И. Анисимов, долгие годы переписывавшийся с Драйзером и хорошо знавший его творчество, считал, что рассказ «Победитель» является первой наметкой романа «Стоик», завершившего «Трилогию желания».

Сборник «Цепи» с самого начала пользовался вниманием читающей публики: за короткий период разошлось более 12 тысяч экземпляров книги, чему, конечно, способствовала широкая известность автора «Американской трагедии». Рассказы, включенные в этот сборник, явились важной вехой на литературном пути писателя-реалиста Драйзера, открыли перед читателями новые стороны его огромного дарования —

мастерство рассказчика, глубокое понимание человеческой психологии, умение широко использовать самые различные литературные формы. И конечно же, рассказы эти еще раз подтвердили прекрасное знание писателем американской действительности, ее самых темных сторон, умение владеть интересом читателя, держать его в напряжении.

Почти одновременно со сборником рассказов «Цепи» вышло в свет второе издание «Финансиста». Драйзер фактически переписал роман заново, он стремился еще больше подчеркнуть в Каупервуде черты капиталиста-хищника, его цинизм, себялюбие, придать его образу больше индивидуальности. Вместе с тем писатель сокращает роман, добиваясь большей сжатости и ясности изложения.

Часть IV



Глава 12
ДРАЙЗЕР СМОТРИТ НА СОВЕТСКУЮ РОССИЮ

В декабре 1926 года Драйзер получил письмо от одного из своих читателей в Советском Союзе. Молодой литературовед Сергей Динамов высоко оценивал «Американскую трагедию». «Я думаю, что вы являетесь величайшим писателем мира… — писал Драйзеру Динамов. — Вам не нравится богатство и капитализм. Но что вы хотели бы иметь вместо них? Социализм или коммунизм?.. Что вы думаете о Советской России?»

В начале января 1927 года писатель ответил своему московскому корреспонденту обстоятельным письмом. «Я не имею никаких теорий относительно жизни или какого-либо средства разрешить экономические или политические проблемы. Жизнь, как я вижу ее, есть организованный процесс, по отношению к которому мы в конечном счете бессильны. Конечно, наука, искусство, технический прогресс направлены к тому, чтобы облегчить и улучшить материальную сторону существования человечества, и это уже кое-что значит для огромных масс людей. Но я полагаю, что с начала христианства и далее не было ни одного плана, который был бы чем-то большим, чем просто теория. Но иметь дело с людьми — это практическая вещь, а отнюдь не теоретическая. Ничто не может изменить эмоции человека, его примитивное и животное отношение к жизни. Жадность, эгоизм, тщеславие, ненависть, чувства, любовь передаются по наследству ничтожнейшему из нас, и пока они не будут вырваны с корнем, невозможна никакая утопия. Каждое новое поколение, новое столетие приносят новые обычаи, новые идеи, новые теории, но страдание, слабость, неспособность, нищета всегда существовали и, нет сомнения, всегда будут существовать бок о бок со счастьем, силой, властью, богатством. И до тех пор пока интеллект, который заправляет в этом мире, не сочтет необходимым переделать природу человека, до этих пор, я думаю, будут выживать наиболее приспособленные — будет ли это происходить в монархиях Англии, демократиях Америки или Советах России. В заключение я хотел бы сказать, что я знаю так мало правды об условиях в России, что я не осмеливаюсь высказывать свое мнение в отношении окончательного результата того, что там происходит, но я действительно надеюсь, что нечто прекрасное и большое и бессмертное выйдет из этого».

Драйзер в этом письме недвусмысленно говорит о своем

согласии с теорией Спенсера («выживут наиболее приспособленные»). И это объяснимо: хорошо знакомая ему капиталистическая действительность не давала других примеров. В другом письме Динамову (14 марта 1927 года) писатель снова возвращается к положению в СССР, подчеркивает, что его глубоко интересует все происходящее в Советском Союзе.

В то время многие газеты писали о так называемом «эксперименте леди Астор». Эта богатая английская дама отправила за свой счет в СССР на шесть месяцев рабочего-металлиста Мортона. Она утверждала, что Мортон быстро захочет возвратиться в капиталистическую Англию. Однако он и его жена предпочли остаться в СССР. Драйзер весьма заинтересовался этим случаем и считал, что он свидетельствует о превосходстве советских условий общественной жизни над английскими.

Россия давно привлекала внимание Драйзера. Еще во время своего первого путешествия по Европе, в марте 1912 года, он писал из Берлина английскому издателю Гранту Ричардсу: «Я приеду сюда еще раз в другое время, и мы отправимся в Россию». Великая Октябрьская социалистическая революция, как известно, еще более усилила интерес писателя к нашей стране, к ее людям, к происходящим в ней переменам, он с симпатией следил за строительством в России нового мира. Но, вступив в переписку с московским литератором, писатель не знал, что вскоре ему самому предоставится возможность воочию увидеть эту так интересующую его страну.

Летом 1927 года Драйзер приобрел холмистый, заросший лесом участок земли по соседству с озером Кротон, неподалеку от городка Маунт-Киско, в округе Уэстчестер, штат Нью-Йорк. «Над озером, на вершине холма, стояла маленькая деревянная хижина, много лет служившая охотничьим домиком, — вспоминает Элен. — Мы перестроили ее и превратили в красивый бревенчатый дом с несколькими верандами. Три-четыре подземных источника, из которых мы брали воду, были превращены в бассейн для плавания размером в пятьдесят футов на сто. Он был обложен камнем; к нему спускались четыре ступеньки. Вокруг бассейна росли огромные ореховые деревья, под которыми в жаркие дни всегда была тень и прохлада. Вдоль дороги на границе участка Тедди выстроил каменный забор в 850 футов длиною; по эскизу Уортона Эшерика были сделаны две калитки, на которых была надпись «Ироки», что по-японски значит «Душа красок». Это был прелестный, живописный уголок, целый ряд лет доставлявший нам много радости; мы провели немало счастливых часов, стараясь сделать его естественную красоту еще ярче».

В октябре Драйзер получает официальное приглашение из Москвы принять участие в праздновании десятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Драйзер сразу же загорелся мыслью об этом путешествии. Ему хотелось посмотреть на Волгу, своими глазами увидеть коллективные хозяйства в деревне, восстановленную после разрухи промышленность, поговорить с простыми гражданами Советской России. «Форма правительства — это уже идея, — говорил он журналистам. — У России есть мечта… Мне нужны идеалы. И такой я представляю себе Россию. Меня интересует она сама, происшедшие изменения, ее идеалы, ее мечты».

Драйзер хочет побыть в СССР месяц или два, поездить по стране. Он получает на это согласие, ему гарантируют оплату расходов по поездке, и он твердо решает отправиться в это длительное путешествие. Элен хочет сопровождать его, но он объясняет ей, что «для того, чтобы иметь возможность свободно разъезжать повсюду, в любых условиях, ему нужно ехать непременно одному».

По случаю отъезда Драйзера друзья Флойд Делл, Эрнест Бойд и другие устроили в его честь обед в одном из широко известных ресторанов Гринвич-Вилледж. Драйзер и уезжающий с ним мексиканский художник Диего Ривера внимательно слушали напутственные речи, затем Драйзер произнес короткое ответное слово. 19 октября он отплыл в Европу на пароходе «Мавритания». На пароходе между Драйзером и Риверой происходили длинные беседы. Ривера отвергал индивидуализм, говорил о решающей роли народных масс, о значении огромного социального эксперимента, происходящего в России.

Трехдневная остановка в Париже позволяет ему осмотреть некоторые исторические памятники, окунуться в атмосферу беззаботности и веселья. В одном из кафе происходит знакомство с Эрнестом Хемингуэем, чей роман «И восходит солнце» он читал. Они говорили о произведениях Джеймса Джойса, о французской экономике. Беседа была не слишком продолжительной, так как Драйзер спешил на берлинский поезд.

По приезде в Берлин Драйзер заболел бронхитом. Лечащий его врач заподозрил заболевание сердца и рак легких, он категорически советовал писателю прервать путешествие или взять с собой врача. «Я вижу его насквозь, — писал Драйзер, — все они думают, что я миллионер, разве я не американец!» Больного навестили Синклер Льюис и Дороти Томпсон, которая также ехала в Москву в качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк ивнинг пост». Почувствовав себя несколько лучше, Драйзер по совету Льюиса посетил другого врача, который нашел у него

лишь бронхит, но также не посоветовал продолжать путешествие. Однако Драйзер не последовал этим советам. Он встречается с писателем Фрэнком Харрисом, биографом Герберта Уэллса и Бернарда Шоу, посещает драматурга Герхарта Гауптмана, а 3 ноября выезжает из Берлина в Москву.

Первая же остановка на советской территории производит на писателя глубокое впечатление, он невольно сравнивает путешествие по Германии и Польше с тем, что увидел в СССР. «Вы сразу же замечаете происшедшую перемену, — записывает он в дневнике. — Все как-то мягче, более эмоционально, меньше суровой жестокости». Прибыв в Москву, Драйзер поселился в 112-м номере гостиницы «Гранд-Отель», расположенной практически рядом с Красной площадью. Теперь, как писал он Элен, ему «предстояло самому разобраться в справедливости противоречивых мнений об этой стране, в диаметрально противоположных взглядах, которые высказывались в печати по поводу всего, что происходило в стране, занимающей одну шестую часть земного шара».

Вскоре после приезда Драйзера посещает Рут Эпперсон Кеннел. Драйзер был весьма удивлен встрече с коренной американкой.

— И кто это? — восклицал он. — Американская девушка из Оклахомы! Вы уже здесь целых пять лет? Какого же дьявола вы здесь делаете?

Выпускница Калифорнийского университета Рут Кеннел приехала в СССР в августе 1922 года и оставалась в нашей стране 6 лет — работала редактором, библиотекарем, переводчицей, корреспондентом американского журнала «Нейшн». В конце 1927 года она как раз редактировала переводы рассказов Драйзера для одного из московских издательств и писала к этому сборнику предисловие. Приезд писателя в Москву явился для нее полной неожиданностью. По просьбе Динамова она пошла с ним, чтобы помочь переводить его беседу с Драйзером. Встреча эта имела неожиданные последствия. Драйзер пригласил Рут быть его секретарем и переводчицей во время путешествия по СССР, и она сопровождала Драйзера до его отъезда из нашей страны. Более чем сорок лет спустя в Нью-Йорке была издана книга Рут Кеннел «Теодор Драйзер и Советский Союз. 1927–1945. Хроника очевидца», в которой она подробно рассказала о путешествии Драйзера по СССР и об их последующих встречах. Драйзер положил историю жизни Рут Кеннел в основу своей новеллы «Эрнита».

«Я никогда не уставал интересоваться, как живут другие люди, как они прокладывают свою дорогу в жизни», — писал

Драйзер в книге «Краски большого города». Его неутолимая любознательность, стремление все увидеть своими глазами проявились уже с первых дней пребывания в Советской стране.

Вечером 6 ноября вместе с Рут Кеннел Драйзер смотрит в театре имени Е. Вахтангова пьесу «Виринея» Сейфуллиной. В антракте Драйзер внимательно рассматривал публику, ему показалось, что среди зрителей мало рабочих. «Хотя рабочие здесь являются привилегированным классом, они не носят никаких знаков различия», — ответила Рут, и Драйзер понимающе улыбнулся.

7 ноября вместе с группой других американцев Драйзер наблюдал парад и демонстрацию с балкона гостиницы. Вечером он задавал бесчисленные вопросы московскому корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» Уолтеру Дюранти и внимательно выслушивал его обстоятельные ответы. Его интересовало все — величина квартирной платы и функции рабоче-крестьянской инспекции, причины безработицы и проблема иностранных долгов, новая экономическая политика и социальные права, которыми пользуются домработницы.

— Я уверен, Драйзер, что их власть со временем достигнет огромных успехов, — говорил Дюранти, — если, конечно, не случится еще одна иностранная интервенция при помощи американцев.

По дороге в гостиницу Драйзер остановился на мосту через Москву-реку и залюбовался силуэтом ночного города, из головы не уходили мысли обо всем, что он услышал и увидел за эти дни. Особенно поразили его точные и доброжелательные объяснения Дюранти.

— Он рассказал многое, над чем стоит задуматься, — обернулся Драйзер к стоявшей рядом Рут. — Давайте завтра рано утром отправимся осматривать город без гида. Я хочу снова побывать там, за рекой, и побродить по улицам, среди всех этих церквей, которые я вижу из моих окон.

Драйзер был неутомимым в стремлении все увидеть самому. В отличие от Дороти Томпсон, которая проводила все дни в беседах с иностранными корреспондентами, он посещал фабрики, школы, библиотеки, театры, беседовал с самыми различными людьми — рабочими и народными комиссарами, священниками и писателями. Драйзер хорошо знал состояние искусства и положение людей творческого труда в Соединенных Штатах. Автора «Гения» не могло не интересовать развитие искусства нового мира. Вскоре состоялась продолжительная беседа писателя с одним из основателей Московского Художественного театра, К. С. Станиславским. И снова писатель задает десятки

вопросов: какое влияние оказала революция на творческий процесс? Что из старых театральных форм отброшено и что внесено нового? Созданы ли новые крупные постановки? Имеет ли театр право на эксперимент?

Вечером Драйзер смотрел в театре постановку пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных». В другой раз он смотрел в театре Корша спектакль «Цемент» (по роману Ф. Гладкова). Многие сцены вызвали его искренний смех. Он отмечал, что сила пьесы заключается в ее «отчетливом реализме, в создании на сцене характеров, взятых из жизни». Драйзеру не понравился эксцентричный спектакль в театре Мейерхольда по пьесе Н. Гоголя «Ревизор». Он говорил Рут, что не может согласиться с провозглашенными Мейерхольдом идеями. Драйзер также побывал на спектаклях Камерного театра, смотрел балеты «Эсмеральда» и «Лебединое озеро», слушал оперу «Князь Игорь» в Большом театре. Разнообразие театральной жизни советской столицы произвело на американского писателя большое впечатление. «Нигде, кроме России, нельзя увидеть такие яркие массовые спектакли… — говорил он корреспонденту журнала «Музыкальная Америка». — У них не так уж много средств, но они способны создавать прекрасные постановки. Поклонение искусству — неотъемлемая часть русского образа жизни… Я бы хотел, чтобы мы хоть немного поучились у Советской России глубоко уважать искусство».

Театр был лишь одним аспектом культурной жизни Москвы, которым интересовался Драйзер. В Третьяковской галерее он с большим интересом рассматривал картины русских художников, внимательно всматривался в творения Ильи Репина. Он побывал и в других московских музеях и картинных галереях, подолгу простаивал у полотен Ван-Гога, Матисса, Гогена, Пикассо, Ренуара. «Подумать только, — восклицал он, — что я мог бы так и не увидеть всего этого!»

В Москве Драйзер познакомился с известным по кинофильму «Броненосец «Потемкин» кинорежиссером Сергеем Эйзенштейном. Беседа их в широком смысле касалась роли искусства в современном мире. Выслушав объяснения хозяина, Драйзер заметил: «Иными словами, вы являетесь пропагандистом советской системы. А что бы вы делали с вашими идеями, скажем, в Южной Америке?» — «Я бы приспособил их к местным условиям, — ответил Эйзенштейн. — Возможно, освещал бы колониальную проблему. А в Америке, — добавил он, — занялся бы вашим негритянским вопросом».

— Я предсказываю, — сказал Драйзер Эйзенштейну в конце беседы, — что русский характер сделает Россию через 30 лет

ведущей державой мира. В Америке великим стимулом явилось покорение новых земель. Здесь стимулом стало осуществление социальной революции.

В один из дней Теодора Драйзера пригласил к себе домой на обед Владимир Маяковский. Уставленный закусками обеденный стол вызвал удивление гостя. «Боже мой, в Нью-Йорке одно это стоило бы по меньшей мере 25 долларов!» — прошептал он Рут, указывая на вазочку с икрой.

Сначала Драйзер чувствовал себя несколько стесненно, но открытая, дружеская манера Маяковского, его доброжелательность быстро нашли отклик у американского гостя, и вскоре он держал себя свободно и непринужденно. Маяковский и Драйзер понравились друг другу, быстро нашли общий язык. Разговор затянулся далеко за полночь. Драйзер расспрашивал о положении в стране, много шутил.

Американского гостя больше всего интересовала судьба творческой личности в условиях нового государства рабочих и крестьян. Маяковский подробно отвечал на все вопросы Драйзера. Впоследствии он отметил, что советский поэт «нисколько не опасался, что его индивидуальность будет поглощена коммунистической уравнительной программой».

Вечером Драйзер был приглашен на прием в честь иностранных писателей, прибывших в СССР на празднование десятой годовщины Великого Октября. В числе присутствовавших были Альберт Рис Вильямс, Мэри Рид и другие. Драйзер выступил с короткой речью.

— Господин Драйзер — первый американец, когда-либо признававший, что он еще не составил определенного представления о нашей стране, — после речи американского гостя во весь голос заявил В. Маяковский. — Другие же, проведя несколько дней в Москве, пишут о нашей стране целые книги! — Это замечание поэта вызвало смех и аплодисменты всех присутствовавших.

К этому времени на русском языке уже были изданы несколько сборников рассказов Драйзера, его романы «Сестра Керри» и «Дженни Герхардт», книга «Краски большого города», названная в русском переводе «Краски Нью-Йорка». Поэтому Драйзер хотел встретиться с советскими издателями, чтобы договориться об условиях выпуска его книг в СССР. Хотя, как известно, ни СССР, ни США в те годы не являлись участниками существовавшего международного соглашения об охране авторских прав (Бернская конвенция), в Госиздате встретили американского писателя радушно, отнеслись к его точке зрения с пониманием. Драйзер, по свидетельству Кеннел, явился на

встречу в «воинственном настроении, с которым он обычно вел переговоры с американскими издателями». К обоюдному удовлетворению, переговоры вскоре были успешно завершены, и Драйзер оказался в окружении многочисленных работников издательства, которые хорошо знали его произведения.

Долгие годы в США преобладало мнение, что Драйзер в тридцатые годы не получал гонораров от московских издательств. В своей книге Р. Кеннел свидетельствует, что в году 1933-м или 1934-м Драйзер при очередной встрече с ней в Нью-Йорке сообщил, что гонорары из Москвы он получает аккуратно и что «его деловые отношения с Москвой развиваются значительно более удовлетворительно, чем с его американскими издателями».

Драйзер отдавал себе отчет в том, что новая Россия является страной рабочих и крестьян. И конечно, он уделял много времени посещениям заводов и фабрик, коллективных хозяйств, беседам с людьми труда и со специалистами. В Москве он посетил фабрику «Красный Октябрь». В фабричном комитете американскому гостю рассказали об условиях труда, о роли профсоюзной организации, о нормах выработки и заработках рабочих. Он с интересом осматривал фабричные детские ясли и цехи, расспрашивал рабочих об условиях жизни и о том, воруют ли с фабрики конфеты.

Встретившись со специалистами в области сельского хозяйства, Драйзер дотошно расспрашивал о положении крестьян, о порядке распределения земли, о сельскохозяйственном налоге, о том, кто пользуется большей личной свободой — крестьянин или рабочий, о стимулировании бедняцких хозяйств и т. д. и т. п. Все ответы он аккуратно записывает и потом сверяет с тем, что увидел своими глазами при посещении многих деревень.

В 17-ю годовщину смерти Льва Николаевича Толстого Драйзер решает посетить Ясную Поляну. Поездка эта, посещение могилы Л. Н. Толстого, встреча с его родственниками, беседы с местными крестьянами, завтрак в деревенской избе — все это произвело неизгладимое впечатление на писателя.

По возвращении в Москву он писал 23 ноября своим друзьям в Нью-Йорк: «Здешняя жизнь очень интересна для меня — поистине значительно более интересна, чем в большинстве европейских столиц. Увидеть воочию коммунизм в действии — это впечатляюще… Например, Тула — город с 200 тысячами жителей, с электрическим светом, трамваями, огромным железнодорожным вокзалом, автобусами и т. п. Я начинаю видеть, как все здесь меняется, ибо Тула — город более современный, чем Москва, — в действительности он больше похож на города в Америке… Я не променяю мою поездку сюда

ни на одно из предыдущих путешествий. Здесь все внове, и я отчетливо увидел определенные вещи, которые невидимы в Америке».

Драйзер по-прежнему использовал каждую минуту для работы — он встречается с наркомом торговли А. И. Микояном, посещает Наркомат почт и телеграфа, Роскоопсоюз.

26 ноября Драйзер отправился в поездку по стране. Огромное впечатление на него произвел Ленинград. После его осмотра он сказал своим спутникам, что никогда не видел более красивого города. Он побывал в Смольном и Петродворце, слушал оперу «Евгений Онегин». Ему особо запомнилось посещение Петропавловской крепости. «…Все еще как бы ощущаешь сохранившееся до этого часа невидимое присутствие всех тех, чьи жизни увяли здесь, — писал он впоследствии о своем впечатлении, — старые невзгоды переполняют каждую камеру! Я явственно слышал вздохи».

В Ленинградском Совете писатель снова задает многочисленные вопросы. На этот раз его интересуют социальные, человеческие аспекты жизни — изменилось ли прилежание трудящихся к работе, как скоро будет ликвидирована безработица, что ждет бездельников и лентяев, каковы жилищные условия рабочих? Он едет в районы нового жилищного строительства, заходит в квартиры и беседует с рабочими и их женами, посещает рабочие общежития. Целый день проводит он на фабрике «Красный треугольник», осматривает Эрмитаж и Публичную библиотеку, Музей Пушкина, беседует с местным архиепископом о положении религии в СССР, смотрит спектакль «Разбойники» Ф. Шиллера в детском театре, встречается с рабочими Путиловского завода.

Просмотрев только что вышедший на экраны кинофильм «Шторм», Драйзер отметил высокую технику кинооператора, интересный сюжет. Он считал, что новые советские фильмы «намного лучше голливудской продукции».

Дальнейшее путешествие Драйзера по Советскому Союзу было также насыщено посещениями фабрик и совхозов, музеев и театров, школ и клубов, деревенских изб и рабочих общежитий, столовых и детских яслей. И всюду американский писатель подолгу разговаривал с простыми людьми, расспрашивал их об условиях жизни и труда. В Нижнем Новгороде его поразили удобства и чистота рабочих квартир. В деревне Ближне-Боровское он ходил из дома в дом и проверял, правду ли говорила Дороти Томпсон, утверждавшая, что в деревнях крестьяне живут в одном помещении со свиньями. Не найдя в домах «даже цыплят», Драйзер спрашивает Рут: «Вы не думаете, что Дороти

разыгрывала меня?» — «Нет, — отвечала Рут, — она просто поверила рассказам других американских журналистов».

Киев с его красивыми улицами, хорошо одетыми женщинами, яркими витринами магазинов напоминал Драйзеру Париж. Он посещает Музей Тараса Шевченко и Киево-Печерскую лавру, внимательно знакомится с экспозицией Антирелигиозного музея, осматривает несколько фабрик и заводов, хлебопекарню. В Харькове он с изумлением слушал прекрасное исполнение оперы «Кармен» на украинском языке, долго рассматривал строящееся 14-этажное здание.

— Этот дом выглядит так, словно его подняли с Манхаттана и перенесли на эти снежные равнины! — говорил Драйзер своим спутникам. — Он символизирует индустриализацию старой России! Этот город живет прекрасными мечтами. Легко поверить, что через десять лет Харьков превратится в украинский Чикаго.

После посещения выставки украинского искусства писатель приобрел для своей коллекции картину работы местного художника.

В Донецке Драйзер спускался в шахту и ездил в пригородный совхоз, где его удивило наличие большого количества сельскохозяйственных машин. Затем он побывал в Ростове-на-Дону, Кисловодске, Баку, Тифлисе, Батуме. Он читал в английском переводе «Горе от ума» и в Тифлисе посетил могилу Александра Грибоедова. Из Батума Драйзер на пароходе «Пестель» отправляется в Одессу. По дороге делает остановку в Феодосии, чтобы посмотреть в картинной галерее работы Айвазовского. В Одессе ему так понравилась постановка оперы «Садко» в местном оперном театре, что он потом часто любил напевать арию индийского гостя. Здесь же в книжном киоске он с удовольствием увидел в русском переводе сборник своих рассказов и роман «Сестра Керри».

Усталый после длительного путешествия, переполненный впечатлениями, Драйзер 13 января 1928 года через Польшу едет в Париж. 77 дней провел он в нашей стране. Все увиденное произвело на писателя огромное впечатление. Он воочию убедился, что здесь все делается для трудящегося человека. Впоследствии в одном из писем руководителям Американской федерации труда он писал: «В России… коммунисты и их руководители предоставляют (массам трудящихся) экономическое, социальное и художественное образование… Они, а не… Американская федерация труда… предлагают рабочему клуб, театр, лекцию, книгу, поле политической деятельности и все формы… социальных развлечений в надежде пробудить у него более широкий и более полезный взгляд. Они верят в его

возвышение и его будущее, значение для государства его здоровья, силы, разума, счастья».

В Париже Драйзера встретила Элен. Он выглядел «усталым и измученным. Поездка оказалась для него тяжелой: в дороге он два или три раза болел. Теперь ему хотелось отдохнуть». После нескольких дней в Париже они едут на Ривьеру. Драйзер был «целиком под впечатлением того, что видел в России». Он много рассказывал Элен о том, какие лишения и нужду терпят русские, но как они вместе с тем мужественны, преисполнены надежд и истинного воодушевления, ибо сейчас, как сказал Драйзер, они переживают свое второе рождение. Путешествуя по стране, он повсюду сталкивался с этим воодушевлением, чувствовал его на каждом шагу и радовался этому, так как искренне полюбил русский народ. И одновременно с таким чувством в нем зародилось глубокое сочувствие, пожелание дальнейшего роста, успехов и счастья этому народу».

На обратном пути в Соединенные Штаты Драйзер остановился в Англии. Он имел беседы с Рамсеем Макдональдом и Уинстоном Черчиллем. Когда Черчилль позволил себе пренебрежительно отозваться о «русском эксперименте», усомниться в его жизненности, Драйзер резко возразил ему, основываясь на собственных наблюдениях, он был уверен, что социальная программа Советского правительства будет успешно выполнена. Разговор зашел о положении английских рабочих, Драйзер рассказал о своих впечатлениях от посещения фабричного района и от разговора с рабочими. «Черчилль сказал, что Англия собирается употребить половину государственных доходов на улучшение условий труда». — «Возможно, вы и собираетесь, но никогда не сделаете этого», — ответил Драйзер».

На пароходе по пути в Америку Драйзер работал над своими статьями о России. «Переписывая их, — вспоминала Элен, — я стала гораздо яснее понимать, за что Тедди боролся всю жизнь, — необходимость установления равенства между всеми людьми на свете. Тедди чувствовал, что эксперимент, осуществляемый в России, является первым практическим шагом к этой цели».

В Нью-йоркском порту Драйзера ожидала большая группа корреспондентов. Отвечая на их вопросы, он заявил: «Я не был коммунистом, когда уезжал за границу, и я не возвращаюсь коммунистом… Но почему должны быть очереди за хлебом в такой богатой стране, как Америка?.. Нигде в России вы не увидите людей без пальто, стоящих в очереди в ожидании остатков хлеба… Сопоставляя свободный и неконтролируемый рост незаконных доходов, который мы наблюдаем здесь, с регулируемым производством, централизованным Советским

правительством, я решительно предпочитаю русскую систему».

Не успели еще газеты опубликовать первые заявления писателя о положении в Советской России, как на него со всех сторон обрушились нападки и упреки, его уличали в незнании истинного положения в СССР и во всяких неточностях. Представитель реакционной организации «Американский легион» заявил, что Драйзера в СССР провезли по обычному туристскому маршруту для иностранцев и что он поддался «большевистской пропаганде». Различные «специалисты по России» пытались опровергнуть каждое утверждение писателя.

Путешествие в Страну Советов оказало огромное влияние на Т. Драйзера и всю его последующую жизнь. В ноябре 1934 года в письме Анри Барбюсу он писал: «Когда Россия провозгласила свою диктатуру пролетариата, я радовался сверх всякой меры. И мой визит в Россию в 1927–1928 гг., как вы, наверное, помните, явился восхитительным именно потому, что я видел, как рабочие и крестьяне в действительности создают жизнь, справедливую ко всем тем, кто хочет трудиться, и в которой ничего не припасено для бездельников и транжир».

До конца своей жизни Драйзер был глубоко убежден, что «Россия — единственная социальная надежда мира… Она сделала и делает для будущего человечества значительно больше, чем все остальные страны мира, вместе взятые».

Свои впечатления от поездки по Советской стране Драйзер изложил в одиннадцати статьях, написанных по заказу Северо-американской газетной ассоциации, они печатались в ведущих американских и европейских газетах во второй половине марта 1928 года. Несколько очерков были опубликованы в журналах «Сатердей ивнинг пост» и «Вейнити феар». Писатель много рассказывал о своей поездке друзьям и знакомым. «Он заявлял, — вспоминает У. Вудворт, — что Россия совершенно не такая, какой он ее представлял, и что она одна из наиболее демократических стран».

«Я чувствую, — писал Драйзер в своей первой статье о поездке, — что советская форма правления имеет тенденцию укрепиться в России, возможно, с некоторыми изменениями и… распространиться или же оказать ощутимое политическое воздействие на все другие народы… Я думаю, что наша собственная страна в конце концов пойдет по пути советизации».

Конец весны и лето 1928 года Драйзер работал над книгой о своей поездке по Советскому Союзу. Сдав рукопись издателям, он вместе с Элен уезжает из Нью-Йорка. По приглашению одного из своих знакомых, ученого-эндокринолога, они проводят три недели в небольшом городке Вудс-Хоул в штате Массачусетс, где

находилась Морская биологическая лаборатория. Драйзер внимательно изучает работу лаборатории, устанавливает дружеские отношения с рядом ученых. «Я усиленно тружусь, добывая информацию от биологов», — писал он в одном из писем.

Драйзер долгие годы стремился выработать свою собственную философскую систему устройства жизни, поэтому он так внимательно следил за последними исследованиями ученых-естествоиспытателей, стараясь через их открытия прийти к формулированию законов жизни, пытаясь в них найти ответы на мучившие его вопросы. Он наблюдал за научными экспериментами, вел с учеными длинные дискуссии. Профессор генетики Калвин Бриджес не уставал отвечать на многочисленные вопросы гостя и во время научных занятий, и на прогулках, и за ужином на лоне природы.

По возвращении в Нью-Йорк Драйзер получил неожиданное письмо — от Тельмы Гудлипп, которая послужила ему прототипом для образа Сюзанны в «Гении» и в которую он когда-то был влюблен. Теперь она была замужем за преуспевающим адвокатом и хотела встретиться. Драйзер и Элен пообедали с Тельмой и ее супругом. Из беседы с ней Драйзер узнал, что мать Тельмы, из-за которой он вынужден был уйти с поста редактора журналов фирмы «Баттерик», несколько лет тому назад покончила с собой. Встреча эта неожиданно напомнила писателю о давно прошедших днях, дала пищу для новых размышлений о смысле жизни.

Американские газеты и журналы не переставали проявлять интерес к писателю, просили у него статьи, интервью. Так, газета «Нью-Йорк уорлд» обратилась к нему с просьбой ответить на ряд вопросов, касающихся «современной жизни». «Что касается меня, — писал в ответе на эту просьбу Драйзер, — то я считаю американские газеты интеллектуальными банкротами. Несомненно, что они отнюдь не хотят получить прямо высказанные конструктивные мысли по любому вопросу. Им нужны сенсационные эффективные выступления; они раздувают интерес к определенному лицу, словно это экзотическое животное. У меня нет ни малейшего интереса к такого рода выступлениям… Если бы оказалось возможным заинтересовать какую-либо из американских газет принципиальным обсуждением проблем богатства, или религии, или действий правительства и если бы она осмелилась опубликовать на эти темы статью, которая бы не отражала взгляды католической церкви, политиканов, Уолл-стрита, бизнесменов, то я бы заинтересовался

таким предложением. Но знаю по своему большому опыту, что я требую слишком многого».

После длительных переговоров Драйзер все же написал статью для «Нью-Йорк уорлд». Но, как он и предполагал, статья так и не появилась на страницах газеты: редакторам не понравилось утверждение автора о том, что католическая церковь является «крупнейшим в мире владельцем недвижимого имущества». Драйзер категорически отказался снять эту фразу. «Весьма приятно видеть, — писал он редакторам газеты, — с какой бережностью «Нью-Йорк уорлд» относится к чувствам католической церкви. Я надеюсь, что «Уорлд» проявит такое же бережное отношение и к чувствам других организаций и лиц, как значительных, так и мелких. Прошу вернуть мне статью».

Занимающий в то время либеральные позиции журнал «Нейшн» опубликовал в мае 1928 года статью Драйзера «Американская пресса», в которой он изложил свои взгляды на «американский образ жизни». «Мне действительно кажется, — писал Драйзер, — что материальное благосостояние, не имеющее решительно никакого отношения к культуре или развитию мысли, просто вытравило из большинства американцев всякий интерес ко всему, кроме удовольствий и комфорта». Писатель прямо говорил, что страной правит «лишенная интеллектуальности горстка денежных тузов», что современная Америка — это «страна, ослабевшая благодаря материальному благополучию, равнодушная к социальному положению людей и их индивидуальным горестям, страна, молчащая при виде совершающихся несправедливостей и все больше и больше ограничивающая человека в его праве свободно мыслить…».

Многолетний опыт работы в американских газетах и журналах, опыт сотрудничества с ними придавал особую весомость утверждению писателя: «Я уже не раз замечал, что американские газеты и журналы весьма неохотно печатают на своих страницах тех, кто способен дать живую и правдивую критику нашей американской жизни. Убаюкивающее благоденствие повергает большинство американцев в какое-то почти свинское равнодушие ко всему нематериальному».

Подлинным вызовом этому «убаюкивающему благоденствию» явилась опубликованная в ноябре 1928 года книга «Драйзер смотрит на Россию», в которой писатель изложил свои впечатления от поездки по нашей стране. «Я неисправимый индивидуалист, — так начинает он свою книгу, — и потому я был против коммунизма». Но далее писатель признает, что обнаружил в Советской стране такие «прекрасные особенности», что «склонен не жаловаться, а аплодировать… Именно из России, как из

никакой другой страны сегодня, я чувствую, суждено выйти великим деяниям как умственного, так и практического порядка».

Драйзер путешествовал по нашей стране в те трудные годы, когда мы делали первые шаги по пути индустриализации, когда страна только залечивала раны, нанесенные гражданской войной. Далеко не все еще шло гладко, американский писатель не раз сталкивался с мелкими бытовыми и дорожными трудностями и неурядицами, задерживался в пути из-за климатических условий. Но он сумел увидеть, что не эти трудности — главное, а что главное заключается в получившей выход энергии и энтузиазме миллионных трудящихся масс, преисполненных решимости построить новый мир. Писатель своими собственными глазами увидел мир трудового человека, мир братства и дружбы между народами, понял великую притягательную силу идей коммунизма. И многие страницы его книги пронизаны чувством восхищения перед великим советским народом, перед простым тружеником — хозяином общества.

Писатель говорил, что невозможно «никогда забыть» тот факт, что именно «через коммунизм или эту коллективную или, если хотите, отцовскую заботу о каждом возможно ликвидировать наводящее ужас чувство социальной несправедливости… которое приводило в отчаяние меня во все годы моей жизни в Америке с тех пор, как я стал достаточно взрослым, чтобы понимать, что такое социальная несправедливость».

В отличие от своих предыдущих книг путевых очерков свою новую работу Драйзер организовал не по дневниковому принципу, а по проблемам. Восемнадцать глав книги рассказывают о различных сторонах жизни советского общества. Вот названия некоторых глав — «Столица страны большевиков», «Политические и общие достижения России после революции», «Нынешний экономический план Советов», «Коммунизм — теория и практика», «Русский рабочий, его заводы, его промышленность», «Сегодняшние проблемы русского крестьянина».

Завершает книгу глава «Общие впечатления от России». «Теперь, когда я подошел к концу этой книги, позвольте мне немного пофилософствовать. Я видел очень многое. Я высказался совершенно недостаточно об огромнейшем преобразовании, происходящем в мире. Одна из истин, которую я усвоил в России… заключается в том, что ошибочно предполагать, что люди действительно отличаются в зависимости от материального положения. Ничего подобного. Подлинное отличие человека — в его умственных способностях».

Писатель в своей книге подчеркивает, что он был абсолютно свободен в выборе мест для посещения, в своих беседах со

многими советскими гражданами. Американские биографы писателя отмечают, что во время посещения СССР Драйзер имел возможность «путешествовать, где он хотел, видеть и понять значительно больше, чем обыкновенный турист». Впечатления от этой поездки запомнились писателю на всю жизнь, он снова и снова возвращался к ним и в беседах с друзьями, и в своих многочисленных письмах.

«Что касается коммунистической системы, как я ее видел в России, — писал он в одном из своих писем в 1943 году, — я полностью за нее. Я видел их заводы, их шахты, их магазины, их комиссаров… И никогда в моей жизни я не встречал более образованных, более возвышенных в мыслях, более доброжелательных и отважных мужчин и женщин… В общем у меня возникло страстное чувство уважения к этому великому народу, и я все еще сохраняю это чувство…»

Официозная Америка встретила книгу «Драйзер смотрит на Россию» в штыки. Газеты и журналы печатали пародии на книгу, всеми способами пытались приуменьшить ее влияние на читающую публику. Раздавалось требование изъять книгу из продажи и уничтожить. Но Т. Драйзер твердо стоял на своем, угрозы не испугали его. За свою долгую литературную жизнь он успел привыкнуть и к угрозам так называемых блюстителей морали, и к недоброжелательности «большой прессы». Он прекрасно понимал, что в данном случае все дело в том, что «финансисты и мультимиллионеры… не допускают, чтобы подлинные факты о достижениях России стали достоянием американского народа».

Совершенно неожиданно для писателя ему был нанесен жестокий удар, откуда он меньше всего мог его ожидать. Жена Синклера Льюиса Дороти Томпсон возбудила против Драйзера судебное дело, обвинив его… в плагиате. Она провела в ноябре 1927 года несколько дней в Москве и по возвращении в США написала книгу «Новая Россия», вышедшую из печати в сентябре 1928 года, и теперь обвиняла Драйзера в заимствованиях из своей книги. Падкая на сенсации буржуазная пресса всячески раздувала скандал, обвиняя Драйзера во всех смертных грехах. Правда же заключалась в том, что в обеих книгах были весьма незначительные совпадения, так как их авторы использовали одни и те же справочные работы об СССР. Но если книга Драйзера была целиком построена на материалах его собственных наблюдений, то Дороти Томпсон в своей работе в основном полагалась именно на справочники и рассказы американских корреспондентов в Москве.

Драйзер отнесся ко всей этой скандальной истории весьма

сдержанно, объяснив любознательным репортерам, что и он, и госпожа Томпсон, вероятно, пользовались одними и теми же справочными материалами. В это время он был занят подготовкой к печати двух новых книг — сборника рассказов «Галерея женщин» и поэтического сборника «Настроения», и не хотел тратить драгоценное время на бесплодную переписку с Дороти Томпсон, которая могла играть лишь на руку его врагам. Через какое-то время госпожа Томпсон сама отказалась от выдвинутых ею обвинений.

Книга «Драйзер смотрит на Россию» стала событием не только литературной, но и общественной жизни Соединенных Штатов. О ней спорили на страницах газет и журналов, говорили с трибун на митингах и собраниях. С резким осуждением книги выступил на одной из лекций в Нью-Йорке белогвардейский эмигрант П. Н. Милюков.

Рассказ Драйзера о своем путешествии по Советской России — непредубежденный, откровенный, не всегда точный, иногда спорный, но всегда доброжелательный — не мог не привлечь внимание к СССР самых различных кругов американского общества, не мог не вызвать интереса у самого различного читателя. И тот факт, что рассказ этот велся устами крупнейшего писателя-реалиста, признанного мастера слова, бескомпромиссного борца с лицемерием и ханжеством, вызывал неприкрытую ярость со стороны всех правых сил, особенно же католической церкви.

Под прямым нажимом церковников суд присяжных в Бостоне отказался снять запрет с распространения «Американской трагедии» в этом городе. Присутствовавшие на заседании суда Драйзер, Дэрроу и некоторые другие были буквально ошеломлены абсурдностью всего происходящего. Присяжные, как оказалось, не имели ни малейшего представления о содержании романа и были уверены, что в нем проповедуются идеи… контроля над рождаемостью. Судья не разрешил Драйзеру и адвокату издателя изложить краткое содержание романа. Таким образом, присяжные вынесли свое решение, даже не зная содержания книги.

И судья, и прокурор, и большинство присяжных были католиками, что не укрылось от внимания Драйзера. Он прекрасно понимал всю ту опасность, которую представляет для человечества религия. «Я неоднократно заявлял и заявляю, — писал он в мае 1929 года в связи с запрещением книги Рабле в Филадельфии, — что сегодня главной угрозой для человечества является католическая церковь, потому что это — организация, охватившая весь мир, и потому, что она в основном нападает на

интеллект — на развитие человеческого ума в любой стране мира, — так как ради своего собственного благополучия она верит в невежество масс». Писатель имел основания подозревать, что из-за вмешательства католической церкви вот уже три года не двигалась с места работа над кинофильмом по роману «Американская трагедия», который намеревалась ставить голливудская кинофирма «Парамаунт феймоуз плейерс».

По возвращении из поездки в Советский Союз Драйзер загорелся идеей пригласить в Соединенные Штаты на гастроли балетную труппу Большого театра. Оказалось, что осуществить эту идею не так-то просто: требовалась очень крупная сумма денег. Получив принципиальное согласие советских организаций на такое турне, Драйзер предлагает организовать коммерческую корпорацию для проведения в жизнь намеченного им плана. «Мой личный интерес, — писал он в заявлении, которое разослал многим влиятельным американцам, — исключительно театральный. Я не связываю с этими гастролями никаких финансовых интересов и не намереваюсь получить никаких доходов, желая лишь иметь удовольствие представить американской публике новую великолепную форму артистического выражения».

Идею писателя поддержали литераторы, бизнесмены. Вице-президент автомобильной компании «Дженерал моторс» Дж. Д. Муни писал в этой связи Драйзеру, что он «всем сердцем симпатизирует идеям, которые, подобно намеченному визиту, направлены на ускорение ознакомления между Соединенными Штатами и Россией… Гастроли балета являются прекрасной возможностью придать началу международных отношений уровень, который бы явился достаточным, чтобы иметь существенное значение».

Однако мечта Драйзера так и осталась мечтой. Необходимых средств не удалось добыть. Он, как свидетельствует Элен, «с большой неохотой решил наконец отказаться от своей затеи и вернул все пожертвования тем, кто согласился поддержать его».

«Приезд русского балета, — писал Драйзер, — я вынужден с сожалением признать — всего лишь прекрасная мечта из далекого прошлого. Оказалось невозможным привлечь достаточное количество людей со средствами…»

Глава 13
«АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ»

Пришедшие к Драйзеру мировая известность и финансовая независимость не отгородили писателя от повседневной действительности, а еще более обострили его видение, повысили чувство ответственности за все происходящее в мире. Он с охотой откликается на многочисленные просьбы радикальных организаций о финансовой помощи, вносит средства в фонд помощи забастовщиков, принимает активное участие в судьбе Томаса Муни. В это время он поддерживает писателя-коммуниста Майкла Голда, одного из первых пролетарских писателей в Соединенных Штатах, который в те годы редактировал журнал «Нью мэссиз». Голд, работавший над романом «Евреи без денег», прислал Драйзеру две главы из романа и попросил поддержать его кандидатуру на получение ежегодной стипендии Гугенгейма. Драйзер высоко оценил литературный дар Голда и согласился выполнить его просьбу.

Драйзер поддерживал тесные связи с общественными деятелями, группировавшимися вокруг журнала «Нью мэссиз», он участвовал в организуемых им различных массовых мероприятиях. Элен, например, вспоминает, как они с Драйзером в канун нового, 1929 года «поехали на костюмированный бал, устроенный редакцией «Нью мэссиз». На это необычное празднество съехалось много интересных людей самых различных профессий и направлений — художники, писатели, поэты, журналисты, политические деятели, социалисты, радикалы, педагоги, музыканты, драматурги и другие люди, так или иначе связанные с Гринвич-Вилледж. Я никогда не бывала на таких балах, и мое любопытство, естественно, было возбуждено. В течение вечера многие гости подходили к нам (мы сидели в одной из лож, расположенных между ярусами танцевального зала), чтобы перекинуться несколькими словами с Драйзером, и в перерывах между танцами, длившимися до утра, завязывалось немало интересных разговоров».

Писатель много времени уделяет работе. «Как легко себе представить, — отмечал он в письме от 6 сентября 1929 года, — я всецело занят работой и почти не имею времени, чтобы уделить своим друзьям. Таким образом, мои книги должны говорить за меня». В шести номерах журнала «Херст интернейшнл-космополитен» — с февраля по июль 1929 года — публиковались три новеллы Драйзера — «Аглайя», «Элизабет» и «Сидони»,

объединенные под общим заглавием «Это безумие». В письме преподавателю университета штата Кентукки Гранту Найту Драйзер писал, что опубликованные новеллы составляют часть книги, в которую должно войти еще четыре очерка. «Кроме того, вам следует знать, что очерки, как они опубликованы в журнале «Космополитен», ни в коей мере не представляют собой полный их текст, представленный редакции. Чтобы удовлетворить цензуру различных штатов и не вызвать возможные предубежденные отклики некоторых читателей, — хотя я плохо понимаю, как можно этого избежать, — материал был сокращен по меньшей мере на одну треть… Что касается содержания очерков, то они автобиографичны».

По просьбе издательства «Саймон энд Шустер» Драйзер рецензирует рукопись нового романа Джона Купера Поуиса, пишет ряд статей для газет и журналов.

Разразившийся в 1929 году в США экономический кризис не только обнажил все противоречия капитализма, но и сорвал маску с мнимого благополучия «американского образа жизни», пустив по миру сотни тысяч, казалось бы, преуспевающих дельцов. «Ноябрь 1929 года был трагическим месяцем, — вспоминает Элен. — Внезапно, без всякого предупреждения, на бирже произошел крах, повлекший за собой самоубийства и хаос. Казалось, будто мчавшийся на всех парах экспресс был внезапно и резко остановлен силой всех тормозов. Люди пришли в смятение, впали в истерику. Некоторые из наших друзей, ходившие по самому краю пропасти, были начисто разорены. Даже Драйзер серьезно пострадал, ибо он тоже поддался уговорам хитрого спекулянта-биржевика, убедившего его вложить деньги в какие-то акции и облигации, цены на которые «должны были наверняка подняться до небывалой высоты». Вместо этого многие из них совершенно обесценились. К счастью для нас, у Драйзера на руках никогда не бывало подолгу много денег, и он не мог вложить их все; к тому же он был настолько благоразумен, что купил загородный участок в 35 акров. Было ясно, что всю страну ожидало резкое падение уровня жизни; и все же, хотя каждый ощущал эту неизбежную перемену, мало кто представлял себе всю глубину падения, какое предстояло испытать стране в последующие годы».

Драйзер в эти годы любил проводить время на своем загородном участке близ городка Маунт-Киско. Выкрашенные в яркий голубой цвет тяжелые бревенчатые ворота всегда стояли гостеприимно распахнутыми, словно приглашая посетителей. Здесь бывали многие друзья Драйзера и Элен, по субботам и воскресеньям на участке и у ворот стояло по десятку автомашин,

владельцы которых гостили у приветливого хозяина «Ироки». В доме можно было встретить критика Бартона Раско с женой и детьми, писателя Джона Купера Поуиса, художников Эшерика, Фабри, Дейвиса и многих других друзей и знакомых писателя. Сам он любил по вечерам сидеть на веранде в кресле-качалке и любоваться раскинувшимся перед ним видом — озером и покрытыми лесом невысокими горами. Близость к земле, к воде, к прекрасной природе наполняла Драйзера «чувством огромного удовлетворения». Вечно переезжавший с места на место, не имевший собственного угла писатель теперь наслаждался покоем, возможностью полностью отдаться любимому литературному труду.

В конце ноября 1929 года издательство «Бони энд Ливрайт» выпустило в свет «Галерею женщин», в которой объединены пятнадцать новелл, рассказывающих о судьбе женщины в капиталистическом мире. Все рассказанные писателем истории взяты из жизни, и многие современники Драйзера могли без труда сообщить, кто именно послужил прототипом той или иной героини рассказов. Таким образом, жизненная достоверность вошедших в сборник новелл никогда не подвергалась сомнению. Ряд новелл проливал дополнительный свет на личность самого автора, на его взаимоотношения с друзьями и знакомыми, позволял узнать его мысли, увидеть внутренние мотивы тех или иных его поступков.

Характерна в этом отношении новелла «Рона Мэрса», воспроизводящая внешние обстоятельства жизни друга молодости писателя Артура Генри (он выведен в новелле под именем Уинни Власто) и его второй жены Анны Мэллон (Рона Мэрса). В новелле хорошо передана обстановка тех лет, когда Драйзер писал свои первые рассказы и «Сестру Керри», те последствия, которые имело решение владельцев фирмы «Даблдей энд Пейдж» в отношении романа.

Запоминается образ влюбленной, молодой, энергичной женщины, ее нелегкая судьба. Тем не менее крушение надежд не сломило ее духа, и через десяток лет Рона снова вернулась к тому, с чего начинала, — руководила работой крупного машинописного бюро. Именно в труде находит Рона утешение от несчастной любви.

Героиня другой новеллы — Оливия Бранд, также женщина энергичная и лишенная многих предрассудков. Выросшая в религиозной провинциальной семье, она какое-то время находилась под сильным влиянием церкви. «Но страстное увлечение религией вскоре уступило место не менее страстному любопытству к жизни, завладевшему ее сердцем и разумом. Она

хотела знать. Ей хотелось познакомиться с людьми, не похожими ни на ее родителей, ни на тех, кого они ставили ей в пример. Хотелось думать и рассуждать именно о том, что они так решительно осуждали. Читать именно те книги, которые, она знала, ими не одобрялись…»

Дальнейшая жизнь Оливии, ее неудачное замужество за богатым, но ограниченным человеком, ее тяга к людям искусства и рабочим лидерам, ее второе — на этот раз удачное — замужество, ее сострадание голодным и угнетенным, ее сочувствие, ее увлечение героизмом и благородством бастующих рабочих и ее неожиданная смерть — все это описано с тонким пониманием психологии женщины.

Вместе с тем в образе Оливии Бранд автор показывает, как трудно стать в Америке писателем, если хочешь писать не о «красивой жизни верхних десяти тысяч», а о страданиях и надеждах миллионов простых людей. Оливия знала, что «для этого нужно жить и понимать жизнь. Теперь она в этом убедилась, а также в том, что писательское мастерство — это особый дар, тесно связанный с личностью и характером человека».

Личность и характер самой Оливии позволяли надеяться, что из нее получится настоящий писатель. Она не только обладала литературным талантом, но и умела видеть жизнь в движении, «ее глубоко волновали и тревожили те явления, которые сам я привык рассматривать как неизлечимые язвы жизни; в отличие от меня она не считала их столь безнадежно непоправимыми. Жизнь хоть и медленно, а все-таки движется вперед, по крайней мере, так должно быть!»

В Оливии были те «душевная отзывчивость и человечность, которые не позволяли ей спокойно и равнодушно относиться к страданиям людей». Один из выдающихся рабочих лидеров с благодарностью говорил, что «из всех женщин, сочувствующих рабочему движению, которых ему случалось встречать, Оливия не то что больше всех понимала, но была самой отзывчивой и умела воодушевлять других», особенно во время стачек в Лоурене и Патерсоне. Драйзер утверждает, что Оливия «могла бы подняться до вершин подлинного творчества, где живут, мыслят и творят те, кто властвует над умами человечества».

Болезнь и преждевременная смерть прервали литературную деятельность Оливии в самом начале. Автор не виноват, что конец этой истории такой печальный. Именно так неожиданно оборвалась жизнь Эдит де Лонг-Смит, которая послужила писателю прообразом Оливии Бранд. И в этом сборнике многие истории кончаются весьма печально не потому, что писатель исходил из пессимистического взгляда на жизнь, а потому, что

американская действительность при более пристальном рассмотрении оказывалась весьма мрачной и неприглядной, пустой и беспросветной.

Такова жизнь и других героинь рассказов — медицинской сестры Регины, хозяйки фермы Иды Хошавут, жаждущей развлечений Рейны. Всех их автор описывает с сочувствием и пониманием, но показывает, что жизненные обстоятельства оказываются сильнее их, подчиняют себе, и в результате Регина становится морфинисткой, умирает от непосильного труда Ида. Трагическим концом своих рассказов писатель пытается привлечь внимание общественности к той несправедливости, которая существует в окружающем мире.

В некоторых из новелл Драйзер возвращается к своей излюбленной теме — судьбе человека искусства в капиталистическом обществе. Такова, например, новелла «Эрнестина». Героиня ее являлась «воплощением молодости, радости жизни, поэзии и любви к красоте». Преуспевающая актриса драматического театра Эрнестина любила и была любимой. Казалось, в жизни ее ждут одни лишь радости и удовольствия.

Но вот Эрнестина задумывает испробовать свои силы в кино. Ради успеха она решает бросить любимого и стать любовницей совладельца одной из крупнейших кинокомпаний. Какое-то время ей дают первые роли, но вскоре она уже «снимается на вторых главных ролях, сопутствуя звездам мужского и женского пола». Однако и такое положение продолжалось не слишком долго. Дело в том, что Эрнестину «считали слишком серьезной, серьезней многих блиставших тогда звезд, а режиссерам требуются артисты, которые были бы воплощением молодости и красоты и не отличались умом».

Она начинает испытывать трудности в получении ролей, а тут в кинопромышленности разразился кризис, «…и вот однажды утром все газеты Лос-Анджелеса напечатали сообщение из Нью-Йорка о том, что Эрнестина де Джонг, бывшая кинозвезда, отравилась газом в Гринвич-Вилледж, в квартире, где она жила прежде, когда работала в одном из нью-йоркских театров».

Несложная эта история, рассказанная писателем просто и проникновенно, типична для многих кинозвезд буржуазного мира. В небольшой новелле Т. Драйзер отразил самую суть положения талантливой актрисы в капиталистическом обществе. Актриса там зачастую не творческая личность, а предмет наслаждения и торга, бездушная кукла в руках магнатов от искусства. И у нее есть лишь два выхода: либо смириться с таким «позолоченным» существованием, либо уйти из искусства. Для

тех же, кто не мыслит своего существования вне мира искусства, остается, как и для героини Драйзера, лишь один путь — уход из жизни.

Самоубийство актрисы, даже талантливой, никого не удивляет в капиталистическом мире. И вот эта обыденность происшедшего, обыденность добровольного ухода человека искусства из чужой ему жизни и потрясает читателя, показывает ему всю трагичность судьбы актрисы, ее зависимость от денежного мешка. «Деньги, словно клеймо, отличают все, что есть лучшего в Америке, — писал Т. Драйзер. — Генри Форд, потому что он имеет миллионы, является авторитетом в области интеллектуальных проблем любого сорта».

Особняком в сборнике стоит новелла «Эрнита», повествующая, по словам автора, «о том сцеплении обстоятельств, которое привело ее в самую гущу одного из величайших социальных переворотов в истории человечества». Эрнита родилась и выросла в Америке. Она с детства узнала, что такое тяжелая борьба за существование, задумывалась над несправедливым устройством мира. «…Задолго до того, как в России вспыхнул свет коммунизма, я чувствовала, что где-то должна произойти перемена… должен возникнуть новый общественный строй, при котором социальная справедливость осудит и отменит войну, — это будет какой-нибудь всемирный союз рабочих и угнетенных…» — так думала Эрнита. Такие взгляды побуждали молодую женщину к действиям, она с головой уходит в общественную деятельность.

После победы Октябрьской революции Эрнита жаждет «внести хоть маленькую лепту в великое дело». Летом 1922 года вместе с отрядом американских специалистов-энтузиастов Эрнита отправляется в Кузбасс помогать молодому государству рабочих и крестьян налаживать промышленность. В Советской России Эрнита поняла, что подлинное освобождение женщине несет только коммунизм, и она решает остаться в России.

Новелла «Эрнита» занимает особое место в творчестве Т. Драйзера. В ней писатель попытался разрешить новую для его творчества проблему — сочетание личного и общественного в жизни человека. «Эрнита» — это новелла о женщине нового типа, вставшей на путь социальной борьбы и пришедшей к коммунистическому мировоззрению. В то же время это новелла о любви, о стремлении женщины к сочетанию личного счастья с общественной деятельностью. Не все удается Эрните, у нее много трудностей, но она твердо уверена в том, что «коммунистическое учение может привести к созданию более совершенного общественного строя, и ради такой цели я всегда готова

работать».

В течение трех дней после выхода «Галереи женщин» в американских газетах и журналах было опубликовано около десяти рецензий, и в подавляющем большинстве из них критики стремились приуменьшить значение нового труда писателя, не хотели видеть тех социальных обобщений, которые содержались почти в каждой новелле. Социальная направленность творчества Т. Драйзера уже была ясна каждому непредубежденному человеку, но критики по-прежнему старались доказать, что главный удар писателя направлен против пуританизма, пытались свести всю направленность его творчества к описанию частных случаев жизни и никак не желали признать за произведениями Т. Драйзера широкого обобщения американской действительности, изображения типичных американских граждан в типично американских обстоятельствах.

Страна переживала тяжелые времена: экономический кризис 1929 года привел к депрессии и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Америка какое-то время находилась в состоянии шока. Драйзеру хотелось собственными глазами увидеть, как реагируют американцы на такую резкую перемену экономического положения.

20 марта 1930 года он отправляется в длительное путешествие по Америке. Сначала он едет поездом через Сен-Луис (штат Миссури) в город Таксон (штат Арканзас), затем вместе с присоединившейся к нему Элен они путешествуют на машине через Техас, Нью-Мексико, Аризону, Калифорнию, Орегон, Айдахо, Вайоминг, Монтану, Южную Дакоту, Миннесоту, Висконсин, Иллинойс, Мичиган, часть Канады, Пенсильванию, Нью-Джерси и Нью-Йорк. Они проехали более 16 тысяч километров, побывали в самых различных уголках страны.

Больше всего Драйзера потрясла безработица, огромные масштабы которой превзошли все, что он ожидал увидеть. Проведенная в марте 1930 года в Нью-Йорке стотысячная демонстрация безработных, которой руководил председатель Национального комитета Коммунистической партии США Уильям Фостер и другие коммунисты, вызвала отклик по всей стране.

Многочисленные встречи с простыми людьми, картины остановившихся фабрик и заводов, запущенные фермы, построенные из картонных коробок лачуги поденщиков — все это обескураживающе действовало на писателя. Нищета, по признанию официозных американских изданий, стала в эти годы «образом жизни более чем 40 миллионов американцев». Драйзер воочию увидел страдания рабочих и их детей, еще раз заглянул в ту пропасть, которая разделяла простых тружеников и власть

имущих.

Во время своих встреч с представителями местной печати Драйзер неустанно обличал «американский образ жизни», капиталистическую систему. «Мы называем эту страну демократией. В действительности же — это олигархия, — говорил он в мае 1930 года корреспондентам газеты «Сан-Франциско кроникл». — Правительство расположено на Уолл-стрите, а не в Вашингтоне… Разговоры о демократии — просто шутка». Он разоблачал коммерческий подход к литературе, растущую безработицу и жестокое обращение с заключенными в тюрьмах, выступал против посылок католических миссионеров в другие страны, предупреждал, что стремление многих американцев приобретать ненужные вещи не доведет до добра.

Однако Драйзер надеялся на перемены к лучшему. «В один прекрасный день, — заявлял он газетчикам из «Таксон дейли ситизен», — Америка, этот огромный Гулливер, разорвет цепи, которыми ее опутали лилипуты».

«Из Сан-Франциско, — вспоминает Элен, — мы поехали в Сан-Квентин, чтобы повидать Тома Муни, который отбывал там тюремное заключение за приписанное ему участие в инциденте с бомбой во время военного парада в Сан-Франциско 22 июля 1916 года. Хотя его признали невиновным (он установил свое алиби, доказав, что был в это время в другом месте), он все еще находился в тюрьме по так называемым политическим мотивам».

Драйзер ходатайствовал об освобождении Муни перед губернатором штата Калифорния Янгом, пытался заинтересовать его судьбой Вильяма Рэндольфа Херста и других влиятельных лиц. В своих письмах к Муни он всячески подбадривал его, писал, что он «не забыт».

Около двух недель Драйзер провел у родных Элен в штате Орегон. На обратном пути они останавливаются в Чикаго, чтобы навестить его брата Рома, содержание которого в меблированных комнатах средней руки Драйзер оплачивал. «Он выглядел совершенно заброшенным: одет в какое-то старье, шляпа от дождя полиняла, сапоги рваные. Он ходил согнувшись, привыкнув принимать униженную позу, и мы заметили, как быстро он состарился… От истощения и отсутствия забот о нем память стала изменять ему… Он упорно называл Тедди Полем, возможно, потому, что очень любил Поля и помнил о его вошедшей в поговорку щедрости». Драйзер забирает Рома с собой, устраивает в семье их сестры Мэйм Бренан и до конца жизни Рома оплачивает все его расходы.

Летом 1930 года нью-йоркский клуб имени Джона Рида, объединявший прогрессивно настроенную интеллигенцию,

обратился к Драйзеру с просьбой высказаться в защиту свободы политических убеждений. Ответ свой, датированный 10 июня 1930 года, писатель напечатал в виде брошюры и распространил в нескольких сотнях экземпляров. «Правительство, демократия — это только орудие в руках правящего класса, — провозглашал Драйзер. — Вы можете убедиться в том, насколько положение стало угрожающим, если при правительстве, самой конституцией своей гарантирующем свободу собраний, слова и мнений, никто не смеет даже упомянуть о социализме, или коммунизме, или о каких-либо государственных недостатках». Писатель обличал те силы, которые он называл «представителями индустриального абсолютизма», обращал внимание, что в «России делается попытка осуществить новый строй и, несмотря на все препятствия, она удается».

В июле 1930 года на страницах журнала «Синкер» была помещена статья Драйзера «Новый гуманизм», в которой он резко выступил против консервативного направления в критике — так называемого «неогуманизма», против требований возвратиться к «традициям жеманности». Несколько раньше, 6 мая 1930 года, газета «Даллас морнинг ньюс» опубликовала интервью с писателем, озаглавленное «Драйзер разгневай цензурой гуманистов». В этом интервью Драйзер откликнулся на выход книги «Гуманизм и Америка», в которой провозглашались идеи «неогуманиста» Ирвинга Бэббита и других его последователей. Драйзер подчеркивал отрыв этих критиков от жизни. «Я призываю доктора Бэббита, — говорил он, — обратить внимание на факты всей нашей истории или хотя бы на факты, изложенные в его утренней газете… Мрачные и ужасающие истории, против которых восстает доктор Бэббит и его гуманисты, создаются не какими-то мелкими писаками, а самой жизнью… Приходится признать, что сегодня в Америке наблюдается тенденция к узкой, нетерпимой, разрушающей разум и искусство цензуре, но я не верю, что она сможет восторжествовать. В конечном итоге сама жизнь сведет на нет все подобные запреты. Цензоры уходят, а то, что они хотят разрушить, остается».

Известный американский философ и критик Джордж Сантаяна ответил «неогуманистам» широко известной в США работой «Традиция жеманности в тупике» (1931). Большая группа писателей и критиков резко выступила против «неогуманистов» в сборнике статей «Критика гуманизма» (1930). Многие писатели увидели в теориях «неогуманистов» стремление оторвать их от жизни, от изображения язв буржуазного общества, особенно ярко обнажившихся в результате начавшегося экономического кризиса. Не случайно журнал «Нейшн» назвал «неогуманистов»

«любителями молочных сухариков». Драйзер в качестве примера реалистической литературы приводит произведения Фрэнка Норриса, Шервуда Андерсона, Эдгара Ли Мастерса, Синклера Льюиса и многих других писателей. Ни один из этих писателей, подчеркивает Драйзер, «не вылощен, не изыскан, не напевен и вообще не такой, каким его хотели бы видеть «гуманисты». Наоборот, эти писатели по большей части грубы, не отшлифованы, чересчур прямолинейны и примитивны, то есть очень похожи на саму жизнь». Но писатель одновременно выступает против другой крайности, против тех авторов, которые «считают своим долгом плеваться, ругаться, кощунствовать и откровенно подчеркивать свои вкусы и пристрастия, следуя повадкам шестнадцатилетнего подростка, стоящего на углу улицы в маленьком провинциальном городке. Но слишком уж это плоско, слишком банально. Речь идет ведь о целой вселенной, а не о лондонской или чикагской грязной улице». Драйзер подчеркивает, что дело не в «подборе прилагательных», а в «подлинном понимании» окружающей действительности, в проникновении в смысл происходящих событий.

Сам писатель внимательно наблюдал за всем происходящим в мире, от его пристального взгляда не укрывались подлинные причины тех или иных внутренних и международных событий, будь то рост безработицы в Нью-Йорке или направленные против СССР происки международной реакции.

В заявлении, направленном Международному бюро революционных писателей и опубликованном в газете «Правда», Драйзер поднял свой голос против тех, кто планировал нападение на СССР: «Я против всякого конфликта с Советским Союзом, от кого бы он ни исходил. Я считаю, что Советская Россия является экономической и политической системой, которая уже ныне в состоянии конкурировать с западным капитализмом, а в будущем — возможно, уже в близком будущем — окажется сильнее его».

Подобные выступления писателя вызывали резкие нападки американской печати. Нью-йоркская газета «Геральд трибюн», например, в этой связи утверждала, что «человек может быть великим романистом и все же оставаться в некотором роде глупцом». Другая газета, «Ивнинг пост», высказывалась в том же духе: «Несчастье с этим человеком заключается в том, что он слишком много читал Теодора Драйзера».

Возвратившись в начале июля 1930 года из поездки по стране, Драйзер сразу же принимается за работу — готовит к изданию первую часть своей автобиографии «Заря». Он уже много лет работал над этой книгой, но все же откладывал ее публикацию, так как опасался, что весьма откровенное описание

жизни семьи Драйзеров в годы его ранней молодости может не понравиться некоторым из его близких родственников. Но теперь он решил завершить работу над книгой и издать ее. Помогать ему, как обычно, приехала из Филадельфии редактор Луиза Кэмпбелл.

Осенью 1930 года Т. Драйзер вместе с другим американским писателем, С. Льюисом, был выдвинут кандидатом на Нобелевскую премию по литературе. Большинством голосов — два против одного — премия была присуждена С. Льюису. Когда эта новость достигла берегов Америки, даже видавшие виды американские журналисты были весьма удивлены. Сам Драйзер отнесся к этому событию спокойно. «Я не могу себе представить, — писал он в этой связи в частном письме, — чтобы эта премия уменьшила или улучшила умственное состояние любого серьезного писателя…»

В декабре 1930 года состоялась единственная встреча Драйзера с Рабиндранатом Тагором, посетившим Соединенные Штаты. «В этот день, — пишет Элен, — Тагор и Драйзер говорили о многом, но поскольку в то время Россия была у каждого мыслящего человека на уме, они вскоре затронули и этот вопрос. Тагор с восторгом говорил о России и восхищался успехами Советского правительства… Он считал, что «умонастроение всего мира должно быть изменено» и что «человека будущего следует воспитывать в глубокой вере в широкий братский союз всех людей». Его постоянным стремлением было добиться гармонии между духовными богатствами Востока и научными знаниями Запада. Он сказал: «Россия — это чудо, и когда она проникнется большей уверенностью в своем успехе, ее наглядный урок окажет свое влияние на весь мир — это самое меньшее. Вся Азия окажется под влиянием этого наглядного урока, и она нуждается в нем». Он заговорил далее о впечатлениях, вынесенных им из его пребывания в Соединенных Штатах. Он считал нас самым тиранническим народом в мире, с точки зрения индивидуума; самым аристократическим — высокомерно аристократическим. Его огорчил недружелюбный прием, оказанный ему здесь… Тагор чувствовал, что должен уехать — это место не для него. Ни одно его интервью не было опубликовано в том виде, как он давал его. В статьях за его подписью сплошь и рядом появлялись фразы, которых он никогда не писал, а если он брал на себя труд опровергать их, его опровержения печатались мелким шрифтом на последних страницах газет».

Драйзеру все это было слишком хорошо знакомо, он всеми силами боролся против такого положения, подымая свой голос против продажности и неискренности буржуазной печати, против

диктата миллиардеров. Он искренне огорчался, что и всемирно известный индийский мыслитель не смог избежать общей участи.

Примерно в это же время магнаты американского кино из Голливуда снова проявили интерес к экранизации «Американской трагедии». Такому повороту событий способствовали некоторые обстоятельства. В Соединенные Штаты приехал выдающийся советский кинорежиссер Сергей Эйзенштейн. По свидетельству Чарли Чаплина, «Эйзенштейн должен был снимать фильм для фирмы «Парамаунт». Он приехал овеянный славой «Потемкина» и «Десяти дней, которые потрясли мир» («Октябрь»). «Парамаунт» пригласил Эйзенштейна поставить фильм по его собственному сценарию. Эйзенштейн написал превосходный сценарий «Золото Зуттера» на основе документального материала о первых днях калифорнийской золотой горячки. В сценарии не было никакой пропаганды, но то обстоятельство, что Эйзенштейн приехал из Советской России, вдруг напугало «Парамаунт», и фирма в конце концов отказалась от своей затеи». Как утверждает работавший в США с Эйзенштейном Айвор Монтегю, советского режиссера просто хотели скомпрометировать.

Отказавшись от постановки фильма о Зуттере, фирма поручает Эйзенштейну экранизировать «Американскую трагедию». Так после четырех лет проволочек возродилась идея постановки фильма по роману Драйзера. Эйзенштейн хорошо знал роман и с охотой принялся вместе с Монтегю за работу над сценарием. Он отправляется в «Ироки» и долго обсуждает с Драйзером свою интерпретацию книги. Впоследствии Драйзер внимательно ознакомился с подготовленным киносценарием и полностью одобрил его.

Однако фильм по сценарию Эйзенштейна — Монтегю так и не был поставлен. История запрещения этого сценария заслуживает того, чтобы остановиться на ней несколько подробнее. Эйзенштейну нравилась «Американская трагедия». «Роман Драйзера широк и безбрежен, как Гудзон, — писал он в статье «Одолжайтесь!», — необъятен, как сама жизнь, и допускает любую точку зрения на себя; как всякий «нейтральный факт» самой природы, роман его — это девяносто девять процентов изложения фактов и один процент отношения к ним. Эту эпику космической правдивости и объективности надо было «свинтить» в трагедию, что немыслимо без мировоззренческой направленности и заостренности».

Проблема, как подчеркивает Эйзенштейн, заключалась в социальной трактовке описанных в романе событий. Виновен или невиновен Клайд в гибели Роберты? — вот в чем гамлетовский вопрос, определяющий социальную направленность сценария, а

значит, и будущего фильма. Это прекрасно понимали и владельцы фирмы, кроме того, их беспокоила и «кассовая» сторона — принесет ли фильм прибыль. И поэтому первый вопрос, который задал «босс» калифорнийских студий «Парамаунта» Бен Шульберг принесшим первый вариант либретто сценаристам, был: «Виновен или невиновен Клайд Грифитс в вашей трактовке?» — «Невиновен!» — «Но тогда ваш сценарий — чудовищный вызов американскому обществу!..»

«Мы объяснили, — вспоминает С. Эйзенштейн, — что преступление, на которое идет Грифитс, считаем суммарным результатом тех общественных отношений, воздействию которых он подвергается на каждом этапе его развертывающейся биографии и характера, развивающегося по ходу фильма…» — «Нам бы лучше простую крепкую полицейскую историю об убийстве… и о любви мальчика и девочки…» — сказали нам со вздохом». И далее сценаристы воочию увидели, «как фактически работает по-серьезному определяюще идеологическая установка в отношении определения вещи…». Хотя редакторы фирмы и другие официальные лица поначалу дали весьма благоприятные отзывы о сценарии, он был забракован хозяевами фирмы под предлогом… дороговизны съемок. Тем временем департамент труда США отказал Эйзенштейну в праве дальнейшего пребывания в стране и потребовал его немедленного выезда…

Тем не менее история с экранизацией «Американской трагедии» на этом не закончилась. Хозяева «Парамаунта» решили все же создать звуковой вариант фильма и заказали сценарий некоему Самуэлю Хоффенштейну, а режиссуру поручили Джозефу фон Штернбергу. В самом начале января 1931 года с Драйзером был заключен официальный контракт, предоставивший ему право высказать в отношении сценария «советы, предложения и критические замечания». Однако окончательное право принять или отвергнуть эти советы оставалось за фирмой «Парамаунт».

Не прошло и пяти недель после подписания контракта, как Хоффенштейн закончил свой сценарий и 9 февраля телеграфировал в Нью-Йорк, что он выезжает, чтобы ознакомить со сценарием Драйзера. Но писателя в это время уже не было в городе: еще 1 февраля он на пароходе отправился в морское путешествие вдоль побережья Америки, намереваясь посетить Гавану, а также Флориду. Однако фирма неожиданно начала «пороть горячку». Ее представитель, знавший, что Драйзера нет в городе, тем не менее 13 февраля послал писателю на его нью-йоркский адрес письмо с предупреждением, что, если до 20 февраля фирма не получит от Драйзера ответа, она будет считать, что он отказался от своего права «высказать советы», и

немедленно приступит к съемкам.

Драйзер узнал обо всем этом 16 февраля, когда он прибыл в Форт-Майерс во Флориде. Он сразу же телеграфировал Хоффенштейну, ответ которого был не слишком ободряющим — Хоффенштейн соглашался встретиться с Драйзером, однако видел в такой встрече мало пользы, так как работа над фильмом уже началась. Они все же договорились встретиться в Новом Орлеане, и Драйзеру выслали экземпляр сценария.

Ознакомившись со сценарием, Драйзер писал его автору: «Что касается меня, то сценарий является ни больше ни меньше как оскорблением книги — охвата событий, действий, чувств, психологии».

Последовавшая за этим переписка Драйзера с президентом фирмы «Парамаунт пабликс корпорейшн» Джессе Ласки вводит нас в творческую лабораторию писателя, показывает, с какими целями и мыслями он создавал свой знаменитый роман. «Представленный на мое утверждение сценарий «Американской трагедии» я отвергаю, — писал Драйзер 10 марта 1931 года, — так как я знаю, что по нему можно создать лишь плохой фильм как в финансовом, так и в художественном отношении… Каждому, кто понимает в кино, должно быть понятно, что Штернберг и Хоффенштейн просто «схалтурили»… Их крупнейший просчет заключается в подаче характеров. Они сделали из Клайда крайне несимпатичного «самоуверенного хлыща», который стремится лишь к одному — девушке, любой девушке… Клайд — жертва и творение обстоятельств… Они же оказались полностью неспособными показать это. Нет ни неослабевающих стремлений, ни неотвратимой судьбы, которые заставляют этого юношу действовать так, как он действовал. И другие образы созданы одинаково небрежно… «Американская трагедия» — прогрессирующая драма… Определенная и заданная цепь событий приводит к определенным выводам, эти выводы должны быть доказательными… Элементами интриги, внезапности, симпатии авторы сценария целиком пренебрегли, и с такой преднамеренностью, которая поразительна».

У Драйзера были веские основания обвинять авторов сценария в предвзятости. Не далее как 3 марта 1931 года «Нью-Йорк таймс» опубликовала следующее высказывание Джозефа фон Штернберга в ответ на критические замечания Бернарда Шоу об американской кинопромышленности: «Джордж Бернард Шоу устарел и старомоден. Он действует, думает, говорит и пишет словно в прошлом столетии. Он исчерпал себя еще двадцать лет тому назад, это также относится ко многим из так называемых литературных гигантов — и особенно к Теодору Драйзеру».

Неудивительно, что человек, придерживающийся подобных взглядов, не только не желал, но и не мог понять замысел писателя, тем более передать его средствами другого вида искусства — кино. Характерно, что созданная до этого Штернбергом по его же сценарию кинокартина «Бесчестные» (с Марлен Дитрих в главной роли) была весьма невысоко оценена американской печатью. Газета «Нью-Йорк таймс» в рецензии на этот фильм 15 марта 1931 года писала, что «сценарий сделан топорно, а диалоги абсолютно неумелые. Сценарий написан Джозефом фон Штернбергом, который руководил съемками. Как писатель он явно не в своей тарелке, и, подобно большинству кинорежиссеров, которые превращают свои литературные амбиции в кинофильмы, он уделяет больше внимания кинематографичности отдельных эпизодов, чем отражению или изображению обычных человеческих чувств».

Драйзер внимательно прочел это высказывание «Нью-Йорк таймс» и тут же взял его на вооружение. В своем письме Ласки от 17 марта 1931 года он обратил его внимание на мнение газеты и писал: «В подобных обстоятельствах я могу только утверждать, как это делал и раньше, что это нарочитая попытка состряпать сценарий «Американской трагедии» кое-как. Даже если отвлечься от книги, мое знакомство со сценарием Эйзенштейна — Монтегю убеждает меня в этом. Не может быть никакою сравнения между этими двумя сценариями. К тому же, как вы должны знать, редакторы и другие официальные лица вашей студии оценивали первоначальный сценарий Эйзенштейна — Монтегю значительно одобрительнее, чем эти редакторы оценили сценарий Хоффенштейна — Штернберга».

Настойчивые требования Драйзера, казалось, принесли свои плоды. Фирма «Парамаунт» дала согласие на его приезд в Голливуд для внесения в фильм необходимых изменений. Все предложения Драйзера были одобрены Б. Шульбергом, но, как оказалось впоследствии, ни одно из них так и не получило воплощения в фильме.

Фирма «Парамаунт» все же согласилась показать фильм Драйзеру и группе приглашенных им лиц еще до того, как он будет выпущен на экран. Драйзер сразу же разослал приглашения группе литераторов и деятелей искусства. В одном из таких писем — Гаррисону Смиту, совладельцу издательской фирмы «Джонатан Кейп и Гаррисон Смит» — Драйзер подробно охарактеризовал замысел и композицию своего романа.

«Первая часть моей книги, — объяснял он в письме от 25 апреля 1931 года, — была преднамеренно и специально посвящена изображению таких социальных бедствий, которые

сами по себе способны подавить, сдержать и разрушить, а значит, и чрезмерно выпятить эмоции и желания очень чувствительного и почти сексуально ненормального парня, плохо подготовленного для великой жизненной борьбы, с которой сталкивается вся молодежь.

Часть вторая была детально спланирована, чтобы показать, как подобный характер может по воле случая столкнуться лицом к лицу со значительно более удачливым миром, который усилит все его глубочайшее стремление к роскоши и любви, и продемонстрировать, как в обычно неравном противоборстве между бедностью, неосведомленностью, страстью и великими соблазнами мира он может легко и фактически без всякого желания со своей стороны оказаться раздавленным и даже обвиненным в убийстве, как это и происходит в случае с Грифитсом в этой книге.

Часть третья книги была определенно и тщательно спланирована таким образом, чтобы показать, как подобный ограничиваемый, слабый характер, оказавшись сначала в плену своих желаний, а затем в тисках закона, может легко стать игрушкой в руках невежественных, преисполненных предрассудков и мстительных в силу своего воспитания деревенских тугодумов, которые, в свою очередь, в силу своих недостатков, а также социальной и религиозной ограниченности и предрассудков окажутся последними из тех, кто смог бы понять и постигнуть те обстоятельства, которые могли бы повлиять, но не повлияли на жизнь такого юноши, и поэтому осуждают его куда более жестоко, чем это бы сделали личности с более глубоким пониманием и лучшими умственными способностями».

Как видим, писатель стремится подчеркнуть, что книга состоит из трех частей, составляющих единое органичное целое, и что пренебрежение какой-то частью при создании фильма неизменно приведет к искажению общей картины, общей идеи произведения. Однако создатели фильма просто игнорировали первую и третью части книги. «Предварительный материал, который в книге показывает, как он (Грифитс) блуждает в подобном мире, и последующий материал — часть третья книги, — который недвусмысленно подтверждает, как в таком отсталом районе, как тот, в котором его судили, его шансы на социальное понимание и правый суд будут непременно уменьшены, — эти части книги были просто отброшены» при создании фильма.

В соответствии с договоренностью группа приглашенных Драйзером лиц 15 июня просмотрела законченный фильм и единодушно осудила его. Писатель, пытаясь приостановить

выпуск фильма на экран, подал в суд на фирму «Парамаунт», но проиграл дело. Тем не менее фирма была вынуждена добавить в фильм семь эпизодов, Драйзер также с удовлетворением выслушал мнение судьи по поводу фильма. Как сообщала газета «Нью-Йорк геральд трибюн», судья Г. Витсшиф, мотивируя свой отказ удовлетворить иск писателя, заявил: «Вопрос о том, дает ли фильм целостное представление о книге, зависит от точки зрения читателя и зрителя. Истец, как представляется, рассматривает книгу с точки зрения фаталиста. Клайд, утверждает он, вызывает симпатию читателей, ибо он приходит к трагическому концу из-за превратностей судьбы, большинство из которых неподвластны ему, а также из-за психологии, которая развилась у него в годы голодного детства. При создании же картины режиссер должен был принять во внимание то обстоятельство, что подавляющее большинство людей, составляющих аудиторию зрителей, которой должен быть показан фильм, будет более заинтересовано в том, чтобы правосудие восторжествовало над преступлением, чем в том, чтобы им показали ясно и недвусмысленно, что конец, к которому пришел Клайд, был неизбежен».

В одном из писем Драйзер отмечал, что для него подобный «комментарий судьи не имеет цены», ибо судья вольно или невольно вскрыл социальную направленность тех изменений, которые внесли в сценарий фильма сотрудники фирмы «Парамаунт».

Глава 14
ПРОТИВ ДИКТАТУРЫ ДЕНЕГ

Весной 1931 года был устроен званый обед, на который были приглашены Теодор Драйзер, Синклер Льюис, нью-йоркские критики Бартон Раско, Хейвуд Браун, Артур Брисбейн и другие литераторы. Опоздавший к началу обеда Драйзер вежливо поздоровался с Льюисом, который приветствовал его взмахом руки. Председательствовавший на обеде Рей Лонг решил предоставить первое слово С. Льюису, как лауреату Нобелевской премии. Поднявшийся со своего места Льюис произнес: «…я не считаю необходимым произносить речь в присутствии человека, который использовал три тысячи слов из книги моей жены о России. Я также не считаю необходимым высказываться перед лицом двух псевдоученых критиков, которые протестовали против решения нобелевского комитета присудить мне премию в качестве представителя американских писателей», — с этими словами Льюис сел на свое место. Все присутствовавшие прекрасно понимали, что обвинения Льюиса брошены сидящим за этим же столом Драйзеру, Брауну и Брисбейну, и были крайне шокированы таким его поведением.

Рей Лонг быстро предоставил слово следующему оратору, который попытался свести все к шутке. Хотя выступления продолжались без каких-либо инцидентов, однако обстановка за столом так и не разрядилась. По окончании обеда Драйзер попросил Льюиса выйти в другую комнату и там нанес ему две пощечины. Падкая на всякую сенсацию буржуазная пресса широко раздула этот скандал, Драйзера называли «чемпионом американской литературы в тяжелом весе», известный организатор матчей боксеров Джимми Джонстон послал обоим участникам конфликта предложение организовать между ними встречу на ринге из 15 раундов. Страсти всячески разжигались.

История эта пролила новый свет на отношение широких буржуазных кругов к крупному писателю-реалисту. «Вызванный скандал и готовность пуританских слоев общества тотчас же обрушиться на Драйзера, — отмечала в этой связи газета немецких коммунистов «Роте фане», — объясняются более глубокими причинами: упорный борец против изолгавшихся моралистов резко поворачивает влево, гораздо левее, чем это допускается американскими дискуссионными клубами».

Такое утверждение полностью соответствует фактам творческой биографии Драйзера. Только в январе 1931 года в

газете американских коммунистов «Дейли уоркер» было опубликовано несколько материалов за подписью Драйзера. Например, 14 января газета поместила его очерк «Безработный Нью-Йорк», через два дня — 17 января — статью «В защиту права народных масс на революцию», 28 января — статью «Процветание для одного процента населения». В этих очерках и статьях, как и в ряде других, писатель снова и снова вскрывает язвы буржуазного образа жизни. «Итак, — пишет он в очерке «Безработный Нью-Йорк», — от двухсот до трехсот тысяч человек, как я уже говорил, сидят без дела или бродят по улицам Нью-Йорка в поисках работы. Но работы нет… Но ведь работа — это тот стержень, на котором держится жизнь. А людям не дают работы и доводят их до ужасного состояния, до болезненных душевных потрясений».

Читая эти строки, трудно отделаться от чувства, что они написаны вчера или даже сегодня, ибо и теперь по улицам Нью-Йорка, как и других городов и селений Америки, бродят в поисках работы миллионы безработных.

Драйзер понимал, что борьба с безработицей требует кардинальных решений. «Вообще все меры, которыми пытаются у нас облегчить безработицу, носят неорганизованный и спешный характер. Да никто и не представляет себе эту помощь иначе, как в виде подачек, в то время как нам нужен полный пересмотр всей нашей экономической системы и государственного строя».

В другой своей статье он говорит о последствиях лживой буржуазной пропаганды, о ее разлагающем влиянии на простых людей. «В нашей стране легко верят громким фразам, ловко придуманным лозунгам. И вот рядовому американцу надевают на глаза одну повязку за другой, так что в конце концов он ничего не в состоянии различить и, уж конечно, не видит правды и не замечает марширующих по улицам голодных рабочих, хотя, казалось бы, одного этого зрелища достаточно, чтобы не только опровергнуть все жульнические выдумки капиталистов, но и пресечь их в корне».

Писатель подчеркивает коренное противоречие капитализма — противоречие между трудом и капиталом. «…При нынешней системе рабочий у нас никогда не знает процветания, независимо от того, хорошо или плохо идут дела в стране… Да, процветание у нас — удел одних только богачей, и притом всегда и неизменно».

Не только в публичных выступлениях, но и в беседах с друзьями, в частных письмах Драйзер выступает как непримиримый борец против угнетения трудящихся, против расовой вражды, против невежества и мракобесия. Он быстро откликается на самые различные события как внутри страны, так

и за рубежом, дает им бескомпромиссную оценку. Узнав об организованном американскими финансовыми кругами свержении правительства в Панаме, он тут же выступает с резкой разоблачительной статьей. Прочитав в газетах о действиях «Ассоциации женщин южных штатов по предотвращению линчевания», он направляет членам ассоциации письмо, в котором обращает их внимание на невинно осужденных к смертной казни по ложному обвинению восемь негритянских юношей из Скоттсборо (штат Алабама) и просит ассоциацию выступить в их защиту.

В эти годы с особой силой проявляется стремление Драйзера быть лично причастным ко всем социально важным событиям и движениям, принять личное участие в действиях, направленных против эксплуатации трудящихся, в борьбе за социальный прогресс и справедливость. Он становится во главе Национального комитета защиты политических заключенных (казначеем комитета был Л. Стеффенс) и твердо высказывается против преследований американскими властями коммунистов, выступает в защиту коммунистической газеты «Дейли уоркер». «Я считаю, — писал Драйзер, — что те политические взгляды, которые защищает эта газета, являются наиболее правильными и актуальными, поскольку они указывают Америке единственный выход из нынешнего экономического кризиса».

Весной 1931 года Драйзер проводит у себя на квартире собрание в защиту политических свобод, на котором присутствовало более 40 человек, в том числе Линкольн Стеффенс, Джон Говард Лоусон, критик Малькольм Каули и многие другие видные литераторы. «Настало время, — говорил Драйзер, — чтобы американская интеллигенция начала оказывать определенную помощь американскому рабочему». Выступивший на собрании Линкольн Стеффенс обратил внимание присутствующих на искажение фактов американской печатью, на подавление свободы печати в стране.

В мае 1931 года выходит из печати автобиографическая книга Драйзера «Заря», в которой он описал свое детство и юность. Отзывы критики на этот раз были благожелательными, книгу сравнивали с творениями Бальзака, называли «подлинно американской историей». Многие критики были удивлены той откровенностью, с которой писатель рассказал о своем бедном детстве и о своих родственниках и знакомых, о тяжелых временах, когда он искал работу, и об изнуряющей и отупляющей работе на кухне захудалой грязной закусочной для бедняков. Со страниц книги вставали маленькие города и селения штата Индиана, в которых прошло детство писателя. Автор переносил

читателей в Чикаго последних десятилетий прошлого века: «Чикаго работающий! Чикаго трудящийся! Покрытый пеленой дыма, тумана, занавешенный дождем, в снег и бурю — с людьми, наклонившимися навстречу пронизывающим порывам ветра! Толпы самых обычных юношей и девушек, мужчин и женщин, торопящихся утром на работу, а вечером — с работы в переполненных живописных, разноцветных маленьких вагончиках конки. Фабрики и заводы, их пронзительные гудки! Монолитность толпы в полусвете вечера или раннего рассвета! Я думаю, что тайна, красота и поэзия жизни так же возвышенно волновали меня в те дни, как это было и раньше и как это стало в более поздние годы. Что же касается возможности выразить свои чувства, то я даже не умел осмыслить их — не хватало нужных слов, хотя рисование и записи всего увиденного всегда составляли часть моей интеллектуальной жизни и были неотделимы от внутренних чувств».

Само собой напрашивалось сравнение дней нынешних и дней минувших, и вывод был далеко не в пользу сегодняшнего дня. «Сегодня дела обстоят намного хуже, мне следовало бы знать об этом. Тогда я был один из голодающих, и все же я ощущал что-то захватывающее, увлекательное и в Нью-Йорке, и во всей стране, какую-то тягу к приключениям, если не для самого себя, то для других, более удачливых, чем я. Человек мог надеяться. Сегодня же я имею с избытком, на что жить, но вокруг я не вижу и проблеска надежды».

По просьбе клуба имени Джона Рида Драйзер высказывается в поддержку кандидатов коммунистов на предстоящих осенних выборах, ибо он считал, что коммунистическая партия — единственная партия, решительно выступающая против безработицы. Он обращается к газетному магнату Рою Говарду с просьбой выступить в защиту Тома Муни, и газеты фирмы «Скрипс-Говард» начинают кампанию в защиту противозаконно содержащегося в тюрьме Муни. Он выступает против злоупотреблений железнодорожных монополий и владельцев предприятий общественного пользования. К голосу Драйзера прислушиваются многие, с его мнением нельзя не считаться.

В июне 1931 года по просьбе председателя Национального комитета Коммунистической партии США Уильяма Фостера Драйзер отправляется в хорошо ему знакомый город Питтсбург, чтобы ознакомиться с положением бастующих горняков и их семей в шахтерских районах штатов Пенсильвания, Огайо и Западная Виргиния. Вместе с ним в эти районы выехала целая группа писателей — Малькольм Каули, Джон Дос Пассос и другие. Драйзер побывал на пятнадцати шахтах, беседовал с

сотнями горняков, с профсоюзными деятелями и полицейскими. В одном из поселков полицейские пригрозили ему: «Смотри не зарывайся, а то и тебя бросим в тюрьму!»

Мрачные, давно не ремонтировавшиеся дома, голодные глаза детей, серые лица шахтеров, слезы их жен — все это произвело неизгладимое впечатление на писателя. Он обрушивается с резкими нападками на деятелей Американской федерации труда, которые не только не выступали в поддержку бастующих рабочих, но вступили в сговор с владельцами корпораций. Опубликованные в газете «Дейли уоркер» в июне и июле 1931 года очерки писателя обо всем, что он видел, — гневное слово честного художника, который не может оставаться равнодушным к страданиям рабочих и их семей. «Условия здесь становятся все хуже и хуже, — писал он в одном из писем. — Страдания и нищета этих бедняков просто неописуемы».

Писателю немедленно ответил не кто иной, как президент Американской федерации труда Вильям Грин, который отрицал все обвинения против АФТ. Драйзер направляет Грину обстоятельное письмо, в котором вскрывает ряд неблаговидных фактов из деятельности Американской федерации труда, в том числе таких, как борьба против страхования от безработицы, выступления против признания СССР, игнорирование требований рабочих и т. д. «Богатые — слишком богаты, бедные же — слишком бедны и полностью игнорируются. Организованное общество не может — да и никогда не могло — поддерживаться такими методами. Времена неограниченной и невежественной конкуренции с ее миллиардерами и нищими, как она существует сегодня, уже прошли» — к такому выводу приходит писатель.

Активная общественная деятельность Драйзера, его близость к коммунистам приходятся явно не по вкусу и буржуазной печати, и представителям либеральствующей интеллигенции. Факты американской действительности, подлинная «картина условий существования» простых граждан Соединенных Штатов, которую писатель создает в своих статьях и очерках, настолько правдива и убедительна, что никто не может ее опровергнуть. Тогда начинаются нападки на личность писателя, широкая пресса пытается представить его в виде экстравагантного чудака, эмоционально неуравновешенного человека. Делаются попытки оторвать его от простых людей, от коммунистов, искусственно противопоставляя образ жизни писателя образу жизни простых тружеников. Газеты явно нарочито приукрашивают устраиваемые Драйзером вечера для своих друзей, рисуют его в виде этакого изнеженного богача, окруженного роскошью в своей «башне из слоновой кости».

Когда и эта тактика не дает никаких результатов, на писателя публикуют злобные карикатуры, пытаются принизить его значение. Газета «Нью-Йорк уорлд телеграмм», например, 7 августа 1931 года утверждала, что Драйзер — всего лишь «блестящий романист второго разряда». «По мере приближения 60-летия Драйзера, — писал Ф. Маттисен, — печать вместо того, чтобы чествовать писателя за его вклад в нашу литературу, все чаще и чаще представляла его в виде нелепой, абсурдной фигуры».

27 августа 1931 года Драйзеру исполнилось 60 лет. Эту знаменательную дату своей жизни он встречал полный энергии, в расцвете творческих сил. Заслуги его перед американской и мировой литературой были признаны повсеместно. Его соотечественник и современник, крупный американский поэт Эдгар Ли Мастерс, получивший мировую известность благодаря сборнику стихов «Антология реки Спун», говорил о нем: «Драйзер мне кажется нашим значительнейшим писателем, занимающим по праву место среди виднейших писателей эпохи». Критик Бартон Раско писал в книге о Драйзере: «До Драйзера никто еще не обладал такой способностью подметить эпический характер в драме американской жизни и таким талантом для воспроизведения ее на страницах своих романов…»

Широкой известностью пользовались произведения Драйзера и за пределами Соединенных Штатов. Известный английский писатель Арнольд Беннетт писал в 1929 году в статье «Развитие романа»: «Америка в лице Синклера Льюиса и Теодора Драйзера имеет двух могучих разрушителей, которые, однако, при всем своем разрушительном порыве содержат в себе значительную энергию созидания». Он же отмечал, что «Драйзер — величайший писатель современности…». Французский литературовед Р. Мишо писал: «…Драйзер — олицетворение реализма. Он — историк разочарованной Америки, полной тревоги среди избытка богатств, преисполненной скептицизма, несмотря на свой традиционный идеализм; Америки растущего материализма, роскоши, наживы, миллионных дел, Америки преуспевающих авантюристов, финансовых и промышленных феодалов, страны погони за долларом во что бы то ни стало…»

27 августа Драйзер получил многочисленные приветствия от своих друзей и почитателей со всего мира. Коммунистическая газета «Дейли уоркер» писала в статье, посвященной юбилею писателя: «Революционные американские рабочие приветствуют нового Теодора Драйзера и надеются, что он пойдет дальше. Они считают его другом и храбрым борцом. Он потерял немногих буржуазных льстецов и приобрел тысячи друзей, которые

являются наследниками культурных достижений прошлого и строителями культуры будущего… Люди, подобные Драйзеру и Ромену Роллану, отбрасывают тени истории. Они более велики, чем просто великие художники, ибо они находятся в рядах борцов за новый мир».

Журнал «Нью мэссиз» опубликовал о писателе статью «Титан». «В день вашего шестидесятилетия, — писал журнал, — мы отдаем вам должное от имени многих тысяч рабочих, фермеров и интеллигентов как Америки, так и всего мира. Один из немногих живых великих писателей, вы отбросили пессимизм, изысканность, поверхностный либерализм и другие пороки здешнего мира интеллектуалов, смело и серьезно выступили как защитник революции рабочего класса…» Журнал отмечал: «Еще более важно, что в зените своей карьеры Драйзер имел предвидение и мужество, подобно Бернарду Шоу и Ромену Роллану в Европе, открыто встать на сторону мирового революционного движения рабочего класса».

Дальнейшее развитие событий подтвердило правильность вывода, сделанного журналом «Нью мэссиз». Вскоре Драйзер снова едет в шахтерские районы страны, на этот раз в районы Харлан и Белл штата Кентукки, где произошли вооруженные стычки между полицией и голодающими горняками К событиям в этом районе внимание Драйзера привлекла Международная организация защиты рабочих, которая в октябре 1931 года направила ему материалы на 32 страницах о «преступлениях и надругательствах над бастующими горняками Харлана, совершенных местной организацией шахтовладельцев». «Каждая страница этого документа, — писал Драйзер, — содержала от трех до пяти обвинений в самых различных преступлениях — от безнаказанных убийств (в общей сложности таких было одиннадцать) до взрыва с помощью динамита бесплатных столовых для бастующих горняков, незаконных обысков в их домах, запрещения вступать в любой «профессиональный союз», кроме официально поддерживаемого шахтовладельцами».

Представители различных телеграфных агентств и газет, приезжающие в район Харлана для освещения происходивших там событий, подвергались не только угрозам, но и прямому нападению. Брюс Кроуфорд, редактор газеты «Кроуфордс уикли» (город Нортон, штат Виргиния), был, например, ранен в ногу. Поэтому представители Международной организации защиты рабочих просили Драйзера выехать на место во главе представительной комиссии для объективного расследования положения дела. Сначала писатель намеревался создать комиссию из числа видных сенаторов, редакторов и владельцев

крупных газет, деятелей церкви, ученых, адвокатов. Он разослал приглашения восемнадцати видным общественным деятелям, но все они, за исключением уже упоминавшегося нами Б. Кроуфорда, под тем или иным предлогом приглашение отклонили. Тогда Драйзер созвал заседание возглавлявшегося им Национального комитета защиты политических заключенных, рассказал о создавшемся положении и спросил, кто из членов комитета согласен поехать в Харлан. Так сложилась группа из 8 человек, в которую, кроме Драйзера, вошли писатель Дос Пассос, поддерживавший в те годы рабочее движение, Брюс Кроуфорд, супруги Уокер и другие.

В начале ноября комиссия прибыла в город Пайнвилл округа Белл, соседнего с округом Харлан. У. Сванберг, которого весьма трудно заподозрить в стремлении сгустить краски, так характеризует положение горняков: «Вся угольная промышленность страдала болезнью, но в районе Харлана положение было просто отчаянным; многие горняки бастовали или вообще не имели работы, другие были заняты лишь частично и получали от восьми до двенадцати долларов в неделю, жизни горняков угрожали пули и настоящая голодная смерть».

Комиссию Драйзера встретили крайне враждебно. Группа местных жителей заявила писателю, будто их якобы весьма беспокоит положение, создавшееся в Нью-Йорке, и они намереваются также направить туда свою комиссию. Как только группа Драйзера разместилась в гостинице «Континенталь», они сразу же почувствовали, что находятся под постоянным наблюдением. Здесь Драйзеру и его спутникам пришлось выдержать тяжелую битву с местными воротилами, не хотевшими, чтобы страна узнала о настоящем положении в этом районе. «В маленьких городках владельцы банков, продовольственных лавок, редакторы и юристы, полиция, шериф, губернатор — все раболепствуют перед денежными баронами и хозяевами корпораций», — писал впоследствии Драйзер.

И все эти прислужники капитала обрушились на Драйзера и ею спутников. Им угрожали физической расправой, пускали в ход клевету, возбудили против писателя судебное преследование. Но Драйзер в холле гостиницы мужественно начал открытые слушания о положении дел. Затем слушания продолжались в Харлане. Местные горняки, их жены рассказывали, как избивают членов профсоюза, о терроре полицейских, о детях, умирающих от недоедания. Многие не называли своей фамилии, опасаясь мести.

Вот перед комиссией выступает шахтер Ллойд Мур, помогавший организовывать одну из бесплатных столовых для

горняков, на глазах которого люди местного шерифа застрелили двух шахтеров. Он рассказывает, что однажды, возвратившись домой, обнаружил на дверях прикрепленную кем-то веревочную петлю. Другой шахтер, Дж. Фримен, говорит, что уже долгое время не может вообще найти работу, так как его имя, «вероятно, внесли в черные списки…». Повивальная бабка тетушка Молли Джексон с болью в голосе рассказала о тяжелом положении детей — еженедельно от голода и болезней умирали от трех до семи ребят… Один за другим проходили перед комиссией свидетели, простые трудовые люди Америки с натруженными руками и почерневшими от угольной пыли лицами и просто, даже спокойно приводили факты, от которых мороз пробирал не только членов комиссии, но и многочисленных журналистов.

Драйзер и «его комиссия наблюдали, — пишет У. Сванберг, — район, в котором капитал действительно захватил контроль над законностью и аннулировал все свободы, в котором положение простых людей было поистине ужасающе». Драйзер неустанно задавал вопросы, пытался докопаться до малейших деталей. За каждым вопросом чувствовался неутомимый исследователь условий жизни, подлинный борец за справедливость. Одному из свидетелей, К. Пауэрсу, он задал двести двадцать один вопрос, другому, Ч. Скелфу, — сто пятьдесят восемь вопросов.

Обстановка вокруг комиссии искусственно нагнеталась. «Было совершенно ясно, — вспоминает член комиссии Лестер Коэн, — что абсолютно все официальные лица желали подстроить нам неприятности». Другой член комиссии, Сэмьюэл Орнитц, всю ночь не мог уснуть, так как из-за двери в соседний номер кто-то не переставая кричал пьяным голосом в замочную скважину: «Я тебя вижу, а ты меня — нет!»

Против Драйзера было выдвинуто обвинение… в нарушении супружеской верности. И это в то время, когда он уже многие годы жил в гражданском браке с Элен Ричардсон, но все еще был связан церковным браком с Сарой Уайт, которая не соглашалась на развод. Обвинение это привлекло значительно большее внимание американской печати, чем бедственное положение горняков. «Ужасно даже подумать о газетах и публике, для которых скандал, связанный с сексом, может затмить такие нечеловеческие и трагические условия, которые существуют в Харлане», — с душевной болью писал Драйзеру Брюс Кроуфорд.

Но местные воротилы этим не ограничились. Когда комиссия решила провести митинг, какой-то неизвестный вручил Драйзеру записку: «Если в воскресенье после полудня в Уоллинс-Крике состоится митинг, произойдет заваруха». Драйзер предупредил

присланных губернатором военных, и митинг прошел спокойно. Однако оказалось, что на митинге присутствовала «официальная стенографистка», записавшая все речи ораторов. На основании этой стенограммы Драйзеру и другим членам комиссии было официально предъявлено обвинение в… преступном синдикализме. Подобное обвинение грозило по приговору суда тюремным заключением сроком в 21 год, или штрафом в размере 10 тысяч долларов, или и тем и другим.

Возвратившийся в Нью-Йорк Драйзер направил в штат Кентукки адвоката, который телеграфировал, что обвинения будут сняты, как только Драйзер прекратит свои выступления в защиту горняков Харлана. Писатель ответил категорическим отказом.

Результаты слушаний попали в газеты, интервью с писателем печатались на первых страницах, он выступал по радио, его засняли для кинохроники. Когда Драйзер появлялся на экранах кинотеатров, свидетельствует Р. Элиас, в залах возникали громкие аплодисменты зрителей. Некоторые сенаторы потребовали официального расследования положения в Харлане. При поддержке Драйзера была издана книга «Говорят горняки Харлана», к которой он написал предисловие. Предисловие это вместе с примыкающими к нему статьями является своеобразным политическим кредо писателя. Рассказывая в предисловии о борьбе горняков Америки против засилья корпораций, Драйзер писал: «Работая журналистом в Чикаго, Сент-Луисе, Питтсбурге и в других городах, я рано был втянут в эту борьбу и, разумеется, сразу столкнулся с той огромной несправедливостью, которую имущие классы в Америке не только всегда проявляли, но и продолжают проявлять по отношению к рабочим».

Здесь уместно вспомнить, что уже в начале своей литературной деятельности Драйзер в романе «Сестра Керри» дал реалистическое, полное сочувствия к рабочим описание забастовки нью-йоркских трамвайщиков. «Описание забастовки рабочих трамвая в Бруклине, — писала в рецензии на роман сиракузская газета «Пост стандард» (штат Нью-Йорк) в феврале 1901 года, — лучше, чем большинство газетных репортажей того времени».

Глубокое понимание истинного положения трудящихся в Соединенных Штатах Америки и искреннее сочувствие их справедливой борьбе нашли свое яркое выражение и в позиции, занятой писателем по поводу событий в Харлане. Столкнувшись с тем, что большая печать страны стремилась «смягчить, приуменьшить или вовсе замолчать факты, подтвержденные свидетельскими показаниями», о подлинном положении горняков

Харлана, писатель мужественно подымает свой голос в их защиту. «Борьба горняков Харлана, — пишет он, — является великолепным образцом борьбы американского рабочего класса против давнего гнета характерной для Америки комбинации власти и богатства».

Писатель возмущается «идиотским представлением, будто каждый американец имеет все возможности стать денежным воротилой, Морганом или Рокфеллером», пишет о всеобщей зависимости простых граждан Америки от сильных мира сего. С отвращением и гневом Драйзер говорит о том, что «почти каждый американец, если он не является высшим чином или главой могущественных и всевластных корпораций, должен носить ошейник того или иного из этих крупных объединений, ибо только благодаря их покровительству он может улучшить свое материальное и социальное положение». Он подробно описывает положение горняков Харлана: «…за ними шпионят, их заносят в черные списки, сажают в тюрьму, морят голодом и даже убивают».

Знакомство с положением простых граждан Соединенных Штатов, с условиями их повседневной жизни приводит писателя к выводу о том, что «американский гражданин, если он беден (а он действительно беден), оказывается в Америке в положении изгоя и никак не пользуется благами «процветания», которое создается его руками… Как зебра бьется в когтях хищника, так трудящиеся массы задыхаются под экономическим гнетом гигантских корпораций…»

В январе 1974 года, через 42 года после того, как были опубликованы эти строки, газета американских коммунистов «Дейли уорлд» рассказала об очередной забастовке на шахтах Харлана. К этому времени забастовка продолжалась уже более пяти месяцев. Одна из причин была та же, что и сорок лет тому назад: хозяева шахт отказывались подписать с шахтерами коллективный договор и не соглашались на вступление шахтеров в профессиональный союз. Методы шахтовладельцев в борьбе с забастовщиками также мало изменились за прошедшие годы — они снова прибегали к угрозам, запугивали шахтеров «возможными погромами». Как видим, капиталистическая действительность, реальная обстановка на шахтах современной Америки мало чем изменилась за четыре десятилетия. Сегодня, как и сорок лет тому назад, слова и выводы Драйзера о положении американских трудящихся звучат не просто объективно и точно, но и крайне своевременно.

Как известно, Драйзер неоднократно заявлял о своей приверженности принципу индивидуализма. После посещения

Харлана писатель пересматривает свое отношение к этому принципу, признает, что «…вера американского гражданина в индивидуализм как лекарство от всех зол действовала на него усыпляюще» и позволила алчным корпорациям захватить по праву принадлежащие ему богатства и низвести его самого до такого положения, что «теперь он поистине боится собственной тени».

Драйзер не предлагает конкретного выхода из создавшегося положения, он лишь задает трудящимся Америки вопрос: «… почему бы этот хищный и раздувшийся у нас в Америке индивидуализм, который удовлетворяет прихоти и создает благополучие горсточки людей и унижает и позорит большинство, не обуздать или, как хотелось бы мне, не уничтожить совсем?»

В одной из последующих работ писатель идет в своих выводах значительно дальше. «Если бы не марксистский анализ неотвратимого процесса развития и краха капитализма, — писал он в 1933 году в предисловии к книге Уильяма Уилсона «Принудительный труд в США», — можно было бы, пожалуй, при рассмотрении этих социальных проблем прийти в полное отчаяние. Однако на помощь нам приходит философская система Маркса — его неопровержимый анализ хищнической сущности и обреченности капиталистического строя. Имея это в виду… мы можем надеяться на лучшее, а именно: на более справедливое по сравнению с нынешним государственное устройство».

Знакомство с положением горняков в Харлане и других районах страны произвело на писателя огромное впечатление, еще более укрепило его в мысли о необходимости для США социальных реформ. В начале 1932 года он издает новую книгу, которую называет «Трагическая Америка». Книга эта примечательна во многих отношениях. Своим названием она перекликается с «Американской трагедией». Писатель, отмечал Ф. Маттисен, «должен был отдавать себе отчет в том, что в этом случае он расширительно толкует название романа «Американская трагедия». И действительно, Драйзер в новой книге писал не о трагедии отдельной человеческой личности в Америке, а о трагедии целой страны, в которой «звериный индивидуализм» и «типично капиталистические формы борьбы» превратили жизнь в подлинную трагедию для миллионов граждан, лишили их всякой уверенности в завтрашнем дне.

«Под словами «На господа уповаем», выбитыми на нашем долларе, следовало бы написать: «И к черту тех, кто слабее», — то есть в данном случае рабочих… Миллионы людей в Америке живут сейчас в постоянной тревоге, не зная, будет ли у них завтра

кров и пища. И на эту тревогу они обречены до последнего своего дня, пока смерть не положит конец их мучениям. Ибо как может рабочий или даже мелкий предприниматель — по существу, жертва крупных трестов и банков — обеспечить свое будущее?»

Анализируя «американский образ жизни», ту «спешку и гонку», которые определяют темп жизни в этой стране, Драйзер приходит к неутешительному выводу: «…Самые условия жизни в наших промышленных городах и поселках таковы, что не только отнимают у человека покой, но и вконец разрушают его нервную систему, а людей более впечатлительных, случается, даже доводят до самоубийства. Число тех, кто в смерти видит единственное избавление от жизненных тягот, не только не уменьшается, но неуклонно растет». Время, прошедшее после написания этих строк, ничего существенно не изменило в «американском образе жизни», и выводы писателя сегодня звучат так же актуально, как и в те дни, когда «Трагическая Америка» только появилась на полках книжных магазинов Америки.

В книге писатель разоблачает миф о том, что Америка — якобы страна «равных для всех возможностей». Он показывает, что «хитрые и сильные» с самого начала захватили огромные богатства страны и присвоили их. «А теперь, пользуясь своим богатством и экономической силой, которую дает богатство, а также властью, которая ему сопутствует, они уже начинают диктовать свою волю правительству, которое, исходя из принципа «равных для всех возможностей», позволило им приобрести эту власть». Писатель рассказывает о царящей в стране «династической власти князей капитала», о том, как «организуются предвыборные кампании с целью провести в президенты угодного трестам и банкам кандидата», о том, что «просвещение, печать, религия, публичные выступления — все подчиняется выгоде тех, у кого в руках власть и кто постоянно стремится эту власть расширить и укрепить».

На примере условий, существовавших в двух «типичных индустриальных городках» США — Пассейке и Патерсоне (штат Нью-Джерси), писатель показывает ужасные «современные условия жизни» трудящихся масс, их полную зависимость от монополий, которые «бесконтрольно хозяйничают» в сотнях и тысячах городов Соединенных Штатов. Всюду в США, подчеркивает писатель, командуют деньги, «только деньги, деньги и сила, которую дают деньги!». Драйзер в книге приходит к выводу, что «весь американский бизнес осуществляется и всегда осуществлялся через насилие… Основной принцип — что все материальные блага, накопленные благодаря высокому уровню современной техники, должны справедливо распределяться

между всеми гражданами, пропорционально труду и общественной полезности каждого — у нас находится в полном пренебрежении». Писатель с твердой уверенностью в своей правоте провозглашает, что «капиталистический строй в настоящее время — отнюдь не единственное возможное устройство общества и уж никак не наилучшее».

Автор книги приводит многочисленные примеры жульничества и коррупции магнатов капитала, которые всегда осуществляют свои желания «силой и вопреки закону». Он показывает, с какой силой давит на рядового американского обывателя тяжелая рука трестов, банков и корпораций, этих фактических правителей страны; на основе многочисленных фактов доказывает, что все, что происходит в стране, — это «безумная оргия индивидуализма, вооруженного капиталом, мощью корпораций и законом». Книга объясняла простым американским труженикам, что система действий корпораций опирается главным образом на «пристрастный закон и неправедный суд», срывала все маски с набивших оскомину картин «процветающей американской демократии».

«Как вам нравится эта честная, добрая, правдивая, — спрашивает с сарказмом автор, — и, казалось бы, демократическая страна — впрочем, демократическая только по названию, а на самом деле разъеденная индивидуализмом, оседланная корпорациями, пропитанная империалистическими вожделениями и вполне созревшая для финансовой тирании? Недурная картина, не правда ли?»

Писатель рассказывает о «поистине ужасном» положении рабочих, о полицейских расправах с инакомыслящими, о повсеместном ущемлении прав личности, о борьбе корпораций против гарантированной конституцией свободы слова, о суровых репрессиях против «людей, отстаивающих свои конституционные права», о взяточничестве судей, о чудовищном засилье церкви, о духовном порабощении масс, о финансовых махинациях, скрывающихся за маской благотворительности, о постоянном росте преступности в стране. «Трагическая Америка» явилась настоящим обвинительным актом против «американского образа жизни» — против корпораций и банков, правительства и Верховного суда, школьной системы и церкви, полиции и профсоюзных боссов. Реакционная печать, католическая церковь, большой бизнес единым фронтом выступили против писателя, которого обвинили во всех смертных грехах. В штатах Огайо и Индиана имели случаи отказа допустить книгу в публичные библиотеки. Снова — в который раз! — новая книга реалиста Драйзера оказалась фактически под запретом, а против писателя

было возбуждено очередное судебное дело.

Большая пресса Америки с яростью обрушилась на «Трагическую Америку» и ее автора. Либеральствующий мелкобуржуазный радикал Стюарт Чейз выступил против Драйзера со страниц «Нью-Йорк геральд трибюн букс». Он брал под сомнение все приведенные в книгах цифры и факты, хотя не мог не согласиться с основными выводами ее автора. Давний недоброжелатель писателя священник Джеймс М. Джиллис опубликовал резко отрицательную рецензию на страницах газеты «Католик ньюс».

«Теодор Драйзер опять, или все еще, брюзжит, — наигранно сокрушался Джиллис. — Бедняга! У него нет мира внутри себя, поэтому он, конечно, не находит его и вовне. В своей книге «Трагическая Америка» он вопит о своей ненависти к нашей стране, к нашей цивилизации, к нашей банковской системе, к нашим церквам (особенно к римско-католической, членом которой он является), к нашим школам, к нашей полиции, к нашей юриспруденции — словом, ко всему. Север ли, юг ли — нигде нет утешения. Все, все прогнило насквозь.

Но видите ли, господин Драйзер, вы так давно и так исключительно устремляете свое внимание на самые низменные стороны жизни, что уже не можете ни видеть, ни даже догадываться о том, что есть помимо них и нечто другое. Вы назвали свою последнюю книгу «Трагической Америкой», а одну из более ранних — «Американской трагедией», но вам, право, следовало бы бросить возню со всеми этими тяжкими проблемами. Шекспир хотя и создал «Гамлета» и «Отелло», но, будучи настоящим художником и творческим гением, отнюдь не воображал, что в жизни все только к этому и сводится. И он оставил нам также «Виндзорских кумушек», «Двенадцатую ночь» и «Хорошо, что хорошо кончается».

Джиллис называл Драйзера «наиболее неприятным типом фанатика, человеком с навязчивой идеей». Свою статью он заканчивал обращением к писателю: «Вырвись из этого окружения, Теодор. Взгляни вверх, на небеса. Посмотри хотя бы мельком на солнце. Взойди на склон горы и сделай глубокий вдох. Выберись из сточных канав. Уйди от этих клоак. Будь благопристойным, будь чистым, и Америка начнет казаться тебе не такой трагической».

Драйзер разослал экземпляры своей книги ряду сенаторов и конгрессменов, пытаясь привлечь их внимание к фактам процветающей в стране вопиющей несправедливости. Законодатели на Капитолийском холме отделывались молчанием. Но приходили сотни писем от простых людей Америки, которые

разделяли взгляды писателя, понимали его тревогу за судьбы страны, сочувствовали его борьбе. В отдельные дни писатель отвечал на 60–70 писем, а в неделю — на 200–250 писем. Интересно письмо от одного читателя «Католик ньюс» из нью-йоркского района Бруклин.

«Дорогой сэр! — писал этот католик. — Вероятно, отец Джиллис воображает, что вы не поймете сути его низких нападок. Может быть, он даже не хочет этого. По-видимому, его цель — опорочить вас и ваши книги в глазах трех или четырех миллионов католиков — читателей католических газет, в которых он поместил свою тенденциозную статью. Весьма печальным комментарием к свободе личности является тот факт, что даже такой правоверный католик, как я, не может поставить под этим письмом своей подписи из боязни бойкота со стороны деловых кругов».

Газетный работник из Детройта Ральф Хоулмс, прочитав книгу, предложил писателю организовать новую политическую партию — радикально-революционную, — у руководителей которой «хватило бы ума провести необходимые изменения без насилия». Отвечая ему, Драйзер указывал, что такая партия в США неминуемо натолкнется на «каменную стену богатства, политических интриг, обмана, предрассудков, невежества и иллюзий» и будет иметь ничтожные шансы на достижение успеха.

Биограф писателя Р. Элиас рассказывает, что после выхода в свет «Трагической Америки» Драйзер начал получать многочисленные письма, которые «свидетельствуют о том, что он превратился в выразителя надежд угнетенных людей… Никогда раньше к нему не обращалось так много людей, которым не благоприятствовали ни время, ни обстоятельства. Приходили письма от людей, находящихся в психиатрических больницах, которые утверждали, что их несправедливо, силой содержат в изоляции; письма от жертв завистливых родственников и политиканов; письма от женщин, доведенных до безумия интригами любителей завладеть чужим имуществом; письма от исследователей экономического спада, которые присылали диаграммы, иллюстрирующие законы природы, пути развития общества и экономические циклы. А кроме того, прибывали письма и рукописи, подробно излагающие те или иные пути решения существующих проблем. Одним Драйзер советовал обратиться в определенные журналы, газеты и издательства; в других случаях он сам направлял рукописи соответствующим редакторам. И во все времена прекрасно понимал, что существует огромное количество доведенных до отчаяния, лишенных всякой надежды американцев, чье тяжелое положение продолжало

вызывать у него — «борца за равные права» — страстный протест против несправедливости».

Между тем финансовое положение писателя резко ухудшилось, он вынужден был отказаться от дорогой городской квартиры и снял себе для работы небольшой номер в гостинице «Ансония», на углу Бродвея и 73-й улицы. «Он говорил, — вспоминает Элен, — что его работа составляет для него самое главное и все, что так или иначе мешает ей, должно беспощадно устраняться из его жизни». Драйзер снова принялся за работу над романом «Стоик», завершающей частью «Трилогии желания». Вместе с тем он много времени уделяет общественной деятельности, именно в этот период он впервые начинает выступать с речами на массовых митингах. Раньше он сильно нервничал и терялся, если видел многочисленную аудиторию. Но резонанс, вызванный «Трагической Америкой», требовал его личных выступлений перед сотнями слушателей, и он однажды переломил себя, нашел в себе силы спокойно взглянуть в глаза своим слушателям, сумел овладеть их вниманием, «заставляя их то смеяться, то становиться серьезными…».

Загородный дом писателя «Ироки» часто посещали члены Коммунистической партии США, он подолгу беседует с Уильямом З. Фостером, которого он, по свидетельству Элен, «искренне уважал… и всегда называл его «своего рода святым» ввиду многочисленных жертв, которые тот принес ради избранной им цели».

Кипучая деятельность писателя, упорная работа над книгой, постоянные заботы о средствах для существования ухудшили состояние его здоровья, его начали мучить беспрерывные бронхиты. Врачи советовали на время сменить климат. «Мечтаю об одном — вырваться отсюда, и если возможно, то уже в этом месяце, — писал он в апреле 1932 года. — Хорошо бы поселиться в простом домишке на Западе, где бы я смог писать и экономить на расходах». И в мае Драйзер уезжает из Нью-Йорка, поселяется под вымышленным именем в городе Сан-Антонио (штат Техас), где продолжает упорно работать над романом «Стоик». «Я должен был выбраться из Нью-Йорка, — пишет он знакомым в июне. — Работа не шла в голову. И кроме того, расходы сжирали меня живьем».

Но и здесь он наталкивается на каждом шагу на следы экономического упадка, наблюдая, как простые граждане пытаются экономить на чем только можно. «Здесь, в Техасе, одиннадцать крупнейших кинотеатров в основных городах закрыты из-за отсутствия зрителей», — сообщает он в письме от 15 июня. В начале июля Драйзер на машине возвращается

обратно в Нью-Йорк, по дороге он попадает в автокатастрофу, но, к счастью, отделывается легким ушибом. В городе писателя ожидали печальные новости. Книгоиздательская фирма «Бони энд Ливрайт» оказалась в тяжелом финансовом положении, Хорэс Ливрайт потерял контроль над фирмой, дела в свои руки взяли дельцы, которые тут же прекратили выплату Драйзеру причитавшегося ему по договору ежемесячного вознаграждения.

Летом 1932 года Драйзер принимает активное участие в избирательной кампании, выступая в поддержку коммунистических кандидатов, в том числе У. Фостера. 16 августа 1932 года газета «Дейли уоркер» опубликовала статью Драйзера «Почему я голосую за коммунистов». В ней писатель-реалист объясняет, что республиканцы, демократы, социалисты и другие подобные партии «стремятся к тому, чтобы дать немногим все богатства и блага жизни и оставить на долю трудящихся невежество, голод и террор», что «они ищут выход из кризиса ценой дальнейшего закабаления рабочих и фермеров… Короче говоря, — утверждает писатель, — *капиталистический выход из кризиса — это еще большая бедность, голод и безработица, которые переживает сейчас трудящаяся Америка».*

Коммунисты говорят, заканчивает свою статью Драйзер: «Все богатства должны принадлежать трудящимся». Если думать так — значит быть коммунистом, то я в таком случае коммунист. И потому буду голосовать на выборах за коммунистических кандидатов».

В конце августа в Амстердаме состоялся Всемирный антивоенный конгресс. Идея созыва такого конгресса была высказана в начале года, она получила поддержку широких кругов интеллигенции, организаций рабочих и крестьян во многих странах, за созыв конгресса высказался Коминтерн. Подготовкой конгресса занялся международный инициативный комитет, в который входили такие виднейшие прогрессивные деятели мира, как А. Барбюс, М. Горький, П. Ланжевен, Г. Манн, М. Андерсен-Нексе, Б. Рассел, Ромен Роллан, Сен-Катаяма, А. Эйнштейн. Членом инициативного комитета был избран и Теодор Драйзер, что явилось признанием его заслуг в борьбе против войны, за лучшее будущее человечества.

Основные положения, провозглашенные Амстердамским антивоенным конгрессом, отвечали интересам мобилизации всех антивоенных сил. Анри Барбюс, закрывая конгресс, заявил: «Его сила и достоинство в том, что он, избежав ужасной западни официального пацифизма, сеющего иллюзии и обращающего здоровые силы к бесплодному теоретизированию, оторванному от

действительности… свел вопрос о войне за землю, рассматривая его как вопрос о людях, истекающих кровью». Говоря об итогах конгресса, Драйзер назвал его «наиболее значительным шагом на пути к миру со времен русской революции».

«Международный антивоенный конгресс, — писал он в письме студенческому антивоенному конгрессу, происходившему в Чикаго, — это начало, борьба коммунистов против войны приносит свои плоды. Интеллигенция откликается на призыв выступить в защиту СССР. И когда Ромен Роллан говорит, что он «готов с оружием в руках защищать Союз Советских Социалистических Республик», его слова, словно эхо, подхватывают миллионы людей».

Драйзер всегда стремился принимать активное участие в общественной жизни своей страны, откликаться на важнейшие международные события. Он приветствует идею создания Лиги интеллектуальных работников, ставящую своей целью объединение самых различных слоев трудящихся в борьбе против экономического кризиса, резко выступает против разгона в Вашингтоне демонстрации ветеранов первой мировой войны. «Теперь вы увидели магнатов капитала в действии, — пишет он в частном письме. — За этим последует хладнокровная диктатура и пушки против «всякой мелочи». Стоит только подождать».

Именно поэтому Драйзер с большим интересом отнесся к предложению группы литераторов принять участие в создании нового литературного журнала. Хорошо известные Драйзеру издатели Рей Лонг и Ричард Р. Смит согласились финансировать журнал, редакторами которого должны были стать критик и переводчик Эрнест Бойд, театральный критик Джордж Джин Натан, драматург Юджин О'Нил, критик, поэт и прозаик Джеймс Бранч Кейбелл и Теодор Драйзер. Новый журнал, по мысли его инициаторов, должен был стать чисто литературным явлением и не вмешиваться в политические и социальные проблемы. В письме Драйзеру Натан и Бойд выражали надежду, что он «сможет прислать что-нибудь для первого номера» в «характерном его духе», но предупреждали, что следует избегать «всех социальных и политических» проблем, так как они «решили, что наше обозрение будет игнорировать эти стороны жизни». Подобная постановка вопроса насторожила Драйзера, и в ответном письме он попросил Натана «сообщить всем, что я никаким образом не связан с журналом — ни в качестве редактора, ни финансово, ни как избранный и предпочтительный автор или советчик».

Однако, говоря по правде, Драйзер жаждал снова поработать в журнале. Он, по словам Элен, очень часто вспоминал о своей

редакторской работе в молодости, тосковал по ней и сожалел, что ему пришлось в свое время с ней расстаться. Поэтому переговоры с инициаторами создания нового журнала были продолжены. «В конце августа, — вспоминает Элен, — мы пригласили на обед в «Ироки» Джорджа Джина Натана и Эрнеста Бойда. За обедом обсуждалось проектируемое издание нового литературного журнала «Американ спектейтер». Выход первого номера намечался в октябре. «Американ спектейтер» должен был стать солидным журналом. В нем не будет никаких реклам и объявлений, и, следовательно, он станет органом свободного выражения эстетических, художественных и научных взглядов как во всеамериканском, так и в международном масштабе. Это будет журнал, предназначенный в первую очередь служить трибуной для обмена мыслями и взглядами между известными писателями Европы и Америки. Такой обмен взглядами мог бы оказать серьезное влияние на образ мыслей предубежденных людей как на родине авторов, так и в других странах и рассеять свойственные этим людям предрассудки».

Дальнейшие переговоры смягчили позицию Драйзера, и его имя в качестве одного из редакторов появилось в первом номере журнала «Американ спектейтер», вышедшем в ноябре 1932 года. Журнал имел успех, первый номер быстро разошелся, и издатели выпустили дополнительный тираж в 20 тысяч экземпляров. Драйзер отдался работе в новом журнале с присущей ему энергией, несмотря на то, что он был одним из неоплачиваемых внештатных редакторов, а обязанности по повседневному руководству работой редакции были возложены на платных редакторов Натана и Бойда. Прежде всего он письменно обращается ко многим деятелям с мировым именем с просьбой выступить в новом журнале. Он пишет И. Сталину и Диего Ривере, Леопольду Стоковскому и Альберту Эйнштейну; пытается получить статьи о женском движении в Японии и о южноафриканской литературе, о жизни советских рабочих и крестьян, о народном образовании и медицинской помощи в СССР, о реформах Кемаля Ататюрка и о достижениях современной музыки; просит новые рассказы или отрывки из крупных произведений у Лиона Фейхтвангера и Шервуда Андерсона, Джона Дос Пассоса и Линкольна Стеффенса.

«Наконец-то, по его словам, — как свидетельствует Элен, — у него имеется печатный орган для выражения мыслей — орган, достойный серьезных усилий». И он действительно не жалел усилий, чтобы сделать новый журнал лучше, интереснее. Сохранился детально разработанный им подробный план журнала с точным описанием разделов, а также отдельных

материалов, которые могли бы привлечь внимание читателей.

В рекламных проспектах указывалось, что новый журнал намерен публиковать критические материалы того типа, который «отвергает сторонников установившихся условностей, добродетельных моралистов и религиозных фанатиков и отдает предпочтение непринятому и непонятому в противовес принятому и понятому». Драйзер рассчитывал, что журнал превратится в литературный орган, способный вызвать перемены в общественной жизни страны, явится поборником свободы печати и других прав человека.

Во втором номере журнала (декабрь 1932 года) он выступает с проникнутой грустным сарказмом статьей «Великий американский роман». В ней Драйзер пытается привлечь внимание к именам писателей давно забытых, чьи произведения были «яркими образцами реализма», но чьи книги «были признаны опасными и немедленно оплеваны обществом, пропитанным ханжеством и лживой моралью. Авторам их, в том числе и автору «Сестры Керри», общество, издатели и критики объявили бойкот, заклеймив их кличкой бездарных и бесстыдных писак». Драйзер считал, что «не одни издатели, пресса и критики, но сам душевный склад американцев и их моральные воззрения повинны в том, что у нас в корне пресекают всякую попытку честно подойти к изображению жестокой и грубой жизни».

И снова писатель поднимает свой голос против власти денежного мешка: «…Деньги не только установили свою диктатуру, но и создали принципы, в соответствии с которыми должен жить человек. На месте дворцов и соборов прошлого они воздвигли заводы и небоскребы и воскликнули: «Смотрите и преклоняйтесь! Вот каким должен быть мир!» Вместе с тем писатель предупреждает против заполнивших рынок «тупых, посредственных и непристойных» произведений, авторы которых претендуют «не только на реалистическое, но и на сверхреалистическое изображение великосветских и порнографических сторон нашей американской жизни».

По предложению Драйзера в качестве одного из внештатных редакторов журнала был приглашен Шервуд Андерсон, который начал регулярно публиковать в журнале очерки под общим заглавием «Прогулки по Нью-Йорку». Читающая публика хорошо принимала пронизанные легким юмором подобные зарисовки, отображающие, как писал журнал, «жизнь в целом, а также некоторые специфические проблемы нашего времени, в частности».

Натан считал, что каждый материал, публикуемый в журнале, должен отличаться ясностью слога, живостью и легким юмором.

Если же он находил тот или иной материал недостаточно блестящим по стилю или же считал его недостаточно талантливым, он обычно отвергал его и отправлял обратно автору. Многие известные литераторы, выступавшие на весьма злободневные темы, были недовольны слишком эстетскими, по их мнению, требованиями Натана и жаловались на него Драйзеру. На этой почве часто возникали серьезные стычки между Драйзером и Натаном.

Драйзера также беспокоило, что в журнале непропорционально большое место уделялось чисто литературным проблемам, а также вопросам искусства. «Безусловно, — писал он 31 октября 1932 года в письме Бойду и Натану, — литература и искусство должны занимать разумное место в нашей программе, однако более общие жизненные сферы деятельности, из которых и вытекают эти формы искусства, должны все же получить предпочтение». И свою деятельность в журнале Драйзер прежде всего рассматривал под этим углом зрения. По его настоянию в мартовском номере журнала за 1933 год был напечатан весьма мрачный рассказ Вернона Шервина «Сувенир» о случае линчевания негра в одном из южных штатов.

В письме Дос Пассосу Драйзер подчеркивал, что его «желание всегда заключалось в том, чтобы ввести в журнал дух социального критицизма и представить веские аргументы в пользу диктатуры масс». Это его стремление наталкивалось на противодействие Натана и Бойда. Они также возражали против публикации в журнале материалов, приветствующих признание СССР правительством Франклина Делано Рузвельта, не хотели публиковать статьи советских авторов, возражали против материалов, разоблачающих махинации монополий. Все попытки Драйзера урегулировать разногласия и найти общий язык с Натаном, который играл первую скрипку в журнале, ни к чему не приводили.

Первоначально журнал, как и предполагалось, не публиковал рекламы и объявления и, таким образом, был независим от взглядов рекламодателей. Однако начиная с номера за август 1933 года в журнале начинают регулярно публиковаться рекламные объявления, что но могло не сказаться и на общем содержании других материалов. К тому же в это время одним из издателей журнала становится известная своей приверженностью к католической религии Катерина Мак-Нелис. Все это, по мнению Драйзера, должно было привести к изменению политического лица журнала. Согласившись сотрудничать в журнале, писал Драйзер другу, литературному редактору журнала «Сан-Франциско бюллетень» Джорджу Дугласу, «я согревал себя

надеждой, что, возможно, с приходом в журнал Андерсона и вас я сумею превратить его в орган, открыто бросающий вызов обществу, или же в журнал интеллектуально левого направления, или, в крайнем случае, в выражающий социально-радикальную точку зрения».

Но этим надеждам писателя не суждено было сбыться. Журнал все более превращался в никого не беспокоящий, развлекательный ежемесячник. Поэтому в январе 1934 года он официально уведомил редакцию о своем выходе из состава редакторов. Следует отметить, что в следующем году и все остальные редакторы покинули «Американ спектейтер», журнал продолжал еще год после этого выходить ежемесячно, а с 1936 года совершенно изменил и свое направление, и периодичность, начав выходить 6 раз в год.

Активное участие Драйзера в общественной жизни США в эти годы отнюдь не ограничивалось работой в журнале «Американ спектейтер». Летом 1932 года на страницах «Дейли уоркер» он выступает с заявлением «О судебной расправе над жертвами Скоттсборо», в котором резко осуждал решение верховного суда штата Алабама, подтвердившего смертный приговор восьми негритянским юношам. «…Решение, которое фактически было принято в Скоттсборо разъяренной толпой, — гневно писал Драйзер, — получило подтверждение — штат Алабама в лице своей судебной системы с ее высшими и низшими инстанциями подтвердил, к ужасу и возмущению всех порядочных людей, свою врожденную ненависть к неграм, показав тем самым, что он сам недалеко ушел от тупой, по-звериному жестокой толпы».

В ноябре 1932 года Драйзер отправляется в Сан-Франциско, чтобы принять участие в массовом митинге в защиту Тома Муни. Вместе с Линкольном Стеффенсом он посетил Муни в тюрьме, а затем встретился с многочисленными представителями печати. Одна из корреспонденток спросила его:

— Не думаете ли вы, господин Драйзер, что, даже если Муни и невиновен, он все же является слишком опасным анархистом, чтобы разгуливать на свободе?

— Если вы действительно так думаете, — резко ответил ей Драйзер, — то вы просто идиотка, которую никак нельзя держать на свободе.

6 ноября 1932 года более 15 тысяч человек собрались в выставочном зале Сан-Франциско на митинг в защиту Т. Муни. Присутствующий на митинге Паул Калликот с трибуны подтвердил ранее сделанное им заявление о том, что это он организовал взрыв, который вменялся в вину Т. Муни. В числе других ораторов выступил и Драйзер, который остановился не

только на судьбе Муни, но и рассказал о бедственном положении тысяч шахтеров в штате Кентукки, и сделал вывод о том, что дело Муни — это проявление «той же классовой борьбы, которая взволновала Кентукки». Писатель своим выступлением, как и предыдущими заявлениями по этому поводу, пытался помочь «широким массам Америки осознать, что закон и суд у нас находятся под контролем и руководством монополий и что только коренное изменение всего образа жизни нации принесет справедливость каждому».

Из Сан-Франциско Драйзер поехал в Голливуд навестить старых знакомых. Совершенно неожиданно поездка эта закончилась заключением нового контракта с фирмой «Парамаунт пабликс корпорейшн». Узнавший из газет о приезде писателя глава калифорнийских студий фирмы Бен Шульберт встретился с писателем и договорился с ним о постановке фильма по мотивам романа «Дженни Герхардт». Драйзер был рад заключению этого контракта, так как он продолжал возлагать большие надежды на возможности кинематографа и также потому, что полученный гонорар значительно улучшил его финансовое положение.

Драйзер загорелся идеей создать реалистическую киноэпопею. В основу сценария он и на этот раз решил положить историческое событие — восстание рабочих табачных плантаций и фермеров против хозяев табачного треста «Дьюк». Причиной восстания послужили низкие закупочные цены на табак, которые не давали возможности фермерам сводить концы с концами. Восставшие выдержали не одну схватку с войсками, сожгли несколько крупных складов табака. События эти имели место в 1906–1907 годах в штатах Кентукки и Теннесси и в те годы привлекли к себе внимание всей страны.

Возвратившийся из поездки Драйзер несколько недель не мог говорить ни о чем другом, кроме своей новой работы. Сначала он дал ей название «Восстание», а затем заменил на «Табак». Идею его поддержали кинооператор Хай Крафт, художник Хьюберт Девис и другие. В январе 1933 года Драйзер вместе с Крафтом едет в городок Хопкинсвилл (штат Кентукки), в окрестностях которого и происходило восстание. Уже первая прогулка по городу убедила писателя в том, что положение местных рабочих за прошедшие годы вряд ли улучшилось, всюду он встречал разваливающиеся халупы и ужасную нищету. Несколько недель Драйзер объезжал окрестности, беседовал со сборщиками табака, участниками восстания, внимательно осматривал лачугу, в которой родился один из руководителей восстания, знакомился с условиями жизни и работы фермеров, внимательно читал

пожелтевшие от времени листы местных газет. Он часами мог под ледяным ветром ходить по табачным полям, чтобы наглядно представить себе, как растет табак. Ему хотелось, чтобы фильм сняли прямо здесь же, на этих полях, среди этих лачуг, которые были непосредственными свидетелями происшедших событий. Он хмуро выслушивал возражения, ссылки на несовершенство съемочной аппаратуры. Разве все эти операторы и режиссеры способны создать эффект подлинной жизни — напряженной, грубой человеческой драмы? Он был уверен, что его реалистический подход к киносъемкам может раскрыть перед кино новые, неизведанные возможности.

В своем загородном доме Драйзер создает сценарий фильма, «потрясающую историю о людях на грани рабства, хозяева которых наживают баснословные прибыли на продаже сигарет». По замыслу писателя фильм должен был закончиться сценой пожара — сборщики табака поджигают склады своих хозяев. Но замыслам писателя не суждено было возродиться на экране — в Соединенных Штатах не нашлось кинофирмы, пожелавшей взяться за постановку фильма. Сценарий его так и остался неопубликованным. Сам писатель в интервью с нью-йоркским корреспондентом газеты «Правда» так говорил о судьбе сценария: «Вот я побывал в Кентукки, видел горняков, видел испольщиков-крестьян, познакомился с их судьбой и написал киносценарий «Табак». Я написал о судьбе крестьянина, полураба на табачной плантации. Ну и что же? Продать сценарий некому. Ни одна кинофирма не купит. Публике, мол, такие вещи не по вкусу. Да и как сочетать этот материал с голливудской «красивостью»? Нет у меня в картине и любовной интриги».

В конце 1932 года вышла из печати биография Драйзера, написанная Дороти Дадли. Книга эта называлась «Забытые границы. Драйзер и земля свободы». Писателю предоставили возможность ознакомиться с ней в типографских гранках, и он считал, что книга Дадли является «весьма интересной реакцией на американскую действительность к интересной ее интерпретацией».

В числе гостей, посещавших Драйзера и Элен этой зимой, был журналист О. Макинттайр. Он так описал одну из встреч с Драйзером: «Предметом разговора, где талант его проявляется с особым блеском, неизменно служат отталкивающие явления жизни, такие, как торговля белыми рабами в Рио или злоупотребление детским трудом. При этом лицо его багровеет до апоплексического оттенка. После одной из таких вспышек он пригласил меня посмотреть выкопанную им канаву, куда он отвел воду из пруда. И как он был горд этим нехитрым достижением!

Теперь он опять превратился в того смирного Тедди, каким его знают близкие. Скромный работяга, гордый делом рук своих! Было поздно, и месяц висел в небе, как тонкая кривая сабля. Когда машина, увозившая нас, въехала на гору, я оглянулся. Драйзер сидел в своей качалке, освещенный сбоку лунным светом, быстро раскачиваясь и яростно комкая в руках свой платок. Силуэт большого серого волка!»

Хотя Драйзер много времени проводил в загородном доме, он часто бывал в городе, встречался с друзьями, издателями, посещал художественные выставки. На одной из таких выставок он познакомился с французскими художниками, с большим интересом слушал их рассказ о деятельности французского общества дружбы с СССР, которое в то время объединяло более миллиона членов.

Подобные беседы служили ему еще одним подтверждением того, что он был прав, когда говорил: «С ликвидацией неудержимого стремления к власти и огромному богатству русский сегодня имеет значительно больше возможности для индивидуального развития и значительно больший стимул для оказания помощи своему товарищу».

Продолжавшаяся в стране экономическая депрессия породила на свет целый ряд предложений, каким способом можно быстрее с ней покончить. Внимание писателя привлекли сообщения газет о создании преподавателем Колумбийского университета Говардом Скоттом компании «Технократия», которая бралась разрешить все проблемы, если ей доверят руководство экономикой страны. Предложение это вызвало многочисленные доброжелательные отклики простых граждан. Драйзер хорошо знал Скотта: они были соседями в Гринвич-Вилледж. Он пишет Скотту письмо, в котором подробно расспрашивает о предложенном эксперименте, говорит об этом с друзьями, рассказывает о своих размышлениях в письме московскому литературоведу С. С. Динамову. Писатель подчеркивает «огромное значение машины, механизма в любом справедливо устроенном обществе», говорит о «необходимости в техническом специалисте как неотъемлемой части государства нового типа». Предложение Скотта заставляет его задуматься над тем, какую роль должны играть в государстве технические специалисты, не приведет ли усиление их роли к созданию диктатуры технократии.

Летом 1933 года Драйзер много путешествует: вместе с Элен он посещает нескольких друзей, а затем отправляется самолетом в Чикаго, чтобы осмотреть всемирную «Выставку века прогресса». «Выставка с ее залитыми огнями каналами, — вспоминает Элен, — постройками в стиле модерн и интересными

экспонатами была удивительно красива. Мы провели большую часть времени в научных павильонах, так как Драйзер в это время занимался собиранием научных данных для своих философских очерков, которые он собирался издать в одном томе».

Когда в августе постоянный обозреватель газеты «Нью-Йорк миррор» У. Уинчелл уехал в отпуск, редакция попросила Драйзера написать очередное обозрение. Он откликнулся статьей «Мухи и саранча», в которой обличал всех тех, кто видит цель жизни в извлечении прибыли, паразитов, саранчу — денежных мешков, банкиров, политиканов, чиновников… Он с большим вниманием следит за первыми шагами администрации Ф. Рузвельта. «Интересно увидеть, что получится из этого эксперимента Рузвельта», — замечает он в частном письме.

Когда Генри Форд отказался подчиниться введенному Ф. Рузвельтом новому трудовому законодательству, предоставившему рабочим право коллективно вести переговоры с предпринимателями, Драйзер направил президенту телеграмму, в которой не только осуждал действия Форда, но и предлагал предпринять против него решительные меры. «Вы столкнулись с изживающими себя представителями вымирающей системы индустриальных диктаторов, и Генри Форд является одним из них. Они должны значительно больше стране, которая дала им процветание, чем страна должна им, однако они все еще пытаются определять не только детали ведения собственного дела, но и саму политику нации, которая обеспечивает их существование. Определенное общественное преклонение перед деловым успехом привело к тому, что они рассматривают себя не только как деловых людей, но и в качестве государственных деятелей. Рассейте это заблуждение… Используйте полностью и даже диктаторски вашу официальную власть для воздействия на американский народ…»

Вместе с тем Драйзер много времени уделяет работе над «Стоиком», создает несколько новых рассказов, среди них «Мэтьюсон», «Начало жизни» и другие. Рассказ «Мэтьюсон» представляет собой одну из жизненных историй, примыкающую к тем, которые ранее составили сборник «Двенадцать мужчин». Мэтьюсон был «журналистом и оригинальным поэтом и писателем, если не в силу достижений своего пера, то по самому складу характера». Автор противопоставляет своего мечтательного, тонко чувствующего жизнь, восприимчивого героя «энергичным, удачливым, алчным и грубым» людям, тем, кто рассматривает «жизнь как нечто, что можно взять штурмом, или же одолеть хитростью, или — что еще хуже — несправедливостью…». Свои наблюдения Мэтьюсон записывает на

клочках бумаги, которые разбросаны повсюду в его комнате. «Борьба за жизнь без насилия — всего лишь мечта; жить только путем насилия — эстетическая смерть», — этой записью Мэтьюсона кончает свой рассказ автор.

Поэтическая, возвышенная история не нашедшего себе места в реальной действительности и покончившего с собой Мэтьюсона взята писателем из жизни. Прообразом Мэтьюсона послужил знакомый журналист, которого писатель хорошо знал в годы работы в газетах Сент-Луиса. История эта, как и ряд других рассказов, была отвергнута несколькими журналами, прежде чем право на ее публикацию приобрел журнал «Эсквайр».

В конце 1933 года умер от пневмонии Хорэс Ливрайт. В некрологах на его смерть газеты отмечали поддержку им «настоящей литературы», его длительную борьбу против цензуры. В похоронах приняли участие многие писатели, в том числе Т. Драйзер и Э. Синклер. Они вместе возвращались с похорон и, как вспоминает Синклер, говорили о Ливрайте, о том, что в последнее время он злоупотреблял спиртными напитками, что, вероятно, и ускорило развитие болезни.

После смерти Ливрайта его издательство обанкротилось, и Драйзер снова встал перед проблемой — нужно было найти нового издателя. А пока книги его не рекламировались и не продавались, хотя с выходом на экран фильма «Дженни Герхардт» сложилась хорошая конъюнктура для распространения одноименного романа. Писатель хотел было выкупить все непроданные экземпляры своих книг и их матрицы, но запрошенная цена была ему явно не по карману. Отношения писателя с правопреемниками Ливрайта стали предметом длительного арбитражного разбирательства, пока в конце концов он не был вынужден уплатить им крупную сумму денег.

В конце 1933 года власти его родного штата Индиана разослали в учебные заведения и библиотеки список четырнадцати крупнейших писателей — уроженцев штата. В этом списке были представлены автор сентиментальных романов Джин Стрэттон Портер и сатирик Джордж Эйд, исторический романист Чарльз Мэйор, дипломат и романист Клод Бауэрс, другие писатели, но в нем не нашлось места для Теодора Драйзера. Газета «Эвансвилль пресс» опубликовала в этой связи статью «Теодор Драйзер — забытый человек из Индианы». Статья эта невольно проливала свет на явные и скрытые попытки приуменьшить значение Драйзера — писателя и мыслителя, на стремление низвести все его творчество к натурализму, а его политические выступления против капитализма — к причудам эксцентричного человека.

Глава 15
РУКА ОБ РУКУ С ПРОГРЕССОМ

Драйзер много размышлял о судьбах творческой интеллигенции, о ее вкладе в развитие человечества, о роли писателя в обществе. К началу и середине 30-х годов относятся его важные выступления по этим проблемам. Как известно, в истории американской литературы период этот получил название «красных тридцатых». Прогрессивные силы творческой интеллигенции страны в октябре 1929 года создали первые клубы Джона Рида, которые фактически являлись организацией писателей, стоявших на позициях пролетариата. В задачу клубов входило «выяснить принципы и задачи революционного искусства и литературы, пропагандировать их и практиковать». В 1934 году, когда состоялась вторая национальная конференция Федерации клубов Джона Рида, в их рядах насчитывалось около 1200 человек. В 1935 году многие члены клубов Джона Рида вошли во вновь организованную Лигу американских писателей, в работе которой Драйзер принимал активное участие, хотя и не являлся формально ее членом.

Поэтому его размышления о месте и роли писателя в современном обществе основывались не только на хорошем знании истории американской литературы и собственном богатом опыте, но и на фактах литературной борьбы последних лет, борьбы, в которой он бескомпромиссно стоял на стороне «миллионов рабочих всего мира». Об одной из таких статей — «Великий американский роман» — мы уже говорили в связи с работой писателя в журнале «Американ спектейтер». Остановимся здесь только на тех ее аспектах, которые касаются оценки произведений современной ему американской литературы. Драйзер понимал, что искусство питается жизнью, что важно «не дать засориться жизненным каналам, связующим искусство и общество». И произведения американской литературы он рассматривает прежде всего с точки зрения их соответствия жизненной правде. Своими книгами он подтвердил мысль о том, что задача подлинного писателя-реалиста заключается не в «зеркальном» отображении действительности, а в показе закономерностей жизни, сущности жизненных явлений. Уместно в этой связи вспомнить известное положение Фридриха Энгельса, который писал: «Реализм подразумевает, помимо правдивостей деталей, правдивость воспроизведения типичных характеров в типичных обстоятельствах»[«Маркс и Энгельс об искусстве». М.,

«Искусство», 1967, т. 1, стр. 6–7.].

Драйзер исходит именно из этой позиции, когда рассматривает американскую литературу. Об американском романе он говорит и «как человек, и как представитель современного реализма». Он отмечает «узкий… подход к описываемым событиям» Джеймса и говорит об отсутствии «социальных характеристик» у героев Хоуэлса, о приторной сладости романов Бута Таркингтона, называет «псевдореалистические литературные детища», обязанные своим появлением Г. Менкену. Вместе с тем он обращает внимание на книги, принадлежащие перу, по его мнению, «настоящих и никем не воспетых реалистов». К их числу он относит «Джунгли» Э. Синклера, рассказы Ш. Андерсона, «Главную улицу» С. Льюиса, «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя, «Манхэттен» Джона Дос Пассоса и некоторые другие.

Конечно, не со всеми оценками Драйзера можно безоговорочно согласиться, кое-какие его суждения явно появились на свет в пылу полемического задора, другие продиктованы условиями данного момента. Так, мы не можем согласиться с тем, что Драйзер в этой статье относит к «веренице псевдореалистов» таких мастеров прозы, как Джек Лондон и О'Генри. Но тем не менее суждения Драйзера о современной ему американской литературе свидетельствуют о глубоком понимании им литературного процесса, об умении выделить из огромного потока книг самое лучшее, то, что впоследствии действительно выдержало трудную проверку — проверку временем.

Летом 1933 года в московском журнале «Интернациональная литература» была опубликована статья Драйзера «Обращение к художнику». В Соединенных Штатах статья аналогичного содержания появилась на страницах радикального журнала «Коммон сэнс» осенью под заглавием «Вызов людям творческого труда». Исследователь творчества писателя И. Анисимов отмечал, что в ней «Драйзер развертывает целостную программу прогрессивной литературы в США».

Еще в опубликованной 1 августа статье «Мухи и саранча» Драйзер заявил о том, что «творческая мысль, открытия, изобретения призваны укреплять и улучшать духовное, физическое и социальное положение и благосостояние человечества» в целом, а не только «биржевых маклеров и посредников самой захудалой в умственном и нравственном отношениях породы», не только «банкиров, спекулянтов и промышленников и их акционеров, судей, адвокатов и чиновников… Все достижения изобретательской мысли во всех ее

формах идут на пользу миллионеру, а не рабочему». Погоне за прибылью автор противопоставляет духовный энтузиазм и любознательность, выступает в поддержку вековой борьбы «человека за создание организованного современного общества, в центре которого будет стоять он сам, — общества, которое предоставит каждому человеку возможность работать и жить». Статья эта была в декабре 1933 года перепечатана журналом «Коммон сэнс» под новым заглавием — «Погоня за прибылью — воровство» — и явилась как бы продолжением статьи «Вызов людям творческого труда».

«Обращение к художнику» (здесь и далее мы будем цитировать этот вариант статьи) — это прежде всего страстный призыв к собратьям по искусству, ко всем людям творческого труда «объединиться с массами в их борьбе против одного класса, за установление лучшего и более справедливого строя». Положение интеллигенции в американском обществе, говорит писатель, мало чем отличается от положения «наемных и всегда плохо оплачиваемых» обычных служащих. «И таково было положение интеллигенции во все исторические времена, несмотря на все хваленое благородство ее патронов и меценатов». Писатель вынужден с сожалением констатировать, что «возрастающее количество» американских деятелей умственного труда «все больше и больше отходит от масс, переставая сознавать их социальное значение, вырабатывавшееся так медленно и с таким трудом, а ведь от этого, — подчеркивает Драйзер, — целиком зависят формы устройства и богатство современной общественной жизни, столь важные для каждого отдельного индивидуума».

Писатель ставит перед американской и мировой интеллигенцией важный вопрос самой творческой судьбы художника — вопрос о необходимости неразрывной связи с широкими трудящимися массами, этими «щедрыми и до сих пор почти непризнанными друзьями и утешителями мыслителя, поэта, всякого творца вообще».

«Как могли бы существовать теперь или в какую-либо другую эпоху интеллигент, эстет, мыслитель, поэт, драматург, ученый, философ, изобретатель, если бы не существовало масс, массовой собственности и труда, столь грубо эксплуатируемых и расхищаемых классовым эгоизмом? Как могли бы они существовать? Что бы они сами на этот счет ни думали, они могут и могли существовать не по милости самозваных владык любых времен и народов, а только благодаря труду миллионных масс на дне общества».

Писатель обращает внимание интеллигенции на то, что

«только от масс (с их великой, настойчивой потребностью жить и окружать себя разумным миром и довольством) может исходить создание реальных экономических ресурсов, а также умственные и художественные запросы по отношению к тому, что могут предложить миру мыслители, изобретатели, ученые, интеллигенция и гении». Драйзер призывает современных художников, творцов и мыслителей «повернуться к массам, включиться в их борьбу за развитие красоты, мысли и искусства вообще… Ибо не только ваши экономические, но и ваши социальные и художественные мечты совпадают с мечтами миллионов рабочих всего мира… Включайтесь теперь же в ряды борцов. Пишите, выступайте, боритесь за тех и вместе с теми, чье будущее есть ваше будущее. Прогресс развивается в этом направлении. А рука об руку с прогрессом идет искусство».

Статья эта была подлинным криком изболевшейся души художника, она давала прямой и недвусмысленный ответ на вопрос о позиции крупнейшего американского прозаика в те годы, когда вся интеллигенция земного шара отвечала на знаменитый, набатный вопрос Максима Горького: «С кем вы, мастера культуры?» Но Драйзер своей статьей не только отвечал на этот вопрос, он призывал других последовать его примеру и открыто выступить от лица «тех масс, из которых вы вышли и к которым вы принадлежите в действительности…».

В начале лета 1934 года Драйзер дал интервью нью-йоркскому корреспонденту газеты «Правда». В нем он снова вернулся к положению в американской литературе, подчеркнул резкое несоответствие между потерпевшим аварию кораблем капитализма и картиной создавшегося положения, открывающейся со страниц книг, литературных журналов и прессы. «Литература в общем на кризис не отозвалась, — говорил писатель. — Страдания масс в «большой литературе» не получили отражения… Если упоминается то или иное явление, то поверхностно и мимоходом, без связи с целым. Воображаю, что сделали бы с нашим современным общественным материалом Диккенс или Достоевский…»

Причины создавшегося положения для Драйзера абсолютно ясны: «Живуча романтика наживы. Голливуд своей мертвой хваткой держит не только кинематографию, но и всю литературу. Идеал: человек, который никогда не работает». А какой горечью проникнуты слова писателя о том застое, который какое-то время наблюдался в литературной жизни: «Американская литература спит глубоким сном. Гром кризиса ее не разбудил. Приблизительно в таком же положении, как я, находятся Шервуд Андерсон и еще несколько писателей, обладающих не только

стажем, но и общественным, политическим сознанием. Мы — ничтожнейшее меньшинство среди огромного количества писателей, угодливо разрабатывающих образы преуспевающих бизнесменов».

Читающие эти строки понимали, что дело не в выборе объекта изображения, а в подходе, в творческой манере писателя, в типичности изображаемого. Драйзер в своем творчестве также неоднократно обращался к образам преуспевающих бизнесменов. Но в отличие от литературных поденщиков, обслуживающих класс капиталистов, он поднялся до изображения типического в американской жизни, мастерски нарисовал обобщенный образ современного ему капиталиста.

Говоря об американской критике, Драйзер отметил ее существенные недостатки и в заключение добавил: «Нам нужен критик, который сумел бы сорвать маску с нашей современной литературы. Двадцать лет назад для своего времени это сделал Менкен. Он — фаталист и реакционер, но он послужил на пользу американской литературе, сорвав с нее маску слащавости, патоки».

Характеризуя творчество молодых в то время, подающих серьезные надежды писателей, в том числе и пролетарских, Драйзер предупреждал их об опасности пренебрежения глубоким психологическим анализом, обращал внимание на необходимость «видеть человека». Недостаточно «рассматривать действительность под углом зрения определенных формул», писатель должен «видеть ничем не затемненную действительность, в первую очередь человека под углом зрения своего художественного темперамента». Достаточно вспомнить хотя бы первый роман самого Драйзера, чтобы понять, что сам он неукоснительно следовал этому правилу. Роман о судьбе простой американской девушки явился воплощением реалистических тенденций в творчестве Драйзера. «Его реализм, — отмечал Джеймс Т. Фарелл, — это реализм социального строя, и именно в «Сестре Керри» он преподнес американской литературе первый из своих трудов этого рода».

В конце 1935 года была опубликована — почти одновременно на английском и русском языках — статья Драйзера «Два Марка Твена», в которой он пытается пролить дополнительный свет на творчество этого великого представителя американского критического реализма. Внимание Драйзера привлекает не Твен — «неисправимый шутник и неистощимый юморист», а Твен — «крупнейший и оригинальный мыслитель-пессимист», Твен как «психологическая и литературная загадка». «…Мое внимание, — писал Драйзер, — как и внимание многих, привлекал не особый,

поистине раблезианский по силе дар юмора, парадокса, преувеличения и острой шутки, преобладавший у Твена, а его менее заметный для широкой публики и, так сказать, затаенный дар, его талант изображать мрачное и разрушительное, его лирические и скорбные размышления о смысле или бессмысленности жизни, а также сила и ясность его реализма и критики».

Драйзер в этой связи привлекает внимание к таким произведениям великого американского писателя, как «Таинственный незнакомец», «Что такое человек?», «Автобиография», «Человек, который совратил Гедлинберг», то есть к произведениям, в которых «впервые прорвался иной юмор, непохожий на привычный смех Твена, в котором он находил спасение от окружающего его гнусного мира». Это уже был не юмор, а бичующая сатира, в этих произведениях и проявляется другой Твен — не юморист, а, воспользуемся здесь определением В. Паррингтона, сатирик, который «метил своими сатирическими стрелами в святая святых: в евангелическую религию, в республиканскую партию, в правительство, заседающее в Вашингтоне, наконец, в весь проклятый род людской…».

Не со всеми утверждениями Драйзера в этой статье можно согласиться, в частности, вызывает возражения его трактовка Твена как «мыслителя-пессимиста». Нам кажется, что значительно ближе к истине тот же Паррингтон, утверждающий, что Твен тайно вынашивал «в глубине души бунтарские мысли». Есть в статье и фактические неточности. Но не это главное в статье Драйзера, главное — в той оценке общественных условий, которые сдерживали в творчестве Твена сатирические начала и которые «на некоторое время совершенно отвлекли его от реалистического, так сказать, по-достоевски серьезного изображения пережитков прошлого, жестокостей и человеческих страданий, которые, в сущности, наиболее интересовали его».

Со страниц всех этих статей Драйзера перед читателем встает фигура мыслителя, не только глубоко понимающего назначение литературы, но и хорошо знающего жизнь, умеющего соизмерять творения художника с описываемой им действительностью. Все выводы Драйзера-критика подтверждаются творчеством Драйзера-романиста, непосредственно вытекают из его собственного творческого опыта. В этом смысле выступления Драйзера по проблемам литературы — прямое продолжение и дальнейшее развитие его взглядов, которые нашли свое яркое выражение в таких романах, как «Сестра Керри», «Финансист», «Американская трагедия». Они были обусловлены пониманием писателем тех общественно-исторических условий, в которых

развивалась американская литература.

Летом 1934 года внимание всей страны привлекло трагическое убийство неким Робертом Эдвардсом своей бывшей возлюбленной Фреды Маккинчи. Молодая женщина готовилась стать матерью, но это мешало планам Роберта, который намеревался связать свою судьбу с другой женщиной — учительницей музыки Маргарет Крейн. Он убивает Фреду ударом дубинки и сбрасывает ее тело в озеро. История эта напоминала описанную в «Американской трагедии», и газета «Нью-Йорк пост», а также журнал «Мистери мэгэзин» попросили Драйзера описать все, что произошло. Драйзера не удивило сходство новой трагедии с той, о которой он рассказал в романе. При первой встрече с газетчиками он сказал по этому поводу: «Пресса в своих заголовках называет дело Эдвардса «американской трагедией». Газеты со всех концов страны телеграфировали мне, прося разрешения использовать отрывки из моей книги. Это подтверждает мое глубокое убеждение, что я выбрал типичный случай. Именно поэтому я назвал свою книгу «Американская трагедия». В свое время мне было довольно трудно заставить издателей принять это название. Теперь я знаю, что был прав».

Драйзер выехал на место, и его описание происшедших трагических событий сначала было опубликовано в газетах «Нью-Йорк пост» и «Филадельфия рекорд», а затем — под заголовком «Я обнаружил подлинную американскую трагедию» — в пяти номерах журнала «Мистери мэгэзин» (февраль — июнь 1935 года).

В сентябре 1934 года наконец было завершено арбитражное дело с правопреемниками издательской фирмы Ливрайта, и Драйзер мог снова искать себе нового издателя. После переговоров с рядом фирм Драйзер решил заключить контракт с известным издательством «Саймон энд Шустер». По случаю подписания договора издатели устроили в загородном доме Драйзера большой прием. В «Ироки» собралось около двухсот приглашенных — писатели Эрскин Колдуэлл, Шон О'Кейси, Шервуд Андерсон, Джон Дос Пассос, Флойд Делл; художники Хьюберт Дэйвис, Ральф Фабри, Уортон Эшерик; критики Хейвуд Браун, Джозеф Кратч; журналисты, актеры, музыканты, деятели кино.

Хозяева фирмы решили для начала выпустить дополненное издание сборника поэтических произведений Драйзера «Настроения». «Книга эта, — писал Драйзер издателю, — является моей попыткой выразить мою индивидуальную философию в лирической и эмоциональной форме. Вот почему в заглавие была

добавлена строка — ритмические и для декламации, — и поэтому эта строка очень важна». В другом письме, к автору предисловия этой книги Суламифь Иш-Кишор, Драйзер сетовал, что издатели не понимают, что его книга представляет собой «лирическую философию и, возможно, первую осознанную попытку выразить индивидуальную философию лирически, то есть ритмически и в годной для декламации форме…». Несмотря на долгие переговоры с издателями, книга «Настроения, философские и эмоциональные, ритмические и для декламации» все же вышла в свет в 1935 году.

В эти годы для Драйзера было характерно увлечение философией, или, вернее, философией естествознания. «Вы правы, когда говорите, что я занят серьезной работой, — писал Драйзер в декабре 1934 года своему доброму знакомому, сотруднику газеты «Сан-Франциско бюллетень» Джорджу Дугласу, — и ваша интуиция не подвела вас, когда вы утверждаете, что это не роман. Это философская книга, которую я долго держал в голове и которую я время от времени писал по частям… Пока из пятнадцати или шестнадцати глав или отдельных эссе у меня имеется восемь. Одну из них, озаглавленную «Миф об индивидуальности», вы обнаружите… в книге, изданной 12 декабря фирмой «Даблдей, Доран». Она называется «Творцы американской мысли, 1933–1934»… Однако это эссе должно быть в моей книге несколько расширено. Два других (эссе) я опубликовал в журнале «Эсквайр»… Но и эти эссе — все еще не в окончательном виде».

В последующих письмах Дугласу писатель довольно подробно изложил содержание своей будущей книги философских эссе, условно названной им «Заметки о жизни» или «Формулы, которые называются жизнью». Он предполагал открыть первую часть книги статьей «Основная трагедия жизни», дальше должны были следовать эссе — «Миф реальности», «Миф индивидуальности», «Миф созидательной силы человека», «Миф собственности», «Миф свободной воли», «Миф индивидуального мышления», «Миф о безусловном зле невежества», «Нравственность и безнравственность», «Необходимость ограничения», «Миф о безупречном социальном порядке», «Миф смерти».

Вторая часть книги называлась «Некоторые отличительные черты созидательной энергии, как они выражены на земле» и должна была состоять из шести глав: «Сущность желания», «Сущность изменения», «Сущность красоты», «Свойства сострадания», «Необходимость тайны», «Компромисс, называемый справедливостью». Завершалась книга главой «Неизбежное уравнение», в которой писатель намеревался «суммировать все

предшествующие наблюдения и выводы». Кроме того, Драйзер хотел еще ввести в книгу главу, условно названную им «Нынешние границы человеческого ума» или же «Человеческое мышление».

Элен вспоминает, что, работая над этой книгой, Драйзер «начал собирать научные данные, факты, вырезки из газет и журналов, которые проливали свет на его интерпретацию жизни или подкрепляли один из его тезисов… Он намеревался подобрать данные и примеры, наилучшим образом поясняющие его выводы…» Писатель искал факты не только в окружающей его жизни, но и в последних достижениях науки — химии и биологии, астрономии и психологии. Труд этот занял многие годы, но так и не был закончен автором и остался неопубликованным.

В конце 1934 года Драйзер снова встретился с Менкеном и возобновил с ним личные отношения. Конечно, не могло быть и речи о прежней тесной дружбе, однако между ними установились достаточно доверительные отношения. Когда в январе 1935 года Драйзеру предложили баллотироваться в члены национального института искусств и литературы, он спросил совета у Менкена. Тот ответил в своем обычном стиле, что Драйзеру, мол, «оказывают великую честь, и если бы вы были достаточно признательным человеком, то сразу же прослезились бы. Национальный институт искусств и литературы объединяет всех «величайших» писателей нашей страны… Один из наиболее «выдающихся» — Хемлин Гарланд, чьи попытки принизить значение «Гения» вы можете вспомнить. Эти «великие» мужчины и женщины предлагают теперь возвысить вас до своего собственного уровня, и я думаю, что вы должны быть преисполнены благодарности».

Несмотря на повторные попытки привлечь его в число членов института, Драйзер последовал совету Менкена и отказался дать согласие баллотироваться.

Узнав о состоявшейся встрече Драйзера с Менкеном, Джордж Дуглас прислал письмо, в котором так охарактеризовал критика: «Менкен теперь, когда он пишет для Херста, издевается над всеми авторами, которые выступают с идеями и теориями в области экономики. Что же, он сам отнюдь не созидающая сила и давно уже утратил все идеи». В своем ответе Драйзер полностью согласился с такой оценкой Менкена: «Он всегда был критиком с чисто материалистическим подходом к окружающему миру. Я говорил ему об этом, и мы никогда не приходили к одной точке зрения и все еще не можем прийти. Правда, мы снова на дружеской ноге. Он был здесь на днях, и мы будем и впредь время

от времени встречаться и беседовать, но ваши выводы абсолютно правильны».

Разногласия между Драйзером и Менкеном не замедлили сразу же проявиться. Узнав, что Драйзер ходатайствовал о снисхождении для Эдвардса, так как считал его жертвой социальных условий, Менкен высказал противоположную точку зрения. «Правда заключается в том, — писал он Драйзеру, — что общество, вероятно, поступает в основе своей мудро, отправляя своих Эдвардсов на смерть. В конце концов, они совершенно ненормальны, и пока они живы, их действия обычно обходятся очень дорого остальным…»

В это время Драйзер узнает, что в Германии Гитлер запретил все его книги, как «подрывающие мораль и нравы». Внимание писателя привлекали также события в Испании. Когда Анри Барбюс обратился к Драйзеру с просьбой использовать свое влияние для организации общественного протеста против создавшегося в Испании положения, американский писатель сразу же откликнулся письмом, из которого видно, что Драйзер пристально следил за всем происходящим в этой стране и получал информацию от своего доброго знакомого, американского посла в Мадриде Клода Бауэрса.

В своем ответе Барбюсу Драйзер дает убийственную характеристику католической церкви. «Она представляется мне не чем иным, как огромным демоническим спрутом или, лучше сказать, раковой опухолью, которая разрослась на земле и которая не удовлетворится ничем, кроме мирового господства и умственного уничтожения рабочего класса ради того, чтобы ее князья и епископы и все духовенство вместе с бездельничающим, лодырничающим, праздным титулованным правящим классом могли пользоваться достатком и властью, в то время как все, за кого они якобы молятся, оставались бы униженными и голодающими. Если бы мне потребовался боевой клич, то вот он: стереть католическую церковь с лица земли! Она стремится только к собственному господству во всех странах мира. И ради достижения этой цели она намерена затуманить мозги всех граждан любой страны, куда она проникает».

Драйзер продолжает посещать научные учреждения, знакомится с последними достижениями в самых различных областях знаний, выбирает тему для своего нового романа. Его по-прежнему привлекает трагическая сторона жизни. Он вспоминает, что в 1921 году в Лос-Анджелесе состоялся судебный процесс над неким Бурчем, который убил молодого человека по фамилии Кеннеди. Оказалось, что инициатором убийства была женщина Мадлен Обенхайн. Во время следствия в нее влюбился

прокурор, он вынужден был отказаться от участия в деле и поручил его своему помощнику. Однако его интимные отношения с подследственной стали известны, и он потерял свой пост, а также возможность быть избранным губернатором штата, ибо республиканцы, вначале поддерживавшие его кандидатуру, отказались от нее, когда вся эта история всплыла наружу. Впоследствии Мадлен обманула своего поклонника, и он стал искать забвения в вине.

Драйзера заинтересовала эта история, и он просит собрать для него весь доступный материал, особенно интересуют его детали, образ жизни, который Мадлен вела в тюрьме, ее отношения с другими заключенными. Из писем Драйзера по этому поводу видно, что он хорошо знал подробности этой трагедии и имел уже в своем распоряжении большое количество материалов. Однако идея написать по этим материалам роман дальнейшего развития не получила.

Летом 1934 года Драйзер получает из Москвы приглашение присутствовать на I Всесоюзном съезде писателей, однако важные личные дела не дали ему возможности выехать в Москву. «Но Вы знаете, — писал Драйзер А. М. Горькому, — что свои лучшие пожелания я посылаю Вам и съезду. Ваше присутствие и участие в нем — залог того, что съезд пройдет с большим успехом и воодушевлением».

В этот период Драйзер сочувственно относится к социальным исканиям Э. Синклера, принявшего активное участие в создании лиги, ставившей своей задачей «покончить с бедностью в штате Калифорния». Когда Э. Синклер выдвинул свою кандидатуру в губернаторы штата, Драйзер поддержал его. Оценивая позицию Синклера, Драйзер подчеркивал, что он полностью осознал, что «капиталистическая машина, запущенная в действие в конце нашей идеалистической гражданской войны», уже «отработала свое и пришла в упадок». В декабрьском номере журнала «Эсквайр» за 1934 год Драйзер опубликовал очерк «Эпический Синклер».

В январе 1935 года в этом же журнале появляется очерк Драйзера «Кисмет». Первоначально он назывался «Быть или не быть», в нем писатель рассуждал о проблеме смерти и, по его словам, пытался «опровергнуть утверждение Шекспира, выраженное через образ Гамлета и заранее предполагающее, что самоубийство — это акт личного выбора индивидуума».

В феврале 1935 года Драйзер заболел, за короткий срок он потерял в весе около восьми килограммов. Ему пришлось отказаться полностью от работы и уехать из Нью-Йорка на отдых в «Ироки». Здесь он много читает. Немного оправившись от

болезни, он соглашается выступить с лекциями о реализме и романтизме в Северо-западном и Чикагском университетах. Однако здоровье его все еще оставляет желать лучшего, и он решает принять приглашение Дж. Дугласа провести лето в Лос-Анджелесе. Сдав свой загородный дом в аренду, они с Элен уезжают в Калифорнию.

Все лето Драйзер прожил в доме Джорджа и Молли Дуглас, оплачивая часть расходов по хозяйству. «Молли, имевшая какие-то дела в Сан-Франциско, этим летом очень часто уезжала из Лос-Анджелеса, — пишет Элен, — и Драйзер вдвоем с Дугласом прекрасно проводили время…» Они вместе занимались философией, читали стихи Суинберна и Шекспира, Китса, Стерлинга, Шелли. После работы Драйзер обычно сидел на краю небольшого бассейна, наблюдая за жизнью рыб и птиц. «Потом он любил рассказывать, как птицы обращаются со своими птенцами — как они учат их летать с ветки на ветку, ловить твердые крошки хлеба, которые Тедди бросал им в воду, чтобы они размокли, как они обращают внимание своих птенцов на червяков или насекомых и как они наказывают и бранят их, когда те совершают какие-нибудь серьезные ошибки. Все животные привлекали к себе внимание Тедди».

Но окружавшая писателя жизнь была далеко не такой идиллической, как нарисованная выше картина. В начале мая ему сообщили, что попечители библиотеки в городе Ангола в его родном штате Индиана распорядились предать огню все его книги. «Я знаю, что настойчиво распространяется представление обо мне как о каком-то чудовищном, все увеличивающемся в своих размерах двухвостом животном с двумя рогами. Подтверждения этому поступают отовсюду, и меня это нисколько не удивляет, — писал Драйзер 17 мая 1935 года. — Уже многие годы я имею вполне достаточно доказательств того, что католики делают все возможное, чтобы помешать не только чтению, но и распространению моих книг. Я также знаю, что в определенных газетах, принадлежащих крупным корпорациям, запрещено даже упоминать мое имя… Когда же дело касается нападок на меня, то их публикуют на первых страницах».

Этим летом Драйзер встречался с братом Питера доктором Дональдом Маккордом, с профессором Калифорнийского технологического института Калвином Бриджесом, молодым журналистом Томом Тринером. Он с горечью узнает о смерти жены Менкена, а несколько позднее скорбит по поводу самоубийства давнего приятеля Рея Лонга. Эти печальные события заставили его снова и снова задумываться над проблемами жизни и смерти, над возможностями человека в этом

мире, над там, как отдельная личность может лучше выразить свою индивидуальность.

В середине октября Драйзер и Элен на двух машинах отправляются в обратное путешествие. По дороге, в штате Арканзас, они попадают под сильный ливень, вода заливает багажники автомашин, в которых находились сотни страниц материалов. В одном из небольших городков они снимают коттедж и раскладывают страницы для просушки.

«Никогда не забуду ту ночь, когда за окном шумел ливень, — пишет Элен, — а мы возились с сотнями листков, расправляя их, раскладывая по всему дому: на кроватях, стульях, ящиках, развешивая на веревках, которые Тедди натянул от стены к стене по всей комнате. Это была какая-то фантастическая и в то же время мучительная ночь…»

Через несколько месяцев после возвращения из Лос-Анджелеса Драйзер получил телеграмму от дочери Дугласа, сообщавшую о его неожиданной кончине от инфаркта. «Смерть Джорджа потрясла меня, сообщение кажется невероятным. Выберите, пожалуйста, лично четыре дюжины роз и пошлите с надписью — «От Драйвера — Джорджу», — телеграфировал писатель Дональду Маккорду.

Элен пишет, что Драйзер в эти минуты вспомнил горькие слова, которые Дуглас «пророчески произнес в ту минуту, когда мы собирались уезжать: «Во всяком расставании есть привкус смерти».

Драйзер в эти годы находился в весьма стесненной материальном положении. Книги его в Америке не переиздавались, гонорары, изредка поступавшие из Европы, где его романы пользовались большим успехом, не давали возможности свести концы с концами. Вышедший из печати сборник стихотворений «Настроения» принес их автору менее 200 долларов. По приглашению различных университетов он по-прежнему выступает с лекциями о реализме.

Молодой в то время писатель Уильям Сароян прислал Драйзеру свою вторую книгу рассказов «Вдох в выдох» (издательство «Рэндомхауз», 1936 год). Прочитав ее, Драйзер писал двадцатилетнему Сарояну: «Думаю, что книга превосходна… В ней все выглядит таким же мрачным, как оно и есть в действительности, и таким же отчетливо ясным, словно огромный, черный алмаз. Вы поистине первоклассный пессимист. Похоже, что для вас жизнь представляется отвратительной кутерьмой, в которой секс является единственной отдушиной, да и секс нынче не тот, что был раньше. Я удивляюсь, как случилось, что все мы не покончили с собой. Особенно вы. Но, может быть,

вы один из тех, кто облегчает свою душу, когда пишет… Ваш труд — своего рода чувствительный реализм, если можно назвать чувствительным, как это делается обычно, человека, который не видит в этой неизменной тенденции к беспорядку ничего иного, кроме горя. Я все же не думаю, что все ограничивается только этим. Безусловно, следует сказать кое-что и об ощущении здоровья, бодрости, наслаждении и удовлетворении, которые может испытывать человек, отработавший, скажем, на бойне, хорошо пообедавший, держащий в объятиях свою девушку — и все это в течение трех-четырех часов — и которому нравится все это. Может быть, именно в этом и заключается… ваша точка зрения, в конце концов. Вы уходите от всего этого через натурализм, через юмор и непоследовательность».

13 марта 1936 года в нью-йоркском театре «Этель Барримор» состоялась премьера новой постановки «Американской трагедии». Пьесу по роману на этот раз написал друг и соратник Бертольда Брехта со времен веймарской Германии Эрвин Пискатор. Написанная на немецком языке пьеса была переведена на английский Луизой Кэмпбелл и с успехом прошла весной 1935 года в городе Мойлан (штат Пенсильвания). Поставленная актерами так называемой Театральной труппы, инсценировка Э. Пискатора подчеркивала социальные аспекты романа, чего не было в созданном по роману кинофильме. Писателю нравилась постановка «Дела Клайда Грифитса» (так называлась пьеса), и он с удовольствием наблюдал за игрой актеров Морриса Карновского (ведущий), Александра Киркленда (Клайд), Фебы Брэнд (Роберта), Элии Казан (впоследствии ставшего известным театральным и кинорежиссером), Джона Гарфильда, Маргарет Барнер и других.

«…Как при помощи текста, так и при помощи намеренно подобранных сценических положений и противопоставлений, — писал Драйзер, — Пискатор блестяще оттенил и подчеркнул экономическую несправедливость и неравенство, господствующие в Америке и во всем мире. Те, кто «трудятся и мучаются», сталкиваются лицом к лицу в вымышленной стране, созданной художественным воображением, с теми, кто «не сеет, не жнет, а богато живет»… Инсценировка Пискатора проникнута не покорностью, а, наоборот, протестом, местами довольно резким, против жестокости и бесчеловечности, присущих той социальной системе, которая, по мнению Пискатора, должна быть изменена и оздоровлена».

«Первое представление было просто чудесным, — делилась Элен своими впечатлениями о спектакле с Элеонорой и Шервудом Андерсонами. — Отличная постановка и такая

прекрасная игра актеров Театральной труппы! И после всего этого критики покидают спектакль и заявляют: «Чушь!» — они просто не способны понять настоящие достоинства поистине новой формы искусства. Я даже заболела от этого».

Конечно, подобные высказывания критиков не способствовали успеху постановки, через три недели спектакль сошел со сцены.

На лето Элен уехала к своей матери, и Драйзер, чтобы сократить расходы, сдал свой дом в аренду, а сам поселился в расположенном на его участке небольшом деревянном строении без воды и телефона. Работая за карточным столиком, он то и дело отвлекался, чтобы прогнать многочисленных мышей. Он дал объявление о продаже дома и участка, пытался также продать некоторые из своих рукописей, но желающих не находилось.

18 июня 1936 года скончался Максим Горький. Крупнейшие американские писатели — Юджин О'Нил, Шервуд Андерсон, Малкольм Каули, Эптон Синклер, Карл Сэндберг, Линкольн Стеффенс — сочли своим долгом почтить его память. Статья, написанная Драйзером, называется «Горький будил мысль», она была опубликована 21 июня 1936 года в московской газете «Известия».

«Горький был последним представителем великой мировой плеяды реалистических мыслителей, глядящих на наше настоящее и будущее с тех духовных высот, которых так трудно достигнуть и с которых открываются самые широкие и самые ясные перспективы. Коммунизм, прогресс техники, широчайшие пути, которые сулят нам астрономия, физика и химия, успехи науки в области социологии и экономики, — все это открывает мир, в котором нет насилия, в котором свободно развиваются человеческое чувство и разум.

Только та литература, мастером которой был Горький, которая видит великие горести и радости нашей реальной жизни, — только такая литература пробуждает и направляет человеческую мысль. Человек благодаря такой литературе может найти пути для своего экономического освобождения и построения счастливой жизни. Но неужели наши писатели будут пренебрегать знанием жизни, которым так владел Горький? Я в этом сомневаюсь. Я мысленно возлагаю венок на могилу этого великого человека».

В августе 1936 года Драйзеру исполнилось 65 лет. Пять лет тому назад многие нью-йоркские газеты стремились взять у него интервью. На этот раз только республиканская «Геральд трибюн»

прислала своего корреспондента, остальные органы печати просто игнорировали эту дату в жизни крупнейшего американского писателя.

Однако писатель полон сил, творческих планов и находится в хорошей рабочей форме. В журнале «Нью мэссиз» 18 августа была опубликована статья Драйзера «Да здравствует свободная Испания!». В ней он выступал против фашизма, в поддержку демократических сил. «Все, кому дорога идея равенства, кому ненавистен строй, основанный на социальной несправедливости, на страданиях и преследовании человека, должны радоваться мужественной борьбе испанских коммунистов против фашизма. Я приветствую народы России, Франции и других стран, которые оказывают испанскому народу всяческую, материальную и моральную, поддержку в его борьбе за освобождение».

В этом же году появляются такие характерные для взглядов писателя материалы, как «Беседа с французским журналистом» и статья «Как далеко свеча бросает луч!». В них он снова говорит о засилье дельцов Уолл-стрита в американской печати, кино и на радио, о своей борьбе против фашизма, о той роли, которую играл в Америке прогрессивный журнал «Мэссиз» — этот рупор «идей справедливости, которые воодушевляют всех, кто стремится к истинному прогрессу…».

«Жизнь по самому существу своему изменчива, печальна, трагична и прекрасна. И я люблю ее…» — такими словами закончил писатель свою беседу с французским журналистом. И действительно, в эти годы жизнь его была и изменчива и печальна. Финансовое положение Драйзера все более ухудшалось, а тут еще суд вынес решение, обязывающее его уплатить правопреемникам издательства «Ливрайт энд компани» более 16 тысяч долларов в качестве компенсации за то, что писатель вовремя не представил фирме роман «Стоик».

Было над чем задуматься, о чем поразмыслить долгими зимними вечерами.

Лето 1937 года Драйзер проводит с сотрудниками биологической лаборатории на Лонг-Айленде, где работал его старый знакомый Калвин Бриджес. Его поразила самоотверженность ученых, их увлечение наукой. «Они заинтересованы в знании ради знания. Они хотят знать, и они готовы пожертвовать деньгами, временем, положением, чтобы знать. Наиболее прекрасные личности, с которыми мне пришлось встречаться, принадлежат к миру науки, а не к миру религии, государственного управления, бизнеса или даже искусства».

В октябре благодаря полученным из Европы гонорарам у Драйзера оказалось достаточно средств, чтобы снять небольшую

квартиру в том самом старом здании, в котором он жил с сестрой Мэйм в 1924 году. Здесь и навестил писателя двадцатипятилетний филолог Роберт Элиас, выбравший его творчество в качестве темы своей диссертации. Они обсуждали творчество Оскара Уайльда и Хемингуэя, говорили о Синклере Льюисе и Верноне Паррингтоне.

В дни двадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Драйзер обратился к советским людям с приветствиями, опубликованными в газетах «Правда» и «Известия». «Я особенно благодарен советской революции за то, что она впервые остро поставила в мировом масштабе вопрос об имущих и неимущих. В этом — мировое значение и торжество марксизма… Надеюсь, что я еще доживу, чтобы видеть торжество марксизма во всех странах земного шара».

Сотрудничавшая в свое время с Драйзером Маргарет Чедер возвратилась из Европы и совместно с группой молодых писателей начала издавать небольшой журнал «Дирекшен». Первый номер журнала (декабрь 1937 года) открывался портретом Драйзера и содержал его высказывания о жизни. Во втором номере (февраль 1938 года) была опубликована запись беседы между Драйзером и Дос Пассосом об актуальных проблемах современности. Работники журнала записали еще одну беседу писателей о событиях в Испании, однако она так и не попала на страницы журнала. «Я абсолютно убежден, — заявлю Драйзер в этой беседе, — что ныне существует взаимопонимание по экономическим и финансовым вопросам между финансистами всех стран, в которых существует богатство, и что все они — за фашистскую форму правления, как противостоящую демократической или коммунистической формам. Они хотят распространить фашизм на весь мир, поместить всех неимущих внизу, а избранное меньшинство — наверху. Другими словами, следующий Цезарь будет финансистом».

Когда драматург Юджин О'Нил получил Нобелевскую премию по литературе, Драйзер послал ему теплое приветствие. «Я испытываю трусливое чувство вины, — ответил на приветствие Драйзера драматург, — словно я стащил что-то, что, как я хорошо знаю, должно по праву принадлежать вам».

Зимой Драйзер возобновил знакомство с жившим неподалеку от него поэтом Эдгаром Ли Мастерсом. Он убеждал Драйзера поскорее закончить роман «Оплот», о котором они говорили еще в 1912 году в Чикаго. Мастерс посвятил Драйзеру стансы, в которых сравнивал писателя с «высокой сосной… обвеваемой штормовыми ветрами».

Лето Драйзер проводит на даче Маргарет Чедер на берегу

залива. На субботу и воскресенье к нему приезжали гости из Нью-Йорка. Мастерс часами сидел в кресле-качалке на открытой веранде, ожидая, пока Драйзер возвратится с купанья и сядет с ним рядом. «Оба эти поэта по самой своей натуре любили в такие часы помечтать, — отмечает Чедер. — Иногда Мастерс расскажет какую-нибудь историю в своей неподражаемой спокойной, немного поддразнивающей манере. Или оба они предадутся воспоминаниям о Нью-Йорке, Индиане, Чикаго. Они подшучивали друг над другом при каждом удобном случае, особенно по поводу женщин. Оба они знавали достаточно бурные дни в Чикаго, когда и тот и другой имели мучительные любовные истории».

Драйзера навещали его друзья — ученые из биологической лаборатории, на даче бывали Дороти Дадли, Говард Скотт, карикатурист Арт Янг, художник Гилберт Уилсон, писатели, критики, музыканты. Драйзер вспоминал, как в 1915 году он лежал больной пневмонией в своей комнате в Гринвич-Вилледж и случайно зашедший к нему Говард Скотт начал ухаживать за ним, приносить лекарства и помог ему встать на ноги.

Часть V

Глава 16
ПОЕЗДКА В ВОЮЮЩУЮ ИСПАНИЮ

В конце лета Драйзер получил предложение составить сборник избранных произведений американского писателя и общественного деятеля XIX века Генри Дэвида Торо и написать к нему предисловие. Драйзер не любил отрываться от своей работы для выполнения отдельных заданий издателей. Но на этот раз два обстоятельства заставили его изменить своему правилу. Во-первых, книга должна была выйти в серии «Неувядающие мысли прошлого, представленные великими умами настоящего». К участию в этой серии привлекались крупнейшие писатели, в частности, сборник произведений Шопенгауэра готовил Томас Манн. Во-вторых, издатель предложил выплатить солидный аванс. И Драйзер дал свое согласие, однако он не успел закончить работу, как его отвлекли еще более срочные дела.

Лига американских писателей, с которой Драйзер активно сотрудничал, предложила ему принять участие в качестве представителя лиги в открывающейся в Париже конференции Международной ассоциации писателей в защиту культуры, а также в конференции против бомбардировок открытых городов, на которой он должен был представлять Американскую лигу борьбы против войны и фашизма.

Последние дни перед отъездом прошли в хлопотах и сборах, и 13 июля Драйзер отплыл в Европу на пароходе «Нормандия». 18 июля он уже осматривал вечерний Париж.

Председательствуя на одном из заседаний конференции писателей, Драйзер произнес яркую речь, в которой он говорил о роли писателя в современном обществе. «Мне думается, что самое важное в искусстве и в литературе — это чтобы художник и писатель с интересом всматривались в жизнь и пытались ее понять; а поняв ее, они естественно включаются в борьбу за выполнение важнейших задач, стоящих перед их родиной, в особенности если речь идет о борьбе за существование». Сам Драйзер не только всегда активно участвовал во многих прогрессивных движениях своего времени, но и являлся пионером, зачинателем борьбы за подлинно реалистическое направление в американской литературе XX века, был ярым сторонником социальных реформ.

Драйзер счел необходимым в своей речи специально остановиться на том влиянии, которое оказал на развитие американской литературы Великий Октябрь, дал оценку

произведениям последних лет.

«Последовавшая за мировой войной социалистическая революция в России снова изменила направление американской литературы, или, вернее, разделила ее на два потока: с одной стороны — условный роман, по-прежнему занимающийся переживаниями отдельных людей, с другой — роман социальный, освещающий многообразные проблемы трудовой жизни рабочих и фермеров, причем в этом втором потоке мы находим несколько по-настоящему сильных произведений, имеющих свой круг читателей. Вступление России на путь социализма озарило существующее в Америке социальное неравенство таким ослепительным светом, что наряду с книгами, имеющими единственной целью развлечь читателя и старательно обходящими социальные проблемы, неизбежно должны были появиться другие книги, показывающие необходимость изменения общественного строя. Здесь я могу назвать по меньшей мере два замечательных произведения: это «Акр господа бога» Эрскина Колдуэлла и «Святилище» Уильяма Фолкнера. Эти книги, а наряду с ними несколько пьес, поставленных за последние годы, безусловно, свидетельствуют о новой тенденции в американской литературе, хотя и подвергаются жестоким нападкам со стороны консервативных критиков, состоящих на службе у нашей плутократии. Именно эти писатели и представляют в наше время подлинную литературу Америки».

Участие Драйзера во второй конференции, проходившей под председательством французского министра иностранных дел Жоржа Боннэ, было омрачено маневрами противников поддержки республиканской Испании. На официальном обеде участников конференции против бомбардировок открытых городов Драйзер во всеуслышание высказался против фашизма, осудил политику невмешательства Англии и Франции. Драйзер значился первым в списке ораторов на вечернем заседании, которое состоялось после обеда. Однако, к своему удивлению, он узнал, что его выступление перенесено на самый конец заседания, когда мало кто остается в зале. Но «Драйзер расстроил их планы, — свидетельствует Элен. — Когда он увидел, что многие из присутствовавших, устав от нескончаемых речей и полагая, что заседание уже заканчивается, двинулись к выходу, он встал и громко сказал: «Не уходите! Не уходите! Я должен сказать вам нечто важное!» Услышав эти слова, люди, направлявшиеся к дверям, стали возвращаться на свои места. Драйзера словно подстегнула попытка заглушить его голос, и он произнес взволнованную речь. Это было одно из самых страстных выступлений на конференции. Он говорил о несправедливом

отношении к испанским республиканцам, находившимся в трудном положении, и о необходимости прекратить бомбежку открытых городов. Все вечерние газеты напечатали речь Драйзера на первых страницах».

По приглашению республиканцев Драйзер решает посетить Барселону, в которой в то время находилось правительство Испании. Тяжелое положение города, разрушенные дома потрясли писателя. Вражеские самолеты «охотятся за торговыми судами, пытающимися доставить этим людям продовольствие, — пишет он 2 августа в письме из Барселоны. — Нет молока, масла, очень немного хлеба, почти нет мяса. Только овощи и свежие фрукты… Восхищаюсь этими людьми… Это великий народ. Какое мужество. Какое достоинство. Они не встанут на колени!»

В Испании Драйзер был принят президентом республики Мануэлем Асанья, беседовал за обедом с главой правительства Хуаном Негрином и министром иностранных дел Альваресом дель Вайо. Они считали, что Драйзер может использовать свое влияние, чтобы возобновить поставки американского продовольствия испанскому народу. Драйзер прекрасно понимал, как много значат эти поставки, и обещал сделать все возможное, чтобы помочь им.

На обратном пути писатель провел несколько дней в Англии, где он встречался со своим старым другом Джоном Купером Поуисом. Он также посетил Рэдингскую тюрьму, в которой в свое время был заключен Оскар Уайльд. Все его попытки встретиться с членами английского правительства, чтобы рассказать им о положении в Испании, окончились неудачей. «Я в Лондоне, — пишет он 8 августа, — но увидеть людей, с которыми меня просили встретиться бедняги лоялисты, очень трудно. В Англии — автократия. Массы плохо оплачиваются, забиты, молчат. Шайка тех, кто наверху, хочет управлять не только Англией, но и всем миром…»

Жарким сентябрьским днем Драйзер прибыл в Нью-Йорк. Еще в Бостоне, где пароход делал остановку, журналисты взяли у него первые интервью, и теперь его заявление уже было опубликовано под большими заголовками на первых страницах нью-йоркских газет. Драйвер выглядел «очень хорошо, он был словно наэлектризован решимостью бороться ради жителей Барселоны». Его предупредили, что существует план не дать ему высказаться о поездке в Испанию. Но он твердо знал, чего он хочет и что следует предпринять. Серия из трех его статей появилась во многих ведущих газетах Америки. Писатель выступал перед различными аудиториями с призывом оказать помощь республиканцам.

23 августа Драйзер обращается с письмом к президенту США Франклину Рузвельту, в котором просит о встрече с ним. Президент дает согласие принять писателя на 10 минут, но помощник государственного секретаря А. Берле берется ответить Драйзеру, и приглашение на встречу с президентом так и остается неотосланным. Не получив ответа из государственного департамента, Драйзер снова пишет письмо президенту, объясняя, что он обещал руководителям республиканского правительства Испании передать их пожелания лично президенту США, а если это окажется невозможным, то не говорить о них никому другому. 7 сентября на борту президентской яхты состоялся завтрак Ф. Рузвельта с Т. Драйзером. Первоначально предполагалось, что президент даст писателю 15-минутную аудиенцию в своем имении «Гайд-парк», но по прибытии Драйзер был приглашен на борт яхты «Потомак», где имел возможность подробно рассказать Рузвельту обо всем, что он видел в Испании. Президент без обиняков сообщил ему, что не сможет организовать поставку продовольствия в Испанию, и посоветовал создать небольшой представительный комитет, который собрал бы необходимые средства и начал посылку продовольствия от своего имени.

Драйверу понравилась идея президента, и он сразу же приступил к ее осуществлению. Предполагалось, что комитет будет иметь больше веса, если в нем, кроме крупных бизнесменов и магнатов печати, будут представлены и три основных религиозных течения страны — католики, протестанты и иудеи. Одним из первых согласился войти в состав комитета Руфус М. Джоунс, глава религиозной христианской общины квакеров. Драйзер побывал у него дома, долго беседовал с ним и был поражен энергией и верой этого пожилого человека. Встреча эта, а также последовавшее за ней знакомство Драйзера с работами Джоунса об истории движения квакеров вновь пробудили интерес писателя к его давнему замыслу — роману «Оплот».

Создать комитет Драйзеру так и не удалось: ни один из двенадцати приглашенных им лиц не согласился помогать республиканской Испании. Но президент Рузвельт не забыл о беседе с писателем, ему удалось организовать отправку в Испанию двух или трех грузовых судов с мукой. Узнавший об этом из газет Драйзер 5 января 1939 года послал президенту письмо, в котором, в частности, писал: «С величайшим удовлетворением я прочел в «Нью-Йорк таймс» о проведенном Вами мероприятии в связи с бедственным положением женщин, детей и стариков в Испании — о той помощи, которую Вы, сохраняя полное беспристрастие, нашли возможным им оказать…

Приношу Вам свою глубокую благодарность. Вы сделали то, что я всей душой хотел бы сделать для Вас».

Президент ответил Драйзеру коротким письмом: «Благодарю Вас за Ваше очень великодушное письмо. Я полон надежд, что планы, которые теперь выработаны, позволят осуществить хотя бы частично те великие гуманные задачи, которые мы с Вами обсуждали».

Но республиканской Испании уже ничто не могло помочь. В январе франкистские войска заняли Барселону. Еще раньше мир узнал о новом злодеянии фашистов — гитлеровском вторжении в Чехословакию. Драйзер слушал сообщение об этом по радио, в передачу врывался посторонний треск — над восточным побережьем Соединенных Штатов свирепствовал ураган. После шторма Драйзер вместе с Маргарет Чедер отправился на побережье посмотреть, осталась ли цела ее дача. Осматривая полуразрушенный, занесенный песком коттедж, Драйзер увидел, как жильцы соседней дачи откапывают из-под песка свою машину, и пошел им помочь. Это оказались писатель Эрскин Колдуэлл и его невеста. Знакомство было продолжено, Драйзер с большим интересом слушал рассказы Колдуэлла о его поездке по стране по заданию журнала «Лайф» и расспрашивал о положении в районах, особенно сильно пострадавших от экономического кризиса.

Значительно позднее Колдуэлл так охарактеризовал Драйзера: «Я никогда не знал более непоколебимого, подобного могучему дубу человека. По натуре своей он был добродушным и полным сочувствия, но в то же время было практически невозможно никакими доводами поколебать его. Или вы соглашались с ним и становились его добрым приятелем, или же вы настаивали на своем и превращались в изгоя. Только умный и целеустремленный человек мог создать такие книги, как он».

Закончив работу над сборником произведений Г. Торо, Драйзер с особой силой почувствовал свое одиночество. Элен уже давно находилась в Калифорнии, где пыталась создать киносценарий о жизни брата Драйзера — певца и композитора Поля Дрессера. «…Продать сценарий и довести дело до конца оказалось нелегкой задачей, — писала Элен. — В это время кинопромышленность переживала период реорганизации, и это затягивало деловые переговоры. Я решила поехать в Портленд и погостить несколько месяцев у матери, пока в Голливуде не установится более или менее нормальное положение».

В середине ноября Драйзер выступил с несколькими публичными лекциями в Индианаполисе, Детройте и Бостоне, затем он упаковал все свои записи и пожитки, вывез из «Ироки»

мебель и 25 ноября поездом выехал в Портленд. Перед отъездом состоялся прощальный ужин с Шервудом Андерсоном, а также встреча с Мастерсом.

Элен Драйзер сказал, что он «устал от сложностей нью-йоркской жизни», и предложил ей обосноваться в Калифорнии. Элен «согласилась, и 3 декабря 1938 года, когда жара в Калифорнии достигала девяноста трех градусов по Фаренгейту, мы вернулись в Лос-Анджелес». Вскоре они поселились в небольшой квартире, неподалеку от того домика, в котором восемнадцать лет назад началась их совместная жизнь. Драйзер хранил в тайне свое местопребывание от издателей, которые должны были связываться с ним через Ленджела.

Он по-прежнему работал над книгой «Формулы, которые называются жизнью». Но занятие философией не могло его полностью отвлечь от реальной действительности, он, как свидетельствует Элен, «не мог оставаться равнодушным к тому, что происходит в мире, — к неустойчивому экономическому положению в Европе, угрозам диктаторов, к плачевному положению голодающего населения Испании, роли, которую играла Британская империя в международных делах…».

В феврале Драйзер совершает лекционное турне по тихоокеанскому побережью США, он читает лекции в Окленде, Сан-Франциско, Портленде, Солт-Лейк, Логане, Огдене, Прово. Тема большинства его лекций определялась одним словом — «Жизнь». Газета «Сан-Франциско кроникл» 10 февраля 1939 года опубликовала отрывки из его лекции в Окленде.

«Прежде я считал, — говорил Драйзер, — что жизнь жестока, несправедлива, опустошительна, а счастье — только иллюзия. Быть может, таким представлением я был обязан окружавшей меня с юности обстановке. Я считал несправедливым, что мои родители должны были уплачивать церковную десятину, в то время как у нас в доме не было даже картофеля. Когда я был в Нью-Йорке репортером, меня возмущало то, что считалось самым важным в газетной работе: жадный интерес ко всему нездоровому и сенсационному в жизни богатых людей. Когда я пробовал писать о страданиях угнетенной бедноты, меня поднимали на смех. Я бросил газетную работу и стал писать о социальной несправедливости. Я выдержал упорную борьбу. Из нее я вышел не озлобленным, но морально подавленным».

В этих словах — прямой ответ на вопрос, откуда проистекала моральная подавленность этого большого художника, глубокого знатока жизни, чуткого к малейшим проявлениям социальной несправедливости и жестокости. Драйзер всю свою жизнь мечтал о справедливом социальном устройстве для всех людей, о

подлинном равноправии. И в своих лекциях о жизни, о ее смысле и значении он не вдавался в бесплодное теоретизирование, а говорил о простых, понятных любому слушателю вещах — о хлебе насущном, о тех «горестях и царапинах», свою долю которых получает каждый человек; о засилье церковников; об экономической депрессии; о необходимости положить конец такому положению, «при котором аристократы ставят себя выше всех и смотрят на всех остальных как на муравьев, слуг и рабов».

Он обращал внимание своих слушателей и на те грозовые тучи, которые нависли над международным горизонтом. «Международная обстановка в настоящее время сложилась так, что я не помню, чтобы мне приходилось слышать или читать о более угрожающем положении, — предупреждал он, выступая в городе Ута. — Не может быть сомнений в том, что надвигается война. И самое печальное — это то, что Соединенные Штаты к войне не готовы. Наш народ ходит в кино, танцует фокстрот и читает юмористические журналы, вместо того чтобы готовиться к обороне в случае международного конфликта… Пробудитесь же, будьте готовы к войне! Пора покончить с благодушием!»

Во время пребывания в Сан-Франциско он осматривал город вместе с Рут Эпперсон Кеннел, приехавшей специально для встречи с Драйзером. Лестница на одной из улиц напомнила Драйзеру об их совместных прогулках по Одессе, о том, как он несколько раз подымался по знаменитой одесской лестнице. Его лекция в зале сан-францисской мэрии привлекла большое количество слушателей, городские газеты посвятили Драйзеру и его лекции огромные статьи, в которых подчеркивали его оптимизм и веру в лучшее будущее для всего человечества.

Иногда же писателя охватывала меланхолия, и он почти в отчаянии писал своим друзьям: «Мир буквально сошел с ума, и я думаю, что лучше всего забыть обо всем, устроиться в небольшом селении и уйти от всех этих пируэтов, шума и напыщенности международного и национального спектакля марионеток… Но вот я вам пишу, а в гараже стоит машина, на столе лежит утренняя газета, работает автоматическое отопление, горит электричество. И за всем этим наблюдает преисполненный иронии маг-волшебник, чьи своенравные полусумасшедшие глаза тускло поблескивают из-за машин, стен и небоскребов. Вспышка света из его глаз, хлопок рук, и все это исчезнет — все».

В этот период Драйзер ведет длительные и утомительные переговоры с кинодеятелями из Голливуда, пытаясь продать права на экранизацию «Сестры Керри». Переговоры так и не приводят ни к какому результату. «Его поражение от рук киноцензоров, — свидетельствует У. Сванберг, — через тридцать

девять лет после того, как «Сестра Керри» была опубликована, и много лет после того, как книга была признана классической, могло свести с ума любого. Безусловно, ни один другой американский писатель не страдал так долго и так мучительно от рук мелких моралистов».

В мае Драйзер и Элен переехали в Голливуд, где им удалось найти небольшую удобную квартиру за весьма умеренную плату. «Я переехал, чтобы сэкономить 10 долларов в месяц на бензине», — писал Драйзер Менкену. В июле к Драйзерам приехал художник Б. Ф. Шаляпин, которому миллионер Дж. Лилли, уроженец штата Индиана, заказал портрет писателя для своей картинной галереи. По рассказам художника, он нарисовал писателя с серьезным, несколько даже суровым выражением лица. Драйзеру казалось, что выражение лица на портрете слишком угрюмо, художник согласился изобразить улыбку.

«Боже мой! — воскликнул Драйзер, увидев новый вариант. — Зачем я уговорил вас изменить портрет? Конечно, вы были правы вначале».

Шаляпин снова внес необходимые изменения, прямота и простота Драйзера понравились художнику, и они с Драйзером остались друзьями на всю жизнь.

Драйзер в этот период много читал, следил за новейшими произведениями молодых американских писателей. Его внимание привлекает первая книга Ричарда Райта «Дети дяди Тома», а также произведения Джона Стейнбека, в частности его повести «О мышах и людях» и роман «Гроздья гнева».

Глава 17
ЗАРЯ НА ВОСТОКЕ

В журнале «Коммон сенс» в конце 1939 года была опубликована статья Драйзера под символическим названием «Заря на востоке». В ней писатель говорит о судьбах человеческой цивилизации, об огромных достижениях СССР, о попытке скрыть эти достижения от простых людей Америки. «Наш западный мир теперь склонен питаться одной пропагандой, как это было в мрачную эпоху средневековья… Ни одна американская газета не решается напечатать хотя бы одну правдивую строку о гигантской работе, которая проводится в Советском Союзе, — о том, что там создается новый мир, о том, что все без исключения обеспечены там работой и живут в условиях, достойных человека. Ничего не пишут о всеобщем обучении, существующем на огромном пространстве от Берингова пролива до Китая, от Архангельска до Ирана и Афганистана. Ни одна газета не решится обмолвиться хотя бы словом о новых железнодорожных линиях, автострадах, авиалиниях, о расширении телеграфной и телефонной сети, о новых, полностью модернизированных методах сельского хозяйства, о множестве университетов, научно-исследовательских институтов, о гигантских заводах и промышленных городах, выросших на всем пространстве Советского Союза». «Я вижу зарю только на Востоке. Цивилизация не погибнет. Она лишь будет развиваться в новой форме» — так заканчивается эта статья, опубликованная также в газете «Правда».

Писатель послал эту статью еще до ее публикации президенту Ф. Рузвельту. В ответном письме президент писал: «Благодарю Вас за предоставленную мне возможность прочесть статью, предназначенную для «Коммон сенс». Я также являюсь философом и пытаюсь рассматривать события как с точки зрения столетия, так и с точки зрения текущей и будущей недели». Далее Ф. Рузвельт высказал свою точку зрения на эпоху средневековья в Западной Европе, о которой говорилось в статье Драйзера, и пригласил писателя зайти к нему, если Драйзер будет в Вашингтоне. Писатель в ответ послал президенту свои книги «Двенадцать мужчин» и «Настроения», которые хранятся в мемориальной библиотеке Ф. Рузвельта в Гайд-парке.

В этот период Драйзер выступает с многочисленными статьями и лекциями. Статьи его публиковались в газетах «Дейли уоркер», «Дейли пиплз уорлд», в журналах «Нью мэссиз», «Фрайдей», «Совьет Раша тудей» и других. Кроме того, он по

собственной инициативе писал листовки, которые издавал за свой счет и распространял «среди своих друзей и прогрессивно настроенного населения Соединенных Штатов». Статьи и листовки Драйзера являлись откликом на самые животрепещущие проблемы, на те вопросы, которые ежедневно возникали перед американскими гражданами.

Когда в Америке началась кампания за оказание материальной поддержки белофиннам, Драйзер публикует открытое письмо гуверовскому комитету помощи белофиннам, озаглавленное точно и недвусмысленно: «Помогите сперва американцам!»

«Я хорошо помню позорный факт, который произошел в 1932 году. Когда американские ветераны мировой войны пришли в Вашингтон просить помощи для себя, своих жен и детей (это был самый тяжелый год кризиса), м-р Гувер выслал им навстречу армию с танками и пулеметами! И с тех пор мне не приходилось слышать, чтобы он или кто-либо из его политических и экономических единомышленников выступал за оказание финансовой поддержки миллионам безработных на нашем Севере, Юге, Востоке и Западе.

А теперь эти же люди кричат об оказании экономической, если не военной, поддержки бедным финнам и о том, что необходимо помочь нашим финансистам и промышленникам — их банкам и корпорациям, их семьям…

В связи с этим я прошу разрешить мне выставить еще один лозунг, дополнительно к нашей, уже очень большой, американской коллекции лозунгов:

ПОМОГИТЕ СПЕРВА АМЕРИКАНЦАМ!

Это будет означать помощь десяти или пятнадцати миллионам несчастных американцев вместо помощи миллиону финнов, если их столько наберется. Ибо не могут же быть разорены все три миллиона финского населения. К тому же, если наши газеты не лгут, а они, конечно, никогда не лгут, то финны сделали такие успехи, что вообще непонятно, зачем им нужна наша помощь».

Такие статьи 1940 года, как «В защиту «Нью мэссиз», «Война», «Есть в США свобода печати?», «Приветствие Советскому Союзу по поводу двадцать третьей годовщины существования», «Значение СССР в сегодняшнем мире» и некоторые другие, свидетельствуют о том, что Драйзер не уединился в башне из

слоновой кости, не отошел от мирских дел, как он грозился это сделать в минуты меланхолии, а во всеоружии, активно участвовал в общественной жизни, всеми силами боролся за дело социального прогресса и мира.

И во всех своих выступлениях, печатных и устных, он не уставал говорить о значении исторического эксперимента в Советской России по созданию «такого социального строя, который был бы и справедлив и в то же время практически осуществим». Он понимал опасность для СССР надвигающейся войны, но пророчески утверждал в своей статье «Ленин»: «Каков бы ни был ближайший исход этой борьбы, Ленин и его Россия, гуманность и справедливость, которые он внес в управление страной, в конечном счете победят. Ибо, хотя Ленина уже нет в живых, но социальный строй, который он создал и который его соратники и преемники с тех пор привели к нынешней мощи и величию, навсегда останется для будущих поколений».

Обстановка в Калифорнии не очень пришлась по душе писателю. «Я думаю, что, возможно, я не приживусь здесь, — писал он своему другу Эдгару Ли Мастерсу 7 марта 1940 года. — Климат здесь хороший, но — мишура и праздность окружающей жизни. Деньги здесь превыше всего. На всем и вся крупными буквами обозначено, кто есть кто. Главное заключается в том, чтобы никого не знать близко и хорошо, а водиться только с теми, кто достиг успеха, и именно во время этого успеха. Чье-то имя появилось в газете — и ему звонят. Нет упоминания в газете — нет и звонков. Компания бессердечных пустых искателей популярности и подержанных литературных дельцов. Если труд или человек не получили а печати общественного признания, они здесь ничего не значат. Добавьте ко всему этому солнце, цветы, автомобили, вино, кричащие дома, безвкусную мебель, бесконечные пустые разговоры — и вот вам полная картина. Я ищу чего-то более мыслящего и эмоционального».

Осенью 1940 года Драйзеру наконец-то удалось продать права на экранизацию «Сестры Керри», что поправило его финансовое положение и позволило им с Элен вскоре приобрести собственный уютный дом. Из «Ироки» перевезли мебель, литературный архив и библиотеку писателя.

«Тедди снова мог работать за своим любимым столом из рояля палисандрового дерева — его поместили в северной части дома, состоящей из кабинета, спальни, ванной и внутреннего дворика с отдельным выходом в сад. Там он написал несколько оригинальных киносценариев и коротких рассказов, продолжая в то же время работать над своими «Записками».

Издатели и почитатели таланта Драйзера все время

требовали от него нового романа. Обычно на такие требования он отвечал: «Какое значение может иметь какой-то роман в это катастрофическое для всего мира время? Нет, я должен писать об экономике». И он действительно взялся за написание большой серьезной работы о положении современных США. Работа первоначально называлась «Стоит ли спасать Америку?».

Книга была закончена в сентябре 1940 года, однако издатель-иммигрант отказался публиковать ее, опасаясь, что весьма радикальные взгляды автора повредят ему и лишат возможности получить американское гражданство. Прошло определенное время, прежде чем было найдено новое издательство — малоизвестная фирма с громким названием «Книги века» («Модерн эйдж букс»). Однако и теперь дело с выпуском книги не двигалось вперед: владельцы типографий отказывались принимать рукопись в набор. Только в январе 1941 года удалось наконец-то найти типографию, и книга вскоре вышла в свет под новым — более оптимистично звучащим — названием «Америку стоит спасать».

Новое произведение крупнейшего американского писателя явилось прямым продолжением его общественно-политической деятельности как выдающегося деятеля антифашистского движения. Вместе с тем оно вызвало яростные нападки одной части буржуазных критиков и полное молчание других.

«Движется ли мир вперед?» — спрашивает писатель в первой главе своей книги и отвечает: «Да, как это ни странно, движется… Эти постоянные изменения, это движение вперед подобно процессу кипячения воды… Каждый раз перед новым закипанием котла — собственно, в этом и выражается прогресс — бывают такие моменты, когда происходит полное изменение качества: вода превращается в пар и сбрасывает крышку». Именно это революционное явление, эта революция «приводит в панику уважаемых шахматных игроков», склонившихся над шахматной доской современного мира и жаждущих передела его богатств в свою пользу, стремящихся внушить недовольным представление «о незыблемости мира».

«…Но мир, подобно котлу, нельзя уберечь от нового закипания, разве только вы погасите огонь. А сделать это невозможно, поскольку огонь — неотъемлемая часть природы: это присущая человеку неутомимая жажда правды и только правды».

И новая книга Драйзера несла людям именно правду, с ее страниц известный всему миру романист говорил о «величайшем парадоксе наших дней» — «нищете среди изобилия», о полнейшем банкротстве «интернационала богатых» и «о мертвой хватке частных монополий», об американской мании «спасения

мира», об империалистической экспансии и о схватках между американскими и английскими нефтяными магнатами, об охватившем Америку «экономическом атеросклерозе», об антисоветских замыслах англо-американских империалистов.

Книга убедительно показывала, что нет единой Америки, а есть две Америки: одна — богачей, монополий, «шестидесяти семейств», которой противостоит другая — простых людей. «Только простые мужчины и женщины Америки могут выиграть бой, которого не избежать… Только массы могут вызволить Америку из беды! Нескольким тысячам паладинов это не по плечу. Америка двинется вперед — двинется решительно и неудержимо — только тогда, когда под знаменем конституции и Декларации независимости на улицы наших городов выйдут огромные толпы народа и при виде их враги Америки — монополисты — скажут: «Это Америка!»

И названием своей книги Драйзер говорит о том, что спасать стоит именно эту Америку миллионов простых граждан, Америку м-ра и м-с Смит, «которые (когда им везет) привинчивают болты и печатают накладные на заводах Форда».

Один из рецензентов так отозвался о новой книге Драйзера: «С ловкостью адвоката, с точностью статистика и пытливостью историка он (Драйзер) приводит целый ряд доказательств, убеждающих нас в том, что эта война не является борьбой за демократию, а представляет собой лишь очередную империалистическую драку за прибыли и власть. В сущности, Драйзер дал в своей книге катехизис и энциклопедию мира для Америки…»

Новая работа писателя получила всемирный резонанс, она была тут же переиздана в Аргентине, о ней говорили и спорили во многих странах.

В сентябре 1940 года в Чикаго состоялась учредительная конференция Американского общества борьбы за мир, на которой Драйзер был избран одним из ее вице-президентов. По заданию организации он в ноябре вылетает в Вашингтон, где выступает на массовом митинге сторонников мира. На обратном пути он также выступает перед борцами за мир в Чикаго.

Вернувшись в Калифорнию, он снова углубился в свои занятия философией, но ненадолго: в феврале 1941 года Американский совет друзей Советского Союза предложил ему выступить на нескольких собраниях в Нью-Йорке и других городах. 28 февраля он сошел с поезда на нью-йоркском железнодорожном вокзале Гранд-Централ и отправился в гостиницу «Коммодор». После обеда он уже отвечал на вопросы пришедших проинтервьюировать его корреспондентов.

Газета «Нью-Йорк таймс» 16 марта опубликовала обширное интервью с писателем. На вопрос о его литературных планах Драйзер ответил корреспонденту: «Во времена, подобные нашему, когда человек не может спокойно сидеть и взирать на события, когда весь мир погружен в глубокий кризис, — нет, дорогой мой, сейчас не время говорить о литературе. Вы выбрали для обсуждения дьявольски неудачную тему. Почему бы вам не попытаться идти в ногу с веком? Или вы думаете, что наша система настолько хороша, что она уже не нуждается в улучшении? Приходилось ли вам бывать в России? Нет! И вы собираетесь говорить о книгах… Сын мой, неужели вы не видите, что весь мир в огне?»

В Нью-Йорке Драйзер выступал перед композиторами и писателями, участвовал в званых обедах. Но одна из самых ярких его речей была произнесена перед рабочей аудиторией в городе Ньюарк (штат Нью-Джерси). «За долгие годы, — пишет М. Чедер, — я много раз слышала его речи — и публичные, и для небольших групп, но никогда он не выступал лучше, проще и ярче, чем перед этим рабочим людом с заводов, фабрик и доков Нью-Джерси».

Он говорил о традиционной симпатии американского народа к русскому народу, о «десяти днях, которые потрясли мир», о провале попыток мирового империализма задушить молодую Советскую республику, о достижениях Советской власти, об ответственности трудящихся масс, о том, что только они «могут остановить монополии».

25 февраля исполнялось 60 лет одному из руководителей американских коммунистов, Уильяму З. Фостеру. Драйзер откликнулся на эту дату статьей «Я очень многим обязан ему», которая была напечатана в газете «Дейли уоркер». Воспользовавшись своим пребыванием в Нью-Йорке, Драйзер пожелал лично встретиться с Фостером, чтобы поздравить его и побеседовать с ним.

Из Нью-Йорка Драйзер выехал в Филадельфию, где он также выступил с речью. В середине марта он возвратился домой, в Лос-Анджелес. Через несколько дней пришло известие о внезапной кончине Шервуда Андерсона. В прощальном слове, которое зачитал над гробом по поручению Драйзера писатель Стэнли Янг, Драйзер говорил: «Андерсон, его жизнь и его творения олицетворяют для меня паломничество поэта и мечтателя через это ограниченное пространство, называемое жизнью…»

В эти годы, как свидетельствует Элен, они с Драйзером «часто бывали на приемах в советском консульстве, где встречали много своих друзей. Там мы близко познакомились с Уной и

Чарли Чаплином. Тедди относился к Чаплину с глубоким уважением, как к большому художнику, мыслителю, гуманисту и великому комедийному актеру».

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз потрясло писателя. Он сразу же выступил с призывом «помочь России», требовал от американского правительства быстрых и эффективных действий, полностью разделяя точку зрения У. Фостера, охарактеризовавшего гитлеровское вторжение в СССР как «нападение и на народ Соединенных Штатов».

В телеграмме, направленной 14 июля 1941 года из Калифорнии Иностранной комиссии Союза советских писателей, Т. Драйзер заявлял:

«Ничто в истории человечества — ни безумные авантюры в поисках преходящей славы и власти, ни страшные массовые истребления народов и порабощение их Киром, Дарием, Александром, Цезарем, Атиллой, Мамаем, Чингисханом, Тамерланом, Наполеоном — не может сравниться по своему бессмысленному варварскому разрушению и смертоносности с ничем не оправданным нападением Гитлера на Советскую Россию… Я считаю это — в полном смысле слова — величайшим злодеянием против великой державы. Это хладнокровная и преступная попытка уничтожить свободу человечества и — что еще важнее — уничтожить духовную и социальную справедливость в семье народов, справедливость, которой, кроме как в СССР, не только никогда не достигал, но о которой и не помышлял ни один народ, ни одна раса».

Драйзер с неослабевающим вниманием следит за героической борьбой советского народа против гитлеровских захватчиков, его симпатии на стороне советских людей, он желает им быстрейшей победы. «Ничто не имеет большего значения для либеральной и демократической Америки, — писал Драйзер в тяжелые для советского народа дни, в октябре 1941 года, — чем успех России в борьбе против Гитлера. Дело русских всегда и везде является подлинным делом демократии, ибо Россия уже сделала для простого человека больше, чем какая-либо другая страна в истории».

В августе 1941 года Теодору Драйзеру исполнилось 70 лет. Роберт Элиас писал, что в этот день ни один журналист не прибыл, чтобы побеседовать с писателем, в буржуазной прессе не появилось ни одной статьи о нем, капиталистическая печать пыталась воздвигнуть глухую стену молчания вокруг неугодного ей писателя, стремилась заставить американцев забыть о его великих реалистических произведениях. Знаменательный день

своей жизни Драйзер провел в кругу лишь близких друзей и соседей.

Издательство «Саймон энд Шустер», получившее в свое время права на выпуск книг Драйзера, по его мнению, плохо выполняло свои обязательства, и осенью 1941 года он сам приобретает все права на издание своих книг и начинает искать нового издателя. У. Ленджел по его поручению ведет переговоры с издательством «Дж. П. Путнам'з Санз».

В ноябре 1941 года Драйзера приглашают выступить с лекцией в Индианаполисе, столице его родного штата Индиана. Несмотря на предпринятые «Американским легионом» попытки сорвать лекцию, Драйзер без помех выступил перед многочисленной аудиторией, которую он призвал оказать необходимую помощь народам Советской России.

После нападения милитаристской Японии на Пирл-Харбор Драйзер надеялся, что помощь советскому народу со стороны Соединенных Штатов увеличится и что совместными усилиями союзников фашизм и милитаризм будут окончательно сметены с лица земли.

В Нью-Йорке Драйзер подписывает договор со своим новым издателем, обязавшись к 1 июня 1942 года закончить роман «Оплот». Так в начале 1942 года Драйзер возобновил работу над романом, замысел которого возник у него еще тридцать лет тому назад. Он полностью отверг написанные два варианта романа и начал все сначала. В марте 1942 года первые четыре главы были отправлены издателю. «Верьте или не верьте, — писал он 2 апреля Менкену, — я работаю над «Оплотом» и работаю, как мне думается, весьма успешно. В этом труде я нахожу наслаждение».

И все же дело продвигалось не так быстро, как того хотелось бы писателю. «Вы понимаете, конечно, что это длинный роман и нелегкий для написания, что-то похожее на «Финансиста» и «Гения», — сообщал он своему издателю в мае.

Трудность заключалась уже в самой теме романа, в том жизненном материале, на базе которого он создавался. «Книга пока еще не закончена и не будет закончена еще какое-то время, — писал Драйзер Ленджелу в июле. — И дело не в том, что я не работаю над ней и не продвигаюсь вперед, но в том, что она касается сугубо индивидуальной и очень чувствительной проблемы — отношения к религии в семье, и, так же как это имело место с «Американской трагедией», я нахожу это трудным».

Помимо упорной работы над «Оплотом», Драйзер пишет статьи и комментарии, однако американские газеты и журналы их не печатают. Получив очередной гонорар из Москвы, Драйзер

писал 20 мая 1942 года в редакцию журнала «Иностранная литература»: «Я хотел бы, чтобы вы знали, что я получил чек — гонорар за мою книгу, и я поражен, что вы, принимая во внимание всю напряженность обстановки в России, вообще готовы платить в такое время».

На экраны наконец вышел фильм о Поле Дрессере, в создании которого принимала участие Элен. Драйзер смотрел фильм в одном из лос-анджелесских кинотеатров и вспоминал те далекие дни, когда он вместе с Полем занимался рекламой его песен.

В сентябре Драйзера пригласили выступить с лекцией в городском лекционном зале Торонто. Еще до лекции журналисты из местных газет взяли интервью у писателя. В своих сообщениях корреспонденты приписали ему «якобы высказанное» им «желание, чтобы Гитлер победил Англию и стал управлять английским народом». Основываясь на этом сообщении, канадские власти издали приказ о высылке Драйзера из страны. Инсинуации буржуазных журналистов были подхвачены самыми реакционными кругами, некоторые торонтские органы печати требовали ни больше ни меньше как… расстрела писателя. Так называемая Военная комиссия американских писателей поспешила объявить Драйзера… союзником гитлеровцев.

В поддержку Драйзера в Лондоне выступил Бернард Шоу. Сам Драйзер опубликовал гневное опровержение в газете «Индианаполис стар». Ему было не привыкать к озлобленным выпадам продажной печати, поэтому он постарался поскорее забыть об этом инциденте и с головой ушел в работу над «Оплотом». «К черту все, — сказал он, — я буду работать над романом, и хотел бы я видеть того, кто сможет оторвать меня от этой работы!»

Тем временем ознакомившийся с первым вариантом начала книги, которое сам автор отнюдь не считал окончательным, издатель заявил о том, что роман ему не нравится. Хотя Драйзер к этому времени уже написал заново сорок глав (впоследствии они были сокращены до двадцати четырех и составили первую часть романа), он вернул издателю полученный аванс и снова прервал работу над книгой. Он пишет статьи для радиопрограмм, направленных на Германию, киносценарии, эссе «Мой созидатель», ведет обширную переписку.

Обращает на себя внимание письмо Драйзера Менкену от 27 марта 1943 года. Менкен за несколько дней до этого в письме обратился к Драйзеру с вопросом: «Каковы в точности Ваши идеи о современном движении во имя спасения человечества?» Драйзер ответил обстоятельным письмом, которое не только

проливало свет на некоторые факты его биографии, но и в котором он еще раз отчетливо высказал свое отношение к различным социальным системам.

«Видите ли, Менкен, в отличие от Вас я пристрастен. Я родился бедняком. Бывали времена, когда однажды и в ноябре и в декабре я ходил без ботинок. Я видел, как моя любимая мать терзалась от нужды — в беспомощном страдании она ломала себе руки. И, вероятно, по этой причине — будь что будет — я независимо ни от кого и ни от чего за такую социальную систему, которая будет лучше для своих граждан — тех, кто старается, хотя и незаметно, больше того, кто хочет понять, как можно помочь самим себе, но тем не менее терпят поражение от обманов банды тщеславных остолопов, возомнивших, что деньги, — каким бы путем они ни были приобретены, — возможность купить и одно, и другое возносит их над всеми остальными в той социальной системе, которая позволяет им существовать и выманивать у остальных те самые деньги, которые и делают их такими важными… Что же касается коммунистической системы, как я наблюдал ее в России в 1927 и 1928 годах, я за нее — целиком и полностью… Коротко говоря, я проникся глубочайшим уважением к этому великому народу — и я по-прежнему сохраняю его — к народу, который, насколько я понимаю, желает человечеству выжить и продолжает свое существование на более высоком уровне, чем любой из тех, которые оно знало раньше…»

Денежные затруднения давали себя знать все ощутимее. Снова и снова вставал вопрос о продаже «Ироки». «Для нас абсолютно необходимо продать участок как можно быстрее… — писала Элен в марте 1943 года. — Т. отнюдь не становится моложе. Ему крайне необходимы деньги… Его книга «Оплот» сама по себе требует от него колоссальных усилий, да к тому же он еще и нуждается в средствах…» Здоровье писателя ухудшилось, зимой он постоянно страдал от простуды, стал хуже видеть.

Новый, 1944 год принес Драйзеру неожиданное известие.

Американская академия искусств и литературы приняла решение наградить писателя почетной золотой медалью, присуждаемой раз в пять лет за выдающиеся достижения в области искусства и литературы. Как указывалось в решении академии, Т. Драйзер награждался «не только за высокие качества таких книг, как «Американская трагедия», «Сестра Керри», «Двенадцать мужчин» и многие другие, но также за Ваши отвагу и честность, с которыми Вы пробивали путь в качестве пионера, воссоздающего в прозе подлинных живых людей и настоящую

Америку». Последние строчки особенно растрогали семидесятидвухлетнего писателя, ибо ему показалось, что, несмотря на все нападки реакции, его наконец-то оценили на родине, что есть и в Соединенных Штатах люди, понимающие, какой огромный вклад он внес в американскую литературу.

Американские литературоведы утверждают, что решение это было принято под большим нажимом Синклера Льюиса, который и составил проект письма Драйзеру. Как бы там ни было, это решение академии явилось первым — и единственным — актом официального признания писателя на его родине. Драйзер знал, что членами академии и связанного с ней Национального института являлись в те годы многие уважаемые им писатели.

Мысль о том, что эти писатели так или иначе причастны к решению академии, помогла ему забыть о консерватизме академии, о том, что она долгие годы игнорировала его существование как писателя. Он дает согласие принять награду и в мае 1944 года едет в Нью-Йорк, чтобы лично присутствовать на торжественной церемонии.

Узнавший об этом Менкен написал Драйзеру письмо. «Я слышал, что Вы отправляетесь в Нью-Йорк, чтобы быть увенчанным Американской академией искусств и литературы лавровым венком. Если это правда, я могу лишь оплакать тот факт, что вы поддерживаете какие-то отношения с этой бандой шарлатанов. Члены академии долгие годы были вашими главными обвинителями. И если они действительно предложили Вам подачку, то я надеюсь, что Вы посоветуете им заткнуть ею их глотки».

Как известно, Драйзер не последовал совету Менкена. К сожалению, ему не пришлось увидеть, как несколькими годами позже, в 1951 году, Генри Луис Менкен также принял золотую медаль академии.

В Нью-Йорке Драйзер сразу попал в круговорот встреч, телефонных разговоров, бесед, званых обедов и ужинов, интервью. Он встречался с близкими родственниками, старыми друзьями, издателями, художниками, музыкантами. Церемония вручения наград состоялась 19 мая. Драйзер пригласил некоторых своих друзей и знакомых — Эдгара Ли Мастерса с женой, Маргарет Чедер, профессора Элиаса.

Он сидел на отведенном ему месте, подавленный всей помпезностью и нарочито архаичной торжественностью обстановки — черными мантиями членов академии, медленно прошествовавших к своим креслам, пышностью убранства сцены, официально строгими костюмами мужчин, вечерними туалетами женщин. Мастерс, получивший медаль академии несколькими

годами раньше, сидел рядом, и это успокоило Драйзера. Вместе с Драйзером получали награды также его ровесница Уилла Кэзер, известная своими романами о судьбах переселенцев на западные земли, Самюэль Мак-Клюр, чей журнал в конце XIX — начале XX века был рупором радикально настроенной интеллигенции, певец Поль Робсон и другие.

Драйзер внимательно слушал речи представителя академии в честь У. Кэзер и С. Мак-Клюра и их ответные слова. Он знал, что ему самому не удастся ничего сказать, хотя он и приготовил заранее свою речь и, как требовалось, послал ее на предварительный просмотр в академию. Он собирался говорить о необходимости создания в стране министерства или федерального бюро по делам искусств, и ему казалось, что такое выступление придется по душе даже членам академия. Но его идея была признана спорной, и речь не получила необходимого одобрения. С ледяным лицом он выслушал приветственную речь в свою честь профессора Ч. Тинкера, в которой признавались его заслуги пионера в истории современной американской литературы. Под гром аплодисментов присутствующих он медленно взошел на сцену, принял награду, учтиво поклонился и молча удалился на свое место, «словно лев, отвернувшийся от зрителей» на арене цирка.

Последовавший за церемонией вручения наград прием лишь утвердил его в мысли о том, что академия удостоила его своей чести после долгих споров под большим давлением молодых, радикально настроенных членов академии. Но были на приеме и приятные минуты: он с большим интересом беседовал со своим старым знакомым Полем Робсоном и вскоре пошел послушать «Отелло» в его исполнении.

Новая встреча с выдающимся певцом, которого он знал еще двадцать лет тому назад, произвела такое сильное впечатление на писателя, что он вскоре обратился к Робсону с предложением написать о нем очерк. «Я предлагаю это по той причине, что ваша выдающаяся роль в деле прогресса негритянского народа, ваша глубокая заинтересованность в этом прогрессе уже долгое время привлекает мое внимание, и я интересуюсь, каковы ваши личные, частные взгляды на возможные пути осуществления такой программы… Как Вы знаете, я и сам глубоко интересуюсь подобной проблемой и делаю все, что в моих силах, чтобы двинуть вперед дело прогресса негритянского народа». К сожалению, очерк этот так и остался ненаписанным.

Последнее пребывание Драйзера в Нью-Йорке было нелегким и в личном плане: его сестра Мэйм находилась в больнице в очень тяжелом положении. «Он проводил много времени у ее

постели и был у нее незадолго до того, как она навсегда закрыла глаза». Мэйм была по складу своего характера ближе всех к Теодору, он с большой симпатией описал ее судьбу в «Дженни Герхардт». Драйзер отдавал себе отчет в том, что с уходом Мэйм из жизни уходит какая-то частица его самого: «Я чувствовал себя буквально сбитым с ног».

В Нью-Йорке он в последний раз также встретился с братом Эдом и его семьей. Вечер, проведенный в их кругу, был одним из самых приятных для него за последние годы. Драйзер так развеселился, что спел шуточную песенку «Лысый рыбак», которой его научила Элен.

Пребывание в Нью-Йорке не прервало литературной работы писателя: здесь он пишет статью «Русские наступают» для журнала «Совьет Раша тудей», готовит и записывает на пленку два выступления по радио, предназначенные для передачи на Европу. Характерно, что американская служба военной информации избрала для этих выступлений Драйзера, потому что он пользовался огромной известностью среди простых людей Европы. И это в то время, когда в самих Соединенных Штатах в эти годы писателю фактически препятствовали активно участвовать в общественной жизни страны, когда книги его не издавались и многие читатели полагали, что он давно уже умер.

В Нью-Йорке Драйзер узнал, что его дом и участок в Маунт-Киско наконец-то проданы. Весенним днем он отправился за город, чтобы сказать последнее «прости» тому уголку земли, где он провел немало радостных и печальных дней, где прошла важная часть его жизни. Полежав на весенней траве и полюбовавшись прудом в ярких лучах майского солнца, Драйзер решительно встал и направился к выходу из усадьбы.

— Неужели вы не испытываете грусти, оставляя все это? — спросила Маргарет Чедер.

— Нет, — медленно ответил он, наслаждаясь тишиной и покоем. — Перемены, перемены — вот в чем смысл жизни…

Последние дни в городе были наполнены встречами с друзьями и знакомыми. Все убеждали писателя поскорее завершить «Оплот», да и сам он чувствовал, что работа над книгой принесет ему удовлетворение.

В пятницу, 2 июня, многочисленные друзья писателя пришли в гостиницу, чтобы проводить его. Здесь были Ричард Райт и Дороти Дадли, генеральный консул СССР в Нью-Йорке Е. Ф. Киселев, Роберт Элиас и Маргарет Чедер, многие другие. Журналистка Д. Норман писала об этом вечере в газете «Нью-Йорк пост»: «Было очень радостно видеть Драйзера в таком юношески приподнятом настроении… Он никогда не терял

горячего интереса ко всему, что обогащает жизнь».

С Ричардом Райтом Драйзер долго вспоминал годы, проведенные в Чикаго, они говорили о реалистическом взгляде на жизнь, о кипучей энергии, присущей этому все растущему промышленному гиганту. «Когда я разговаривал с Драйзером, — вспоминал Р. Райт, — я никогда не ощущал, что беседую с писателем. Мелкие, дурные привычки, присущие некоторым писателям, никогда не были свойственны ему. Он не говорил ни о своей последней книге, ни о той, которую он собирается написать. Вслушиваясь в его простые, точные характеристики, вы понимали, что это прежде всего человек, глубоко чувствующий, преисполненный творческих сил, страстно заинтересованный во всем, человек, значительно более крупный, чем просто писатель. Он мог подчинить свое настроение атмосфере, окружающей его в данный момент. Если вы задавали ему вопрос, он сначала давал короткий ответ. Позже он что-то добавлял к своему ответу, еще позже он мог развить свою мысль дальше — словно любая идея была достаточной, чтобы вызвать у него глубокое эмоциональное и психологическое движение души».

Глава 18
«ПУТЬ, КОТОРЫМ Я ПРОШЕЛ»

На обратном пути в Калифорнию Драйзер сошел с поезда в небольшом городке Стивенсоне, штат Вашингтон, где его ожидала Элен. Здесь должна была состояться регистрация брака между Германом Теодором Драйзером и Элен П. Ричардсон. Первая жена писателя умерла в октябре 1942 года, и теперь ничто не мешало официально закрепить уже много лет существующий союз двух людей. Церемония брака прошла весьма скромно, в присутствии лишь двух свидетелей: сестры невесты Мэртл и ее жениха. После регистрации брака молодожены «переехали на моторной лодке через реку на орегонский берег и устроили там свадебный ужин». После короткого отдыха в доме матери Элен в Портленде Драйзеры возвращаются в Голливуд.

Писатель сразу же приступает к работе над «Оплотом». Ему помогала приехавшая по его приглашению из Нью-Йорка Маргарет Чедер. Драйзер обычно вставал в 8 часов утра, после завтрака он любил погулять в саду, а затем работал с 9.30 утра до 3–4 часов дня. Когда он возобновил работу над романом, в его распоряжении находились многочисленные рукописные наброски к роману, некоторые из которых были сделаны еще в 1910 году. Кроме того, имелось четыре варианта различных частей романа, отпечатанные на пишущей машинке. По свидетельству Чедер, писатель остановился на двух вариантах рукописи — так называемом «Семейном» и «Финансовом» — и решил соединить их воедино.

Работа над романом продолжалась с сентября 1944 года по май 1945-го. Драйзер снова и снова возвращался к уже, казалось бы, законченным главам книги, что-то исправлял, кое-что переписывал заново. Он снова углубился в изучение книг об учении квакеров, подолгу обсуждал с Элен и Маргарет Чедер содержание новых глав, развитие событий в романе, поступки тех или иных действующих лиц. Наконец роман был закончен и передан издательству, которым на этот раз оказалась та самая фирма «Даблдей энд компани», которая почти полвека тому назад доставила писателю столько бед и огорчений при выпуске в свет его первого романа «Сестра Керри».

На первый взгляд может показаться, что роман «Оплот» не касается типично драйзеровских тем. В отличие от других романов Драйзера в центре его не один герой, а история семьи квакеров в нескольких поколениях. В романе затронута вечная,

как мир, проблема отношений между отцами и детьми. Но в то же время это роман о влиянии капиталистического общества на человека, и в этом смысле он сродни другим произведениям Драйзера, в первую очередь «Американской трагедии».

Сюжет романа несложен. Писатель повествует о трех поколениях квакеров Барнсов — Руфуса и Ханты, их сына Солона и его жены Бенишии и пятерых детей Солона.

Руфус Барнс, человек честный и благожелательно относящийся к людям, своим небольшим достатком «был обязан собственному трудолюбию и добропорядочности». И сына его Солона «чувство безотчетной симпатии влекло… к одиноким скромным труженикам… Солон, глядя на них, размышлял о том, как это, должно быть, хорошо — усердно и вдумчиво трудиться в одиночку над избранным делом, не стремясь к иным выгодам, кроме того, чтобы прокормить себя и свою семью».

Жизнь, конечно, вносит существенные поправки во взгляды Солона, но, даже заняв влиятельный пост казначея банка, в глубине души он оставался «квакером и человеком по натуре глубоко нравственным», и ему претили неблаговидные дела, творящиеся владельцами банка, их жажда наживы. Конечно, это не могло не привести к столкновению с хозяевами, и Солон вынужден был «отказаться от участия в деле», которое он считал «безнравственным и дурным».

Религиозные нравственные принципы Солона были несовместимы с новыми, капиталистическими отношениями, и они вынуждены были отступить перед их натиском.

По свидетельству биографов писателя, Солон Барнс во многом напоминает отца Драйзера — глубоко религиозного человека, неспособного противостоять натиску современного мира. Религиозный фанатизм не только не уберегает Солона и его семью от соблазнов нового времени, но и противопоставляет ему собственных детей, толкает их на путь лжи и преступлений. Старая религиозная мораль не может уберечь человека в капиталистическом обществе — таков основной вывод из истории Барнсов. Как отмечали американские критики, «Оплот» ясно говорит о том, что «в мире, увлеченном погоней за деньгами и неограниченными удовольствиями, невозможно жить по старому этическому коду».

Драйзер остановил свой выбор на семье квакеров потому, что считал их религиозную секту типично американской. Работая над романом, писатель хорошо ознакомился с учением квакеров, прочел их книги, беседовал со многими видными представителями секты. Он долго считал, что американская публика еще не готова принять роман на религиозно-социальную

тему, и это была одна из причин, по которым он откладывал работу над книгой.

«Оплот», так же как и остальные произведения Драйзера, основан на фактах реальной американской действительности, отражает глубокое знание писателем жизни и нравов всех слоев американского общества. И в этом романе писатель со скрупулезной тщательностью описывает и отдельные детали быта семьи квакеров и в то же время мастерски показывает духовную нищету старших Барнсов, их беспомощность перед лицом быстро изменяющегося мира. Оплотом и Солона Барнса, и его предков является некий «внутренний свет», якобы «нисходивший» на них и поддерживавший их в трудную минуту. Но этот оплот рушится под натиском волчьих законов капиталистического общества, старые квакерские догмы уже не могут защитить детей Солона, они мечутся по жизни в поисках своего оплота, но не находят его.

Крушение квакерских устоев семьи Барнсов — это крушение старых религиозных догм и предрассудков, замена их властью денег, торжество капиталистической системы отношений со всей ее бесчеловечностью и грязью. Уходит тайком из семьи и становится содержанкой художника Этта; кончает жизнь самоубийством угодивший в тюрьму юный Стюарт; не хочет оставаться в доме, где ее никто не понимает, Айсобел. Так под нажимом капитализма разрушается патриархально-религиозный мир Барнсов. Писатель говорит своим романом, что капитализм разрушает старые устои общества, ничего не создавая взамен; именно поэтому «Оплот» — роман с яркой антикапиталистической направленностью. В то же время писатель срывает все покровы с религии, показывает ее лицемерие, ее зависимость от денежного мешка.

«Оплот» — одно из прогрессивных произведений умудренного жизнью писателя-реалиста, беспощадно сорвавшего покровы с религиозных догматов, показавшего всю их мишуру и иллюзорность.

Роман вышел в свет в 1946 году, уже после кончины писателя. Близкие к нему лица отмечают, что опубликованный текст «Оплота» значительно отличается от авторской рукописи, которая подверглась большой редакторской правке и сокращениям. Читающая американская публика встретила роман хорошо, и он вскоре был переиздан двухсоттысячным тиражом. Рецензии на книгу появились в газетах «Нью-Йорк таймс», «Геральд трибюн», журналах «Нью-Йоркер», «Паблишерс уикли» и других изданиях. Роман принес финансовый успех его издателям. Но все это будет позднее — в 1946 году, а сейчас, во время

работы над «Оплотом», финансовые дела Драйзера были далеко не блестящими.

Однажды, когда его не было дома, пришло письмо из одного банка Лос-Анджелеса. Элен вскрыла его и затем показала Драйзеру обнаруженное ею извещение. «Там не было указано ни страны, ни каких-нибудь других данных, — вспоминала позже Элен, — ничего, кроме поступившей на его имя суммы, а так как мы привыкли время от времени получать небольшие, суммы, Драйзер прочитал:

— Три доллара сорок шесть центов. Стоило трудиться, чтобы переводить такую сумму!

— Тедди, там вовсе нет десятичной дроби, — сказала я. — Прочти-ка как следует.

Внимательно вглядевшись в обозначенную сумму, он произнес:

— Тридцать четыре тысячи шестьсот — что это такое? Позвони в банк, выясни! — с волнением воскликнул он.

Я позвонила в банк, там подтвердили, что эти деньги пришли из России. Лицо Драйзера горело от радостного возбуждения. Вряд ли что-либо могло доставить Драйзеру такую радость, как этот быстрый отклик на его письмо.

— Больше не стану ни о чем беспокоиться. Этого мне хватит до конца, — сказал он.

На следующий день мы пошли в банк, чтобы получить деньги. Но это перечисление из СССР не было последним. В 1946 году, через три месяца после смерти Тедди, меня посетили три представителя русского правительства; прочитав завещание и убедившись, что я являюсь законной наследницей, они на другой день вручили мне семь тысяч долларов наличными деньгами».

В последние годы своей жизни Драйзер много думал о судьбах человечества, о той роли, которую играют в развитии цивилизации различные общественные силы. Он все чаще и чаще приходит к мысли о том, что будущее человечества должно находиться в руках простых тружеников, в руках рабочего класса и выражающей его идеи партии коммунистов. Он начинает подумывать о необходимости самому стать членом коммунистической партии, видя в этом шаге закономерный итог своих философских исканий.

Весной 1945 года Т. Драйзер высказывает желание вступить в Компартию США. Он говорит об этом с Джоном Говардом Лоусоном, известным прогрессивным драматургом, ставшим близким другом писателя. Летом Драйзер принимает решение и вступает в члены коммунистической партии. «Я всегда глубоко верил, — писал он в июле этого года в своем заявлении на имя У.

Фостера, — что простые люди и прежде всего рабочие — как Соединенных Штатов, так и всего мира — являются хранителями своей собственной судьбы и творцами своего собственного будущего». Вступление Т. Драйзера в коммунистическую партию явилось логическим шагом писателя, отдавшего всю жизнь борьбе за лучшее будущее для простых людей.

Освобожденный от финансовых забот, писатель весь отдается работе над романом «Стоик». Из переписки писателя известно, что издательство «Харперс» первоначально планировало выпустить завершающий том «Трилогии желания» в августе 1913 года. Однако после выхода в свет «Титана» Драйзер прервал работу над трилогией. Биографы писателя указывают, что он вернулся к работе над «Стойком» только поздней осенью 1922 года. В 1926 году писатель решает переиздать «Финансиста» в переработанном варианте, а затем завершить «Стоика». Одна из целей его поездки в Европу летом 1926 года состояла в том, чтобы собрать материал о деятельности Йеркеса в Лондоне, необходимый писателю для работы над «Стоиком». Осенью 1928 года в одном из своих писем Драйзер сообщал, что собирается завершить роман не позднее чем через год.

Как видно из писем Т. Драйзера, он увлеченно работал над «Стоиком» весной и летом 1932 года. «Я завершаю последний том «Трилогии», — писал он в апреле 1932 года. Драйзер в это время несколько раз переписывает отдельные главы романа, безжалостно вычеркивает все, что считает лишним, просит своего редактора пройтись по рукописи «жесткой критической наждачной бумагой».

Однако и на этот раз роман не был закончен. Впоследствии издатели хотели выпустить его в 1935 году, но писатель не завершил работу над «Стоиком» и к этому сроку. Теперь, в 1945 году, он набросал план пятнадцати завершающих глав романа. Творческое вдохновение, с которым он работал над «Оплотом», не покидало его. «Никогда раньше, — вспоминает Чедер, — я не наблюдала его таким преисполненным, казалось, полного счастья, в таком единстве с окружающей его природой, таким полным творческого вдохновения». В это время Драйзер не только работал над «Стоиком», но и продиктовал рассказ «Абсолютный незнакомец», обсуждал идеи двух других рассказов. Он рад был встречам с Чарли Чаплином, с искренней душевностью беседовал с Полем Робсоном, прибывшим в Лос-Анджелес на гастроли и навестившим писателя.

27 августа 1945 года Драйзер последний раз отметил свой день рождения. Он и Элен на этот раз пригласили человек пятнадцать самых близких друзей. Торжество было омрачено

смертью давнего друга писателя Дориана Отвоса, скончавшегося за два дня до этого. Здоровье писателя ухудшалось, но он продолжал упорно работать над «Стоиком».

— Жить на земле мне, наверное, осталось недолго, и я хочу закончить «Стоика». Я знаю, что мне уже не суждено «закончить» «Формулы», но «Стоик» — это неотложная часть моей литературной программы, — говорил он Элен.

«День за днем мы работали с ним, сидя друг против друга за его длинным рабочим столом; Тедди покачивался в старомодном желтом кресле-качалке, а я печатала на машинке, — пишет Элен. — Иногда мне не хватало места, чтобы разложить перепечатанные страницы, тогда мы переходили в столовую и устраивались за большим испанским столом. Тедди тащил за собой кресло-качалку, усаживался в него и, покачиваясь, продолжал диктовать. Упорство, с каким он работал, было просто невероятным; в сущности, за редкими исключениями, его ничто больше тогда не интересовало».

В последние дни своей жизни Драйзер много думает о том, как завершить роман, который к тому времени уже был почти полностью написан. Друзья писателя прочли рукопись и сделали некоторые замечания. «Я, однако, не считаю рукопись завершенной, — писал Драйзер 22 декабря 1945 года. — Я намеревался написать еще главы полторы о Беренис — психологическое исследование ее в конце книги… Но я действительно был так измотан работой над обеими книгами, что просто прекратил писать, вот вам и все объяснение… Тем не менее я уверен, что напишу заключение к «Стоику» в кратчайшее время».

Драйзеру не суждено было осуществить свои замыслы в отношении «Стоика»: 28 декабря 1945 года писатель умер, и «Стоик» был опубликован уже после его смерти, в 1947 году.

«Стоик» — третий, завершающий роман «Трилогии желания». Потерпев поражение в Чикаго, Фрэнк Каупервуд по просьбе своей новой возлюбленной Беренис покидает Америку и переезжает в Европу. Обосновавшись в Лондоне, Каупервуд, «вечная жертва своих страстей, по-прежнему бросается из одной схватки в другую, преодолевает новые препятствия, новые трудности в другой стране, с более древней историей, но не может обрести покоя, не может достичь истинного познания жизни. Только алчность — алчность и жадное любопытство толкают его вперед. Деньги, деньги, деньги! Снова гигантские авантюры, снова борьба за их осуществление. Снова прежняя беспокойная жажда ощущений и новизны, которую ему никогда не утолить до конца».

Всю свою жизнь Фрэнк Каупервуд стремился приумножить

свои богатства, жажда наживы толкала его из одного города в другой, из одной финансовой авантюры в другую. Казалось, что к концу жизни он скопил огромные богатства, но умер король, и все увидели, что король-то голый: наследство Каупервуда превратилось в гроши из-за различных судебных исков и претензий. Все авантюры финансиста, титана и стоика, вся его долгая жизнь ни к чему не привели, оказались бесплодными, и образ капиталиста Каупервуда — образ трагический и жалкий.

Такое завершение романа свидетельствует о глубоком понимании писателем тех неодолимых исторических процессов, которые происходят в современном мире. Показав со всей силой своего мастерства безрезультатность кипучей деятельности Каупервуда как в личном, так и в общественном плане, Драйзер произносит приговор и капитализму вообще, и американским капиталистам в особенности.

Характерно, что в «Стоике» писатель разоблачает экспансионизм американского капитала, его стремление подчинить себе крупные предприятия и целые отрасли хозяйства в других странах, показывает, какую злобную ненависть вызывают американские бизнесмены у своих зарубежных партнеров. «Что за птица такая этот Каупервуд? Не иначе как один из этих американских выскочек, которые таскаются по всему свету и суются не в свои дела» — так думают об американских предпринимателях лондонские дельцы. Не более лестного мнения о них и Каупервуд: «Потрясти полной мошной перед глазами ссорящихся между собой пайщиков, и… можно наверняка поручиться — все они ухватятся за эту мошну и забудут, о чем спорили».

Американская критика встретила роман более чем сдержанно, автора упрекали в том, что история Каупервуда завершается якобы «неожиданным и неубедительным концом», что роман вообще состоит из несвязанных между собой отдельных фрагментов.

Каждому непредубежденному читателю ясна вся несостоятельность подобных утверждений. Написанный рукой опытного мастера, преисполненный глубокого социального смысла, «Стоик» является не только достойным завершением «Трилогии желания», но и настоящим обвинительным актом против капитализма.

Писатель своей трилогией показал не только бесчеловечность и алчность капиталистических хищников, но и отчетливо нарисовал всю бесперспективность их усилий, их классовую обреченность. Один из американских критиков писал: «…что бы вы ни могли сказать за или против романа, «Титан» является

вехой на длинном пути нашей цивилизации». Эти слова можно с полным правом отнести и ко всей «Трилогии желания».

«Трилогия желания» (работе над которой писатель в общем отдал более четверти века) явилась первой в истории мировой литературы исторически правдивой и фактологически обоснованной картиной становления капиталистического дельца, подлинной историей нравов буржуазного общества. Созданный гением Т. Драйзера образ Фрэнка Алджернона Каупервуда олицетворяет собою образ капиталиста периода превращения капитализма в империализм, периода схватки капиталистов в борьбе за власть, за передел уже поделенного мира. Американские критики отмечали, что романы трилогии — «плоть от плоти человеческие документы уходящей американской эры… Эти жестокие и алчные финансовые полководцы со своими войнами и амурными похождениями должны были получить какое-то воплощение в литературе, и Драйзер из их жизни выковал своего рода эпическую поэму».

«Трилогия желания» вводит читателя в мир большого бизнеса, раскрывает всю его жестокость и аморальность, обнажает его язвы и пороки. Читатель воочию видит, что скрывается за фасадами роскошных особняков, в глубине фешенебельных кабинетов. Капиталистический делец предстает со страниц романов Драйзера таким, каким он был и остается в настоящей жизни. И портрет этот оказывается настолько неприглядным, настолько отталкивающим, что читатели брезгливо содрогаются. «Эти воспроизведенные со стенографической точностью разговоры, паутина финансовых интриг, обнаженный костяк предприимчивости оскорбляют наши артистические чувства, — писал о «Трилогии желания» известный американский критик Рэндолф Борн. — И все же целое сохраняет вкус и аромат тех примитивных джунглей бизнеса, которые оно описывает». Заслуга Т. Драйзера, автора «Трилогии желания», в том и заключается, что он раскрыл перед всем миром подноготную этих «джунглей бизнеса», показал подлинное лицо магнатов капитала.

Ясным солнечным январским днем 1946 года друзья проводили Германа Теодора Драйзера в последний путь. Джон Говард Лоусон произнес над гробом последнее слово. Потрясенный до глубины души смертью друга, он говорил о его вкладе в литературу, о тех путях, которые привели Драйзера в коммунистическую партию.

Чарли Чаплин медленно, глухим от волнения голосом прочел стихотворение покойного писателя «Путь, которым я прошел».

…О небо!

Перемены!
К которым мы стремимся
С такою радостью
Иль от которых мы бежим
В тревоге —
И все же именно они обещают
Сохранить нас в себе
Навеки.

О, что же это такое,
То, что понимает путь, которым я прошел?

Мимо гроба в скорбном молчании проходили сотни простых людей, отдававших последний долг своему писателю.

На могиле писателя на непритязательной плите начертано его имя, даты рождения и смерти и строчки стихотворения, которые над гробом прочел Чарли Чаплин.

Генри Менкен прислал Элен письмо с соболезнованиями, в котором, в частности, писал: «Факт заключается в том, что он был великим художником. Никакой другой американский гражданин его поколения не оказал такого широкого и прекрасного влияния на нашу национальную литературу. Американская литература до и после него отличается так же сильно, как биология до и после Дарвина. Он был человеком огромной самобытности, глубокого чувства и непоколебимого мужества. Все мы, писатели, лучше чувствуем себя в этом мире потому, что он жил, работал и надеялся».

За треть века, прошедшие после смерти Драйзера, много перемен произошло в мире. Канули в Лету имена многих других писателей — его современников, их вспоминают лишь в книгах по истории литературы. Произведения же Драйзера продолжают жить, их читают, о них спорят критики и литературоведы. К столетию со дня рождения Драйзера несколько американских издательств выпустили в свет юбилейные издания его основных книг, вышли из печати новые работы американских литературоведов о жизни и творчестве писателя. Многотысячными тиражами книги Драйзера выходят в СССР. Живая сила созданных творческим вдохновением писателя образов и картин американской жизни не только не уменьшилась с течением времени, но приобрела новые импульсы, ее воздействие на читателя выросло и расширилось. Как отмечали американские критики, главное достоинство произведений Драйзера в том, что он «соизмерял личный и семейный опыт с

социальными потрясениями» эпохи.

Драйзер вошел в историю американской и мировой литературы в качестве выразителя мыслей и чувств простых людей своей страны, сумевшего раскрыть перед всем миром глубину той пропасти, в которую толкает человечество капитализм. Книги Драйзера принадлежат тем, кто борется за лучшее будущее всего человечества. Именно поэтому его произведения пользуются неизменной популярностью среди советского народа, верным другом которого он оставался всю свою жизнь.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА

1871

27 августа — В городке Терре-Хот (штат Индиана) родился Герман Теодор Драйзер. Отец — Джон Поль Драйзер, мать — Сара Мария Драйзер, урожденная Шёнёб.

1884

Лето — Первое пребывание Драйзера в Чикаго.

1887

— Окончание школы в городке Варшава (штат Индиана). Драйзер отправляется на поиски счастья в Чикаго, работает там мойщиком посуды в ресторане, подносчиком на складе и т. п.

1889

— Драйзер поступает в Индианский университет (г. Блумингтон).

1890

— Возвратившись в Чикаго, Драйзер работает конторщиком в агентстве по продаже недвижимости, возчиком прачечной.

14 ноября умирает его мать.

1891

— Первую половину года Драйзер продолжает работать возчиком прачечной, затем становится сборщиком платы для фирм, продававших вещи в рассрочку.

1892

Май — Драйзер — репортер чикагской газеты «Дейли глоб», затем сент-луисских «Глоб-демократ» и «Рипаблик».

1893

Лето — Драйзер пишет пьесу «Иеремия I».

1895

— Драйзер начинает редактировать журнал «Эври манс».

1896

Август — В журнале «Эври манс» опубликован первый рассказ Драйзера «Позабытый».

1897

Сентябрь — Уход из журнала «Эври манс» с решением посвятить себя литературе.

1898

28 декабря — Драйзер женится на Саре Осборн Уайт.

1899

— Создание рассказов «Сияющие рабовладельцы» («Макевен из племени сияющих рабовладельцев»), «Негр Джеф», «Мир и

мыльный пузырь», «Дверь мясника Рогаума», «Когда старое столетие было новым». Начало работы над романом «Сестра Керри».

1900

Ноябрь — Выходит в свет роман «Сестра Керри».

Декабрь — Скончался отец писателя.

1901

Сентябрь — Издание «Сестры Керри» в Англии. Начало работы над романами «Повеса» и «Дженни Герхардт».

1902

Ноябрь — Отъезд из Нью-Йорка. Переезд из города в город, жизнь в городах Хинтон (штат Западная Виргиния), Линчбург, Шарлоттесвиль (штат Виргиния), Филадельфия (штат Пенсильвания).

1903

Февраль — Драйзер возвращается в Нью-Йорк.

Июнь — Лечение в санатории. Работа чернорабочим на железной дороге.

1904

Зима — Репортер «Нью-Йорк дейли ньюс».

Осень — Редактор книжно-журнального издательства «Стрит энд Смитс».

1905

Апрель — Работа редактором журнала «Смитс мэгэзин».

1906

Апрель — Драйзер начинает редактировать журнал «Бродвей мэгэзин».

1907

18 мая — В США выходит второе издание романа «Сестра Керри». Драйзер становится главным редактором коммерческого журнального объединения «Баттерик».

1909

Июнь — Приобретение контроля над журналом «Богемиан».

1910

Сентябрь — Драйзер уходит со службы в фирме «Баттерик».

1911

Октябрь — В нью-йоркском издательстве «Харперс» выходит из печати роман «Дженни Герхардт».

Ноябрь — Драйзер отправляется в первое путешествие по Европе.

1912

Апрель — Возвращение в Нью-Йорк.

Октябрь — Выход в свет романа «Финансист».

Декабрь — Отъезд в Чикаго.

1913

Февраль — Драйзер снова в Нью-Йорке.

Октябрь — Журнал «Смарт сет» публикует пьесу Драйзера «Девушка в гробу».

Ноябрь — Выход в свет книги «Сорокалетний путешественник».

Осень — Драйзер окончательно разрывает отношения с женой.

1914

Март — Посещение Чикаго. Издательство «Харперс» отказывается издавать набранный уже и отпечатанный роман «Титан».

Июль — Драйзер поселяется в Гринвич-Вилледж.

1915

Август — Вместе с художником Ф. Бутсом Драйзер отправляется в путешествие по штату Индиана, чтобы собрать материал для книги путевых заметок.

Октябрь — Выходит из печати роман «Гений».

1916

Январь — В городе Саванна (штат Джорджия) Драйзер заканчивает книгу «Каникулы уроженца Индианы» и работает над романом «Оплот».

Февраль — Выходит из печати сборник «Пьесы о естественном и сверхъестественном».

Июль — «Нью-Йоркское общество борьбы с пороком» запрещает дальнейшее распространение «Гения», как «богохульного и непристойного» произведения.

Осень — Выходят в свет «Каникулы уроженца Индианы».

1917

Февраль — В журнале «Севен артс» опубликована статья Драйзера «Жизнь, искусство и Америка».

Лето — Драйзер знакомится с Ливрайтом, который становится постоянным издателем его книг.

1918

Осень — На полках книжных магазинов США появляется сборник Драйзера «Освобождение» и другие рассказы».

Осень — Драйзер посылает сенатору Х. Джонсону телеграмму, в которой требует, «чтобы США не участвовали в интервенции в Россию».

1919

Весна — Издательство «Бони энд Ливрайт» выпускает пьесу Драйзера «Рука гончара» и новый сборник рассказов «Двенадцать мужчин».

Сентябрь — Встреча с Элен Пэтжес Ричардсон, ставшей

другом и спутником писателя до конца его жизни. Вместе с Элен отъезд в Калифорнию.

1920

Март — Издание сборника публицистических статей и очерков «Бей, барабан!».

1922

Октябрь — Драйзер и Элен возвращаются в Нью-Йорк.

Декабрь — Выходит из печати «Книга о себе» (впоследствии названная автором «Газетные будни») — вторая часть автобиографии писателя.

1923

Лето — Новым изданием выходит роман «Гений».

Октябрь — Опубликован сборник очерков «Краски большого города».

1925

Декабрь — Выход в свет романа «Американская трагедия».

1926

Июнь — октябрь — Путешествие по Европе.

Октябрь — В Нью-Йорке начинает идти пьеса «Американская трагедия» (автор П. Кирней).

1927

Апрель — В Бостоне запрещают распространение «Американской трагедии».

Октябрь — Драйзер по приглашению Советского правительства отправляется в путешествие по Советскому Союзу. Выходит в свет сборник рассказов «Цепи», а также второе — переработанное — издание романа «Финансист».

1928

21 февраля — Драйзер на пароходе прибывает в США после поездки по Советскому Союзу и короткого пребывания в Европе.

Март — Во многих американских и европейских газетах публикуется серия статей Драйзера о путешествии по СССР.

Ноябрь — Выходит в свет книга «Драйзер смотрит на Россию».

1929

Декабрь — Издание книги «Галерея женщин».

1930

Март — июль — Драйзер совершает поездку по различным штатам США, проехав более 16 тысяч километров.

1931

Май — Выходит в свет первая часть автобиографии Драйзера под названием «Заря».

Июнь — июль — По просьбе председателя Национального комитета Коммунистической партии США У. Фостера Драйзер

знакомится с положением горняков и их семей в шахтерских районах штатов Пенсильвания, Огайо и Западная Виргиния, очерки о его впечатлениях публикуются в газете «Дейли уоркер». Драйзер возглавляет Национальный комитет защиты политических заключенных.

Ноябрь — Во главе комиссии из восьми человек Драйзер отправляется для ознакомления с положением шахтеров в районах Харлан и Белл штата Кентукки.

1932

— Выходит из печати книга «Говорят горняки Харлана» с предисловием Драйзера, а также его новая работа «Трагическая Америка».

16 августа — Газета «Дейли уоркер» публикует статью Драйзера «Почему я голосую за коммунистов».

Ноябрь — Начинает выходить журнал «Американ спектейтер», одним из редакторов которого был Драйзер. Поездка в Калифорнию.

1933

— Создание киносценария «Табак». Умирает издатель Ливрайт.

Лето — В московском журнале «Интернациональная литература» опубликована статья Драйзера «Обращение к художнику».

1934

Январь — Выход из состава редакторов журнала «Американ спектейтер».

1935

Зима, весна — Публикуются очерк Драйзера «Я обнаружил подлинную американскую трагедию» (в журнале «Мистери мэгэзин») и статья «Два Марка Твена».

Выходит в свет сборник стихов писателя «Настроения — философские и эмоциональные, ритмические и для декламации» (издательство «Саймон энд Шустер»). Драйзер продолжает работать над книгой философских эссе «Заметки о жизни» (другое название — «Формулы, которые называются жизнью»).

Лето и начало осени — проводит в Лос-Анджелесе.

1936

13 марта — В Нью-Йорке состоялась премьера новой постановки «Американской трагедии» (автор пьесы Эрвин Пискатор).

21 июня — В московской газете «Известия» опубликована статья Драйзера «Горький будил мысль».

18 августа — В нью-йоркском прогрессивном журнале «Нью мэссиз» — статья «Да здравствует свободная Испания!».

1938

Лето — Поездка в Европу для участия в конференции Международной ассоциации писателей в защиту культуры, а также в Конференции против бомбардировок открытых городов. Посещение Барселоны.

7 сентября — Встреча с президентом США Ф. Рузвельтом, беседа о положении в Испании.

Ноябрь — Драйзер уезжает из Нью-Йорка в Калифорнию.

1939—1940

— Драйзер выступает с многочисленными статьями и лекциями, которые публикуются в прогрессивной печати.

1940

Сентябрь — Драйзер избирается вице-президентом Американского общества борьбы за мир.

1941

— Выходит в свет книга «Америку стоит спасать».

Февраль — Драйзер выступает с лекциями в Нью-Йорке и Филадельфии.

Ноябрь — Драйзер выступает с лекциями в Индианаполисе.

1942

Зима — Возобновление работы над романом «Оплот».

Октябрь — Скончалась первая жена писателя Сара Осборн Драйзер.

1944

— Американская академия искусств и литературы награждает Драйзера золотой медалью за выдающиеся достижения в области искусств и литературы.

Май — Драйзер совершает последнюю поездку в Нью-Йорк.

Июль — Драйзер сочетается браком с Элен Пэтжес Ричардсон.

1945

Май — Закончен роман «Оплот» (вышел в свет в 1946 году, после смерти писателя).

Лето — Вступление в Коммунистическую партию США.

Декабрь — Завершение в основном работы над романом «Стоик» (опубликован в 1947 году).

28 декабря — Герман Теодор Драйзер скончался.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Теодор Драйзер. Собрание сочинений в 12 томах. М., Государственное издательство художественной литературы, 1951–1955.

Анисимов И. И. Теодор Драйзер. В книге «Мастера культуры». М., «Художественная литература», 1971.

Динамов С. (Теодор Драйзер), Теодор Драйзер и революция. В книге «Зарубежная литература». М., Государственное издательство художественной литературы, 1960.

Драйзер Э. Из воспоминаний о Драйзере. М., Издательство иностранной литературы, 1953.

Засурский Я. Н. Теодор Драйзер, М., Издательство Московского государственного университета, 1964.

Мендельсон М. О. «Американская трагедия» Теодора Драйзера. М., «Художественная литература», 1971.

Dreiser, T. Dawn. N. Y., 1931.

Dreiser, T. Newspaper Days. N. Y., 1931.

Elias, R. Theodore Dreiser — Apastle of Nature. Emended Edition. Ithaca and London. 1970.

Kennet, R. Theodore Dreiser and the Soviet Union, 1927–1945. A First-Hand Chronicle. N. Y. 1969.

«Letters of Theodore Dreiser» Vol. 1–3. Philadelphia. 1959.

Matthiessen, F. Theodore Draiser. N. Y., 1969.

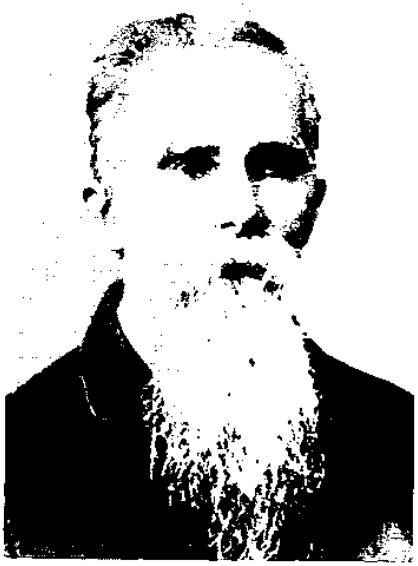
«The Stature of Theodore Draiser. A critical survey of the man and his work». Bloomington, 1965.

Swanberg, W. Dreiser. N. Y., 1965.

Tjader, M. Theodore Dreiser: A New Dimension Norwalk, Conn. 1965.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Сара Шёнёб Драйзер,
мать писателя.



Джон Поль Драйзер,
отец писателя.

Эмма Драйзер, сестра писателя.

Поль Дрессер — певец и композитор, брат писателя.

Теодор Драйзер с группой студентов Индианского университета во время археологической экспедиции. (Драйзер — второй справа во втором ряду.)

Сара Осборн Уайт, жена писателя.

Артур Генри.

Теодор Драйзер во время работы репортером в Сент-Луисе. 1894 год.

Фрэнк Даблдей.

Джон Самнер.

Теодор Драйзер, главный редактор журнального объединения «Баттерик».

Кира Маркхам.

Джон Купер Поуис.

Теодор Драйзер. 1915 год.

Луиза Кемпбелл, редактор многих книг Драйзера.

Хорэс Ливрайт.

Драйзер в своем кабинете. 1923 год.

Шервуд Андерсон.

Вильям Ленджел.

Драйзер в Советском Союзе. Стоят: доктор Софья Давидовская и Рут Кеннел. 1927 год.

Теодор Драйзер.

Драйзер в районе харланских угольных копей. 1931 год.

Генри Менкен.

Теодор Драйзер.

Теодор Драйзер.

Элен Ричардсон, вторая жена писателя, и Теодор Драйзер.

Драйзер в Париже. 1938 год.

THE
THEODORE DREISER

Aug 23-1938

Dear Mr President:

While in Barcelona recently I was visited by Julio Alvarez y Del Vayo, minister of State and Dr. Juan Negrin, Premier, to discuss with them the Rebel and Loyalist Spain war discussed and finally I was requested to comment on the reactions, favorable and unfavorable of various Elements in our States to Loyalist Spain. It was in connection with that that they presented a problem associated with both sides which you might help to solve without publicity and with nothing but satisfaction to yourself and many others since they requested me personally to present this to you I am writing to ask if you will be willing to receive me.

Very Truly Yours

Theodore Dreiser

Письмо Драйзера президенту США Франклину Рузвельту.

Флойд Делл.

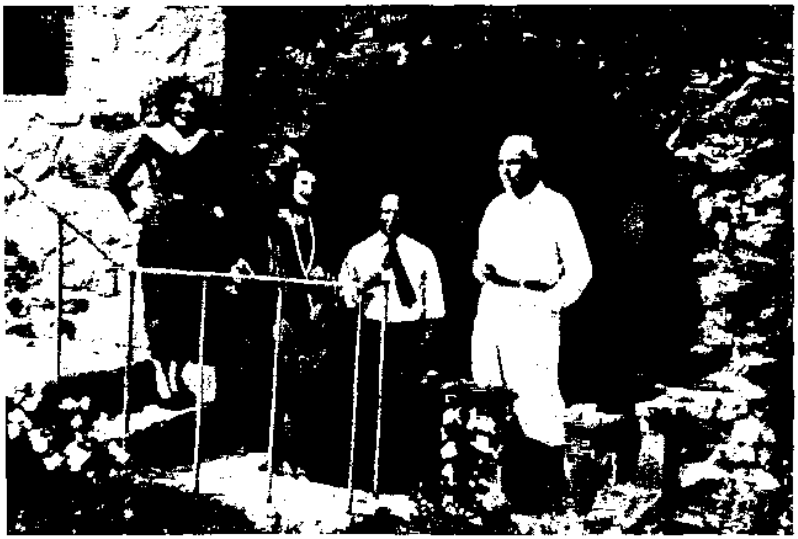
Во время сотрудничества в журнале «Американский наблюдатель». Слева направо: Смитт, Бойд, Натан и Драйзер.

Теодор Драйзер.

Маргарет Чедер.

Джордж Стирлинг.

«Ироки».



Во время одной из дружеских встреч в «Ироки».

Драйзер и Эдгар Ли Мастерс.

Мэйм и Ром, сестра и брат писателя.

Драйзер в «Ироки». 1938 год.

Теодор Драйзер и Элен Ричардсон на свадьбе лейтенанта Г. Смитта. 1945 год.

На церемонии вручения медалей Академии искусств и литературы. Слева направо: Д. Макклюр, У. Ретер, Т. Драйзер и П. Робсон. 1944 год.

Драйзер дает интервью. 1940 год.

Теодор Драйзер. 1943 год.

Теодор Драйзер. Рисунок Хюга Геллерта.